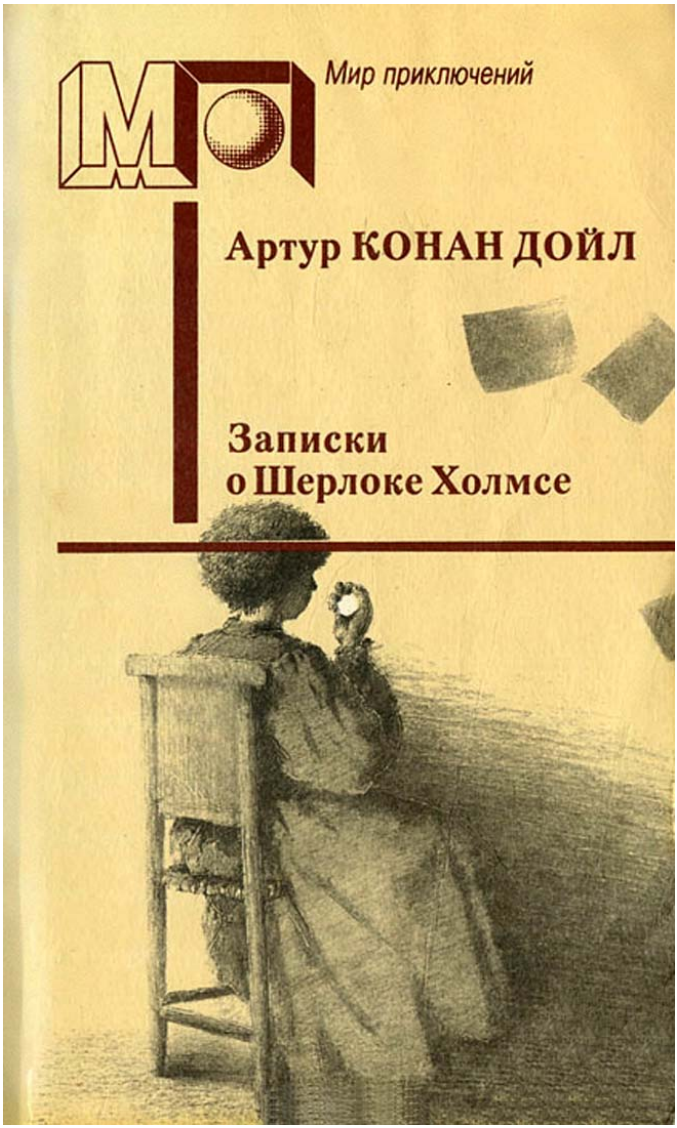


Аннотация

Герой, известный читателям всего мира сыщик, дает наглядные уроки логического мышления, приучает ориентироваться в окружающем мире, искореняет ротозейство, верхоглядство, равнодушие к мелким подробностям жизни.

ОБРЯД ДОМА МЕСГРЕЙВОВ

В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность: хотя в своей умственной работе он был точнейшим и аккуратнейшим из людей, а его одежда всегда отличалась не только опрятностью, но даже изысканностью, во всем остальном это было самое беспорядочное существо в мире, и его привычки могли свести с ума любого человека, живущего с ним под одной крышей.

Не то чтобы я сам был безупречен в этом отношении. Сумбурная работа в Афганистане, еще усилившая мое врожденное пристрастие к кочевой жизни, сделала меня более безалаберным, чем это позволительно для врача. Но все же моя неаккуратность имеет известные границы, и когда я вижу, что человек держит свои сигары в ведерке для угля, табак – в носке персидской туфли, а письма, которые ждут ответа, прикалывает перочинным ножом к деревянной доске над камином, мне, право же, начинает казаться, будто я образец всех добродетелей. Кроме того, я всегда считал, что стрельба из пистолета, бесспорно, относится к такого рода развлечениям, которыми можно заниматься только под открытым небом. Поэтому, когда у Холмса появлялась охота стрелять и он, усевшись в кресло с револьвером и патронташем, начинал украшать противоположную стену патриотическим вензелем «V. R.[1]» выводя его при помощи пуль, я особенно остро чувствовал, что это занятие отнюдь не улучшает ни воздух, ни внешний вид нашей квартиры.

---

[1] V. R. – Victoria Regina – королева Виктория (лат.)

Комнаты наши вечно были полны странных предметов, связанных с химией или с какой-нибудь уголовщиной, и эти реликвии постоянно оказывались в самых неожиданных местах, например, в масленке, а то и в еще менее подходящем месте. Однако больше всего мучили меня бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно если они были связаны с делами, в которых он когда-либо принимал участие, но вот разобрать свои бумаги и привести их в порядок – на это у него хватало мужества не чаще одного или двух раз в год. Где-то в своих бессвязных записках я, кажется, уже говорил, что приливы кипучей энергии, которые помогали Холмсу в замечательных расследованиях, прославивших его имя, сменялись у него периодами безразличия, полного упадка сил. И тогда он по целым дням лежал на диване со своими любимыми книгами, лишь изредка поднимаясь, чтобы поиграть на скрипке. Таким образом, из месяца в месяц бумаг накапливалось все больше и больше, и все углы были загромождены пачками рукописей. Жечь эти рукописи ни в коем случае не разрешалось, и никто, кроме их владельца, не имел права распоряжаться ими.

В один зимний вечер, когда мы сидели вдвоем у камина, я отважился намекнуть Холмсу, что, поскольку он кончил вносить записи в свою памятную книжку, пожалуй, не грех бы ему потратить часок-другой на то, чтобы придать нашей квартире более жилой вид. Он не мог не признать справедливости моей просьбы и с довольно унылой физиономией поплелся к себе в спальню. Вскоре он вышел оттуда, волоча за собой большой жестяной ящик. Поставив его посреди комнаты и усевшись перед ним на стул, он отки-

нул крышку. Я увидел, что ящик был уже на одну треть заполнен пачками бумаг, перевязанных красной тесьмой.

– Здесь немало интересных дел, Уотсон, – сказал он, лукаво посматривая на меня. – Если бы вы знали, что лежит в этом ящике, то, пожалуй, попросили бы меня извлечь из него кое-какие бумаги, а не укладывать туда новые.

– Так это отчеты о ваших прежних делах? – спросил я. – Я не раз жалел, что у меня нет записей об этих давних случаях.

– Да, мой дорогой Уотсон. Все они происходили еще до того, как у меня появился собственный биограф, вздумавший прославить мое имя.

Мягкими, ласкающими движениями он вынимал одну пачку за другой.

– Не все дела кончились удачей, Уотсон, – сказал он, – но среди них есть несколько прелюбопытных головоломок. Вот, например, отчет об убийстве Тарлтона. Вот дело Вамбери, виноторговца, и происшествие с одной русской старухой. Вот странная история алюминиевого костыля. Вот подробный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А это… вот это действительно прелестно.

Он сунул руку на самое дно ящика и вытащил деревянную коробочку с выдвижной крышкой, похожую на те, в каких продаются детские игрушки. Оттуда он вынул измятый листок бумаги, медный ключ старинного фасона, деревянный колышек с привязанным к нему мотком бечевки и три старых, заржавленных металлических кружка.

– Ну что, друг мой, как вам нравятся эти сокровища? – спросил он, улыбаясь недоумению, написанному на моем лице.

– Любопытная коллекция.

– Очень любопытная. А история, которая с ней связана, покажется вам еще любопытнее.

– Так у этих реликвий есть своя история?

– Больше того, – они сами – история.

– Что вы хотите этим сказать?

Шерлок Холмс разложил все эти предметы на краю стола, уселся в свое кресло и стал разглядывать их блестевшими от удовольствия глазами.

– Это все, – сказал он, – что я оставил себе на память об одном деле, связанном с «Обрядом дома Месгрейвов».

Холмс не раз упоминал и прежде об этом деле, но мне все не удавалось добиться от него подробностей.

– Как бы мне хотелось, чтобы вы рассказали об этом случае! – попросил я.

– И оставил весь этот хлам неубранным? – насмешливо возразил он. – А как же ваша любовь к порядку? Впрочем, я и сам хочу, чтобы вы приобщили к своим летописям это дело, потому что в нем есть такие детали, которые делают его уникальным в хронике уголовных преступлений не только в Англии, но и других стран. Коллекция моих маленьких подвигов была бы не полной без описания этой весьма оригинальной истории…

Вы, должно быть, помните, как происшествие с «Глорией Скотт» и мой разговор с тем несчастным стариком, о судьбе которого я вам рассказывал, впервые натолкнули меня на мысль о профессии, ставшей потом делом всей моей жизни. Сейчас мое имя стало широко известно. Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов.

Но даже и тогда, когда мы только что познакомились с вами – в то время я занимался делом, которое вы увековечили под названием «Этюд в багровых тонах», – у меня уже была довольно значительная, хотя и не очень прибыльная практика. И вы не можете себе представить, Уотсон, как трудно мне приходилось вначале, и как долго я ждал успеха.

Когда я впервые приехал в Лондон, я поселился на Монтегю-стрит, совсем рядом с Британским музеем, и там я жил, заполняя свой досуг – а его у меня было даже чересчур много – изучением всех тех отраслей знания, какие могли бы мне пригодиться в моей профессии. Время от времени ко мне обращались за советом – преимущественно по рекомендации бывших товарищей студентов, потому что в последние годы моего пребывания в университете там немало говорили обо мне и моем методе. Третье дело, по которому ко мне обратились, было дело «Дома Месгрейвов», и тот интерес, который привлекла к себе эта цепь странных событий, а также те важные последствия, какие имело мое вмешательство, и явились первым шагом на пути к моему нынешнему положению.

Реджинальд Месгрейв учился в одном колледже со мной, и мы были с ним в более или менее дружеских отношениях. Он не пользовался особенной популярностью в нашей среде, хотя мне всегда казалось, что высокомерие, в котором его обвиняли, было лишь попыткой прикрыть крайнюю застенчивость. По наружности это был типичный аристократ: тонкое лицо, нос с горбинкой, большие глаза, небрежные, но изысканные манеры. Это и в самом деле был отпрыск одного из древнейших родов королевства,

хотя и младший его ветви, которая еще в шестнадцатом веке отделилась от северных Месгрейвов и обосновалась в Западном Суссексе, а замок Харлстон – резиденция Месгрейвов – является, пожалуй, одним из самых старинных зданий графства. Казалось, дом, где он родился, оставил свой отпечаток на внешности этого человека, и когда я смотрел на его бледное, с резкими чертами лицо и горделивую осанку, мне всегда невольно представлялись серые башенные своды, решетчатые окна и все эти благородные остатки феодальной архитектуры. Время от времени нам случалось беседовать, и, помнится, всякий раз он живо интересовался моими методами наблюдений и выводов.

Мы не виделись года четыре, и вот однажды утром он явился ко мне на Монтегю-стрит. Изменился он мало, одет был прекрасно – он всегда был немного франтоват – и сохранил спокойное изящество, отличавшее его и прежде.

– Как поживаете, Месгрейв? – спросил я после того, как мы обменялись дружеским рукопожатием.

– Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца, – сказал он. – Это случилось около двух лет назад. Разумеется, мне пришлось тогда взять на себя управление Харлстонским поместьем. Кроме того, я депутат от своего округа, так что человек я занятой. А вы. Холмс, говорят, решили применить на практике те выдающиеся способности, которыми так удивляли нас в былые времена?

– Да, – ответил я, – теперь я пытаюсь зарабатывать на хлеб с помощью собственной смекалки.

– Очень рад это слышать, потому что ваш совет был бы сейчас просто драгоценен для меня. У нас в Харлстоне произошли странные вещи, и полиции не удалось ничего выяснить. Это настоящая головоломка.

Можете себе представить, с каким чувством я слушал его, Уотсон. Ведь случай, тот самый случай, которого я с таким жгучим нетерпением ждал в течение этих месяцев бездейственности, наконец-то, казалось мне, был передо мной. В глубине души я всегда был уверен, что могу добиться успеха там, где другие потерпели неудачу, и теперь мне представлялась возможность испытать самого себя.

– Расскажите мне все подробности! – вскричал я.

Реджинальд Месгрейв сел против меня и закурил папиросу.

– Надо вам сказать, – начал он, – что хоть я и не женат, мне приходится держать в Харлстоне целый штат прислуги. Замок очень велик, выстроен он крайне бестолково и потому нуждается в постоянном присмотре. Кроме того, у меня есть заповедник, и в сезон охоты на фазанов в доме обычно собирается большое общество, что тоже требует немало слуг. Всего у меня восемь горничных, повар, дворецкий, два лакея и мальчуган на посылках. В саду и при конюшне имеются, конечно, свои рабочие.

Из этих людей дольше всех прослужил в нашей семье Брайтон, дворецкий. Когда отец взял его к себе, он был молодым школьным учителем без места, и вскоре благодаря своему сильному характеру и энергии он сделался незаменимым в нашем доме. Это рослый, красивый мужчина с великолепным лбом, и хотя он прожил у нас лет около двадцати, ему и сейчас на вид не больше сорока. Может показаться странным, что при такой привлекательной наружности и необычайных способностях – он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах – он так долго удовлетворялся

своим скромным положением, но, видимо, ему жилось хорошо, и он не стремился ни к каким переменам. Харлстонский дворецкий всегда обращал на себя внимание всех наших гостей.

Но у этого совершенства есть один недостаток: он немного Дон Жуан и, как вы понимаете, в нашей глуши ему не слишком трудно играть эту роль.

Все шло хорошо, пока он был женат, но когда его жена умерла, он стал доставлять нам немало хлопот. Правда, несколько месяцев назад мы уже успокоились и решили, что все опять наладится: Брайтон обручился с Рэчел Хауэлз, нашей младшей горничной. Однако вскоре он бросил ее ради Дженет Треджелис, дочери старшего егеря. Рэчел – славная девушка, но очень горячая и неуравновешенная, как все вообще уроженки Уэльса. У нее началось воспаление мозга, и она слегла, но потом выздоровела и теперь ходит – вернее, ходила до вчерашнего дня – как тень; у нее остались одни глаза.

Такова была наша первая драма в Харлстоне, но вторая быстро изгладила ее из нашей памяти, тем более, что этой второй предшествовало еще одно большое событие: дворецкий Брайтон был с позором изгнан из нашего дома.

Вот как это произошло. Я уже говорил вам, что Брайтон очень умен, и, как видно, именно ум стал причиной его гибели, ибо в нем проснулось жадное любопытство к вещам, не имевшим к нему никакого отношения. Мне и в голову не приходило, что оно может завести его так далеко, но случай открыл мне глаза.

Как я уже говорил, наш дом выстроен очень бестолково: в нем множество всяких ходов и переходов. На про-

шлой неделе – точнее, в прошлый четверг ночью – я никак не мог уснуть, потому что по глупости выпил после обеда чашку крепкого черного кофе. Промучившись до двух часов ночи и почувствовав, что все равно не засну, я наконец встал и зажег свечу, чтобы продолжить чтение начатого романа. Но оказалось, что книгу я забыл в бильярдной, поэтому, накинув халат, я отправился за нею.

Чтобы добраться до бильярдной, мне надо было спуститься на один лестничный пролет и пересечь коридор, ведущий в библиотеку и в оружейную. Можете вообразить себе мое удивление, когда, войдя в этот коридор, я увидел слабый свет, падавший из открытой двери библиотеки! Перед тем как лечь в постель, я сам погасил там лампу и закрыл дверь. Разумеется, первой моей мыслью было, что к нам забрались воры. Стены всех коридоров в Харлстоне украшены старинным оружием – это военные трофеи моих предков. Схватив с одной из стен алебарду, я поставил свечу на пол, прокрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь библиотеки.

Дворецкий Брайтон, совершенно одетый, сидел в кресле. На коленях у него был разложен лист бумаги, похожий на географическую карту, и он смотрел на него в глубокой задумчивости. Остолбенев от изумления, я не шевелился и наблюдал за ним из темноты. Комната была слабо освещена огарком свечи. Вдруг Брайтон встал, подошел к бюро, стоявшему у стены, отпер его и выдвинул один из ящиков. Вынув оттуда какую-то бумагу, он снова сел на прежнее место, положил ее на стол возле свечи, разгладил и стал внимательно рассматривать. Это спокойное изучение наших фамильных документов привело

меня в такую ярость, что я не выдержал, шагнул вперед, и Брайтон увидел, что я стою в дверях. Он вскочил, лицо его позеленело от страха, и он поспешно сунул в карман похожий на карту лист бумаги, который только что изучал.

«Отлично! – сказал я. – Вот как вы оправдываете наше доверие! С завтрашнего дня вы уволены».

Он поклонился с совершенно подавленным видом и проскользнул мимо меня, не сказав ни слова. Огарок остался на столе, и при его свете я разглядел бумагу, которую Брайтон вынул из бюро. К моему изумлению, оказалось, что это не какой-нибудь важный документ, а всего лишь копия с вопросов и ответов, произносимых при выполнении одного оригинального старинного обряда, который называется у нас «Обряд дома Месгрейвов». Вот уже несколько веков каждый мужчина из нашего рода, достигнув совершеннолетия, выполняет известный церемониал, который представляет интерес только для членов нашей семьи или, может быть, для какого-нибудь археолога – как вообще вся наша геральдика, – но никакого практического применения иметь не может.

– К этой бумаге мы еще вернемся, – сказал я Месгрейву.

– Если вы полагаете, что это действительно необходимо… – с некоторым колебанием ответил мой собеседник. – Итак, я продолжаю изложение фактов. Замкнув бюро ключом, который оставил Брайтон, я уже собирался было уходить, как вдруг с удивлением увидел, что дворецкий вернулся и стоит передо мной.

«Мистер Месгрейв, – вскричал он голосом, хриплым от волнения, – я не вынесу бесчестья! Я человек маленький,

но гордость у меня есть, и бесчестье убьет меня. Смерть моя будет на вашей совести, сэр, если вы доведете меня до отчаяния! Умоляю вас, если после того, что случилось, вы считаете невозможным оставить меня в доме, дайте мне месяц сроку, чтобы я мог сказать, будто ухожу добровольно. А быть изгнанным на глазах у всей прислуги, которая так хорошо меня знает, – нет, это выше моих сил!»

«Вы не стоите того, чтобы с вами особенно церемонились, Брайтон, – ответил я. – Ваш поступок просто возмутителен. Но так как вы столько времени прослужили в нашей семье, я не стану подвергать вас публичному позору. Однако месяц – это слишком долго. Можете уйти через неделю и под каким хотите предлогом».

«Через неделю, сэр? – вскричал он с отчаянием. – О, дайте мне хотя бы две недели!»

«Через неделю, – повторил я, – и считайте, что с вами обошлись очень мягко».

Низко опустив голову, он медленно побрел прочь, совершенно уничтоженный, а я погасил свечу и пошел к себе.

В течение двух следующих дней Брайтон самым тщательным образом выполнял свои обязанности. Я не напоминал ему о случившемся и с любопытством ждал, что он придумает, чтобы скрыть свой позор. Но на третий день он, вопреки обыкновению, не явился ко мне за приказаниями. После завтрака, выходя из столовой, я случайно увидел горничную Рэчел Хауэлз. Как я уже говорил вам, она только недавно оправилась после болезни и сейчас была так бледна, у нее был такой изнуренный вид, что я даже пожурил ее за то, что она начала работать.

«Напрасно вы встали с постели, – сказал я. – Приметесь за работу, когда немного окрепнете».

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что я подумал, уж не подействовала ли болезнь на ее рассудок.

«Я уже окрепла, мистер Месгрейв», – ответила она.

«Посмотрим, что скажет врач, – возразил я. – А пока что бросьте работу и идите вниз. Кстати, скажите Брайтону, чтобы он зашел ко мне».

«Дворецкий пропал», – сказала она.

«Пропал?! То есть как пропал?»

«Пропал. Никто не видел его. В комнате его нет. Он пропал, да-да, пропал!»

Она прислонилась к стене и начала истерически хохотать, а я, напуганный этим внезапным припадком, подбежал к колокольчику и позвал на помощь. Девушку увели в ее комнату, причем она все еще продолжала хохотать и рыдать, я же стал расспрашивать о Брайтоне. Сомнения не было: он исчез. Постель оказалась нетронутой, и никто не видел его с тех пор, как он ушел к себе накануне вечером. Однако трудно было бы себе представить, каким образом он мог выйти из дому, потому что утром и окна и двери оказались запертыми изнутри. Одежда, часы, даже деньги Брайтона – все было в его комнате, все, кроме черной пары, которую он обыкновенно носил. Не хватало также комнатных туфель, но сапоги были налицо. Куда же мог уйти ночью дворецкий Брайтон, и что с ним сталось?

Разумеется, мы обыскали дом и все службы, но нигде не обнаружили его следов. Повторяю, наш дом – это настоящий лабиринт, особенно самое старое крыло, теперь уже необитаемое, но все же мы обыскали каждую комнату и даже чердаки. Все наши поиски оказались безрезультат-

ными. Мне просто не верилось, чтобы Брайтон мог уйти из дому, оставив все свое имущество, но ведь все-таки он ушел, и с этим приходилось считаться. Я вызвал местную полицию, но ей не удалось что-либо обнаружить. Накануне шел дождь, и осмотр лужаек и дорожек вокруг дома ни к чему не привел. Так обстояло дело, когда новое событие отвлекло наше внимание от этой загадки.

Двое суток Рэчел Хауэлз переходила от бредового состояния к истерическим припадкам. Она была так плоха, что приходилось на ночь приглашать к ней сиделку. На третью ночь после исчезновения Брайтона сиделка, увидев, что больная спокойно заснула, тоже задремала в своем кресле. Проснувшись рано утром, она увидела, что кровать пуста, окно открыто, а пациентка исчезла. Меня тотчас разбудили, я взял с собой двух лакеев и отправился на поиски пропавшей. Мы легко определили, в какую сторону она убежала: начинаясь от окна, по газону шли следы, которые кончались у пруда рядом с посыпанной гравием дорожкой, выводившей из наших владений. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины; вы можете себе представить, какое чувство охватило нас, когда мы увидели, что отпечатки ног бедной безумной девушки обрывались у самой воды. Разумеется, мы немедленно вооружились баграми и принялись разыскивать тело утопленницы, но не нашли его. Зато мы извлекли на поверхность другой, совершенно неожиданный предмет. Это был полотняный мешок, набитый обломками старого, заржавленного, потерявшего цвет металла и какими-то тусклыми осколками не то гальки, не то стекла. Кроме этой странной добычи, мы не нашли в пруду решительно ничего и, несмотря на все

наши вчерашние поиски и расспросы, так ничего и не узнали ни о Рэчел Хауэлз, ни о Ричарде Брайтоне. Местная полиция совершено растерялась, и теперь последняя моя надежда на вас».

Можете себе представить, Уотсон, с каким интересом выслушал я рассказ об этих необыкновенных событиях, как хотелось мне связать их в единое целое и отыскать путеводную нить, которая привела бы к разгадке!

Дворецкий исчез. Горничная исчезла. Прежде горничная любила дворецкого, но потом имела основания возненавидеть его. Она была уроженка Уэльса, натура необузданная и страстная. После исчезновения дворецкого она была крайне возбуждена. Она бросила в пруд мешок с весьма странным содержимым. Каждый из этих фактов заслуживал внимания, но ни один из них не объяснял сути дела. Где я должен был искать начало этой запутанной цепи событий? Ведь предо мной было лишь последнее ее звено…

– Месгрейв, – сказал я, – мне необходимо видеть документ, изучение которого ваш дворецкий считал настолько важным, что даже пошел ради него на риск потерять место.

– В сущности, этот наш обряд – чистейший вздор, – ответил он, – и единственное, что его оправдывает, – это его древность. Я захватил с собой копию вопросов и ответов на случай, если бы вам вздумалось взглянуть на них.

Он протянул мне тот самый листок, который вы видите у меня в руках, Уотсон. Этот обряд нечто вроде экзамена, которому должен был подвергнуться каждый мужчина из

рода Месгрейвов, достигший совершеннолетия. Сейчас я прочитаю вам вопросы и ответы в том порядке, в каком они записаны здесь:

«Кому это принадлежит?»

«Тому, кто ушел».

«Кому это будет принадлежать?»

«Тому, кто придет».

«В каком месяцу это было?»

«В шестом, начиная с первого».

«Где было солнце?»

«Над дубом».

«Где была тень?»

«Под вязом».

«Сколько надо сделать шагов?»

«На север – десять и десять, на восток – пять и пять, на юг – два и два, на запад – один и один и потом вниз».

«Что мы отдадим за это?»

«Все, что у нас есть».

«Ради чего отдадим мы это?»

«Во имя долга».

– В подлиннике нет даты, – заметил Месгрейв, – но, судя по его орфографии, он относится к середине семнадцатого века. Боюсь, впрочем, что он мало поможет нам в раскрытии нашей тайны.

– Зато он ставит перед нами вторую загадку, – ответил я, – еще более любопытную. И возможно, что, разгадав ее, мы тем самым разгадаем и первую. Надеюсь, что не обидитесь на меня, Месгрейв, если я скажу, что ваш дворецкий, по-видимому, очень умный человек и обладает большой проницательностью и чутьем, чем десять поколений его господ.

– Признаться, я вас не понимаю, – ответил Месгрейв. – Мне кажется, что эта бумажка не имеет никакого практического значения.

– А мне она кажется чрезвычайно важной именно в практическом отношении, и, как видно, Брайтон был того же мнения. По всей вероятности, он видел ее и до той ночи, когда вы застали его в библиотеке.

– Вполне возможно. Мы никогда не прятали ее.

– По-видимому, на этот раз он просто хотел освежить в памяти ее содержание. Насколько я понял, он держал в руках какую-то карту или план, который сравнивал с манускриптом и немедленно сунул в карман, как только увидел вас?

– Совершенно верно. Но зачем ему мог понадобиться наш старый семейный обряд, и что означает весь этот вздор?

– Полагаю, что мы можем выяснить это без особого труда, – ответил я. – С вашего позволения, мы первым же поездом отправимся с вами в Суссекс и разберемся в деле уже на месте.

Мы прибыли в Харлстон в тот же день. Вам, наверно, случалось, Уотсон, видеть изображение этого знаменитого древнего замка или читать его описания, поэтому я скажу лишь, что он имеет форму буквы «L», причем длинное крыло его является более современным, а короткое – более древним, так сказать, зародышем, из которого и выросло все остальное. Над низкой массивной дверью в центре старинной части высечена дата «1607», но знатоки единодушно утверждают, что деревянные балки и каменная кладка значительно старше. В прошлом веке чудовищно

толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили наконец владельцев выстроить новое крыло, и старое теперь служит лишь кладовой и погребом, а то и вовсе пустует. Вокруг здания великолепный парк с прекрасными старыми деревьями. Озеро же или пруд, о котором упоминал мой клиент, находится в конце аллеи, в двухстах ярдах от дома.

К этому времени у меня уже сложилось твердое убеждение, Уотсон, что тут не было трех отдельных загадок, а была только одна и что если бы мне удалось вникнуть в смысл обряда Месгрейвов, это дало бы мне ключ к тайне исчезновения обоих – и дворецкого Брайтона, и горничной Хауэлз. На это я и направил все силы своего ума. Почему Брайтон так стремился проникнуть в суть этой старинной формулы? Очевидно, потому, что он увидел в ней нечто ускользнувшее от внимания всех поколений родовитых владельцев замка – нечто такое, из чего он надеялся извлечь какую-то личную выгоду. Что же это было, и как это могло отразиться на дальнейшей судьбе дворецкого?

Когда я прочитал бумагу, мне стало совершенно ясно, что все цифры относятся к какому-то определенному месту, где спрятано то, о чем говорится в первой части документа, и что если бы мы нашли это место, мы оказались бы на верном пути к раскрытию тайны – той самой тайны, которую предки Месгрейвов сочли нужным облечь в столь своеобразную форму. Для начала поисков нам даны были два ориентира: дуб и вяз. Что касается дуба, то тут не могло быль никаких сомнений. Прямо перед домом, слева от дороги, стоял дуб, дуб-патриарх, одно из великолепнейших деревьев, какие мне когда-либо приходилось видеть.

– Он уже существовал, когда был записан ваш «обряд»? – спросил я у Месгрейва.

– По всей вероятности, этот дуб стоял здесь еще во времена завоевания Англии норманнами, – ответил он. – Он имеет двадцать три фута в обхвате.

Таким образом, один из нужных мне пунктов был выяснен.

– Есть у вас здесь старые вязы? – спросил я.

– Был один очень старый, недалеко отсюда, но десять лет назад в него ударила молния, и пришлось срубить его под корень.

– Но вы знаете то место, где он рос прежде?

– Ну, конечно, знаю.

– А других вязов поблизости нет?

– Старых нет, а молодых очень много.

– Мне бы хотелось взглянуть, где он рос.

Мы приехали в двуколке, и мой клиент сразу, не заходя в дом, повез меня к тому месту на лужайке, где когда-то рос вяз. Это было почти на полпути между дубом и домом.

Пока что мои поиски шли успешно.

– По всей вероятности, сейчас уже невозможно определись высоту этого вяза? – спросил я.

– Могу вам ответить сию же минуту: в нем было шестьдесят четыре фута.

– Как вам удалось узнать это? – воскликнул я с удивлением.

– Когда мой домашний учитель задавал мне задачи по тригонометрии, они всегда были построены на измерениях высоты. Поэтому я еще мальчиком измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Вот это была неожиданная удача! Нужные мне сведения пришли ко мне быстрее, чем я мог рассчитывать.

– А скажите, пожалуйста, ваш дворецкий никогда не задавал вам такого же вопроса? – спросил я.

Реджинальд Месгрейв взглянул на меня с большим удивлением.

– Теперь я припоминаю, – сказал он, – что несколько месяцев назад Брайтон действительно спрашивал меня о высоте этого дерева. Кажется, у него вышел какой-то спор с грумом.

Это было превосходное известие, Уотсон. Значит, я был на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно уже заходило, и я рассчитал, что меньше чем через час оно окажется как раз над ветвями старого дуба. Итак, одно условие, упомянутое в документе, будет выполнено. Что касается тени от вяза, то речь шла, очевидно, о самой дальней ее точке – в противном случае указателем направления избрали бы не тень, а ствол. И, следовательно, теперь мне нужно было определить, куда падал конец тени от вяза в тот момент, когда солнце оказывалось прямо над дубом…

– Это, как видно, было нелегким делом, Холмс? Ведь вяза-то уже не существовало.

– Конечно. Но я знал, что если Брайтон мог это сделать, то смогу и я. А кроме того, это было не так уж трудно. Я пошел вместе с Месгрейвом в его кабинет и вырезал себе вот этот колышек, к которому привязал длинную веревку сделав не ней узелки, отмечающие каждый ярд. Затем я связал вместе два удилища, что дало мне шесть футов, и мы с моим клиентом отправились обратно к тому месту, где когда-то рос вяз. Солнце как раз касалось в эту минуту

вершины дуба. Я воткнул свой шест в землю, отметил направление тени и измерил ее. В ней было девять футов.

Дальнейшие мои вычисления были совсем уж несложны. Если палка высотой в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево высотой в шестьдесят четыре фута отбросит тень в девяносто шесть футов, и направление той и другой, разумеется, будет совпадать. Я отмерил это расстояние. Оно привело меня почти к самой стене дома, и я воткнул там колышек. Вообразите мое торжество, Уотсон, когда в двух дюймах от колышка я увидел в земле конусообразное углубление! Я понял, что это была отметина, сделанная Брайтоном при его измерении, и что я продолжаю идти по его следам.

От этой исходной точки я начал отсчитывать шаги, предварительно определив с помощью карманного компаса, где север, где юг. Десять шагов и еще десять шагов (очевидно имелось в виду, что каждая нога делает поочередно по десять шагов) в северном направлении повели меня параллельно стене дома, и, отсчитав их, я снова отметил место своим колышком. Затем я тщательно отсчитал пять и пять шагов на восток, потом два и два – к югу, и они привели меня к самому порогу старой двери. Оставалось сделать один и один шаг на запад, но тогда мне пришлось бы пройти эти шаги по выложенному каменными плитами коридору. Неужто это и было место, указанное в документе?

Никогда в жизни я не испытывал такого горького разочарования, Уотсон. На минуту мне показалось, что в мои вычисления вкралась какая-то существенная ошибка. Заходящее солнце ярко освещало своими лучами пол кори-

дора, и я видел, что эти старые, избитые серые плиты были плотно спаяны цементом и, уж конечно, не сдвигались с места в течение многих и многих лет. Нет, Брайтон не прикасался к ним, это было ясно. Я постучал по полу в нескольких местах, но звук получался одинаковый повсюду, и не было никаких признаков трещины или щели. К счастью, Месгрейв, который начал вникать в смысл моих действий и был теперь не менее взволнован, чем я, вынул документ, чтобы проверить мои расчеты

– И вниз! – вскричал он. – Вы забыли об этих словах: «и вниз».

Я думал, это означало, что в указанном месте надо будет копать землю, но теперь мне сразу стало ясно, что я ошибся.

– Так, значит, у вас внизу есть подвал? – воскликнул я.

– Да, и он ровесник этому дому. Скорее вниз, через эту дверь!

По винтовой каменной лестнице мы спустились вниз, и мой спутник, чиркнув спичкой, зажег большой фонарь, стоявший на бочке в углу. В то же мгновение мы убедились, что попали туда, куда нужно, и что кто-то недавно побывал здесь до нас.

В этом подвале хранились дрова, но поленья, которые, как видно, покрывали прежде весь пол, теперь были отодвинуты к стенкам, освободив пространство посередине. Здесь лежала широкая и тяжелая каменная плита с заржавленным железным кольцом в центре, а к кольцу был привязан плотный клетчатый шарф.

– Черт возьми, это шарф Брайтона! – вскричал Месгрейв. – Я не раз видел этот шарф у него шее. Но что он мог здесь делать, этот негодяй?

По моей просьбе были вызваны два местных полисмена, и в их присутствии я сделал попытку приподнять плиту, ухватившись за шарф. Однако я лишь слегка пошевелил ее, и только с помощью одного из констеблей мне удалось немного сдвинуть ее в сторону. Под плитой была черная яма, и все мы заглянули в нее. Месгрейв, стоя на коленях, опустил свой фонарь вниз.

Мы увидели узкую квадратную каморку глубиной около семи футов, шириной и длиной около четырех. У стены стоял низкий, окованный медью деревянный сундук с откинутой крышкой; в замочной скважине торчал вот этот самый ключ – забавный и старомодный. Снаружи сундук был покрыт толстым слоем пыли. Сырость и черви до того изъели дерево, что оно поросло плесенью даже изнутри. Несколько металлических кружков, таких же, какие вы видите здесь, – должно быть, старинные монеты – валялись на дне. Больше в нем ничего не было.

Однако в первую минуту мы не смотрели на старый сундук – глаза наши были прикованы к тому, что находилось рядом. Какой-то мужчина в черном костюме сидел на корточках, опустив голову на край сундука и обхватив его обеими руками. Лицо этого человека посинело и было искажено до неузнаваемости, но, когда мы приподняли его, Реджинальд Месгрейв по росту, одежде и волосам сразу узнал в нем своего пропавшего дворецкого. Брайтон умер уже несколько дней назад, но на теле у него не было ни ран, ни кровоподтеков, которые могли бы объяснить его страшный конец. И когда мы вытащили труп из подвала, то оказались перед загадкой, пожалуй, не менее головоломной, чем та, которую мы только что разрешили…

Признаюсь, Уотсон, пока что я был обескуражен результатами своих поисков. Я предполагал, что стоит мне найти место, указанное в древнем документе, как все станет ясно само собой, но вот я стоял здесь, на этом месте, и разгадка тайны, так тщательно скрываемой семейством Месгрейвов была, по-видимому, столь же далека от меня, как и раньше. Правда, я пролил свет на участь Брайтона, но теперь мне предстояло еще выяснить, каким образом постигла его эта участь и какую роль сыграла во всем этом исчезнувшая женщина. Я присел на бочонок в углу и стал еще раз перебирать в уме все подробности случившегося…

Вы знаете мой метод в подобных случаях, Уотсон: я ставлю себя на место действующего лица и, прежде всего уяснив для себя его умственный уровень, пытаюсь вообразить, как бы я сам поступил при аналогичных обстоятельствах. В этом случае дело упрощалось: Брайтон был человек незаурядного ума, так что мне не приходилось принимать в расчет разницу между уровнем его и моего мышления. Брайтон знал, что где-то было спрятано нечто ценное. Он определил это место. Он убедился, что камень, закрывающий вход в подземелье, слишком тяжел для одного человека. Что он сделал потом? Он не мог прибегнуть к помощи людей посторонних. Ведь даже если бы нашелся человек, которому он мог бы довериться, пришлось бы отпирать ему наружные двери, а это было сопряжено со значительным риском. Удобнее было бы найти помощника внутри дома. Но к кому мог обратиться Брайтон? Та девушка была когда-то преданна ему. Мужчина, как бы скверно не поступил он с женщиной никогда не верит, что ее любовь окончательно потеряна для него. Очевидно,

оказывая Рэчел мелкие знаки внимания Брайтон попытался помириться с ней, а потом уговорил ее сделаться его сообщницей. Ночью они вместе спустились в подвал, и объединенными усилиями им удалось сдвинуть камень. До этой минуты их действия были мне так ясны, как будто я наблюдал их собственными глазами.

Но и для двух человек, особенно если один из них женщина, вероятно, это была нелегкая работа. Даже нам – мне и здоровенному полисмену из Суссекса – стоило немалых трудов сдвинуть эту плиту. Что же они сделали, чтобы облегчить свою задачу? Да, по-видимому, то же, что сделал бы и я на их месте. Тут я встал, внимательно осмотрел валявшиеся на полу дрова и почти сейчас же нашел то, что ожидал найти. Одно полено длиной около трех футов было обломано на конце, а несколько других сплющены: видимо, они испытали на себе действие значительной тяжести. Должно быть, приподнимая плиту, Брайтон и его помощница вводили эти поленья в щель, пока отверстие не расширилось настолько, что в него уже можно было проникнуть, а потом подперли плиту еще одним поленом, поставив его вертикально, так что оно вполне могло обломаться на нижнем конце – ведь плита давила на него всем своим весом. Пока что все мои предположения были как будто вполне обоснованы.

Как же должен был я рассуждать дальше, чтобы полностью восстановить картину ночной драмы? Ясно, что в яму мог забраться только один человек, и, конечно, это был Брайтон. Девушка, должно быть, ждала наверху. Брайтон отпер сундук и передал ей его содержимое (это было очевидно, так как ящик оказался пустым), а потом… что же произошло потом?

Быть может, жажда мести, тлевшая в душе этой пылкой женщины, разгорелась ярким пламенем, когда она увидела, что ее обидчик – а обида, возможно, была гораздо сильнее, чем мы могли подозревать, – находится теперь в ее власти. Случайно ли упало полено и каменная плита замуровала Брайтона в этом каменном гробу? Если так, Рэчел виновна лишь в том, что умолчала о случившемся. Или она намеренно вышибла подпорку, и сама захлопнула ловушку? Так или иначе, но я словно видел перед собой эту женщину: прижимая к груди найденное сокровище, она летела вверх по ступенькам винтовой лестницы, убегая от настигавших ее заглушенных стонов и отчаянного стука в каменную плиту, под которой задыхался ее неверный возлюбленный.

Вот в чем была разгадка ее бледности, ее возбуждения, приступов истерического смеха на следующее утро. Но что же все-таки было в сундуке? Что сделала девушка с его содержимым? Несомненно, это были те самые обломки старого металла и осколки камней, которые она при первой же возможности бросила в пруд, чтобы скрыть следы своего преступления…

Минут двадцать я сидел неподвижно, в глубоком раздумье. Месгрейв, очень бледный, все еще стоял, раскачивая фонарь, и глядел вниз, в яму.

– Это монеты Карла Первого[2], – сказал он, протягивая мне несколько кружочков, вынутых из сундука. – Видите, мы правильно определили время возникновения нашего «обряда».

---

[2] Карл I (1600-1685) – английский король (1625-1649). Казнен 30 января 1649 года во время Английской буржуазной революции.

– Пожалуй, мы найдем еще кое-что, оставшееся от Карла Первого! – вскричал я, вспомнив вдруг первые два вопроса документа. – Покажите-ка мне содержимое мешка, который вам удалось выудить в пруду.

Мы поднялись в кабинет Месгрейва, и он разложил передо мной обломки. Взглянув на них, я понял, почему Месгрейв не придал им никакого значения: металл был почти черен, а камешки бесцветны и тусклы. Но я потер один из них о рукав, и он засверкал, как искра, у меня на ладони. Металлические части имели вид двойного обруча, но они были погнуты, перекручены и почти потеряли свою первоначальную форму.

– Вы, конечно, помните, – сказал я Месгрейву, – что партия короля главенствовала в Англии даже и после его смерти. Очень может быть, что перед тем, как бежать, ее члены спрятали где-нибудь самые ценные вещи, намереваясь вернуться за ними в более спокойные времена.

– Мой предок, сэр Ральф Месгрейв, занимал видное положение при дворе и был правой рукой Карла Второго[3] во время его скитаний.

– Ах, вот что! – ответил я. – Прекрасно. Это дает нам последнее, недостающее звено. Поздравляю вас, Месгрейв! Вы стали обладателем – правда, при весьма трагических обстоятельствах – одной реликвии, которая представляет собой огромную ценность и сама по себе и как историческая редкость.

– Что же это такое? – спросил он, страшно взволнованный.

---

[3] Карл II (1630-1685) – английский король (1660-1685), сын Карла 1.

– Не более не менее, как древняя корона английских королей.

– Корона?!

– Да, корона. Вспомните, что говорится в документе: «Кому это принадлежит?» «Тому, кто ушел». Это было написано после казни Карла Первого. «Кому это будет принадлежать?» «Тому, кто придет». Речь шла о Карле Втором, чье восшествие на престол уже предвиделось в то время. Итак, вне всяких сомнений, эта измятая и бесформенная диадема венчала головы королей из династии Стюартов.

– Но как же она попала в пруд?

– А вот на этот вопрос не ответишь в одну минуту.

И я последовательно изложил Месгрейву весь ход моих предположений и доказательств. Сумерки сгустились, и луна уже ярко сияла в небе, когда я кончил свой рассказ.

– Но интересно почему же Карл Второй не получил обратно свою корону, когда вернулся? – спросил Месгрейв, снова засовывая в полотняный мешок свою реликвию.

– О, тут вы поднимаете вопрос, который мы с вами вряд ли сможем когда-либо разрешить. Должно быть, тот Месгрейв, который был посвящен в тайну, оставил перед смертью своему преемнику этот документ в качестве руководства, но совершил ошибку, не объяснив ему его смысла. И с этого дня вплоть до нашего времени документ переходил от отца к сыну, пока наконец не попал в руки человека, который сумел вырвать его тайну, но поплатился за это жизнью…

Такова история «Обряда дома Месгрейвов», Уотсон. Корона и сейчас находится в Харлстоне, хотя владельцам

замка пришлось немало похлопотать и заплатить порядочную сумму денег, пока они не получили официального разрешения оставить ее у себя. Если вам вздумается взглянуть на нее, они, конечно, с удовольствием ее покажут, стоит вам только назвать мое имя.

Что касается той женщины, она бесследно исчезла. По всей вероятности, она покинула Англию и унесла в заморские края память о своем преступлении.

ШЕСТЬ НАПОЛЕОНОВ

Мистер Лестрейд, сыщик из Скотланд-Ярда, нередко навещал нас по вечерам. Шерлок Холмс охотно принимал его. Лестрейд приносил всевозможные полицейские новости, а Холмс в благодарность за это выслушивал подробные рассказы о тех делах, которые были поручены сыщику, и как бы невзначай давал ему советы, черпая их из сокровищницы своего опыта и обширных познаний.

Но в этот вечер Лестрейд говорил только о погоде и о газетных известиях. Потом он вдруг умолк и стал задумчиво сдувать пепел с сигареты. Холмс пристально посмотрел на него.

– У вас есть для меня какое-то интересное дело?

– О нет, мистер Холмс, ничего интересного!

– В таком случае, расскажите.

Лестрейд рассмеялся:

– От вас ничего не скроешь, мистер Холмс. У меня действительно есть на примете один случай, но такой пустяковый, что я не хотел утруждать вас. Впрочем, пустяк-то пустяк, однако довольно странный пустяк, а я знаю,

что вас особенно тянет ко всему необычному. Хотя, по правде сказать, это дело, скорее всего, должно бы занимать доктора Уотсона, а не нас с вами.

– Болезнь? – спросил я.

– Сумасшествие. И притом довольно странное сумасшествие. Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадется на глаза.

Холмс откинулся на спинку кресла:

– Это дело не по моей части.

– Вот-вот, я так и говорил. Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам.

Холмс выпрямился снова:

– Кража со взломом! Это куда любопытнее. Расскажите же мне все до малейшей подробность.

Лестрейд вытащил служебную записную книжку и перелистал ее, чтобы освежить свою память.

– О первом случае нам сообщили четыре дня назад, – сказал он. – Случай этот произошел в лавке Морза Хэдсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-роуд. Приказчик на минуту вышел из магазина и вдруг услышал какой-то треск. Он поспешил назад и увидел, что гипсовый бюст Наполеона, стоявший на прилавке вместе с другими произведениями искусства, лежит на полу, разбитый вдребезги. Приказчик выскочил на улицу, но хотя многие прохожие утверждали, что видели человека, выбежавшего из лавки, приказчику не удалось догнать его.

Казалось, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени… Так об этом и доложили подошедшему констеблю. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело представлялось таким мелким, что не стоило заводить следствие.

Новый случай, однако, оказался более серьезным и притом не менее странным. Он произошел сегодня ночью. На Кеннингтон-роуд, всего в нескольких сотнях шагов от лавки Морза Хэдсона, живет хорошо известный врач, доктор Барникот, у которого обширнейшая практика на южном берегу Темзы. Доктор Барникот горячий поклонник Наполеона. Весь его дом битком набит книгами, картинами и реликвиями, принадлежавшими французскому императору. Недавно он приобрел у Морза Хэдсона две одинаковые гипсовые копии знаменитой головы Наполеона, вылепленной французским скульптором Девином. Одну из этих копий он поместил у себя в квартире на Кеннингтон-роуд, а вторую поставил на камин в хирургической на Лауэр-Брикстон-роуд. Вернувшись сегодня утром домой, доктор Барникот обнаружил, что ночью его дом подвергся ограблению, но при этом ничего не похищено, кроме гипсового бюста, стоявшего в прихожей. Грабитель вынес бюст из дома и разбил о садовую решетку. Поутру возле решетки была найдена груда осколков.

Холмс потер руки.

– Случай действительно необыкновенный! – сказал он.

– Я был уверен, что вам этот случай понравится. Но я еще не кончил. К двенадцати часам доктор Барникот приехал к себе в хирургическую, и представите себе его

удивление, когда он обнаружил, что окно хирургической открыто и по всему полу разбросаны осколки второго бюста. Бюст был разбит на самые мелкие части. Мы исследовали оба случая, но нам не удалось выяснить, кто он, этот преступник… или этот безумец, занимающийся такими хищениями. Вот, мистер Холмс, все факты.

– Они оригинальны и даже причудливы, – сказал Холмс. – Мне хотелось бы знать, являлись ли бюсты, разбитые в комнатах доктора Барникота, точными копиями того бюста, который был разбит в лавке Морза Хэдсона?

– Их отливали в одной и той же форме.

– Значит, нельзя утверждать, что человек, разбивший бюсты, действовал под влиянием ненависти к Наполеону. Если принять во внимание, что в Лондоне находится несколько тысяч бюстов, изображающих великого императора, трудно предположить, что неизвестный фанатик совершенно случайно начал свою деятельность с уничтожения трех копий одного и того же бюста.

– Это и мне приходило в голову, – сказал Лестрейд. – Что вы об этом думаете, доктор Уотсон?

– Помешательства на одном каком-нибудь пункте безгранично разнообразны, – ответил я. – Существует явление, которое современные психологи называют «навязчивая идея». Идея эта может быть совершенно пустячной, и человек, одержимый ею, может быть здоров во всех других отношениях. Предположим, что этот маньяк слишком много читал о Наполеоне или, скажем, узнал о какой-нибудь обиде, нанесенной его предкам во время наполеоновских войн. У него сложилась «навязчивая идея», и под ее влиянием он оказался способным на самые фантастические выходки.

– Ваша теория нам не подходит, мой милый Уотсон, – сказал Холмс, покачав головой, – ибо никакая «навязчивая идея» не могла бы подсказать вашему занимательному маньяку, где находятся эти бюсты.

– А вы как это объясните?

– Я и не пытаюсь объяснить. Я только вижу, что в эксцентрических поступках этого джентльмена есть какая-то система.

Дальнейшие события произошли быстрее и оказались гораздо трагичнее, чем мы предполагали. На следующее утро, когда я одевался в своей спальне, Холмс постучал ко мне в дверь и вошел, держа в руке телеграмму. Он прочел ее вслух: «Приезжайте немедленно в Кенсингтон, Питт-стрит, 131. Лестрейд»

– Что это значит? – спросил я.

– Не знаю. Это может значить все что угодно. Но, мне кажется, это продолжение истории с бюстами. Если я не ошибаюсь, из этого следует, что наш друг маньяк перенес свою деятельность в другую часть Лондона… Кофе на столе, Уотсон, и кэб у дверей.

Через полчаса мы были уже на Питт-стрит – в узеньком переулочке, тянувшемся параллельно одной из самых оживленных лондонских магистралей. Дом № 131 оказался почтенным плоскогрудым строением, в котором не было ничего романтического. Когда мы подъехали, перед его садовой решеткой стояла толпа зевак. Холмс даже присвистнул.

– Черт побери, да ведь тут по крайней мере убийство!

Лестрейд вышел нам навстречу с очень угрюмым лицом и провел нас в гостиную, по которой взад и вперед

бегал необыкновенно растрепанный пожилой человек во фланелевом халате. Его нам представили. Он оказался хозяином дома, мистером Хорэсом Харкером, газетным работником Центрального синдиката печати.

– История с Наполеонами продолжается, – сказал Лестрейд.

– Вчера вечером она заинтересовала вас, мистер Холмс, и я подумал, что вам будет приятно принять участие в ее расследовании, особенно теперь, когда она привела к такому мрачному событию.

– К какому событию?

– К убийству… Мистер Харкер, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам все, что произошло.

Человек в халате повернул к нам свое расстроенное лицо.

– Странная вещь, – сказал он. – Всю жизнь я описывал в газетах события, случавшиеся с другими людьми, а вот когда наконец у меня самого произошло такое большое событие, я до того растерялся, что двух слов не могу написать. Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок Холмс, и, если вам удастся разъяснить нам это загадочное дело, я буду вознагражден за досадную необходимость снова излагать все происшествие.

Холмс сел и принялся слушать.

– Это убийство связано с бюстом Наполеона, который я купил месяца четыре назад. Он достался мне по дешевке в магазине братьев Хардинг возле Хай-стритского вокзала. Обычно свои статьи я пишу по ночам и часто засиживаюсь за работой до утра. Так было и сегодня. Я сидел в своей норе в самом конце верхнего этажа, как вдруг около трех

часов снизу до меня донесся какой-то шум. Я прислушался, но шум не повторился, и я решил, что шумели на улице. Но минут через пять я внезапно услышал ужасающий вопль – никогда еще, мистер Холмс, не приходилось мне слышать таких страшных звуков. Этот вопль будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Минуту или две я просидел неподвижно, оцепенев от страха, потом взял кочергу и пошел вниз. Войдя в эту комнату, я увидел, что окно распахнуто и бюст, стоявший на камине, исчез. Я никак не могу понять, отчего грабитель прельстился этим бюстом. Обыкновеннейший гипсовый слепок, и цена ему грош. Как вы сами видите, человек, который вздумает прыгнуть из этого окна, попадет на ступеньки парадного хода. Так как грабитель, безусловно, удрал именно этим путем, я прошел через прихожую и открыл наружную дверь. Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно. Он будет мне сниться каждую ночь. Я засвистел в свисток и тотчас же потерял сознание. Больше ничего я не помню. Я очнулся в прихожей. Рядом стоял полисмен.

– Кто был убитый? – спросил Холмс.

– Этого определить не удалось, – сказал Лестрейд. – Можете сами осмотреть его в мертвецкой. Мы его уже осматривали, но ничего не узнали. Рослый, загорелый, очень сильный мужчина, еще не достигший тридцати лет. Одет бедно, но на рабочего не похож. Рядом с ним в луже крови валялся складной нож с роговой рукоятью. Не знаю, принадлежал ли он убитому или убийце. На одежде уби-

того не было меток, по которым можно было бы догадаться, как его зовут. В кармане нашли яблоко, веревочку, карту Лондона и фотографию. Вот она.

Это был моментальный снимок, сделанный маленьким аппаратом. На нем был изображен молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то обезьянье.

– А что стало с бюстом? – спросил Холмс, внимательно изучив фотографический снимок.

– Бюст удалось обнаружить только перед самым вашим приходом. Он был найден в садике перед пустым домом на Кэмпеден-Хауз-роуд. Он разбит на мелкие куски. Я как раз направляюсь туда, чтобы осмотреть его. Хотите пойти со мной?

Место, где были найдены осколки бюста, находилось всего в нескольких ярдах от дома. Впервые нам удалось увидеть это изображение великого императора, вызвавшее столь бешеную и разрушительную ненависть в сердце какого-то незнакомца. Бюст лежал в траве, разбитый на мелкие куски. Холмс поднял несколько осколков и внимательно их исследовал. Я догадался по его напряженному лицу, что он напал на след.

– Ну что? – спросил Лестрейд.

Холмс пожал плечами.

– Нам еще много придется повозиться с этим делом, – сказал он. – И все-таки… все-таки… все-таки у нас уже есть кое-что для начала. Этот грошовый бюст в глазах того странного преступника стоил дороже человеческой жизни. Вот первый факт, установленный нами. Есть и второй факт,

не менее странный. Если единственная цель преступника заключалась в том, чтобы разбить бюст, отчего он не разбил его в доме или возле дома?

– Он был ошеломлен встречей с тем человеком, которого ему пришлось убить. Он сам не понимал, что делает.

– Что ж, это правдоподобно. Однако я хочу обратить ваше внимание на дом, стоящий в саду, где был разбит бюст.

Лестрейд посмотрел вокруг.

– Дом этот пустой, – сказал он, – и преступник знал, что тут его никто не потревожит.

– Да, – возразил Холмс, – но на этой улице есть и другой пустой дом, и ему нужно было пройти мимо него, чтобы дойти до этого дома. Почему он не разбил бюст возле первого пустого дома? Ведь он понимал, что каждый лишний шаг увеличивает опасность встречи с кем-нибудь.

– Я не обратил на это внимания, – сказал Лестрейд.

Холмс ткнул в уличный фонарь, горевший у нас над головой.

– Здесь этот человек мог видеть то, что он делает, а там не мог. Вот что привело его сюда.

– Вы правы, черт побери! – сказал сыщик. – Теперь я вспоминаю, что бюст, принадлежавший доктору Барникоту, был разбит неподалеку от его красной лампы. Но что нам делать с этим фактом, мистер Холмс?

– Запомните его. Впоследствии мы можем наткнуться на обстоятельства, которые заставят вас вернуться к нему. Какие шаги вы теперь собираетесь предпринять, Лестрейд?

– По-моему, сейчас полезнее всего заняться выяснением личности убитого. Это дело не слишком трудное.

Когда мы будем знать, кто он таков и кто его товарищи, нам удастся выяснить, что он делал ночью на Питт-стрит, кого он здесь встретил и кто убил его на лестнице мистера Хорэса Харкера. Вы не согласны с этим?

– Согласен. Но я подошел бы к разрешению этой загадки совсем с другого конца.

– С какого?

– О, я не хочу влиять на вас. Вы поступайте по-своему, а я буду поступать по-своему. Впоследствии мы сравним результаты наших розысков и тем самым поможем друг другу.

– Отлично, – сказал Лестрейд.

– Вы сейчас возвращаетесь на Питт-стрит и, конечно, увидите мистера Хорэса Харкера. Так передайте ему, пожалуйста, от моего имени, что, по моему мнению, прошлой ночью его дом посетил кровожадный безумец, одержимый манией наполеононенавистничества. Это пригодится ему для статьи.

Лестрейд изумленно взглянул на Холмса:

– Неужели вы действительно так думаете?

Холмс улыбнулся:

– Так ли я думаю? Может быть, и не так. Но такая версия покажется очень любопытной мистеру Хорэсу Харкеру и подписчикам Центрального синдиката печати… Ну, Уотсон, нам сегодня предстоит хлопотливый день. Я буду счастлив, Лестрейд, если вы вечером, часов в шесть, зайдете к нам на Бейкер-стрит. А до тех пор я оставлю фотографию у себя.

Мы с Шерлоком Холмсом отправились пешком на Хай-стрит и зашли в лавку братьев Хардинг, где бюст был

куплен. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Хардинг явится в лавку только к концу дня, а он сам не может дать нам никаких сведений, потому что служит здесь очень недавно. На лице Холмса появилось выражение разочарования и недовольства.

– Что же делать, Уотсон, невозможно рассчитывать на постоянную удачу, – сказал он наконец. – Придется зайти сюда к концу дня, раз до тех пор мистера Хардинга здесь не будет. Я, как вы, конечно, догадались, собираюсь проследить историю этих бюстов с самого начала, чтобы выяснить, не было ли при их возникновении каких-нибудь странных обстоятельств, заранее предопределивших их удивительную судьбу. Отправимся пока к мистеру Морзу Хэдсону на Кеннингтон-роуд и посмотрим, не прольет ли он хоть немного света на эту загадку.

Целый час ехали мы до лавки торговца картинами. Он оказался маленьким толстым человеком с красным лицом и язвительным характером.

– Да, сэр. Разбил на моем прилавке, сэр, – сказал он. – Чего ради мы платим налоги, если любой негодяй может ворваться к нам и перепортить товар! Да, сэр, это я продал доктору Барникоту оба бюста. Стыд и позор, сэр! Анархистский заговор, вот что это такое, по-моему мнению. Только анархист способен разбить статую. Откуда я достал эти бюсты? Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Ну что ж, если вам действительно нужно знать, я скажу. Я приобрел их у Хелдера и компании, на Черч-стрит, в Степни. Это хорошо известная фирма, существующая уже двадцать лет. Сколько я их купил? Три. Два да один равняются трем. Два я продал доктору Бар-

никоту, а один был разбит среди белого дня на моем собственном прилавке. Знаю ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не знаю. Впрочем, знаю. Это Беппо, итальянец-ремесленник. Иногда исполняет у меня в лавке кое-какую работу. Может резать по дереву, золотить рамы, всего понемножку. Он ушел от меня неделю назад, и с тех пор я ничего о нем не слыхал. Нет, я не знаю, откуда он взялся. Где он сейчас, тоже не знаю. Я ничего против него не имею. Работал он неплохо. Он ушел за два дня до того, как у меня разбили бюст…

– Что ж, Морз Хэдсон дал нам больше сведений, чем мы могли ожидать, – сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. – Итак, этот Беппо принимал участие и в тех событиях, которые произошли в Кенсингтоне. Ради такого факта не жаль проехать десять миль. А теперь, Уотсон, едем в Степни, к Хелдеру и компании, на родину бюстов. Не сомневаюсь, что там мы узнаем много любопытного.

Мы поспешно проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской и, наконец, въехали в прибрежный район, застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь, на широкой улице, мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали. Мастерская находилась в обширном дворе, наполненном могильными памятниками. Она представляла собой большую комнату, в которой помещалось человек пятьдесят рабочих, занятых резьбой и формовкой. Рослый белокурый хозяин принял нас вежливо и дал ясные ответы на все вопросы Холмса. Записи в его

книгах свидетельствовали, что с мраморной головы Наполеона работы Девина было отформовано множество копий, но те три бюста, которые около года назад он послал Морзу Хэдсону, составляли половину отдельной партии из шести штук. Другие три бюста из этой партии были проданы братьям Хардинг в Кенсингтоне. Нет, бюсты этой шестерки ничем не отличались от всех остальных. Нет, он не знает, по какой причине кому-нибудь может прийти в голову уничтожать эти бюсты, подобная мысль кажется ему просто смешной. Оптовая цена этих бюстов – шесть шиллингов, но в розничной продаже можно за них взять двенадцать и даже больше. Бюсты эти изготовляются так: отливают два гипсовых слепка с двух половинок лица и потом склеивают оба профиля вместе. Всю эту работу обычно выполняют итальянцы вот в этой самой комнате. Когда бюст готов, его ставят на стол в коридоре, чтобы он высох, а потом отправляют на склад. Больше ему нечего нам рассказать.

Но тут Холмс показал хозяину фотографический снимок, и этот снимок произвел на хозяина потрясающее впечатление. Лицо его вспыхнуло от гнева, брови нависли над голубыми тевтонскими глазами.

– А, негодяй! – закричал он. – Да, я хорошо его знаю. Моя мастерская пользуется всеобщим уважением, за все время ее существования в ней только один раз была полиция… по вине вот этого субъекта! Случилось это больше года назад. Он полоснул на улице ножом другого итальянца и, удирая от полиции, вбежал ко мне в мастерскую. Здесь он и был арестован. Его звали Беппо. Фамилии его я не знаю. Я был справедливо наказан за то, что взял на ра-

боту человека, у которого такое лицо. Впрочем, он был хороший работник, один из лучших.

– К чему его присудили?

– Тот, кого он ранил, остался в живых, и поэтому его присудили только к году тюремного заключения. Не сомневаюсь, что он уже на свободе, но сюда он не посмеет и носа показать. У меня работает его двоюродный брат. Пожалуй, он может сообщить вам, где Беппо.

– Нет, нет, – вскричал Холмс, – не говорите его брату ни слова… умоляю вас, ни одного слова! Дело это очень серьезное. Чем больше я в него углубляюсь, тем серьезнее оно кажется мне. В вашей торговой книге помечено, что вы продали эти бюсты третьего июня прошлого года. А не можете ли вы мне сообщить, какого числа был арестован Беппо?

– Я могу установить это приблизительно по платежной ведомости, – ответил хозяин. – Да, – продолжал он, порывшись в своих бумагах, – последнее жалованье было ему выплачено двадцатого мая.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Не буду больше отнимать у вас время и злоупотреблять вашим терпением.

Попросив его на прощание никому не рассказывать о разговоре с нами, мы вышли из мастерской и вернулись на запад.

Полдень давно миновал, когда нам наконец удалось наспех позавтракать в одном ресторане. У входа в ресторан продавались газеты, и на особом листке, сообщающем о последних известиях, было напечатано крупными буквами: «Преступление в Кенсингтоне. Сумасшедший убийца». Заглянув в газету, мы убедились, что мистеру Хорэсу

Харкеру удалось-таки напечатать свою статью. Два столбца были заполнены сенсационным и пышным описанием событий, происшедших у него в доме. Холмс разложил газету на столике и читал, не отрываясь от еды. Раза два он фыркнул.

– Все в порядке, Уотсон, – сказал он. – Послушайте: «Приятно сознавать, что не может быть разных точек зрения на это событие, ибо мистер Лестрейд, один из самых опытных полицейских агентов, и мистер Шерлок Холмс, широко известный консультант и эксперт, сошлись на том, что цепь причудливых происшествий, окончившихся так трагически, свидетельствует о безумии, а не о преступлении. Рассказанные нами факты не могут быть объяснены ничем, кроме помешательства». Печать, Уотсон, – настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться. А теперь, если вы уже поели, мы вернемся в Кенсингтон и послушаем, что нам расскажет владелец «Братьев Хардинг».

Основатель этого большого торгового дома оказался проворным, вертлявым человеком, очень подвижным и быстрым, сообразительным и болтливым.

– Да, сэр, я уже все знаю из вечерних газет. Мистер Хорэс Харкер – наш постоянный покупатель. Мы продали ему этот бюст несколько месяцев назад. Три таких бюста мы получили у Гельдера и компании в Степни. Они уже проданы. Кому? Я загляну в свою торговую книгу и отвечу вам. Да, вот тут все записано. Один бюст – мистеру Харкеру, другой – мистеру Джосайе Брауну, живущему в Чизике, на Лабурнумвэли, в Лабурнумлодж, а третий – мистеру Сэндфорду, живущему в Рединге, на Лауэр-Гровроуд.

Пока мистер Хардинг говорил, Холмс что-то записы-

вал. Вид у него был чрезвычайно довольный. Однако он ничего не объяснил мне и только сказал, что нам нужно торопиться, потому что нас ждет Лестрейд. Действительно, когда мы приехали на Бейкер-стрит, сыщик уже ждал нас, нетерпеливо шагая по комнате. По его важному виду нетрудно было догадаться, что день прошел для него не бесплодно.

– Как дела, мистер Холмс? – спросил он.

– Нам пришлось как следует поработать, и поработали мы недаром, – сказал мой друг. – Мы посетили обоих лавочников и хозяина мастерской. Я проследил судьбу каждого бюста с самого начала.

– Судьбу каждого бюста! – воскликнул Лестрейд. – Ладно, ладно, мистер Холмс, у всякого свои методы, и я не собираюсь спорить с вами, но мне кажется, что я за день достиг большего, чем вы. Я установил личность убитого.

– Да что вы говорите!

– И определил причину преступления.

– Превосходно!

– У нас есть инспектор, специалист по части итальянских кварталов. А на шее убитого оказался католический крестик. Кроме того, смуглый оттенок его кожи невольно наводит на мысль, что он уроженец юга. Инспектор Хилл узнал его с первого взгляда. Его зовут Пьетро Венуччи, он родом из Неаполя, один из самых страшных головорезов Лондона. Как видите, все начинает проясняться. Его убийца тоже, вероятно, итальянец. Пьетро выслеживал его. Он носил в кармане его фотографию, чтобы по ошибке не зарезать кого-нибудь другого. Он выследил своего врага, видел, как тот вошел в дом, дождался, когда тот вышел,

напал на него и в схватке получил смертельную рану… Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Холмс с жаром пожал ему руки.

– Превосходно, Лестрейд, превосходно! – воскликнул он.

– Но я не вполне понимаю, как вы объясните уничтожение бюстов.

– Опять бюсты! Вы никак не можете выкинуть эти бюсты из головы. В конце концов, история с этими бюстами – пустяки. Мелкая кража, за которую можно присудить самое большее к шести месяцам тюрьмы. Вот убийство – стоящее дело, и, как видите, я уже держу в своих руках все нити.

– Как же вы собираетесь поступить дальше?

– Очень просто. Я отправлюсь вместе с Хиллом в итальянский квартал, мы разыщем человека, изображенного на той фотографии, и я арестую его по обвинению в убийстве. Хотите пойти с нами?

– Едва ли. Пожалуй, нет. Мне кажется, мы добьемся успеха гораздо проще. Не могу ручаться, потому что это зависит… Словом, это зависит от одного обстоятельства, которое не в нашей власти. Два шанса за успех и один против. Итак, я надеюсь, что, если вы пойдете со мною сегодня ночью, мы арестуем его.

– В итальянском квартале?

– Нет. По-моему, гораздо вернее искать его в Чизике. Если вы, Лестрейд, сегодня ночью поедете со мной в Чизик, я обещаю вам завтра отправиться с вами в итальянский квартал. От этой отсрочки никакого вреда не будет. А теперь нужно немного поспать, потому что выходить раньше

одиннадцати часов нет смысла, а вернуться нам удастся, вероятно, только утром. Пообедайте с нами, Лестрейд, и ложитесь на этот диван. А вы, Уотсон, позвоните и вызовите рассыльного. Мне необходимо немедленно отправить письмо.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он наконец вышел из чулана, в глазах его сияло торжество, но он ничего не сказал нам о результатах своих поисков. Я уже так изучил методы моего друга, что, даже не понимая его замысла целиком, догадывался, каким образом он рассчитывает захватить преступника. Этот странный преступник теперь попытается уничтожить два оставшихся бюста, один из которых находится, как я запомнил, в Чизике. Несомненно, цель нашего ночного похода – захватить его на месте преступления. Я не мог не восхищаться хитростью моего друга, который нарочно сообщил вечерней газете совершенно ложные догадки, чтобы убедить преступника, что тот может действовать без всякого риска. И я не удивился, когда Холмс посоветовал мне захватить с собой револьвер. Он сам взял с собой свое любимое оружие – охотничий хлыст, в рукоять которого налит свинец.

В одиннадцать часов у наших дверей остановился экипаж. По Хаммерсмитскому мосту мы переехали на противоположный берег Темзы. Здесь кучер получил приказание подождать. Мы пошли пешком и вскоре вышли на пустынную дорогу, окруженную изящными домиками. Вокруг каждого домика был маленький сад. При свете уличного фонаря на воротах одного из них мы прочли надпись: «Вилла Лабурнум». Обитатели дома, вероятно,

уже спали, так как весь дом был погружен во тьму, и только круглое оконце над входной дверью тускло сияло, бросая пятно света на садовую тропинку. Мы вошли в ворота и притаились в густой тени деревянного забора, отделяющего садик от дороги.

Впрочем, ожидание наше оказалось недолгим и окончилось самым неожиданным и странным образом. Внезапно, без всякого предупреждения, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигурка, быстрая и подвижная, как обезьяна, помчалась по садовой тропинке. Мы видели, как она мелькнула в луче света, падавшем из окна, и исчезла в черной тени. Наступила долгая тишина, во время которой мы стояли затаив дыхание. Наконец слабый треск коснулся нашего слуха – это распахнулось окно. Потом снова наступила тишина. Преступник бродил по дому. Мы внезапно увидели, как вспыхнул в комнате свет его потайного фонаря. Того, что он искал, там, вероятно, не оказалось, потому что через минуту свет переместился в другую комнату.

– Идемте к открытому окну. Мы схватим его, когда он выпрыгнет, – прошептал Лестрейд.

Но преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа под мышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он опустил свою ношу на землю, и через мгновение мы услышали сначала стук сильного удара, а затем постукивание и потрескивание. Он так погрузился в свое занятие, что не расслышал наших крадущихся шагов. Холмс, как тигр, прыгнул ему на спину, а мы с Лестрейдом

схватили его за руки и надели на него наручники. Когда он обернулся, я увидел безобразное бледное лицо, искаженное злобой, и убедился, что это действительно тот человек, которого я видел на фотографии.

Но не на пленника устремил Холмс все свое внимание. Он самым тщательным образом исследовал то, что наш пленник вынес из дома. Это был разбитый вдребезги бюст Наполеона, совершенно такой же, как тот, что мы видели сегодня поутру. Холмс поочередно подносил к свету каждый осколок, не пропустив ни одного, но все они нисколько не отличались от любых других обломков гипса. Едва он успел закончить свое исследование, как дверь отворилась и перед нами предстал хозяин дома – добродушный полный мужчина в рубашке и брюках.

– Мистер Джосайа Браун, если не ошибаюсь? – сказал Холмс.

– Да, сэр. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Посыльный принес мне вашу записку, и я поступил так, как вы мне посоветовали. Мы закрыли все двери и ждали, что произойдет. Рад видеть, что негодяй не ушел от вас. Пожалуйте, джентльмены, в дом, выпейте на дорогу.

Но Лестрейду хотелось поскорее доставить пленника в надежное убежище, и через несколько минут наш кэб уже вез нас четверых в Лондон. Пленник не произнес ни слова; он злобно глядел на нас из-под шапки курчавых волос.

В полицейском участке его тщательно обыскали, но не нашли ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала, на рукояти которого были обнаружены следы крови.

– Все в порядке, – сказал Лестрейд, прощаясь с нами. –

Хилл знает этих людей и без труда установит его личность. Увидите, моя версия подтвердится полностью. Однако я очень благодарен вам, мистер Холмс, за то, что вы с таким мастерством устроили преступнику ловушку. Я до сих пор не совсем понимаю, как вам пришло это в голову.

– Боюсь, в такой поздний час не стоит заниматься разъяснениями, – сказал Холмс. – Кроме того, некоторые подробности еще не вполне установлены, а это дело – одно из тех, которые необходимо доводить до конца. Если вы заглянете ко мне завтра в шесть, я докажу вам, что даже сейчас мы еще не вполне понимаем подлинное значение этого своеобразного дела.

Посетив нас на следующий вечер, Лестрейд сообщил нам все, что удалось установить о личности арестованного. Фамилия его неизвестна, а зовут его Беппо. Это самый отчаянный головорез во всем итальянском квартале. Когда-то он был искусным скульптором, но потом сбился с пути и дважды побывал в тюрьме: один раз – за мелкое воровство, другой раз – за нанесение раны своему земляку. По-английски говорит он превосходно. До сих пор не выяснено, ради чего он разбивал бюсты, и он упорно отказывается отвечать на вопросы об этом. Но полиции удалось установить, что он сам умеет изготовлять бюсты и что он изготовлял их, работая в мастерской Гельдера и компании.

Все эти сведения, большая часть которых была нам уже известна. Холмс выслушал с вежливым вниманием, но я, знающий его хорошо, заметил, что мысли его заняты чем-то другим, и сквозь маску, которую он надел на себя, ясно увидел, что он чего-то ждет и о чем-то тревожится. Наконец он вскочил со стула, глаза у него заблестели.

Раздался звонок. Через минуту мы услышали шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый человек с седыми бакенбардами. В правой руке он держал старомодный чемоданчик. Войдя, он поставил его на стол.

– Можно видеть мистера Шерлока Холмса?

Мой друг поклонился, и на лице его показалась улыбка.

– Мистер Сэндфорд из Рединга, если не ошибаюсь? – сказал он.

– Да, сэр. Я, кажется, немного запоздал, но расписание поездов составлено так неудобно… Вы писали мне об имеющемся у меня бюсте.

– Совершенно верно.

– Я захватил с собой ваше письмо. Вы пишете: «Желая приобрести слепок с бюста Наполеона работы Девина, я готов заплатить десять фунтов за тот слепок, который принадлежит вам». Так ли это?

– Именно так.

– Ваше письмо меня очень удивило, потому что я не мог догадаться, каким образом вы узнали, что у меня есть этот бюст.

– А между тем все это объясняется очень просто. Мистер Хардинг, владелец торгового дома «Братья Хардинг», сказал мне, что продал вам последнюю копию этого бюста, и сообщил мне ваш адрес.

– Понимаю. А он сказал вам, сколько я заплатил ему за этот бюст?

– Нет, не говорил.

– Я человек честный, хотя и не слишком богатый. Я заплатил за этот бюст только пятнадцать шиллингов, и я хочу поставить вас об этом в известность, прежде чем получу от вас десять фунтов.

– Такая щепетильность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я сам назвал эту цену и не намерен от нее отказываться.

– Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Я, согласно вашей просьбе, захватил бюст с собой. Вот он.

Он раскрыл чемодан, и наконец мы увидели у себя на столе в совершенно исправном состоянии тот бюст, который до сих пор нам удавалось видеть только в осколках.

Холмс вынул из кармана листок бумаги и положил на стол десятифунтовый кредитный билет.

– Будьте любезны, мистер Сэндфорд, подпишите эту бумагу в присутствии вот этих свидетелей. Здесь сказано, что вы уступаете мне все права, вытекающие из владения этим бюстом. Я, как видите, человек предусмотрительный. Никогда нельзя знать заранее, как впоследствии обернутся обстоятельства… Благодарю вас, мистер Сэндфорд. Вот ваши деньги. Желаю вам всего хорошего.

Когда наш посетитель удалился, Шерлок Холмс снова удивил нас. Он начал с того, что достал из комода чистую белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил только что купленный бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке. Бюст разлетелся на куски, и Холмс самым тщательным образом оглядел каждый кусок. Наконец с победным криком он протянул нам осколок, в котором находилось что-то круглое, темное, похожее на изюминку, запеченную в пудинге.

– Джентльмены! – воскликнул он. – Разрешите пред-

ставить вам знаменитую черную жемчужину Борджиев[4]!

Мы с Лестрейдом молчали; затем, охваченные внезапным порывом, начали аплодировать, как аплодируют в театре удачной развязке драмы. Бледные щеки Холмса порозовели, и он поклонился нам, как кланяется драматург, вызванными на сцену рукоплесканиями зрителей.

– Да, джентльмены, – сказал он, – это самая знаменитая жемчужина во всем мире, и к счастью, мне путем размышлений удалось проследить ее судьбу от спальни князя Колонны в гостинице «Дакр», где она пропала, до внутренностей последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных в мастерской Хелдера и компании, в Степни.

Вы, конечно, помните, Лестрейд, сенсационное исчезновение этой драгоценности и безуспешные попытки лондонской полиции найти ее. Полиция обращалась за помощью даже ко мне, но и я был бессилен помочь. Подозрения пали на горничную княгини, родом итальянку. Всем было известно, что у этой горничной есть в Лондоне брат, но никаких связей между ними установить не удалось. Горничную звали Лукреция Венуччи, и я не сомневаюсь, что Пьетро, которого убили двое суток назад, был ее братом. Я просмотрел старые газеты и обнаружил, что исчезновение жемчужины произошло за два дня до ареста Беппо. А Беппо был арестован в мастерской Хелдера и компании как раз в то время, когда там изготовлялись эти бюсты.

Теперь вам ясна последовательность событий. Жемчужина была у Беппо. Возможно, он украл ее у Пьетро;

---

[4] Борджиа – богатый и знатный род, игравший видную роль в истории Италии XV века.

возможно, он был сам соучастником Пьетро; возможно, он был посредником между Пьетро и его сестрой. В сущности, для нас не важно, которое из этих предположений правильное. Для нас важно, что жемчужина у него была как раз в то время, когда за ним погналась полиция.

Он вбежал в мастерскую, где работал. Он знал, что у него есть всего несколько минут для того, чтобы спрятать необычайной ценности добычу, которую непременно найдут, если станут его обыскивать. Шесть гипсовых бюстов Наполеона сохли в коридоре. Один из них был еще совсем мягкий. Беппо, искусный работник, мгновенно проделал отверстие во влажном гипсе, сунул туда жемчужину и несколькими мазками придал бюсту прежний вид. Это было превосходное хранилище, найти там жемчужину невозможно. Но Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем все шесть бюстов были проданы в разные концы Лондона. Он не мог знать, в котором из них находится его сокровище. Только разбив все бюсты, он мог найти жемчужину.

Однако Беппо не отчаивался. Он принялся за поиски вдохновенно и последовательно. С помощью двоюродного брата, работавшего у Хелдера, он узнал, каким фирмам были проданы эти бюсты. Ему посчастливилось получить работу у Морза Хэдсона, и он выследил три бюста. В этих трех жемчужины не оказалось. С помощью своих сородичей он разведал, кому были проданы остальные три бюста. Первый из них находился у Харкера. Тут Беппо был выслежен своим сообщником, который считал его виновником пропажи жемчужины, и между ними произошла схватка.

– Если Пьетро был его сообщником, для чего он таскал с собой его фотографию? – спросил я.

– Чтобы можно было расспрашивать о нем у посторонних, это наиболее вероятное предположение. Словом, я пришел к убеждению, что после убийства Беппо не только не отложит, а, напротив, ускорит свои поиски. Он постарается опередить полицию, боясь, как бы она не разнюхала его тайну. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Харкеру. Я даже не знал наверняка, что это именно жемчужина, но для меня было ясно, что он что-то ищет, так как он разбивал похищенные бюсты только в тех местах, где был свет. Бюст у Харкера был один из трех, и, следовательно, шансы были распределены именно так, как я говорил вам: один шанс «против» и два – «за». Оставались два бюста, и было ясно, что он начнет с того, который находится в Лондоне. Я предупредил обитателей дома, чтобы избежать второй трагедии, и мы достигли блестящих результатов. К этому времени я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужиной Борджиев. Имя убитого связало все факты воедино. Оставался всего один бюст – тот, который находился в Рединге, – и жемчужина могла быть только в нем. Я купил этот бюст в вашем присутствии. И вот жемчужина.

Мы несколько мгновений молчали.

– Да, – сказал Лестрейд, – много раз убеждался я в ваших необычайных способностях, мистер Холмс, но такого мастерства мне еще встречать не приходилось.

– Спасибо! – сказал Холмс. – Спасибо!

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

В течение многих часов Шерлок Холмс сидел согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варилось что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную тощую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком.

– Итак, Уотсон, – сказал он внезапно, – вы не собираетесь вкладывать свои сбережения в южноафриканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычайным способностям Холмса, это внезапное вторжение в самые тайные мои мысли было совершенно необъяснимым. – Как, черт возьми, вы об этом узнали? – спросил я.

Он повернулся на стуле, держа в руке дымящуюся пробирку, и его глубоко сидящие глаза радостно заблистали.

– Признайтесь, Уотсон, что вы совершенно сбиты с толку, – сказал он.

– Признаюсь.

– Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

– Почему?

– Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

– Уверен, что этого я никогда не скажу.

– Видите ли, дорогой мой Уотсон… – Он укрепил пробирку на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращающегося к аудитории. – Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый по-

следующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление. После того как я заметил впадинку между большим и указательным пальцами вашей левой руки, мне было вовсе нетрудно заключить, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

– Но я не вижу никакой связи между этими двумя обстоятельствами!

– Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером мы вернулись из клуба, впадинка между указательным и большим пальцами на вашей левой руке была выпачкана мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий не скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном; в-четвертых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южноафриканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в южноафриканские бумаги.

– До чего просто! – воскликнул я.

– Конечно, – сказал он, слегка уязвленный, – всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют. А вот вам задача, еще не решенная. Посмотрим, друг Уотсон, как вам удастся с ней справиться.

Он взял со стола листок бумаги, подал его мне и вернулся к своему химическому анализу.

Я с изумлением увидел, что на листке начерчены какие-то бессмысленные иероглифы.

– Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок! – воскликнул я.

– Вот каково ваше мнение!

– Что же это, в таком случае?

– Мистер Хилтон Кьюбитт из Ридлинг-Торп-Мэнора в Норфолке как раз и хотел бы знать, что это такое. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Уотсон? Это, вероятно, он.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и через минуту к нам вошел высокий румяный, чисто выбритый джентльмен. По его ясным глазам и цветущим щекам сразу было видно, что жизнь его протекала вдали от туманов Бейкер-стрит. Казалось, он принес с собой дуновение крепкого, свежего ветра с восточного берега. Пожав нам руки, он уже собирался усесться, как вдруг взор его упал на листок с забавными значками, который я только что рассматривал и оставил на столе.

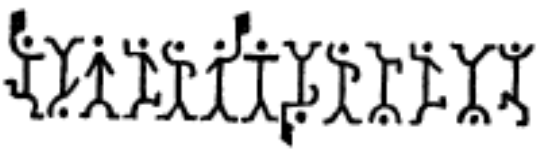
– Что вы об этом думаете, мистер Холмс? – воскликнул он. – Мне рассказывали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам ничего не найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить ее до моего приезда.

– Это действительно в высшей степени любопытный рисунок, – сказал Холмс. – С первого взгляда его можно принять за детскую шалость. Кто, казалось бы, кроме де-

тей, мог нарисовать этих крошечных танцующих человечков? Почему вы придали столь важное значение такому причудливому пустяку?

– Да я не придал бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у нее ужас. Вот почему я принял это так близко к сердцу.

Холмс приподнял бумажку, и лучи солнца озарили ее. Это был листок, вырванный из записной книжки. На нем были начерчены карандашом вот такие фигурки:



Внимательно рассмотрев листок, Холмс бережно сложил его и спрятал в бумажник.

– Это дело обещает много любопытного и необычайного, – сказал он. – Вы уже кое-что рассказали мне в своем письме, мистер Хилтон Кьюбитт, но я был бы очень вам признателен, если бы вы любезно согласились повторить свой рассказ, чтобы дать возможность послушать его моему другу, доктору Уотсону.

– Я плохой рассказчик, – сказал наш гость, нервно сжимая и разжимая свои большие сильные руки. – Если в моем рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну с того, что в прошлом году я женился… Но предварительно я должен сказать, что хотя я человек небогатый, наш род живет в Ридлинг-Торпе уже в течение пяти столетий и считается самым знатным родом во всем Норфолкском графстве. В прошлом

году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рэссел-сквере, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди, по фамилии Патрик, Илси Патрик. Мы с ней скоро подружились. Не прошло и месяца, как я полюбил ее самой пылкой любовью. Мы тихонько повенчались и уехали ко мне в Норфолк.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о ее прошлом и о ее семье.

Но если бы вы увидели ее и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень прямодушна со мной, моя Илси, она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства, – говорила она, – я хочу позабыть о них. Я не желаю возвращаться к своему прошлому, потому что всякое воспоминание причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить мне на слово и позволить умолчать обо всем, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжелым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться ее желанию, и сдержал свое слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые

признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки – на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нем не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одного мгновения не была спокойна. У нее теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется, во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нацарапаны мелом. Я думал, что их нарисовал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илси. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я нашел в саду на солнечных часах этот листок. Я показал его Илси, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живет как во сне, и глаза ее постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал этот листок. Я не мог обратиться к полиции, потому что там несомненно стали бы смеяться надо мной, а вы скажете мне, что делать. Я человек небогатый, но если моей жене угрожает опасность, я готов истратить последний грош, чтобы защитить ее.

Славный он был, этот простодушный гигант с большими голубыми глазами! Любовь и преданность к жене

были написаны в каждой черточке его лица. Холмс выслушал его историю с глубоким вниманием, а потом задумался и долго молчал.

– Не думаете ли вы, мистер Кьюбитт, – сказал он наконец, – что лучше всего было бы вам напрямик обратиться к жене и попросить ее поделиться с вами своей тайной?

Хилтон Кьюбитт покачал своей большой головой:

– Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если Илси захочет, она сама мне расскажет все. Если же она не захочет, я не стану насильно добиваться признания. Но у меня есть право все узнавать самому, и я этим правом воспользуюсь.

– В таком случае, я от всего сердца стану вам помогать. Скажите, не появлялись ли по соседству с вами какие-нибудь приезжие?

– Нет.

– Насколько я понимаю, вы живете в очень глухом захолустье. Появление всякого нового лица, вероятно, не может пройти незамеченным.

– Если бы новое лицо появилось в самом ближайшем соседстве, я, конечно, о нем услыхал бы. Но неподалеку от нас есть несколько прибрежных деревушек с хорошими пляжами, и фермеры сдают комнаты приезжающим дачникам.

– В этих странных рисунках бесспорно заключен какой-то смысл. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно следить за

всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что вы не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Хилтон Кьюбитт. Если понадобится, я всегда готов выехать к вам и навестить ваш норфолкский дом.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивает из бумажника листок и подолгу разглядывает нарисованные на нем забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня:

– Вам бы лучше остаться дома, Уотсон.

– Почему?

– Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбитта. Помните Хилтона Кьюбитта и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь. Из его телеграммы я понял, что у него есть какие-то чрезвычайно важные новости.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш норфолкский сквайр[5] примчался с вокзала прямо к нам. Вид у него был озабоченный и подавленный. Он взглянул на нас усталыми глазами, и лоб его избороздили морщины.

---

[5] Сквайр – помещик.

– Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс, – сказал он, бессильно опускаясь в кресло. – Отвратительное состояние – чувствовать, что ты со всех сторон окружен какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые пытаются вовлечь тебя в какую-то беду, но еще нестерпимее видеть при этом, как изо дня в день постепенно убивают твою жену! Она тает у меня на глазах.

– Сказала она вам хоть что-нибудь?

– Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется все мне рассказать, но не хватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал ее. Она часто заговаривает со мной о том, к какому старинному роду мы принадлежим, как нас уважают во всем графстве, как мы гордимся своей незапятнанной честью, и я всякий раз чувствую, что ей хочется еще что-то прибавить, однако она не договаривает и умолкает.

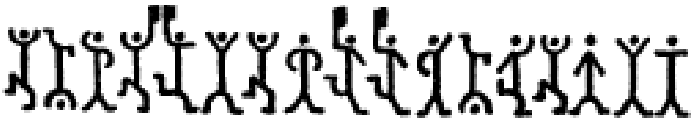
– А вы сами что-нибудь обнаружили?

– Я многое обнаружил, мистер Холмс. Я привез вам на исследование целую кучу свеженьких пляшущих человечков. И самое важное, я видел того…

– Того, кто нарисовал их?

– Да, я видел его за работой. Но позвольте мне все рассказать вам по порядку… Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашел новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

Он достал листок бумаги, развернул его и положил на стол. Вот какие иероглифы были изображены на нем:



– Превосходно! – сказал Холмс. – Превосходно! Продолжайте, пожалуйста.

– Срисовав человечков, я стер их с двери, но два дня спустя на той же двери появилась новая надпись. Вот она:

Холмс потер руки и засмеялся от радости.

– Наш материал быстро разрастается, – сказал он.

– Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель. Я откровенно сказал ей, что хочу посмотреть, кто это занимается такими глупыми проделками. Она ответила мне, что все это – бессмысленная шутка, на которую не стоит обращать внимания.

«Если это так тебя раздражает, Хилтон, давай поедем путешествовать – ты да я, никто не будет нас беспокоить».

«Как! Позволить какому-то шутнику выжить нас из собственного дома? – сказал я. – Да ведь все графство будет смеяться над нами!»

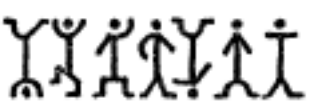
«Иди спать, – сказала она. – Мы потолкуем об этом утром».

Внезапно лицо ее так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы ее впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла темная согнутая фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперед, но жена судорожно обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в меня еще отчаяннее. Наконец мне удалось вырваться, но когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисованы пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашел. Однако, как это ни удивительно, он безусловно находился где-то поблизости, так как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков.

– Вы их срисовали?

– Да. Их было очень немного. Вот они.

Опять он показал нам листок бумаги. Новый танец имел такой вид:



– Скажите, – спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован, – эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы отдельно?

– Они были нарисованы на нижней панели двери.

– Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбитт, продолжайте свой интересный рассказ.

– Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого прячущегося негодяя. Она уверяла, что боялась за меня. Сначала у меня возникло подозрение, что боялась она вовсе не за меня, а за него, так как я не сомневался, что ей известно, кто он такой и что означают его странные сигналы. Но голос моей жены и взгляд ее, мистер Холмс, обладают свойством рассеивать всякие подозрения и теперь я уже не сомневаюсь, что она действительно боялась за меня… Вот все, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятать в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они дали бы ему такой урок, что он навсегда оставил бы нас в покое.

– Боюсь, что столь сложное дело не излечишь такими простыми лекарствами, – сказал Холмс. – Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

– Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

– Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Во всяком случае, оставьте мне эти бумажки. Вскоре я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

Шерлок Холмс держался со своим обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбитта исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пля-

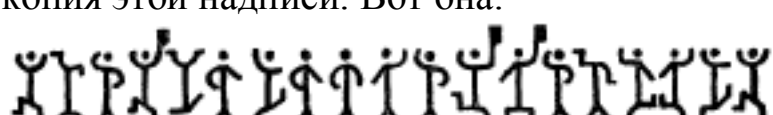
шущими человечками и углубился в вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами. Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моем присутствии. Когда дело шло на лад, он начинал напевать и насвистывать, когда же он становился в тупик, он подолгу сидел с нахмуренным лбом и блуждающими глазами. Наконец он удовлетворенно вскрикнул, вскочил со стула и принялся бегать взад и вперед по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

– Если мне ответят так, как я рассчитываю, – ваша книга, Уотсон, обогатится описанием нового приключения, – сказал он.

– Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Признаться, меня мучило любопытство, но я знал, что Холмс любит давать пояснения только тогда, когда сам находит это нужным, и терпеливо ждал, когда он соблаговолит поделиться со мной своим открытием.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо от Хилтона Кьюбитта. Он сообщал, что у него все спокойно; только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:



Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивленно и сердито. Озабоченное лицо его стало угрюмым.

– Мы позволили этому делу зайти слишком далеко, – сказал он. – Какие поезда отправляются в Норт-Уэлшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

– Придется пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом, – сказал Холмс. – Наше присутствие там необходимо. А! Вот телеграмма, которую я ждал. Погодите минуточку, миссис Хадсон, быть может, понадобится послать ответ. Нет, все обстоит так, как я и ожидал. Эта телеграмма окончательно доказывает, что мы не вправе больше держать мистера Хилтона Кьюбитта в неведении о положении дел, потому что наш простодушный норфолкский сквайр попал в чрезвычайно опасную паутину.

Переходя к окончанию этой мрачной истории, показавшейся мне вначале такой вздорной и забавной, я заново переживаю весь тот ужас, который мне пришлось пережить тогда. Как бы я хотел иметь возможность сообщить читателям, что история эта кончилась ко всеобщему благополучию! Но книга моя – точная летопись фактов, и я вынужден проследить вплоть до мрачного конца всю странную цепь событий, из-за которых через несколько дней об усадьбе Ридлинг-Торп-Мэнор заговорила вся Англия.

Едва мы успели выйти в Норт-Уэлшеме и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

– Вы, вероятно, сыщики из Лондона? – спросил он.

Холмс взглянул на него с беспокойством.

– Почему вы так думаете?

– Потому что инспектор Мартин из Норвича только что проехал. Или, быть может, вы врачи? Она еще жива. Возможно, вы еще успеете спасти ее… для виселицы.

Холмс был хмур и озабочен.

– Мы едем в Ридлинг-Торп-Мэнор, – сказал он, – но мы ничего не слыхали о том, что там случилось.

– Страшное дело! – воскликнул начальник станции. – Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбитт и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки. Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве! Все у нас так уважали его!

Не сказав ни слова. Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта. Не часто случалось мне видеть его в таком мрачном расположении духа. Он и раньше, в продолжение всей нашей поездки из Лондона, испытывал какую-то тревогу, и я с самого начала заметил, с каким беспокойством просматривает он утренние газеты; но теперь, когда внезапно оправдались самые худшие его опасения, он как бы окаменел от печали. Он сидел, откинувшись назад, погруженный в тоскливые думы.

А между тем мы проезжали по одной из самых любопытных местностей Англии. Все современное население этого края ютится в редко разбросанных домишках, но на каждом шагу над зеленой равниной вздымаются огромные четырехугольные башни церквей, свидетельствуя о былой славе и былом процветании старой восточной Англии.

Наконец за зеленым обрывом возникла лиловая полоса

Немецкого моря, и кучер кнутом указал нам на две остроконечные крыши, торчащие из-за кущи деревьев.

– Вот Ридлинг-Торп-Мэиор, – сказал он.

Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним черный сарай, стоящий за теннисной площадкой, и солнечные часы на пьедестале. Юркий человечек с нафабренными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из норфолкского полицейского управления. Он чрезвычайно удивился, услыхав имя моего приятеля.

– Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нем в Лондоне и прибыть сюда одновременно со мной?

– Я предугадал его. Я ехал, чтобы предупредить его.

– Следовательно, у вас есть сведения, которых мы не имеем, так как, по общему мнению, они жили очень дружно.

– У меня есть только те сведения, которые я получил от пляшущих человечков, – сказал Холмс. – Об этом я расскажу вам потом. Я опоздал: трагедия совершилась, мне не удалось предупредить ее… Ну что ж, пусть, в таком случае, те знания, которыми я обладаю, помогут совершиться правосудию. Угодно ли вам произвести следствие совместно со мною? Или вы предпочли бы, чтобы я действовал самостоятельно?

– Для меня большая честь работать вместе с вами, мистер Холмс, – с искренним чувством ответил инспектор.

– В таком случае, я хотел бы, не откладывая, выслушать свидетелей и осмотреть то место, где было совершено преступление.

Инспектор Мартин был настолько умен, что позволил моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбитт и сообщил, что ее положение серьезно, но не безнадежно; однако в сознание она придет, вероятно, не скоро, так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила или в нее выстрелил кто-нибудь другой, он не решился дать определенный ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбитт убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то, что он выстрелил сначала в нее, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

– Вы трогали убитого? – спросил Холмс.

– Нет. Мы только подняли и унесли леди. Мы не могли оставить ее, раненную, на полу.

– Давно ли вы здесь, доктор?

– С четырех часов утра.

– Был здесь кто-нибудь, кроме вас?

– Да, был констебль.

– Вы что-нибудь здесь передвигали?

– Ничего.

– Вы поступили благоразумно. Кто вызвал вас?

– Горничная Сондерс.

– Она первая подняла тревогу?

– Она и миссис Кинг, кухарка.

– Где они теперь?

– Вероятно, на кухне.

– В таком случае, начнем с того, что выслушаем их рассказ.

Старинный зал с высокими окнами, облицованный дубом, был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло; взор его был непреклонен, лицо сурово. Я читал в его глазах решимость посвятить, если понадобится, всю свою жизнь тому, чтобы человек, которого ему не удалось спасти, был хотя бы отомщен. Странное наше сборище, кроме меня, состояло из инспектора Мартина, старого, седобородого сельского врача и туповатого деревенского полисмена.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, свеча горела на столе. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мертв. Возле окна корчилась его жена, прислонясь головой к стене. Рана ее была ужасна – кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем, с помощью конюха и работающего на конюшне мальчишки, они отнесли свою раненую хозяйку в ее комнату. На ней было платье, на ее муже – халат, надетый поверх ночной сорочки. Между мужем и женой никогда не бывало ссор. Их все считали чрезвычайно дружными супругами.

Вот главнейшие показания прислуги. Отвечая инспектору Мартину, обе женщины заявили, что все двери были заперты изнутри и что никому не удалось бы ускользнуть из дома. Отвечая Холмсу, они обе вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат во втором этаже.

– Советую вам обратить самое серьезное внимание на этот факт, – сказал Холмс инспектору Мартину. – А теперь, по-моему, следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходившего в сад. Внимание наше прежде всего было привлечено грузным телом несчастного сквайра, распростертым на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла в теле. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха. Сельский врач утверждал, что у миссис Кьюбитт были пятна пороха на лице, но не на руках.

– Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает все, – сказал Холмс. – Если только порох случайно не высыплется из плохо прилаженного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли… Теперь можно унести тело мистера Кьюбитта. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

– Для этого пришлось бы сделать серьезную операцию. Но в револьвере осталось еще четыре заряда. Выстрелов

было два, ран – тоже две, следовательно, установить судьбу каждой пули нетрудно.

– Это так только кажется, – сказал Холмс. – Будьте любезны, установите судьбу вон той пули, которая пробила край оконной рамы.

Он внезапно повернулся и своим длинным, тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

– Черт возьми! – воскликнул инспектор. – Как вам удалось это найти?

– Я нашел, потому что искал.

– Удивительно? – сказал сельский врач. – Вы совершенно правы, сэр: значит, был третий выстрел и, следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

– На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить, – сказал Шерлок Холмс. – Если помните, инспектор Мартин, когда служанки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это нужно обратить внимание.

– Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

– Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время.

– Почему на короткое время?

– Потому что – взгляните сами – эта свеча не оплыла стеарином.

– Верно, верно! – вскричал инспектор. – Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришел к выводу, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашел след пули.

– Но каким же образом окно оказалось закрытым?

– Его несомненно закрыла женщина, закрыла инстинктивно… Но что это? А!

На столе кабинета лежала дамская сумочка – нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол ее содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перевязанных тесемкой, и больше ничего.

– Возьмите, это будет фигурировать на суде, – сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с ее содержимым. – Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис Кинг, кухаркой… Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

– Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

– А не думаете ли вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

– Не могу в этом разобраться, сэр.

– Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор Мартин, что в этой комнате мы больше ничего не узнаем.

Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном кабинета оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы громко вскрикнули. Цветы были вытоптаны, на мягкой земле отчетливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень длинными и острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пес, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндрик.

– Я так и думал! – сказал он. – Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы Холмса. Сперва он пробовал было отстаивать свое собственное мнение, но скоро пришел от Холмса в такой восторг, что полностью подчинился ему.

– Кого вы подозреваете? – спросил он.

– Я скажу вам позже. В этом деле есть несколько пунктов, которые я еще не в состоянии вам разъяснить. Я в своих открытиях зашел уже так далеко, что будет благоразумнее, если я подожду еще немного, а потом объясню вам все сразу.

– Как вам угодно, мистер Холмс, лишь бы убийца не ушел от нас.

– У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, а просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные объяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнется, нам удастся восстановить все происшествия

этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли перекрестному допросу, но никто из них не слыхал о такой гостинице. Только мальчишка, работавший на конюшне, внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалеку от Ист-Рэстона, живет фермер по фамилии Элридж.

– Его ферма лежит в стороне от других?

– Далеко от других, сэр.

– И, вероятно, там еще не слыхали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

– Вероятно, не слыхали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

– Седлай коня, мой мальчик! – сказал он. – Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа.

Он вынул из кармана несколько бумажек с пляшущими человечками. Усевшись за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец он вручил мальчику записку, приказал ему передать ее непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть – он был написан неровным, неправильным почерком, нисколько не похожим на обычный четкий почерк Холмса. Записка было адресована мистеру Аб Слени, на ферму Элриджа, Ист-Рэстон в Норфолке.

– Мне кажется, инспектор, – заметил Холмс, – что вам следует вызвать по телеграфу конвой, так как, если мои

предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника. Мальчик, которого я посылаю с запиской, может заодно отправить и вашу телеграмму. Мы вернемся в город послеобеденным поездом, Уотсон, так как сегодня вечером мне необходимо закончить один любопытный химический анализ. А дело, которое привело нас сюда, быстро приближается к развязке.

Когда мальчик с запиской ускакал, Шерлок Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбитт, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво потребовал самого точного исполнения этого приказания. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что все теперь сделается без нас, а нам остается только сидеть и поджидать, какая дичь попадет в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

– Я помогу вам провести этот час интересно и полезно, – сказал Холмс, пододвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков. – Перед вами, друг Уотсон, мне необходимо загладить свою вину: я так долго дразнил ваше любопытство. Для вас же, инспектор, все это дело будет великолепным профессиональным уроком. Прежде всего я должен рассказать вам о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбиттом на Бейкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что нам уже известно.

– Вот передо мною эти забавные рисунки, которые

могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня совершенная новость. Цель изобретателя этой системы заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто догадается, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне нужен был свежий материал. Посетив меня во второй раз, мистер Хилтон Кьюбитт передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в ней не было флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырех букв. Вот это слово:

Как видите, оно кончается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбитт эти послания, был

безусловно близко с ней знаком. Вполне естественно, что он называет ее просто по имени. А имя ее состоит из четырех букв и кончается той же буквой, какой начинается: зовут ее Илси. Таким образом, я оказался обладателем трех букв: И, Л и С.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбитт по имени и, видимо, чего-то требует от нее. Чего он может от нее требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:

В нем семь букв: третья буква и последняя – И. Я предположил, что слово это «ПРИХОДИ», и сразу оказался обладателем еще пяти букв: П, Р, Х, О, Д. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом и что написала его миссис Кьюбитт. Вот оно:

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

И.О.Д.

Что же могла миссис Кьюбитт ответить на его просьбу прийти? Внезапно я догадался. Она ответила: «НИКОГДА».

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке. Вот она:

Если подставить под эту надпись уже известные нам буквы, получается:

. .Д.С. А. СЛНИ Предположим, что второе слово «ЗДЕСЬ», В таком случае, последнее слово «СЛЕНИ». Это фамилия, чрезвычайно распространенная в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя «Аб». Теперь остается установить только первое слово фразы; оно состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоимение «я». Итак, в первом послании написано: «Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ». Ну, а теперь у меня уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА». Мне пришло в голову, что «Элридж» – название дома или гостиницы, и которой живет человек, все это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчет о том, каким образом мой приятель разгадывал тайну пляшущих человечков.

– Что же вы сделали дальше, сэр? – спросил инспектор.

– Так как имя «Аб» употребляется только в Америке и так как все дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени – американец. Кроме того, я подозревал, что за

всем этим кроется какое-то преступление. Мое подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбитт с таким упорством скрывала от мужа свое прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбитт сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО.ОВЬСЯ К С.ЕР.И Так я узнал буквы М и Т, которые до сих пор мне не попадались. «ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ»! Мерзавец от просьб перешел к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

– Большая честь – совместно с вами раскрывать преступление, – сказал инспектор мягко. – Однако, надеюсь, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерет, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

– Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

– Откуда вы знаете?

– Удрать – это значит сознаться в своей вине.

– В таком случае, давайте поедем и арестуем его.

– Я жду его сюда с минуты на минуту.

– Почему вы думаете, что он придет?

– Оттого, что я написал ему и попросил прийти.

– Все это слишком опрометчиво, мистер Холмс! Неужели он придет потому, что вы попросили его? Не легче ли предположить, что ваше письмо возбудит в нем подозрения и он попытается скрыться?

– Все зависит от того, как составить письмо, – сказал Шерлок Холмс. – Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идет к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с черной жесткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно все кругом принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

– Я полагаю, джентльмены, – спокойно сказал Холмс, – что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеешь дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Целая минута прошла в тишине – одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

Все это было проделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он переводил с одного на другого взгляд своих блестящих черных глаз, потом горько рассмеялся:

– Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Теперь уж мне от вас не уйти… Однако меня вызывала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбитт… Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

– Миссис Хилтон Кьюбитт тяжело ранена и находятся при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнесся по всему дому.

– Да вы с ума сошли! – заорал он яростно. – Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на ее прекрасной голове. Возьмите свои слова обратно – эй, вы! Скажите, что она не ранена!

– Она была найдена тяжело раненной возле своего мертвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния.

– Мне нечего скрывать от вас, джентльмены, – сказал он. – Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, – следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил ее. Я имел все права на нее. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на нее права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

– Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, – сурово сказал Холмс. – Она бежала из Америки, чтобы спрятаться от вас, и вышла замуж в Англии за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали ее, вы старались заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами… А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придется держать ответ.

– Если Илси умрет, мне все равно, что будет со мною, – сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

– Послушайте, мистер, – вскричат он, и глаза его недоверчиво блеснули, – а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

– Ее написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

– Ее написали вы? На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать ее?

– То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, – сказал Холмс. – Вот приближается кэб, в котором вас отправят в Норвич, мистер Слени. Но у вас есть еще возможность немного исправить причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбитт сама была заподозрена в убийстве своего мужа и что только мое присутствие здесь и добытые мною сведения спасли ее от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь

мир, что она ни прямо, ни косвенно неповинна в его трагической смерти.

– Так я и сделаю, – сказал американец. – Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребенком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарем. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрел буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илси знала о некоторых наших делах, но она терпеть не могла нашей профессии, а так как у нее было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она ускользнула от нас и уехала в Лондон. Она была помолвлена со мной и вышла бы за меня замуж, если бы я переменил профессию, но с людьми нашей профессии она не желала иметь ничего общего. Мне удалось напасть на ее след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получит. Тогда я приехал сюда и, так как она могла не получить моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из нее по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать,

уверяя, что сердце ее будет разбито, если ее муж попадет в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж ее будет спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю ее в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал ее муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал прочь через сад и услышал, как сзади захлопнули окно… Все это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слыхал, пока ко мне не прискакал мальчишка с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки…

Тем временем к дому подъехал кэб; в нем сидели два полисмена.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо:

– Пора ехать.

– Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

– Нет, она еще не очнулась… Мистер Шерлок Холмс, мне остается только надеяться, что когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный

преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

– Попробуйте прочитать ее, Уотсон, – сказал он улыбаясь.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:

– Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО». Я не сомневался, что это приглашение приведет его сюда, ибо он будет убежден, что, кроме миссис Кьюбитт, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру… Мне кажется, я выполнил свое обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бейкер-стрит как раз к обеду.

Еще несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норвиче был приговорен к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и доказанность того, что Хилтон Кьюбитт выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбитт мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она все еще вдова и что она посвятила свою жизнь заботам о бедных.

ГОРБУН

Однажды летним вечером, спустя несколько месяцев после моей женитьбы, я сидел у камина и, покуривая последнюю трубку, дремал над каким-то романом – весь день я был на ногах и устал до потери сознания. Моя жена поднялась наверх, в спальню, да и прислуга уже отправилась на покой – я слышал, как запирали входную дверь. Я встал и начал было выколачивать трубку, как раздался звонок.

Я взглянул на часы. Было без четверти двенадцать. Поздновато для гостя. Я подумал, что зовут к пациенту и чего доброго придется сидеть всю ночь у его постели. С недовольной гримасой я вышел в переднюю, отворил дверь. И страшно удивился – на пороге стоял Шерлок Холмс.

– Уотсон, – сказал он, – я надеялся, что вы еще не спите.

– Рад вас видеть. Холмс.

– Вы удивлены, и не мудрено! Но, я полагаю, у вас отлегло от сердца! Гм… Вы курите все тот же табак, что и в холостяцкие времена. Ошибки быть не может: на вашем костюме пушистый пепел. И сразу видно, что вы привыкли носить военный мундир, Уотсон. Вам никогда не выдать себя за чистокровного штатского, пока вы не бросите привычки засовывать платок за обшлаг рукава. Вы меня приютите сегодня?

– С удовольствием.

– Вы говорили, что у вас есть комната для одного гостя, и, судя по вешалке для шляп, она сейчас пустует.

– Я буду рад, если вы останетесь у меня.

– Спасибо. В таком случае я повешу свою шляпу на свободный крючок. Вижу, у вас в доме побывал рабочий. Значит, что-то стряслось. Надеюсь, канализация в порядке?

– Нет, это газ…

– Ага! на вашем линолеуме остались две отметины от гвоздей его башмаков… как раз в том месте, куда падает свет. Нет, спасибо, я уже поужинал в Ватерлоо, но с удовольствием выкурю с вами трубку.

Я вручил ему свой кисет, и он, усевшись напротив, некоторое время молча курил. Я прекрасно знал, что привести его ко мне в столь поздний час могло только очень важное дело, и терпеливо ждал, когда он сам заговорит.

– Вижу, сейчас вам много приходится заниматься вашим прямым делом, – сказал он, бросив на меня проницательный взгляд.

– Да, сегодня был особенно тяжелый день, – ответил я и, подумав, добавил: – Возможно, вы сочтете это глупым, но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся.

– Я ведь знаю ваши привычки, мой дорогой Уотсон, – сказал он. – Когда у вас мало визитов, вы ходите пешком, а когда много, – берете кэб. А так как я вижу, что ваши ботинки не грязные, а лишь немного запылились, то я, ни минуты не колеблясь, делаю вывод, что в настоящее время у вас работы по горло и вы ездите в кэбе.

– Превосходно! – воскликнул я.

– И совсем просто, – добавил он. – Это тот самый случай, когда можно легко поразить воображение собеседника, упускающего из виду какое-нибудь небольшое обстоятельство, на котором, однако, зиждется весь ход рассуж-

дений. То же самое, мой дорогой Уотсон, можно сказать и о ваших рассказиках, интригующих читателя только потому, что вы намеренно умалчиваете о некоторых подробностях. Сейчас я нахожусь в положении этих самых читателей, так как держу в руках несколько нитей одного очень странного дела, объяснить которое можно, только зная все его обстоятельства. И я их узнаю, Уотсон, непременно узнаю!

Глаза его заблестели, впалые щеки слегка зарумянились. На мгновение на лице отразился огонь его беспокойной, страстной натуры. Но тут же погас. И лицо опять стало бесстрастной маской, как у индейца. О Холмсе часто говорили, что он не человек, а машина.

– В этом деле есть интересные особенности, – добавил он. – Я бы даже сказал – исключительно интересные особенности. Мне кажется, я уже близок к его раскрытию. Остается выяснить немногое. Если бы вы согласились поехать со мной, вы оказали бы мне большую услугу.

– С великим удовольствием.

– Могли бы вы отправиться завтра в Олдершот?

– Конечно. Я уверен, что Джексон не откажется посетить моих пациентов.

– Поедем поездом, который отходит от Ватерлоо в десять часов одиннадцать минут.

– Прекрасно. Я как раз успею договориться с Джексоном.

– В таком случае, если вы не очень хотите спать, я коротко расскажу вам, что случилось и что нам предстоит.

– До вашего прихода мне очень хотелось спать. А теперь сна ни в одном глазу.

– Я буду краток, но постараюсь не упустить ничего

важного. Возможно, вы читали в газетах об этом происшествии. Я имею в виду предполагаемое убийство полковника Барклея из полка «Роял Мэллоуз», расквартированного в Олдершоте.

– Нет, не читал.

– Значит, оно еще не получило широкой огласки. Не успело. Полковника нашли мертвым всего два дня назад. Факты вкратце таковы.

Как вы знаете, «Роял Мэллоуз» – один из самых славных полков британской армии. Он отличился и в Крымскую кампанию и во время восстания сипаев. До прошлого понедельника им командовал Джеймс Барклей, доблестный ветеран, который начал службу рядовым солдатом, был за храбрость произведен в офицеры и в конце концов стал командиром полка, в который пришел новобранцем.

Полковник Барклей женился, будучи еще сержантом. Его жена, в девичестве мисс Нэнси Дэвой, была дочерью отставного сержанта-знаменщика, когда-то служившего в той же части. Нетрудно себе представить, что в офицерской среде молодую пару приняли не слишком благожелательно. Но они, по-видимому, быстро освоились. Насколько мне известно, миссис Барклей всегда пользовалась расположением полковых дам, а ее супруг – своих сослуживцев-офицеров. Я могу еще добавить, что она была очень красива, и даже теперь, через тридцать лет, она все еще очень привлекательна.

Полковник Барклей бы, по-видимому, всегда счастлив в семейной жизни. Майор Мерфи, которому я обязан большей частью своих сведений, уверяет меня, что он никогда не слышал ни о каких размолвках этой четы. Но, в общем,

он считает, что Барклей любил свою жену больше, чем она его. Расставаясь с ней даже на один день, он очень тосковал. Она же, хотя и была нежной и преданной женой, относилась к нему более ровно. В полку их считали образцовой парой. В их отношениях не было ничего такого, что могло бы хоть отдаленно намекнуть на возможность трагедии.

Характер у полковника Барклея был весьма своеобразный. Обычно веселый и общительный, этот старый служака временами становился вспыльчивым и злопамятным. Однако эта черта его характера, по-видимому, никогда не проявлялась по отношению к жене. Майора Мерфи и других трех офицеров из пяти, с которыми я беседовал, поражало угнетенное состояние, порой овладевавшее полковником. Как выразился майор, средь шумной и веселой застольной беседы нередко будто чья-то невидимая рука вдруг стирала улыбку с его губ. Когда на него находило, он помногу дней пребывал в сквернейшем настроении. Была у него в характере еще одна странность, замеченная сослуживцами, – он боялся оставаться один, и особенно в темноте. Эта ребяческая черта у человека, несомненно обладавшего мужественным характером, вызывала толки и всякого рода догадки.

Первый батальон полка «Роял Мэллоуз» квартировал уже несколько лет в Олдершоте. Женатые офицеры жили все в казармах, и полковник все это время занимал виллу Лэчайн, находящуюся примерно в полумиле от Северного лагеря. Дом стоит в глубине сада, но его западная сторона всего ярдах в тридцати от дороги. Прислуга в доме – кучер, горничная и кухарка. Только они да их господин с госпо-

жой жили в Лэчайн. Детей у Барклеев не было, а гости у них останавливались нечасто.

А теперь я расскажу о событиях, которые произошли в Лэчайн в этот понедельник между девятью и десятью часами вечера.

Миссис Барклей была, как оказалось, католичка и принимала горячее участие в деятельности благотворительного общества «Сент-Джордж», основанного при церкви на Уот-стрит, которое собирало и раздавало беднякам поношенную одежду. Заседание общества было назначено в тот день на восемь часов вечера, и миссис Барклей пообедала наскоро, чтобы не опоздать. Выходя из дому, она, по словам кучера, перекинулась с мужем несколькими ничего не значащими словами и обещала долго не задерживаться. Потом она зашла за мисс Моррисон, молодой женщиной, жившей в соседней вилле, и они вместе отправились на заседание, которое продолжалось минут сорок. В четверть десятого миссис Барклей вернулась домой, расставшись с мисс Моррисон у дверей виллы, в которой та жила.

Гостиная виллы Лэчайн обращена к дороге, и ее большая стеклянная дверь выходит на газон, имеющий в ширину ярдов тридцать и отделенный от дороги невысокой железной оградой на каменном основании. Вернувшись, миссис Барклей прошла именно в эту комнату. Шторы не были опущены, так как в ней редко сидят по вечерам, но миссис Барклей сама зажгла лампу, а затем позвонила и попросила горничную Джейн Стюарт принести ей чашку чаю, что было совершенно не в ее привычках. Полковник был в столовой; услышав, что жена вернулась, он пошел к

ней. Кучер видел, как он, миновав холл, вошел в комнату. Больше его в живых не видели.

Минут десять спустя чай был готов, и горничная понесла его в гостиную. Подойдя к двери, она с удивлением услышала гневные голоса хозяина и хозяйки. Она постучала, но никто не откликнулся. Тогда она повернула ручку, однако дверь оказалась запертой изнутри. Горничная, разумеется, побежала за кухаркой. Обе женщины, позвав кучера, поднялись в холл и стали слушать. Ссора продолжалась. За дверью, как показывают все трое, раздавались только два голоса – Барклея и его жены. Барклей говорил тихо и отрывисто, так что ничего нельзя было разобрать. Хозяйка же очень гневалась, и, когда повышала голос, слышно ее было хорошо. «Вы трус! – повторяла она снова и снова. – Что же теперь делать? Верните мне жизнь. Я не могу больше дышать с вами одним воздухом! Вы трус, трус!» Вдруг послышался страшный крик, это кричал хозяин, потом грохот и, наконец, душераздирающий вопль хозяйки. Уверенный, что случилась беда, кучер бросился к двери, за которой не утихали рыдания, и попытался высадить ее. Дверь не поддавалась. Служанки от страха совсем потеряли голову, и помощи от них не было никакой. Кучер вдруг сообразил, что в гостиной есть вторая дверь, выходящая в сад. Он бросился из дому. Одна из створок двери были открыта – дело обычное по летнему времени, – и кучер в мгновение ока очутился в комнате. На софе без чувств лежала его госпожа, а рядом с задранными на кресло ногами, с головой в луже крови на полу у каминной решетки распростерлось тело хозяина. Несчастный полковник был мертв.

Увидев, что хозяину уже ничем не поможешь, кучер решил первым делом отпереть дверь в холл. Но тут перед ним возникло странное и неожиданное препятствие. Ключа в двери не было. Его вообще не было нигде в комнате. Тогда кучер вышел через наружную дверь и отправился за полицейским и врачом. Госпожу, на которую, разумеется, прежде всего пало подозрение, в бессознательном состоянии отнесли в ее спальню. Тело полковника положили на софу, а место происшествия тщательно осмотрели.

На затылке полковника была обнаружена большая рваная рана, нанесенная каким-то тупым орудием. Каким – догадаться было нетрудно. На полу, рядом с трупом, валялась необычного вида дубинка, вырезанная из твердого дерева, с костяной ручкой. У полковника была коллекция всевозможного оружия, вывезенного из разных стран, где ему приходилось воевать, и полицейские высказали предположение, что дубинка принадлежит к числу его трофеев. Однако слуги утверждают, что прежде они этой дубинки не видели. Но так как в доме полно всяких диковинных вещей, то возможно, что они проглядели одну из них. Ничего больше полицейским обнаружить в комнате не удалось. Неизвестно было, куда девался ключ: ни в комнате, ни у миссис Барклей, ни у ее несчастного супруга его не нашли. Дверь в конце концов пришлось открывать местному слесарю.

Таково было положение вещей, Уотсон, когда во вторник утром по просьбе майора Мерфи я отправился в Олдершот, чтобы помочь полиции. Думаю, вы согласитесь со мной, что дело уже было весьма интересное, но, ознакомившись с ним подробнее, я увидел, что оно представляет исключительный интерес.

Перед тем, как осмотреть комнату, я допросил слуг, но ничего нового от них не узнал. Только горничная Джейн Стюарт припомнила одну важную подробность. Услышав, что господа ссорятся, она пошла за кухаркой и кучером, если вы помните. Хозяин и хозяйка говорили очень тихо, так что о ссоре она догадалась скорее по их раздраженному тону, чем по тому, что они говорили. Но благодаря моей настойчивости она все-таки вспомнила одно слово из разговора хозяев: миссис Барклей дважды произнесла имя «Давид». Это очень важное обстоятельство – оно дает нам ключ к пониманию причины ссоры. Ведь полковника, как вы знаете, звали Джеймс.

В деле есть также обстоятельство, которое произвело сильнейшее впечатление и на слуг, и на полицейских. Лицо полковника исказил смертельный страх. Гримаса была так ужасна, что мороз продирал по коже. Было ясно, что полковник видел свою судьбу, и это повергло его в неописуемый ужас. Это, в общем, вполне вязалось с версией полиции о виновности жены, если, конечно, допустить, что полковник видел, кто наносит ему удар. А тот факт, что рана оказалась на затылке, легко объяснили тем, что полковник пытался увернуться. Миссис Барклей ничего объяснить не могла: после пережитого потрясения она находилась в состоянии временного беспамятства, вызванного нервной лихорадкой.

От полицейских я узнал еще, что мисс Моррисон, которая, как вы помните, возвращалась в тот вечер домой вместе с миссис Барклей, заявила, что ничего не знает о причине плохого настроения своей приятельницы.

Узнав все это, Уотсон, я выкурил несколько трубок

подряд, пытаясь понять, что же главное в этом нагромождении фактов. Прежде всего бросается в глаза странное исчезновение дверного ключа. Самые тщательные поиски в комнате оказались безрезультатными. Значит, нужно предположить, что его унесли. Но ни полковник, ни его супруга не могли этого сделать. Это ясно. Значит, в комнате был кто-то третий. И этот третий мог проникнуть внутрь только через стеклянную дверь. Я сделал вывод, что тщательное обследование комнаты и газона могло бы обнаружить какие-нибудь следы этого таинственного незнакомца. Вы знаете мои методы, Уотсон. Я применил их все и нашел следы, но совсем не те, что ожидал. В комнате действительно был третий – он пересек газон со стороны дороги. Я обнаружил пять отчетливых следов его обуви – один на самой дороге, в том месте, где он перелезал через невысокую ограду, два на газоне и два, очень слабых, на крашеных ступенях лестницы, ведущей к двери, в которую он вошел. По газону он, по всей видимости, бежал, потому что отпечатки носков гораздо более глубокие, чем отпечатки каблуков. Но поразил меня не столько этот человек, сколько его спутник.

– Спутник?

Холмс достал из кармана большой лист папиросной бумаги и тщательно расправил его на колене.

– Как вы думаете, что это такое? – спросил он.

На бумаге были следы лап какого-то маленького животного. Хорошо заметны были отпечатки пяти пальцев и отметины, сделанные длинными когтями. Каждый след достигал размеров десертной ложки.

– Это собака, – сказал я.

– А вы когда-нибудь слышали, чтобы собака взбиралась вверх по портьерам? Это существо оставило следы и на портьере.

– Тогда обезьяна?

– Но это не обезьяньи следы.

– В таком случае, что бы это могло быть?

– Ни собака, ни кошка, ни обезьяна, ни какое бы то ни было другое известное вам животное! Я пытался представить себе его размеры. Вот видите, расстояние от передних лап до задних не менее пятнадцати дюймов. Добавьте к этому длину шеи и головы – и вы получите зверька длиной около двух футов, а возможно, и больше, если у него есть хвост. Теперь взгляните вот на эти следы. Они дают нам длину его шага, которая, как видите, постоянна и составляет всего три дюйма. А это значит, что у зверька длинное тело и очень короткие лапы. К сожалению, он не позаботился оставить нам где-нибудь хотя бы один волосок. Но, в общем, его внешний вид ясен, он может лазать по портьерам. И, кроме того, наш таинственный зверь – существо плотоядное.

– А это почему?

– А потому, что над дверью, занавешенной портьерой, висит клетка с канарейкой. И зверек, конечно, взобрался по шторе вверх, рассчитывая на добычу.

– Какой же это все-таки зверь?

– Если бы я это знал, дело было бы почти раскрыто. Я думаю, что этот зверек из семейства ласок или горностаев. Но, если память не изменяет мне, он больше и ласки и горностая.

– А в чем заключается его участие в этом деле?

– Пока не могу сказать. Но согласитесь, нам уже многое известно. Мы знаем, во-первых, что какой-то человек стоял на дороге и наблюдал за ссорой Барклеев: ведь шторы были подняты, а комната освещена. Мы знаем также, что он перебежал через газон в сопровождении какого-то странного зверька и либо ударил полковника, либо, тоже вероятно, полковник, увидев нежданного гостя, так испугался, что лишился чувств и упал, ударившись затылком об угол каминной решетки. И, наконец, мы знаем еще одну интересную деталь: незнакомец, побывавший в этой комнате, унес с собой ключ.

– Но ваши наблюдения и выводы, кажется, еще больше запутали дело, – заметил я.

– Совершенно верно. Но они с несомненностью показали, что первоначальные предположения неосновательны. Я продумал все снова и пришел к заключению, что должен рассмотреть это дело с иной точки зрения. Впрочем, Уотсон, вам давно уже пора спать, а все остальное я могу с таким же успехом рассказать вам завтра по пути в Олдершот.

– Покорно благодарю, вы остановились на самом интересном месте.

– Ясно, что когда миссис Барклей уходила в половине восьмого из дому, она не была сердита на мужа. Кажется, я упоминал, что она никогда не питала к нему особенно нежных чувств, но кучер слышал, как она, уходя, вполне дружелюбно болтала с ним. Вернувшись же, она тотчас пошла в комнату, где меньше всего надеялась застать супруга, и попросила чаю, что говорит о расстроенных чувствах. А когда в гостиную вошел полковник, разрази-

лась буря. Следовательно, между половиной восьмого и девятью часами случилось что-то такое, что совершенно переменило ее отношение к нему. Но в течение всего этого времени с нею неотлучно была мисс Моррисон, из чего следует, что мисс Моррисон должна что-то знать, хотя она и отрицает это.

Сначала я предположил, что у молодой женщины были с полковником какие-то отношения, в которых она и призналась его жене. Это объясняло, с одной стороны, почему миссис Барклей вернулась домой разгневанная, а с другой – почему мисс Моррисон отрицает, что ей что-то известно. Это соображение подкреплялось и словами миссис Барклей, сказанными во время ссоры. Но тогда при чем здесь какой-то Давид? Кроме того, полковник любил свою жену, и трудно было предположить существование другой женщины. Да и трагическое появление на сцене еще одного мужчины вряд ли имеет связь с предполагаемым признанием мисс Моррисон. Нелегко было выбрать верное направление. В конце концов я отверг предположение, что между полковником и мисс Моррисон что-то было. Но убеждение, что девушка знает причину внезапной ненависти миссис Барклей к мужу, стало еще сильнее. Тогда я решил пойти прямо к мисс Моррисон и сказать ей, что я не сомневаюсь в ее осведомленности и что ее молчание может дорого обойтись миссис Барклей, которой наверняка предъявят обвинение в убийстве.

Мисс Моррисон оказалась воздушным созданием с белокурыми волосами и застенчивым взглядом, но ей ни в коем случае нельзя было отказать ни в уме, ни в здравом смысле. Выслушав меня, она задумалась, потом поверну-

лась ко мне с решительным видом и сказала мне следующие замечательные слова.

– Я дала миссис Барклей слово никому ничего не говорить. А слово надо держать, – сказала она. – Но, если я могу ей помочь, когда против нее выдвигается такое серьезное обвинение, а она сама, бедняжка, не способна защитить себя из-за болезни, то, я думаю, мне будет простительно нарушить обещание. Я расскажу вам абсолютно все, что случилось с нами в понедельник вечером.

Мы возвращались из церкви на Уот-стрит примерно без четверти девять. Надо было идти по очень пустынной улочке Хадсон-стрит. Там на левой стороне горит всего один фонарь, и, когда мы приближались к нему, я увидела сильно сгорбленного мужчину, который шел нам навстречу с каким-то ящиком, висевшим через плечо. Это был калека, весь скрюченный, с кривыми ногами. Мы поравнялись с ним как раз в том месте, где от фонаря падал свет. Он поднял голову, посмотрел на нас, остановился как вкопанный и закричал душераздирающим голосом: «О, Боже, ведь это же Нэнси!» Миссис Барклей побелела как мел и упала бы, если бы это ужасное существо не подхватило ее. Я уже было хотела позвать полицейского, но, к моему удивлению, они заговорили вполне мирно.

«Я была уверена, Генри, все эти тридцать лет, что тебя нет в живых», – сказала миссис Барклей дрожащим голосом.

«Так оно и есть».

Эти слова были сказаны таким тоном, что у меня сжалось сердце. У несчастного было очень смуглое и сморщенное, как печеное яблоко, лицо, совсем седые волосы и

бакенбарды, а сверкающие его глаза до сих пор преследуют меня по ночам.

«Иди домой, дорогая, я тебя догоню, – сказала миссис Барклей. – Мне надо поговорить с этим человеком наедине. Бояться нечего».

Она бодрилась, но по-прежнему была смертельно бледна, и губы у нее дрожали.

Я пошла вперед, а они остались. Говорили они всего несколько минут. Скоро миссис Барклей догнала меня, глаза ее горели. Я обернулась: несчастный калека стоял под фонарем и яростно потрясал сжатыми кулаками, точно он потерял рассудок. До самого моего дома она не произнесла ни слова и только у калитки взяла меня за руку и стала умолять никому не говорить о встрече.

«Это мой старый знакомый. Ему очень не повезло в жизни», – сказала она.

Я пообещала ей, что не скажу никому ни слова, тогда она поцеловала меня и ушла. С тех пор мы с ней больше не виделись. Я рассказала вам всю правду, и если я скрыла ее от полиции, так только потому, что не понимала, какая опасность грозит миссис Барклей. Теперь я вижу, что ей можно помочь, только рассказав все без утайки.

Вот что я узнал он мисс Моррисон. Как вы понимаете, Уотсон, ее рассказ был для меня лучом света во мраке ночи. Все прежде разрозненные факты стали на свои места, и я уже смутно предугадывал истинный ход событий. Было очевидно, что я должен немедленно разыскать человека, появление которого так потрясло миссис Барклей. Если он все еще в Олдершоте, то сделать это было бы нетрудно. Там живет не так уж много штатских, а калека, конечно,

привлекает к себе внимание. Я потратил на поиски день и к вечеру нашел его. Это Генри Вуд. Он снимает квартиру на той самой улице, где его встретили дамы. Живет он там всего пятый день. Под видом служащего регистратуры я зашел к его квартирной хозяйке, и та выболтала мне весьма интересные сведения. По профессии этот человек – фокусник; по вечерам он обходит солдатские кабачки и дает в каждом небольшое представление. Он носит с собой в ящике какое-то животное. Хозяйка очень боится его, потому что никогда не видела подобного существа. По ее словам, это животное участвует в некоторых его трюках. Вот и все, что удалось узнать у хозяйки, которая еще добавила, что удивляется, как он, такой изуродованный, вообще живет на свете, и что по ночам он говорит иногда на каком-то незнакомом языке, а две последние ночи – она слышала – он стонал и рыдал у себя в спальне. Что же касается денег, то они у него водятся, хотя в задаток он дал ей, похоже, фальшивую монету. Она показала мне монету, Уотсон. Это была индийская рупия.

Итак, мой дорогой друг, вы теперь точно знаете, как обстоит дело и почему я просил вас поехать со мной. Очевидно, что после того, как дамы расстались с этим человеком, он пошел за ними следом, что он наблюдал за ссорой между мужем и женой через стеклянную дверь, что он ворвался в комнату и что животное, которое он носит с собой в ящике, каким-то образом очутилось на свободе. Все это не вызывает сомнений. Но самое главное – он единственный человек на свете, который может рассказать нам, что же, собственно, произошло в комнате.

– И вы собираетесь расспросить его?

– Безусловно… но в присутствии свидетеля.

– И этот свидетель я?

– Если вы будете так любезны. Если он все откровенно расскажет, то и хорошо. Если же нет, нам ничего не останется, как требовать его ареста.

– Но почему вы думаете, что он будет еще там, когда мы приедем?

– Можете быть уверены, я принял некоторые меры предосторожности. Возле его дома стоит на часах один из моих мальчишек с Бейкер-стрит. Он вцепился в него, как клещ, и будет следовать за ним, куда бы он не пошел. Так что мы встретимся с ним завтра на Хадсон-стрит, Уотсон. Ну, а теперь… С моей стороны было бы преступлением, если бы я сейчас же не отправил вас спать.

Мы прибыли в городок, где разыгралась трагедия, ровно в полдень, и Шерлок Холмс сразу же повел меня на Хадсон-стрит. Несмотря на его умение скрывать свои чувства, было заметно, что он едва сдерживает волнение, да и сам я испытывал полуспортивный азарт, то захватывающее любопытство, которое я всегда испытывал, участвуя в расследованиях Холмса.

– Это здесь, – сказал он, свернув на короткую улицу, застроенную простыми двухэтажными кирпичными домами. – А вот и Симпсон. Послушаем, что он скажет.

– Он в доме, мистер Холмс! – крикнул, подбежав к нам, мальчишка.

– Прекрасно, Симпсон! – сказал Холмс и погладил его по голове. – Пойдемте, Уотсон. Вот этот дом.

Он послал свою визитную карточку с просьбой принять его по важному делу, и немного спустя мы уже стояли

лицом к лицу с тем самым человеком, ради которого приехали сюда. Несмотря на теплую погоду, он льнул к пылавшему камину, а в маленькой комнате было жарко, как в духовке. Весь скрюченный, сгорбленный человек этот сидел на стуле в невообразимой позе, не оставляющей сомнения, что перед нами калека. Но его лицо, обращенное к нам, хотя и было изможденным и загорелым до черноты, носило следы красоты замечательной. Он подозрительно посмотрел на нас желтоватыми, говорящими о больной печени, глазами и, молча, не вставая, показал рукой на два стула.

– Я полагаю, что имею дело с Генри Вудом, недавно прибывшим из Индии? – вежливо осведомился Холмс. – Я пришел по небольшому делу, связанному со смертью полковника Барклея.

– А какое я имею к этому отношение?

– Вот это я и должен установить. Я полагаю, вы знаете, что если истина не откроется, то миссис Барклей, ваш старый друг, предстанет перед судом по обвинению в убийстве?

Человек вздрогнул.

– Я не знаю, кто вы, – закричал он, – и как вам удалось узнать то, что вы знаете, но клянетесь ли вы, что сказали правду?

– Конечно. Ее хотят арестовать, как только к ней вернется разум.

– Господи! А вы сами из полиции?

– Нет.

– Тогда какое же вам дело до всего этого?

– Стараться, чтобы свершилось правосудие, – долг каждого человека.

– Я даю вам слово, что она невиновна.

– В таком случае виновны вы.

– Нет, и я невиновен.

– Тогда кто же убил полковника Барклея?

– Он пал жертвой самого провидения. Но знайте же: если бы я вышиб ему мозги, что, в сущности, я мечтал сделать, то он только получил бы по заслугам. Если бы его не поразил удар от сознания собственной вины, весьма возможно, я бы сам обагрил руки его кровью. Хотите, чтобы я рассказал вам, как все было? А почему бы и не рассказать? Мне стыдиться нечего.

Дело было так, сэр. Вы видите, спина у меня сейчас горбатая, как у верблюда, а ребра все срослись вкривь и вкось, но было время, когда капрал Генри Вуд считался одним из первых красавцев в сто семнадцатом пехотном полку. Мы тогда были в Индии, стояли лагерем возле городка Бхарти. Барклей, который умер на днях, был сержантом в той роте, где служил я, а первой красавицей полка… да и вообще самой чудесной девушкой на свете была Нэнси Дэвой, дочь сержанта-знаменщика. Двое любили ее, а она любила одного; вы улыбнетесь, взглянув на несчастного калеку, скрючившегося у камина, который говорит, что когда-то он был любим за красоту. Но, хотя я и покорил ее сердце, отец хотел, чтобы она вышла замуж за Берклея. Я был ветреный малый, отчаянная голова, а он имел образование и уже был намечен к производству в офицеры. Но Нэнси была верна мне, и мы уже думали пожениться, как вдруг вспыхнул бунт и страна превратилась в ад кромешный.

Нас осадили в Бхарти – наш полк, полубатарею артил-

лерии, роту сикхов и множество женщин и всяких гражданских. Десять тысяч бунтовщиков стремились добраться до нас с жадностью своры терьеров, окруживших клетку с крысами. Примерно на вторую неделю осады у нас кончилась вода, и было сомнительно, чтобы мы могли снестись с колонной генерала Нилла, которая отступила в глубь страны. В этом было наше единственное спасение, так как надежды пробиться со всеми женщинами и детьми не было никакой. Тогда я вызвался пробраться сквозь осаду и известить генерала Нилла о нашем бедственном положении. Мое предложение было принято; я посоветовался с сержантом Барклеем, который, как считалось, лучше всех знал местность, и он объяснил мне, как лучше пробраться через линии бунтовщиков. В тот же вечер, в десять часов, я отправился в путь. Мне предстояло спасти тысячи жизней, но в тот вечер я думал только об одной.

Мой путь лежал по руслу пересохшей реки, которое, как мы надеялись, скроет меня от часовых противника, но только я ползком одолел первый поворот, как наткнулся на шестерых бунтовщиков, которые, притаившись в темноте, поджидали меня. В то же мгновение удар по голове оглушил меня. Очнулся я у врагов, связанный по рукам и ногам. И тут я получил смертельный удар в самое сердце: прислушавшись к разговору врагов, я понял, что мой товарищ, тот самый, что помог мне выбрать путь через вражеские позиции, предал меня, известив противника через своего слугу-туземца.

Стоит ли говорить, что было дальше? Теперь вы знаете, на что был способен Джеймс Барклей. На следующий день подоспел на выручку генерал Нилл, и осада была снята, но,

отступая, бунтовщики захватили меня с собой. И прошло много-много лет, прежде чем я снова увидел белые лица. Меня пытали, я бежал, меня поймали и снова пытали. Вы видите, что они со мной сделали. Потом бунтовщики бежали в Непал и меня потащили с собой. В конце концов я очутился в горах за Дарджилингом. Но горцы перебили бунтовщиков, и я стал пленником горцев, покуда не бежал. Путь оттуда был только один – на север. И я оказался у афганцев. Там я бродил много лет и в конце концов вернулся в Пенджаб, где жил по большей части среди туземцев и зарабатывал на хлеб, показывая фокусы, которым я к тому времени научился. Зачем было мне, жалкому калеке, возвращаться в Англию и искать старых товарищей? Даже жажда мести не могла заставить меня решиться на этот шаг. Я предпочитал, чтобы Нэнси и мои старые друзья думали, что Генри Вуд умер с прямой спиной, я не хотел предстать перед ними похожим на обезьяну. Они не сомневались, что я умер, и мне хотелось, чтобы они так и думали. Я слышал, что Барклей женился на Нэнси и что он сделал блестящую карьеру в полку, но даже это не могло вынудить меня заговорить.

Но когда приходит старость, человек начинает тосковать по родине. Долгие годы я мечтал о ярких зеленых полях и живых изгородях Англии. И я решил перед смертью повидать их еще раз. Я скопил на дорогу денег и вот поселился здесь, среди солдат, – я знаю, что им надо, знаю, чем их позабавить, и заработанного вполне хватает мне на жизнь.

– Ваш рассказ очень интересен, – сказал Шерлок Холмс. – О вашей встрече с миссис Барклей и о том, что вы

узнали друг друга, я уже слышал. Как я могу судить, поговорив с миссис Барклей, вы пошли за ней следом и стали свидетелем ссоры между женой и мужем. В тот вечер миссис Барклей бросила в лицо мужу обвинение в совершенной когда-то подлости. Целая буря чувств вскипела в вашем сердце, вы не выдержали, бросились к дому и ворвались в комнату…

– Да, сэр, все именно так и было. Когда он увидел меня, лицо у него исказилось до неузнаваемости. Он покачнулся и тут же упал на спину, ударившись затылком о каминную решетку. Но он умер не от удара, смерть поразила его сразу, как только он увидел меня. Я это прочел на его лице так же просто, как читаю сейчас вон ту надпись над камином. Мое появление было для него выстрелом в сердце.

– А потом?

– Нэнси потеряла сознание, я взял у нее из руки ключ, думая отпереть дверь и позвать на помощь. Вложив ключ в скважину, я вдруг сообразил, что, пожалуй, лучше оставить все как есть и уйти, ведь дело очень легко может обернуться против меня. И уж, во всяком случае, секрет мой, если бы меня арестовали, стал бы известен всем.

В спешке я опустил ключ в карман, а ловя Тедди, который успел взобраться на портьеру, потерял палку. Сунув его в ящик, откуда он каким-то образом улизнул, я бросился вон из этого дома со всей быстротой, на какую были способны мои ноги.

– Кто этот Тедди? – спросил Холмс.

Горбун наклонился и выдвинул переднюю стенку ящика, стоявшего в углу. Тотчас из него показался красивый красновато-коричневый зверек, тонкий и гибкий, с

лапками горностая, с длинным, тонким носом и парой самых прелестных глазок, какие я только видел у животных.

– Это же мангуста! – воскликнул я.

– Да, – кивнув головой, сказал горбун. – Одни называют его мангустом, а другие фараоновой мышью. Змеелов – вот как зову его я. Тедди замечательно быстро расправляется с кобрами. У меня здесь есть одна, у которой вырваны ядовитые зубы. Тедди ловит ее каждый вечер, забавляя солдат. Есть еще вопросы, сэр?

– Ну что ж, возможно, мы еще обратимся к вам, но только в том случае, если миссис Барклей придется действительно туго.

– Я всегда к вашим услугам.

– Если же нет, то вряд ли стоит ворошить прошлую жизнь покойного, как бы отвратителен ни был его поступок. У вас по крайней мере есть то удовлетворение, что он тридцать лет мучился угрызениями совести. А это, кажется, майор Мерфи идет по той стороне улицы? До свидания, Вуд. Хочу узнать, нет ли каких новостей со вчерашнего дня.

Мы догнали майора, прежде чем он успел завернуть за угол.

– А, Холмс, – сказал он. – Вы уже, вероятно, слышали, что весь переполох кончился ничем.

– Да? Но что же все-таки выяснилось?

– Медицинская экспертиза показала, что смерть наступила от апоплексии. Как видите, дело оказалось самое простое.

– Да, проще не может быть, – сказал, улыбаясь,

Холмс. – Пойдем, Уотсон, домой. Не думаю, чтобы наши услуги еще были нужны в Олдершоте.

– Но вот что странно, – сказал я по дороге на станцию.

– Если мужа звали Джеймсом, а того несчастного – Генри, то при чем здесь Давид?

– Мой дорогой Уотсон, одно это имя должно было бы раскрыть мне глаза, будь я тем идеальным логиком, каким вы любите меня описывать. Это слово было брошено в упрек.

– В упрек?

– Да. Как вам известно, библейский Давид[6] то и дело сбивался с пути истинного и однажды забрел туда же, куда и сержант Джеймс Барклей. Помните то небольшое дельце с Урией и Вирсавией? Боюсь, я изрядно подзабыл Библию, но, если мне не изменяет память, вы его найдете в первой или второй книге Царств.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

На третий день Рождества зашел я к Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; по правую руку от него была подставка для трубок, а по левую – груда помятых утренних газет которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерявшая вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же на сиденье стула лежали пинцет и лупа.

---

[6] Согласно библейской легенде, израильско-иудейский царь Давид, чтобы взять себе в жены Вирсавию – жену военачальника Урии, послал его на верную смерть при осаде города Раввы.

– Вы заняты? – сказал я. – Я вам не помешал?

– Нисколько, – ответил он. – Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью, – он ткнул большим пальцем в сторону шляпы, – связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

– Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, – заметил я. – Очевидно, она послужит ключом к разгадке страшной тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

– Нет, – засмеялся Шерлок Холмс, – тут не преступление, а мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти там, где четыре миллиона человек толкутся на площади в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и странных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

– Еще бы! – воскликнул я. – Из последних шести эпизодов, которыми я пополнил свои записки, три не содержат ничего беззаконного.

– Совершенно верно. Вы имеете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мэри Сазерлэнд и приключения человека с рассеченной

губой. Не сомневаюсь, что и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете Питерсона, посыльного?

– Да.

– Этот трофей принадлежит ему.

– Это его шляпа?

– Нет, он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Я прошу вас рассматривать эту шляпу не как старую рухлядь, а как предмет, таящий в себе серьезную задачу… Однако прежде всего, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день Рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона в кухне.

Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тоттенхем-Корт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то субъект и несет на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Питерсон кинулся вперед, чтобы защитить его, но тот, испуганный тем, что разбил стекло, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхем-Корт-роуд. Питерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего и напугало беглеца. Хулиганы тоже разбежались, и посыльный остался один на поле битвы, оказавшись обладателем этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся…

– …которого Питерсон, конечно, возвратил незнакомцу?

– В том-то и загвоздка, дорогой друг. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. Б.». Но в Лондоне живет несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров, так что нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

– Что же сделал Питерсон?

– Зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок, он попросту принес мне и гуся и шляпу. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унес гуся, и с гусем произошло то, к чему он уготован судьбой, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

– Он не помещал объявления в газете?

– Нет.

– Как же вы узнаете, кто он?

– Только путем размышлений.

– Размышлений над этой шляпой?

– Конечно.

– Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого рваного фетра?

– Вот лупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел ее в руках. Самая обыкновенная черная круглая шляпа, жесткая,

сильно поношенная. Шелковая подкладка, некогда красная, теперь выцвела. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил петельку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была мятая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

– Я ничего в ней не вижу, – сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

– Нет, Уотсон, видите, но не даете себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

– Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делаете вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать ее проницательным взглядом, свойственным ему одному.

– Конечно, не все достаточно ясно, – заметил он, – но кое-что можно установить наверняка, а кое-что предположить с разумной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец ее – человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали черные дни. Он всегда был предусмотрителен и заботился о завтрашнем дне, но мало-помалу опустился, благосостояние его упало, и мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пороку, – быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена его разлюбила…

– Дорогой Холмс…

– Но в какой-то степени он еще сохранил свое достоинство, – продолжал Холмс, не обращая внимания на мое восклицание. – Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Этот человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно подстригся. Вдобавок я почти уверен, что в доме у него нет газового освещения.

– Вы, конечно, шутите, Холмс.

– Ничуть. Неужели даже теперь, когда я все рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

– Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он умен?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в переносицу.

– Видите, какой размер! – сказал он. – Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

– Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

– Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шелковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

– Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный, а в настоящее время переживает душевный упадок?

– Предусмотрительность – вот она, – сказал он, показывая на петельку от шляпной резинки. – Резинки не продают вместе со шляпой, их нужно покупать отдельно. Раз

этот человек купил резинку и велел прикрепить к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь ее от ветра. Но когда резинка оторвалась, а он не стал прилаживать новую, это значит, что он перестал следить за своей наружностью, опустился. Однако, с другой стороны, он пытался замазать чернилами пятна на шляпе, то есть не окончательно потерял чувство собственного достоинства.

– Все это очень похоже на правду.

– Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы – все станет ясным, если внимательно посмотреть на нижнюю часть подкладки в шляпе. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, аккуратно срезанные ножницами парикмахера и пахнущие помадой. Заметьте, что пыль на шляпе не уличная – серая и жесткая, а домашняя – бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней ее стороне говорят о том, как быстро потеет ее владелец, потому что не привык много двигаться.

– А как вы узнали, что его разлюбила жена?

– Шляпа не чищена несколько недель. Мой дорогой Уотсон, если бы я увидел, что ваша шляпа не чищена хотя бы неделю и вам позволяют выходить в таком виде, у меня появилось бы опасение, что вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

– А может быть, он холостяк?

– Нет, он нес гуся именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке птицы.

– У вас на все готов ответ. Но откуда вы знаете, что у него в доме нет газа?

– Одно-два сальных пятна на шляпе – случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я не сомневаюсь, что человеку часто приходится пользоваться сальной свечой, – может быть, он поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен… Вы согласны со мною?

– Да, все это очень остроумно, – смеясь, сказал я. – Но, как вы сами сказали, тут еще нет преступления. Никто не пострадал – разве что человек, потерявший гуся, – значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату влетел Питерсон; щеки у него буквально пылали от волнения.

– Гусь-то, гусь, мистер Холмс! – задыхаясь, прокричал он.

– Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно? – Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбужденное лицо Питерсона.

– Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Питерсон протянул руку, и на ладони его мы увидели ярко сверкающий голубой камень чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра. Холмс присвистнул и опустился на кушетку.

– Честной слово, Питерсон, вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

– Алмаз, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

– Не просто драгоценный камень – это тот самый камень, который…

– Неужели голубой карбункул графини Моркар? – воскликнул я.

– Конечно! Узнаю камень по описаниям, последнее время я каждый день вижу объявления о его пропаже в «Таймс». Камень этот единственный в своем роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

– Тысяча фунтов! О, Боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумленно тараща на нас глаза.

– Награда наградой, но у меня есть основания думать, – сказал Холмс, – что по некоторым соображениям графиня отдаст половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

– Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», – заметил я.

– Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня обвинен Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьезны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчет.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, разгладил ее, сложил пополам и прочитал следующее:

«КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ
В ОТЕЛЕ „КОСМОПОЛИТЕН“»

Джон Хорнер, 26 лет, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, служащий отеля, показал, что в день кражи Хорнер припаивал расшатанный прут каминной решетки в комнате графини Моркар. Некоторое время Райдер находился в комнате с Хорнером, но потом его куда-то вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и маленький сафьяновый футляр, в котором, как выяснилось впоследствии, графиня имела обыкновение держать драгоценный камень, валялся пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же сообщил в полицию, и в тот же вечер Хорнер был арестован, но камня не нашли ни при нем, ни у него дома. Кэтрин Кьюсек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже увидела пустой футляр. Полицейский инспектор Бродстрит из округа «Б» сообщил, что Хорнер отчаянно сопротивлялся при аресте и горячо доказывал свою невиновность. Поскольку стало известно, что арестованный и прежде судился за кражу, судья отказался разбирать дело и передал его суду присяжных. Хорнер, все время высказывавший признаки сильнейшего волнения, упал в обморок и был вынесен из зала суда».

– Гм! Вот и все, что дает нам полицейский суд, – задумчиво сказал Холмс, откладывая газету. – Наша задача теперь – выяснить, каким образом из футляра графини камень попал в гусиный зоб. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались не такими уж незначи-

тельными. Итак, вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя старой шляпы, которого я пытался охарактеризовать, чем и нагнал на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьезно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Прежде всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путем не достигнем цели, прибегнем к иным методам.

– Что вы напишете в объявлении?

– Дайте мне карандаш и клочок бумаги. «На углу Гудж-стрит найдены гусь и черная фетровая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит, 221-б, в 6.30 вечера». Коротко и ясно.

– Весьма. Но заметит ли он объявление?

– Конечно. Он просматривает теперь все газеты: человек он бедный, и рождественский гусь для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Питерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чем. Но потом он, конечно, пожалел, что испугался и бросил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию… Так вот, Питерсон, бегите в бюро объявлений, чтобы они поместили эти строки в вечерних газетах.

– В каких, сэр?

– В «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюс стандард», «Эхо» – во всех, какие придут вам на ум.

– Слушаю, сэр! А как быть с камнем?

– Ах да! Камень я пока оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Питерсон, купите гуся и принесите его мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которым в настоящее время угощается ваша семья.

Посыльный ушел, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

– Славный камешек! – сказал он. – Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых камнях каждая грань может рассказать о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет еще и двадцати лет. Его нашли на берегу реки Амоу, в Южном Китае, и замечателен он тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за сорока граней кристаллического углерода многих ограбили, кого-то облили серной кислотой, было два убийства и одно самоубийство. Кто бы сказал, что такая красивая безделушка ведет людей в тюрьму и на виселицу! Я запру камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он у нас.

– Как вы считаете, Хорнер не виновен?

– Не знаю.

– А Генри Бейкер замешан в это дело?

– Вернее всего, Генри Бейкер здесь ни при чем. Я думаю, ему и в голову не пришло, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы дешевле. Все очень скоро прояснится, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

– А до тех пор вы ничего не хотите предпринять?

– Ничего.

– В таком случае я навещу своих пациентов, а вечером снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

– Буду рад вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, в связи с недавними событиями не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть ее зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит. Подойдя к дому Холмса, я увидел, что в ярком полукруге света, падавшем из окна над дверью, стоит высокий мужчина в шотландской шапочке и в наглухо застегнутом до подбородка сюртуке. Как раз в тот момент, когда я подошел, дверь отперли, и мы одновременно вошли к Шерлоку Холмсу.

– Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? – сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с тем непринужденным радушным видом, который он так умело напускал на себя. – Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер сегодня холодный, а мне кажется, лето вы переносите лучше, чем зиму… Уотсон, вы пришли как раз вовремя… Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

– Да, сэр, это, несомненно, моя шляпа.

Бейкер был крупный, сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красноватые пятна на носу и щеках и легкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку

Холмса о его наклонностях. На нем был порыжелый сюртук, застегнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не было видно манжет. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно помятого жизнью.

– У нас уже несколько дней хранится ваша шляпа и ваш гусь, – сказал Холмс. – Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущенно усмехнулся.

– У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, – сказал он. – Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня унесли с собой и шляпу, и птицу, и не хотел тратить деньги по-пустому.

– Вполне естественно. Между прочим, нам ведь пришлось съесть вашего гуся.

– Съесть? – Наш посетитель в волнении поднялся со стула.

– Да ведь он все равно испортился бы, – продолжал Холмс. – Но я полагаю, что вон та птица на буфете, совершенно свежая и того же веса, заменит вам вашего гуся.

– О, конечно, конечно! – ответил мистер Бейкер, облегченно вздохнув.

– Правда, у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если захотите…

Бейкер от души расхохотался.

– Разве только на память о моем приключении, – сказал

он. – Право, не знаю, на что мне могут пригодиться disjecta membra[7] моего покойного знакомца! Нет, сэр, с вашего разрешения я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть заметно пожал плечами.

– Итак, вот ваша шляпа и ваш гусь, – сказал он. – Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в птице и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

– Охотно, сэр, – сказал Бейкер, встав и сунув под мышку своего нового гуся. – Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ Британского музея, мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. А в этом году хозяин трактира Уиндигейт, отличный человек, основал «гусиный клуб». Каждый из нас выплачивает по нескольку пенсов в неделю и к Рождеству получает гуся. Я целиком выплатил свою долю, ну а остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр, – ведь неудобно солидному человеку в моем возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушел.

– С Генри Бейкером покончено, – сказал Холмс, закрывая за ним дверь. – Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы очень голодны, Уотсон?

– Не особенно.

– Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

---

[7] Останки (лат.)

– Я готов.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звезды холодно сияли на безоблачном, ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от пистолетных выстрелов. Четко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Харли-стрит, через Уитмор-стрит, вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива краснощекому трактирщику в белом переднике.

– У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей, – сказал Холмс.

– Моих гусей? – Трактирщик, казалось, был изумлен.

– Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

– А, понимаю. Но видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

– В самом деле? А чьи же?

– Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гарден.

– Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

– Его зовут Брекинридж.

– Нет, Брекинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!

– А теперь к мистеру Брекинриджу, – сказал Холмс, выходя на мороз и застегивая пальто. – Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только безобидный гусь, зато к другому ее концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не

докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдем же до конца этой нити, как бы печален этот конец ни был. Итак, поворот на юг, и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковентгарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брекинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холеными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

– Добрый вечер! Каков морозец, а? – сказал Холмс.

Торговец кивнул головой, бросив вопросительный взгляд на моего друга.

– Гуси, видно, распроданы? – продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

– Завтра утром можете купить хоть пятьсот штук.

– Завтра они мне ни к чему.

– Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

– Да? Но меня направили к вам.

– Кто же?

– Хозяин «Альфы».

– А! Я отослал ему две дюжины.

– Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привел торговца в бешенство.

– А ну-ка, мистер, – сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока, – к чему вы клоните? Говорите прямо.

– Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать,

кто продал вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

– Вот и не скажу.

– Не скажете – и не надо. Велика важность! Чего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

– Кипячусь? Небось, на моем месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «где гуси?», «у кого вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?» Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошелся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

– Какое мне дело до других, которые пристают к вам с расспросами! – небрежно сказал Холмс. – Не хотите говорить – не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

– Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! – выпалил торговец.

– Быть не может.

– А я говорю, городской!

– Ни за что не поверю!

– Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня? Я ведь этим делом занимаюсь чуть не с пеленок. Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены в городе.

– И не пытайтесь меня убедить в этом.

– Хотите пари?

– Это значило бы попросту взять у вас деньги. Я уверен, что прав. Но у меня при себе есть соверен, и я готов поставить его, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец ухмыльнулся.

– Принеси-ка мне книги, Билл, – сказал он.

Мальчишка принес две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

– Ну-с, мистер Спорщик, – сказал торговец, – я считал, что сегодня распродал всех гусей, но, ей-ей, Бог занес ко мне в лавку еще одного. Видите эту книжку?

– Ну и что же?

– Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в гроссбухе, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите ее вслух.

– «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117, страница 249», – прочел Холмс.

– Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в гроссбухе.

Холмс открыл указанную страницу: «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117 – поставщица дичи и яиц».

– А что гласит последняя запись?

– «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

– Правильно. Запомните это. А внизу?

– «Проданы мистеру Уиндигейту, „Альфа“, по двенадцать шиллингов».

– Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчен. Вынув

соверен из кармана, он бросил его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Однако, пройдя несколько шагов, он остановился под фонарем и рассмеялся своим особенным – веселым и беззвучным – смехом.

– Если у человека такие бакенбарды и такой красный платок в кармане, у него можно выудить все что угодно, предложив ему пари, – сказал он. – Я утверждаю, что и за сто фунтов мне не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти у цели. Единственное, что нам осталось решить, – пойдем ли мы к этой миссис Окшотт сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется еще кто-то и я…

Громкий шум, донесшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы увидели в желтом свете качающейся лампы какого-то невысокого, краснолицого человека. Брекинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

– Хватит с меня и вас и ваших гусей! – орал Брекинридж. – Проваливайте вы все к дьяволу! Если вы еще раз сунетесь ко мне с дурацкими расспросами, я спущу цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшотт, ей я отвечу. А вы то тут при чем? Ваших, что ли, я купил гусей!

– Нет, но все же один из них мой, – захныкал человек.

– Ну и спрашивайте его тогда у миссис Окшотт!

– Она мне велела узнать у вас.

– Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Убирайтесь отсюда! – Он яростно бросился вперед, и человечек быстро исчез во мраке.

– Ага, нам, кажется, не придется идти на Брикстон-роуд, – прошептал Холмс. – Пойдем посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещенных ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, как сильно он побледнел.

– Кто вы такой? Что вам надо? – спросил он дрожащим голосом.

– Извините меня, – мягко сказал Холмс, – но я случайно слышал, что вы спрашивали у этого торговца. Я думаю, что могу быть вам полезен.

– Вы? Кто вы такой? Откуда вы знаете, что мне нужно?

– Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия – знать то, чего не знают другие.

– О том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

– Прошу прощения, но я знаю все. Вы пытаетесь установить, куда попали гуси, проданные миссис Окшотт с Брикстон-роуд торговцу Брекинриджу, который, в свою очередь, продал их мистеру Уиндигейту, владельцу «Альфы», а тот передал «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

– Сэр, вы-то мне и нужны! – вскричал человек, протягивая дрожащие руки. – Я просто не могу выразить, как все это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

– В таком случае лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади, – сказал он. – Но прежде чем отправиться в путь, скажите, пожа-

луйста, кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

– Меня зовут Джон Робинсон, – сказал он, отводя глаза.

– Нет, мне нужно настоящее имя, – ласково сказал Холмс. – Гораздо удобнее иметь дело с человеком, который действует под своим настоящим именем.

Бледные щеки незнакомца загорелись румянцем.

– В таком случае, – сказал он, – мое имя – Джеймс Райдер.

– Так я и думал. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам все, что вы пожелаете узнать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на Холмса, то на меня с надеждой и испугом: он не знал, ждет ли его беда или удача. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы были в гостиной на Бейкер-стрит.

Дорогой никто не произнес ни слова. Но спутник наш так учащенно дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что было ясно, в каком нервном возбуждении он пребывает.

– Ну, вот мы и дома! – весело сказал Холмс. – Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетеное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займемся вашим делом. Ну вот, готово! Так вы хотите знать, что стало с теми гусями?

– Да, сэр.

– Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них – белый, с черной полосой на хвосте…

Райдер затрепетал от волнения.

– О, сэр! – вскричал он. – Вы можете сказать, где находится этот гусь?

– Он был здесь.

– Здесь?

– Да, и оказался необыкновенным гусем. Не удивительно, что вы заинтересовались им. После своей кончины он снес яичко – прелестное, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, в моей коллекции.

Наш посетитель, шатаясь, поднялся с места и правой рукой ухватился за каминную полку. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным, ярким, переливчатым блеском. Райдер стоял с искаженным лицом, не зная, потребовать ли камень себе или отказаться от него.

– Игра проиграна, Райдер, – спокойно сказал Шерлок Холмс. – Держитесь крепче на ногах, не то упадете в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он еще не умеет хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток бренди. Так! Теперь он хоть немного похож на человека. Ну и жалкая же личность!

Райдер едва держался на ногах, но водка вызвала у него на щеках слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

– Я знаю почти все, у меня в руках почти все улики, и вы не многое сможете добавить. И все-таки рассказывайте, чтобы в деле не оставалось ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, о голубом карбункуле графини Моркар?

– Мне сказала о нем Кэтрин Кьюсек, – ответил тот дрожащим голосом.

– Знаю, горничная ее сиятельства. И искушение легко завладеть богатством оказалось сильнее вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не особенно выбирали средства для достижения своей цели. Мне кажется, Райдер, из вас получится порядочный негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже уличен в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут каминной решетки в комнате графини – вы и ваша сообщница Кьюсек – и устроили так, что именно Хорнера послали сделать ремонт. Когда Хорнер ушел, вы взяли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого…

Тут Райдер внезапно сполз на ковер и обеими руками обхватил колени моего друга.

– Ради Бога, сжальтесь надо мной! – закричал он. – Подумайте о моем отце, о моей матери. Это убьет их! Я никогда не воровал, никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите дела до суда!

– Ступайте на место, – сурово сказал Холмс. – Сейчас вы готовы ползать на коленях. А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он не повинен?

– Я могу скрыться, мистер Холмс! Я уеду из Англии, сэр! Тогда обвинение против него отпадет…

– Гм, мы еще потолкуем об этом. А пока послушаем, что же действительно случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся, и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда – единственный путь к спасению.

Райдер повел языком по пересохшим губам.

– Я расскажу всю правду, – сказал он. – Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень на случай, если полиции придет в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто бы по служебному делу, и отправился к своей сестре. Она замужем за неким Окшоттом, живет на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу, для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный ветер, пот градом струился у меня по лбу. Сестра спросила, почему я так бледен, не случилось ли чего. Я сказал, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошел на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что бы предпринять.

Есть у меня приятель по имени Модели, который сбился с пути и только что отбыл срок наказания в Пентонвиллской тюрьме. Мы встретились с ним, разговорились, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килберн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться туда? Я вспомнил о тех терзаниях, которые пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моем жилетном кармане. Я стоял, прислонившись к стене, рассеянно глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире…

Несколько недель назад сестра обещала, что к Рождеству я получу от нее отборнейшего гуся в подарок, а она слово держит. И я решил взять гуся сейчас же и в нем пронести камень. Во дворе был какой-то сарай, я загнал за него огромного, очень хорошего гуся, белого, с полосатым хвостом. Потом поймал его, раскрыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошел в зоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла узнать в чем дело. Я повернулся, чтобы ответить, и негодный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты делал с птицей, Джеймс?» – спросила сестра.

«Да вот ты обещала подарить мне гуся к Рождеству. Я и пробовал, какой из них пожирнее».

«О, мы уже отобрали для тебя гуся, – сказала она, – мы так и называли его: „Гусь Джеймса“. Вон тот, большой, белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один тебе, а две дюжины на продажу».

«Спасибо, Мэгги, – сказал я. – Но если тебе все равно, дай мне того, которого я поймал».

«Твой тяжелее по крайне мере фунта на три, и мы специально откармливали его».

«Ничего, мне хочется именно этого, я бы сейчас и взял его с собой».

«Твое дело, – сказала сестра обиженно. – Какого же ты хочешь взять?»

«Вон того белого, с черной полосой на хвосте… Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста, режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понес птицу в Килберн.

Я рассказал своему приятелю обо всем – он из тех, с которыми можно говорить без стеснения. Он хохотал до упаду, потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что произошла ужасная ошибка, и камня нет. Я бросил гуся, пустился бегом к сестре. Влетел на задний двор – гусей там не было.

«Где гуси, Мэгги?» – крикнул я.

«Отправила торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брекинриджу на Ковент-Гарден».

«А был среди них один с полосатым хвостом – такой же, какого я взял?» – спросил я.

«Да, Джеймс, ведь было два гуся с полосатыми хвостами, я вечно путала их».

Тут, конечно, я понял все и со всех ног помчался к этому самому Брекинриджу. Но он уже распродал гусей и не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как он со мной разговаривал. Сестра думает, что я сошел с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот… теперь я презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради которого погубил себя. Боже, помоги мне! Боже, помоги! – Он закрыл лицо руками и судорожно зарыдал.

Потом наступило долгое молчание, лишь слышны были тяжелые вздохи Райдера, да мой друг мерно постукивал пальцами по столу. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь дверь.

– Убирайтесь! – проговорил он.

– Что? Сэр, да благословит вас небо!

– Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали

стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донесся быстрый топот.

– В конце концов, Уотсон, – сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке, – я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и обвинение рухнет. Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу. С этим молодцом ничего подобного не повторится, – он слишком напуган. Упеките его сейчас в тюрьму, и он не развяжется с ней всю жизнь. Кроме того, нынче праздники, надо прощать грехи. Случай столкнул нас со странной и забавной загадкой, и решить ее – само по себе награда. Если вы будете любезны и позволите, мы немедленно займемся новым «исследованием», в котором опять-таки фигурирует птица: ведь к обеду у нас куропатка.

ШЕРЛОК ХОЛМС ПРИ СМЕРТИ

Квартирная хозяйка Шерлока Холмса, миссис Хадсон, была настоящей мученицей. Мало того, что второй этаж ее дома в любое время подвергался нашествию странных и зачастую малоприятных личностей, но и сам ее знаменитый квартирант своей эксцентричностью и безалаберностью жестоко испытывал терпение хозяйки. Его чрезвычайная неаккуратность, привычка музицировать в самые неподходящие часы суток, иногда стрельба из револьвера в комнате, загадочные и весьма неароматичные химические опыты, которые он часто ставил, да и вся атмосфера преступлений и опасности, окружавшая его, делали Холмса

едва ли не самым неудобным квартирантом в Лондоне. Но, с другой стороны, платил он по-царски. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома.

Она благоговела перед Холмсом и никогда не осмеливалась перечить ему, хотя его образ жизни причинял ей много беспокойства. Она симпатизировала ему за удивительную мягкость и вежливость в обращении с женщинами. Он не любил женщин и не верил им, но держался с ними всегда по-рыцарски учтиво. Зная искреннее расположение миссис Хадсон к Холмсу, я с волнением ее выслушал, когда на второй год моей женитьбы она прибежала ко мне с известием о тяжелой болезни моего бедного друга.

– Он умирает, доктор Уотсон, – говорила она. – Он болеет уже три дня, и с каждым днем ему все хуже и хуже. Я не знаю, доживет ли он до завтра. Он запретил мне вызывать врача. Но сегодня утром, когда я увидела, как у него все кости на лице обтянулись и как блестят глаза, я не могла больше выдержать. «С вашего согласия или без него, мистер Холмс, я немедленно иду за врачом», – сказала я. «В таком случае, позовите Уотсона», – согласился он. Не теряйте ни минуты, сэр, иначе вы можете не застать его в живых!

Я был потрясен, тем более что ничего не слыхал о его болезни. Излишне говорить, что я тут же схватил пальто и шляпу. По дороге я стал расспрашивать миссис Хадсон.

– Я могу вам рассказать очень немного, сэр, – отвечала она. – Он расследовал какое-то дело в Розерхайте, в переулках у реки, и, вероятно, там заразился. В среду пополудни он слег и с тех пор не встает. За все эти три дня ничего не ел и не пил.

– Боже мой! Почему же вы не позвали врача?

– Он не велел, сэр. Вы знаете, какой он властный. Я не осмелилась ослушаться его. Но вы сразу увидите, ему надолго осталось жить.

Действительно, на Холмса было страшно смотреть. В тусклом свете туманного ноябрьского дня его спальня казалась достаточно мрачной, но особенно пронзил мне сердце вид его худого, изможденного лица на фоне подушек. Глаза его лихорадочно блестели, на щеках играл болезненный румянец, губы покрылись темными корками. Тонкие руки судорожно двигались по одеялу, голос был хриплым и ломающимся. Когда я вошел в комнату, он лежал неподвижно, однако что-то мелькнуло в его глазах – он, несомненно, узнал меня.

– Ну, Уотсон, как видно, наступили плохие времена, – сказал он слабым голосом, но все же в своей прежней шутливой манере.

– Дорогой друг! – воскликнул я, приближаясь к нему.

– Стойте! Не подходите! – крикнул он тем резким и повелительным тоном, какой появляется у него только в самые напряженные минуты. – Если вы приблизитесь ко мне, я велю вам тотчас уйти отсюда.

– Но почему же?

– Потому что я так хочу. Разве этого недостаточно?

Да, миссис Хадсон была права, властности в нем не убавилось. Но вид у него был поистине жалкий.

– Ведь я хотел только помочь, – сказал я.

– Правильно. Хотите помочь, так делайте, что вам велят.

– Хорошо, Холмс.

Он несколько смягчился.

– Вы не сердитесь? – спросил он, задыхаясь.

Бедняга! Как я мог сердиться на него, когда он был в таком состоянии!

– Это ради вас самих, – сказал он хрипло.

– Ради меня?!

– Я знаю, что со мной. Родина этой болезни – Суматра. Голландцы знают о ней больше нас, но и они пока очень мало изучили ее. Ясно только одно: она, безусловно, смертельна и чрезвычайно заразна.

Он говорил с лихорадочной энергией, его длинные руки беспокойно шевелились, как бы стремясь отстранить меня.

– Заразная при прикосновении, Уотсон, только при прикосновении! Держитесь от меня подальше, и все будет хорошо.

– Боже мой, Холмс! Неужели вы думаете, что это может иметь для меня какое-либо значение? Я бы пренебрег этим даже по отношению к постороннему мне человеку. Так неужели это помешает мне выполнить мой долг по отношению к вам, моему старому другу?

Я снова сделал шаг в его сторону. Но он отстранился от меня с бешеной яростью.

– Я буду говорить с вами, только если вы останетесь на месте. В противном случае вам придется уйти.

Я так уважаю необычайные таланты моего друга, что всегда подчинялся его указаниям, даже если совершенно их не понимал. Но тут во мне заговорил профессиональный долг. Пусть Холмс руководит мною в любых других случаях, но сейчас я – врач у постели больного.

– Холмс, – сказал я, – вы не отдаете себе отчета в своих

поступках. Больной все равно что ребенок. Хотите вы этого или нет, но я осмотрю вас и примусь за лечение.

Он злобно посмотрел на меня.

– Если мне против воли навязывают врача, то пусть это будет хотя бы человек, которому я доверяю.

– Значит, вы мне не доверяете?

– В вашу дружбу я, конечно, верю. Но факты остаются фактами. Вы, Уотсон, в конце концов только обычный врач, с очень ограниченным опытом и квалификацией. Мне тяжело говорить вам такие вещи, но у меня нет иного выхода.

Я был глубоко оскорблен.

– Такие слова недостойны вас. Холмс. Они свидетельствуют о расстройстве вашей нервной системы. Но если вы мне не доверяете, я не буду набиваться с услугами. Разрешите мне привезти к вам сэра Джаспера Мика, или Пенроуза Фишера, или любого из самых лучших врачей Лондона. Так или иначе, кто-нибудь должен оказать вам помощь. Если вы думаете, что я буду спокойно стоять и смотреть, как вы умираете, то вы жестоко ошибаетесь.

– Вы мне желаете добра, Уотсон, – сказал Холмс с тихим стоном. – Но хотите, я докажу вам ваше невежество? Скажите, пожалуйста, что вы знаете о лихорадке провинции Тапанули или о формозской черной язве?

– Я никогда о них не слышал.

– На Востоке, Уотсон, существует много странных болезней, много отклонений от нормы. – Холмс останавливался после каждой фразы, чтобы собраться с силами. – За последнее время я это понял в связи с одним расследованием медико-уголовного характера. Очевидно, во время

этих расследований я и заразился. Вы, Уотсон, не в силах помочь мне.

– Может быть, и так. Но я случайно узнал, что доктор Энстри, крупнейший в мире знаток тропических болезней, сейчас находится в Лондоне. Не возражайте, Холмс, я немедленно еду к нему!

Я решительно повернулся к двери.

Никогда я не испытывал такого потрясения! В мгновение ока прыжком тигра умирающий преградил мне путь. Я услышал резкий звук поворачиваемого ключа. В следующую минуту Холмс уже снова повалился на кровать, задыхаясь после этой невероятной вспышки энергии.

– Силой вы у меня ключ не отнимете, Уотсон. Попались, мой друг! Придется вам здесь посидеть, пока я вас не выпущу. Но вы не горюйте. – Он говорил прерывающимся голосом, с трудом переводя дыхание. – Вы хотите мне помочь, я в этом не сомневаюсь. Будь по-вашему, но только дайте мне немного собраться с силами. Подождите немножко, Уотсон. Сейчас четыре часа. В шесть я вас отпущу.

– Но это безумие, Холмс!

– Всего два часа, Уотсон. В шесть вы уедете, обещаю. Потерпите?

– Вы мне не оставили выбора.

– Вот именно. Спасибо, Уотсон, я сам могу поправить одеяло. Держитесь подальше от меня. И еще одно условие, Уотсон. Вы привезете не доктора Энстри, а того, кого я сам выберу.

– Согласен.

– Вот первое разумное слово, которое вы произнесли с

тех пор, как вошли сюда, Уотсон. Займитесь пока книгами вон там, на полке. Я немного устал… Интересно, что чувствует электрическая батарея, когда пытается пропустить ток через доску?.. В шесть часов, Уотсон, мы продолжим наш разговор.

Но разговору этому суждено было продолжиться задолго до назначенного часа, при обстоятельствах, потрясших меня не менее, чем прыжок Холмса к двери.

Несколько минут я стоял, глядя на безмолвную фигуру на кровати. Лицо Холмса было почти закрыто одеялом; казалось, он уснул.

Я был не в состоянии читать и стал бродить по комнате, разглядывая фотографии знаменитых преступников, развешанные по стенам. Так, бесцельно переходя с места на место, я добрался наконец до камина. На каминной полке лежали в беспорядке трубки, кисеты с табаком, шприцы, перочинные ножи, револьверные патроны и прочая мелочь. Мое внимание привлекла коробочка из слоновой кости, черная с белыми украшениями и с выдвижной крышкой. Вещица была очень красивая, и я уже протянул к ней руку, чтобы получше ее рассмотреть, но тут…

Холмс издал крик, столь, пронзительный, что его, наверное, услышали в дальнем конце улицы. Мороз пробежал у меня по коже, волосы встали дыбом от этого ужасного вопля. Обернувшись, я увидел искаженное лицо Холмса, встретил его безумный взгляд. Я окаменел, зажав коробочку в руке.

– Поставьте ее на место, Уотсон! Немедленно поставьте на место!

И только когда я поставил коробку на прежнее место, он со вздохом облегчения откинулся на подушку.

– Не выношу, когда трогают мои вещи, Уотсон. Вы же это знаете. И что вы все ходите, это невыносимо. Вы, врач, способны довести пациента до сумасшествия. Сядьте и дайте мне покой.

Этот инцидент произвел на меня чрезвычайно тяжелое впечатление. Дикая, беспричинная вспышка, резкость, сталь несвойственная обычно сдержанному Холмсу, показывали, как далеко зашло расстройство его нервной системы. Распад благородного ума – что может быть печальнее? В самом подавленном настроении я тихо сидел на стуле, пока не наступил назначенный час. Холмс, по-видимому, тоже следил за часами. Как только стрелки показали шесть, он заговорил все с тем же лихорадочным возбуждением.

– Уотсон, – спросил он, – есть у вас при себе мелочь?

– Да.

– Серебро?

– Да, порядочное количество.

– Сколько полукрон?

– Пять.

– Мало, слишком мало! – воскликнул он. – Какая досада! Но вы все-таки переложите их в кармашек для часов, а все остальные деньги в левый карман брюк. Спасибо. Это вас в какой-то мере уравновесит.

Это уже было явное помешательство. Он содрогнулся и не то кашлянул, не то всхлипнул.

– Теперь зажгите газ, Уотсон. Будьте чрезвычайно осторожны, нужно открыть газ только наполовину. Умоляю вас быть осторожным. Хорошо, спасибо. Нет, шторы не задергивайте. Теперь, Уотсон, видите там щипцы для са-

хара? Возьмите ими, пожалуйста, эту черную коробочку с камина. Осторожно поставьте ее вот сюда на стол, среди бумаг. Прекрасно! Ну, а теперь отправляйтесь и привезите мне мистера Кэлвертона Смита, Лоуэр-Бэрк-стрит, дом тринадцать.

Говоря по правде, мне совсем не хотелось бежать за врачом, так как мой бедный друг, несомненно, бредил и я боялся оставить его одного. Однако теперь он требовал привезти к нему Смита, требовал так же упорно, как прежде отказывался от всякой помощи.

– Никогда не слышал такого имени, – сказал я.

– Очень может быть, дорогой Уотсон. И возможно, вас удивит, что лучший в мире знаток этой болезни – не врач, а плантатор. Мистер Кэлвертон Смит – постоянный житель Суматры и хорошо там известен, а в Лондон он только приехал по делам. Вспышка этой болезни на его плантациях, расположенных далеко от медицинских учреждений, заставила его самого заняться изучением ее, и он добился немалых успехов. Смит очень методичный человек. Я не хотел отпускать вас раньше шести часов, зная, что вы не застанете его дома. Если вам удастся уговорить его приехать ко мне и применить свои исключительные познания в этой области медицины, он, бесспорно, мне поможет.

Я передаю слова Холмса как связное целое. На самом деле речь его прерывалась одышкой и судорожными движениями рук, свидетельствующими о муках, испытываемых им. За то время, что я у него пробыл, внешний вид его резко изменился. Лихорадочный румянец сделался ярче, глаза еще сильнее блестели из темных глазных впадин, по временам холодный пот выступал на лбу. И все же он со-

хранял свою спокойную, четкую речь. До последней минуты он останется самим собой!

– Вы расскажете ему подробно о моем состоянии, – сказал он. – Опишете, какое впечатление я на вас произвел, скажете, что я в бреду, что я умираю… Просто непонятно, почему все дно океана не представляет собою сплошной массы устриц, – ведь они так плодовиты… Ох, я опять заговариваюсь! Любопытно, как мозг сам себя контролирует… Что я говорил, Уотсон?

– Вы давали указания относительно мистера Кэлвертона Смита.

– Ах да, помню. Моя жизнь зависит от него, Уотсон. Постарайтесь его уговорить. Отношения у нас с ним плохие. Его племянник умер, Уотсон… Я заподозрил недоброе, и он почувствовал это. Юноша умер в страшных муках. Смит зол на меня. Любыми средствами смягчите его, Уотсон. Просите его, умоляйте, во что бы то ни стало привезите его сюда. Только он может спасти меня, только он!

– Обещаю, что привезу его с собой, даже если бы мне пришлось снести его в кэб на руках.

– Нет, это не годится. Вы должны убедить его приехать. А сами возвращайтесь раньше. Придумайте какой-нибудь предлог, чтобы не ехать с ним вместе. Не забудьте, Уотсон, не подведите меня. Ведь вы никогда меня не подводили… Можно не сомневаться, что какие-то природные силы препятствуют их размножению. Мы с вами, Уотсон, сделали все, что могли. Неужели же весь мир будет заполнен устрицами? Нет, нет, это слишком страшно. Передайте ему ваше впечатление как можно точнее.

Я ушел, унося с собой образ этого умнейшего человека, лепечущего, как дитя. Он отдал мне ключ, и мне пришла счастливая мысль взять его с собой, чтобы Холмс не вздумал запереться в комнате. Миссис Хадсон, в слезах, ждала меня в коридоре. Уходя, я слышал, как Холмс высоким, тонким голосом затянул какую-то безумную песню. Пока я на улице подзывал кэб, ко мне из тумана приблизилась темная фигура.

– Как здоровье мистера Холмса? – спросил голос.

Это был мой старый знакомый инспектор Мортон из Скотланд-Ярда, одетый в штатское.

– Очень плохо, – ответил я.

Его взгляд показался мне странным. Не будь это слишком невероятным, я подумал бы, что при свете, падающем из окна над дверью, я прочел на его лице удовлетворение.

– Да, я слышал об этом, – сказал он.

Кэб подъехал, и мы расстались.

Лоуэр-Бэрк-стрит представляла собою длинный ряд красивых домов между Ноттинг-хиллом и Кенсингтоном. Здание, перед которым остановился кэб, имело чопорный и солидный вид – старомодная железная ограда, массивная двустворчатая дверь с блестящими медными ручками. Общему впечатлению соответствовал и величественный дворецкий, появившийся на пороге в розовом сиянии электрической люстры.

– Да, мистер Кэлвертон Смит дома. Доктор Уотсон? Хорошо, сэр, позвольте вашу визитную карточку.

Мое скромное имя и профессия, очевидно, не произвели должного впечатления на мистера Кэлвертона Смита.

Через полуоткрытую дверь я услышал раздраженный, пронзительный голос:

– Кто это? Что ему нужно? Сколько раз я говорил вам, Стэплс, что, когда я работаю, мне нельзя мешать.

Послышались тихие и успокаивающие объяснения дворецкого.

– Я его не приму, Стэплс. Не терплю таких помех. Меня нет дома, так ему и скажите. Если я ему нужен, пусть придет завтра утром.

Снова тихое бормотание.

– Идите, идите, скажите ему. Пусть придет утром или совсем не приходит.

Мне представился Холмс, как он мечется по кровати и считает минуты в ожидании помощи. Тут было не до церемоний. Жизнь Холмса зависела от моей энергии и настойчивости. Прежде чем дворецкий успел передать мне ответ своего хозяина, я оттолкнул его и вошел в комнату.

Человек, сидевший в кресле у камина, с пронзительным криком ярости вскочил с места. Я увидел крупное желтое лицо с грубыми чертами, массивным двойным подбородком и злобными серыми глазами, свирепо глядевшими на меня из-под косматых рыжих бровей. На лысой розовой голове была надета бархатная шапочка, кокетливо сдвинутая набок. Череп хозяина был огромен, Но, переведя взгляд ниже, я с изумлением увидел, что тело у него маленькое, хилое, искривленное в плечах и спине, вероятно из-за перенесенного в детстве рахита.

– Что это значит? – кричал он высоким, визгливым голосом. – Что означает это вторжение? Ведь я велел вам сказать, чтобы вы пришли завтра утром.

– Простите, – сказал я, – но это дело неотложное. Мистер Шерлок Холмс…

Имя моего друга произвело удивительное действие на маленького человечка. Гнев моментально исчез, лицо сделалось напряженным и внимательным.

– Вы от Холмса? – спросил он.

– Я только что от него.

– Что с Холмсом?

– Он очень, очень болен. Поэтому-то я и приехал к вам.

Хозяин указал мне на стул и повернулся к своему креслу. В зеркале над камином мелькнуло его лицо. Я мог бы поклясться, что на нем появилась отвратительная, злобная усмешка. Но я тут же убедил себя, что это нервная судорога; через минуту, когда он снова повернулся ко мне, его лицо выражало искреннее огорчение.

– Мне больно слышать это, – сказал он. – Я встречался с мистером Холмсом только на деловой почве, но очень уважаю его как за талант, так и за человеческие достоинства. Он знаток преступлений, а я знаток болезней; он занимается злодеями, я – микробами. Вот мои заключенные, – продолжал он, указывая на ряд бутылей и банок, стоящих на столике у стены. – В этих желатиновых культурах отбывают срок наказания весьма опасные преступники.

– Зная вашу эрудицию. Холмс прислал меня к вам. Он чрезвычайно высоко ценит вас и считает, что во всем Лондоне только вы в силах оказать ему помощь.

Маленький человек вздрогнул, и его кокетливая шапочка свалилась на пол.

– Почему же? – спросил он. – Почему мистер Холмс думает, что я могу помочь ему?

– Потому что вы знаток восточных болезней.

– Но почему он думает, что болезнь, которой он заразился, восточная болезнь?

– Потому что ему пришлось работать в доках, среди китайских матросов.

Мистер Кэлвертон Смит любезно улыбнулся и поднял свою шапочку.

– Ах вот как… – сказал он. – Я надеюсь, что дело не так опасно, как вы полагаете. Сколько времени он болеет?

– Около трех дней.

– Он бредит?

– По временам.

– Гм! Это хуже. Было бы бесчеловечным не откликнуться на его просьбу. Я очень не люблю, когда прерывают мою работу, доктор Уотсон, но тут, конечно, исключительный случай. Я сейчас же поеду с вами.

Мне припомнилось указание Холмса.

– Меня ждут в другом месте, – сказал я.

– Хорошо, я поеду один. Адрес мистера Холмса у меня записан. Через полчаса я буду у него.

С замиранием сердца входил я в спальню Холмса. За это время могло произойти самое худшее. Однако я с огромной радостью увидел, что его состояние значительно улучшилось. Правда, лицо его все еще было мертвенно-бледным, но от бреда не осталось и следа: он говорил хотя и слабым голосом, но даже сверх обычного ясно и живо.

– Вы видели его, Уотсон?

– Да, он сейчас приедет.

– Замечательно, Уотсон, замечательно. Вы лучший из вестников.

– Он хотел вернуться со мной.

– Этого не следовало допускать, Уотсон. Это было бы просто невозможно. Спрашивал ли он о причинах болезни?

– Я сказал ему про матросов в Ист-Энде.

– Правильно! Вы сделали все, что только мог сделать настоящий друг. Теперь, Уотсон, вы можете исчезнуть со сцены.

– Я должен подождать и выслушать его мнение, Холмс.

– Конечно. Но я имею основания полагать, что он выскажет свое мнение гораздо откровеннее, если будет думать, что мы с ним одни. За изголовьем моей кровати как раз достаточно места для вас, Уотсон.

– Дорогой Холмс!

– Боюсь, что у вас нет выбора, Уотсон. В комнате негде спрятаться, и это к лучшему: это не возбудит подозрений. Но здесь, Уотсон, здесь, я думаю, мы ничем не рискуем.

Он внезапно сел на кровати. Его осунувшееся лицо было полно решимости.

– Я слышу стук колес, Уотсон. Скорее, если только вы меня любите. И не шевелитесь, что бы ни случилось. Что бы ни случилось, понятно? Не говорите, не двигайтесь. Только слушайте как можно внимательнее.

Столь же внезапно силы оставили его, и четкая, повелительная речь перешла в слабое, неясное бормотание человека, находящегося в полубреду.

Из своего убежища, в котором я так неожиданно оказался, я услышал шаги на лестнице, потом звук открываемой и закрываемой двери в спальню. А затем, к моему удивлению, последовало долгое молчание, прерываемое только тяжелым дыханием больного. Я представил себе,

как наш посетитель стоит у кровати и смотрит на страдальца. Наконец это странное молчание кончилось.

– Холмс! – воскликнул Смит настойчивым тоном, каким будят спящего. – Холмс! Вы слышите меня?

Я уловил шорох, как будто он грубо тряс больного за плечо.

– Это вы, мистер Смит? – прошептал Холмс. – Я не смел надеяться, что вы придете.

Смит засмеялся.

– Ну еще бы, – сказал он. – И все же, как видите, я здесь. Воздаю добром за зло, Холмс, добром за зло.

– Это очень хорошо, очень благородно с вашей стороны. Я высоко ценю ваши знания.

Наш посетитель усмехнулся.

– К счастью, только вы во всем Лондоне и способны их оценить. Вы знаете, что с вами?

– То же самое, – сказал Холмс.

– Вот как! Вы узнаёте симптомы?

– Да, слишком хорошо.

– Что ж, очень возможно. Холмс. Очень возможно, что это оно и есть. Если так, то дело ваше плохо. Бедный Виктор умер на четвертый день, а он был здоровый, молодой. Вам тогда показалось очень странным, что он в сердце Лондона заразился этой редкой азиатской болезнью, которую я к тому же специально изучаю. Удивительное совпадение, Холмс. Вы ловко это подметили, но не очень-то великодушно было утверждать, что здесь можно усмотреть причину и следствие.

– Я знаю, что это ваших рук дело.

– Ах вот как, вы знали? Но доказать вы ничего не

могли. А хорошо ли это: сперва выдвигать против меня такие обвинения, а чуть сами оказались в беде, пресмыкаться передо мной, умоляя о помощи? Как это назвать? А?

Я услышал хриплое, затрудненное дыхание больного.

– Дайте мне воды, – прошептал он задыхаясь.

– Скоро вам крышка, милейший. Но я не уйду, не поговорив с вами. Только поэтому я и подаю вам воду. Держите! Не расплескайте. Вот так. Вы понимаете, что я вам говорю?

Холмс застонал.

– Помогите мне чем можно. Забудем прошлое… – шептал он. – Я выброшу из головы все это дело. Клянусь вам. Только вылечите меня, я все забуду.

– Что забудете?

– О смерти Виктора Сэведжа. Вы сейчас сознались в своем преступлении. Я это забуду.

– Можете забывать или помнить, как вам будет угодно. Я не увижу вас среди свидетелей. Вы будете в другом месте, мой дорогой Холмс. Вы знаете, отчего умер мой племянник, ну и ладно. Сейчас речь не о нем, а о вас.

– Да, да.

– Ваш приятель, которого вы послали за мной – не помню его имя, – сказал, что вы заразились этой болезнью в Ист-Энде, у матросов.

– Я только так могу это объяснить.

– И вы гордитесь своим умом, Холмс! Вы считаете себя таким догадливым, не правда ли? Но нашелся кое-кто поумнее вас. Подумайте-ка, Холмс, не могли ли вы заразиться этой болезнью другим путем?

– Я не могу думать. Голова не работает. Ради всего святого, помогите…

– Да, я вам помогу, помогу вам понять, что и как произошло. Я хочу, чтобы вы узнали об этом прежде, чем умрете.

– Дайте мне чего-нибудь, чтобы облегчить эти боли!

– Ага, у вас появились боли? Да, мои кули тоже визжали перед смертью. Ощущение, как при судорогах?

– Да, да, это судороги.

– Ничего, слушать они вам не помешают. Слушайте! Не припомните ли вы какое-нибудь необычное происшествие в вашей жизни, как раз перед тем, как вы заболели?

– Нет, нет, ничего.

– Подумайте хорошенько.

– Я слишком болен, чтобы думать.

– Ну, тогда я вам помогу. Не получали ли вы чего-нибудь по почте?

– По почте?

– Например, коробочку.

– Я слабею, я умираю!..

– Слушайте, Холмс! – Он, видимо, тряс умирающего за плечо. (Я едва усидел в своем убежище.) – Вы должны меня услышать! Помните коробочку из слоновой кости? Вы получили ее в среду. Вы ее открыли… Помните?

– Да, да, я открыл ее, там была острая пружина. Какая-то шутка…

– Это не было шуткой, в чем вы очень скоро убедитесь. Пеняйте на себя, глупый вы человек. Кто просил вас становиться на моем пути? Если бы вы меня не трогали, я не причинил бы вам вреда.

– Вспомнил! – Холмс задыхался. – Пружина! Я оцарапался о нее до крови. Вот эта коробочка, там на столе.

– Она самая! И сейчас она исчезнет в моем кармане. Таким образом, здесь не останется ни одной улики. Ну вот. Холмс, теперь вы знаете правду и умрете с сознанием, что я вас убил. Вы слишком много знали о смерти Виктора Сэведжа, поэтому я заставил вас разделить его судьбу. Вы очень скоро умрете, Холмс. Я посижу здесь и посмотрю, как вы будете умирать.

Голос Холмса понизился почти до невнятного шепота.

– Что? – спросил Смит. – Отвернуть газ? У вас уже темно в глазах? Охотно. Я отверну газ, чтобы лучше вас видеть. – Он пересек комнату, и мгновенно ее залил яркий свет. – Не нужно ли оказать вам еще какую-нибудь услугу, мой друг?

– Спички и папиросы!

Я едва не закричал от радости. Холмс говорил своим естественным голосом, правда немного слабым, но тем самым, который я так хорошо знал. Последовала долгая пауза, и я почувствовал, что Кэлвертон Смит в безмолвном изумлении смотрит на Холмса.

– Что это значит? – спросил он наконец сухим, резким голосом.

– Лучший способ хорошо сыграть роль, – сказал Холмс, – это вжиться в нее. Даю вам слово, что все эти три дня я ничего не ел и не пил, пока вы любезно не подали мне стакан воды. Но труднее всего было не курить. А вот и папиросы! (Я услышал чирканье спички.) Ну вот, мне сразу стало лучше. Ого, я, кажется, слышу шаги друга!

Снаружи послышались шаги, дверь открылась, и появился инспектор Мортон.

– Все в порядке. Можете его забрать, – сказал Холмс.

– Вы арестованы по обвинению в убийстве Виктора Сэведжа, – сказал инспектор.

– И можете прибавить: за покушение на убийство Шерлока Холмса, – заметил мой друг, посмеиваясь. – Чтобы зря не затруднять больного, мистер Кэлвертон Смят сам дал вам сигнал полным включением газа. Между прочим, у арестованного в правом кармане пиджака небольшая коробочка. Ее надо изъять. Благодарю вас. С ней надо обращаться очень осторожно. Положите ее сюда. Она пригодится на суде.

Послышался внезапный бросок, борьба, сопровождаемая звяканьем железа и криком боли.

– Только себя же изувечите, – сказал инспектор. – Стойте смирно!

И я услышал, как защелкнулись наручники.

– Вот как! Ловушка! – закричал высокий визгливый голос. – Это приведет на скамью подсудимых вас, Холмс, а не меня. Он просил меня приехать лечить его. Я его пожалел и приехал. Теперь он, конечно, будет утверждать, будто я сказал какую-нибудь чепуху, которую он сам придумал в подтверждение своих безумных подозрений. Можете лгать сколько хотите, Холмс. Мои слова имеют не меньший вес, чем ваши.

– Боже мой! – воскликнул Холмс. – Ведь я совершенно забыл о нем. Дорогой Уотсон, приношу вам тысячу извинений! Подумать только, что я упустил из виду ваше присутствие! Мне незачем знакомить вас с мистером Кэлвертоном Смитом – вы, сколько я понимаю, уже виделись с ним сегодня. Есть у вас кэб, инспектор? Я поеду вслед за вами, как только оденусь: мое присутствие может понадобиться полиции.

Одеваясь, Холмс съел несколько бисквитов и утолил жажду стаканом кларета.

– Никогда я, кажется, не ел и не пил с таким удовольствием, – сказал он. – Впрочем, мой образ жизни, как вам известно, не отличается регулярностью, и такие подвиги даются мне легче, чем многим другим. Мне было крайне необходимо, чтобы миссис Хадсон уверилась в моей болезни, так как ей предстояло сообщить эту новость вам, а вы должны были, в свою очередь, уведомить Смита. Вы не обиделись, Уотсон? Признайтесь, что умение притворяться не входит в число ваших многочисленных талантов. Если бы вы знали мою тайну, вы никогда не смогли бы убедить Смита в необходимости его приезда, а этот приезд был главным пунктом моего плана. Зная его мстительность, я был убежден, что он приедет взглянуть на результаты своего преступления.

– Но ваш вид, Холмс, ваше мертвенно-бледное лицо?..

– Три дня полного поста не красят человека. А остальное легко может быть устранено губкой. Вазелин на лбу, белладонна, впрыснутая в глаза, румяна на скулах и пленки из воска на губах – все это производит вполне удовлетворительный эффект. Симуляция болезней – это тема, которой я думаю посвятить одну из своих монографий. А разговор о полукронах, устрицах и прочих не относящихся к делу вещах неплохо создал иллюзию бреда…

– Но почему вы не разрешали мне приближаться к вам, раз никакой инфекции не было?

– И вы еще спрашиваете, мой дорогой Уотсон! Вы думаете, я не ценю ваши медицинские познания? Разве я мог надеяться, что ваш опытный взгляд пройдет мимо таких

фактов, как отсутствие изменений температуры и пульса у умирающего? На расстоянии четырех шагов я еще мог обмануть вас. А если бы мне это не удалось, кто привез бы сюда Смита? Нет, Уотсон, не трогайте эту коробочку. Если взглянете на нее сбоку, вы сможете заметить, где именно появляется острая пружинка, когда коробку раскроешь. Очевидно, при помощи какого-нибудь приспособления вроде этого и был убит бедный Сэведж, который стоял между этим чудовищем и наследством. Я, как вы знаете, получаю самую разнообразную корреспонденцию и привык относиться с опаской ко всем посылкам, приходящим на мое имя. Мне было ясно, что, убедив Смита в том, что его злобный план осуществился, я смогу выманить у него признание. Свою болезнь я разыграл со старанием настоящего актера. Благодарю вас, Уотсон, а теперь помогите мне, пожалуйста, надеть пальто. Когда мы закончим дела в полиции, я полагаю, что и лишним будет заехать подкрепиться к Симпсону.

ДЬЯВОЛОВА НОГА

Пополняя время от времени записи о моем старом друге, мистере Шерлоке Холмсе, новыми удивительными событиями и интересными воспоминаниями, я то и дело сталкивался с трудностями, вызванными его собственным отношением к гласности. Этому угрюмому скептику претили шумные похвалы окружающих, и после блестящего раскрытия очередной тайны он от души развлекался, уступив свои лавры какому-нибудь служаке из Скотланд-Ярда, и с язвительной усмешкой слушал громкий хор

поздравлений не по адресу. Подобное поведение моего друга, а вовсе не отсутствие интересного материала и привело к тому, что за последние годы мне редко удавалось публиковать новые записи. Дело в том, что участие в некоторых его приключениях было честью, всегда требующей от меня благоразумия и сдержанности.

Представьте же мое изумление, когда в прошлый вторник я получил телеграмму от Холмса (он никогда не посылал писем, если можно было обойтись телеграммой). Она гласила: «Почему бы вам не написать о Корнуэльском ужасе – самом необычном случае в моей практике». Я решительно не понимал, что воскресило в памяти Холмса это событие или какая причуда побудила его телеграфировать мне, однако, опасаясь, как бы он не передумал, я тут же разыскал записи с точными подробностями происшествия и спешу представить читателям мой рассказ.

Весной 1897 года железное здоровье Холмса несколько пошатнулось от тяжелой, напряженной работы, тем более, что сам он совершенно не щадил себя. В марте месяце доктор Мур Эгер с Харли-стрит, который познакомился с Холмсом при самых драматических обстоятельствах, о чем я расскажу как-нибудь в другой раз, категорически заявил, что знаменитому сыщику необходимо временно оставить всякую работу и как следует отдохнуть, если он не хочет окончательно подорвать свое здоровье. Холмс отнесся к этому равнодушно, ибо умственная его деятельность совершенно не зависела от физического состояния, но когда врач пригрозил, что Холмс вообще не сможет работать, это убедило его наконец сменить обстановку. И вот ранней

весной того года мы с ним поселились в загородном домике близ бухты Полду на крайней оконечности Корнуэльского полуострова.

Этот своеобразный край как нельзя лучше соответствовал угрюмому настроению моего пациента. Из окон нашего беленого домика, высоко стоящего на зеленом мысе, открывалось все зловещие полукружие залива Маунтс-Бей, известного с незапамятных времен как смертельная ловушка для парусников: скольких моряков настигла смерть на его черных скалах и подводных рифах. При северном ветре залив выглядел безмятежным, укрытым от бурь и манил к себе гонимые штормом суда, обещая им покой и защиту. Но внезапно с юго-запада с ревом налетал ураган, судно срывалось с якоря, и у подветренного берега, в пене бурунов, начиналась борьба не на жизнь, а на смерть. Опытные моряки держались подальше от этого проклятого места.

Суша в окрестностях нашего дома производила такое же безотрадное впечатление, как и море. Кругом расстилалась болотистая равнина, унылая, безлюдная, и лишь по одиноким колокольням можно было угадать, где находятся старинные деревушки. Всюду виднелись следы какого-то древнего племени, которое давно вымерло и напоминало о себе только причудливыми каменными памятниками, разбросанными там и сям могильными курганами и любопытными земляными укреплениями, воскрешающими в памяти доисторические битвы. Колдовские чары этого таинственного места, зловещие призраки забытых племен подействовали на воображение моего друга, и он подолгу гулял по торфяным болотам, предаваясь размышлениям.

Холмс заинтересовался также древним корнуэльским языком и, если мне не изменяет память, предполагал, что он сродни халдейскому и в значительной мере заимствован у финикийских купцов, приезжавших сюда за оловом. Он выписал кучу книг по филологии и засел было за развитие своей теории, как вдруг, к моему глубокому сожалению и его нескрываемому восторгу, мы оказались втянутыми в тайну – более сложную, более захватывающую и уж, конечно, в сто раз более загадочную, чем любая из тех, что заставили нас покинуть Лондон. Наша скромная жизнь, мирный, здоровый отдых были грубо нарушены, и нас закружило в водовороте событий, которые потрясли не только Корнуэлл, но и всю западную Англию. Многие читатели помнят, наверное, о «Корнуэльском ужасе», как это тогда называлось, хотя должен вам сказать, что лондонская пресса располагала весьма неполными данными. И вот теперь, через тринадцать лет, настало время сообщить вам все подлинные подробности этого непостижимого происшествия.

Я уже говорил, что редкие церковные колоколенки указывали на деревни, разбросанные в этой части Корнуэлла. Ближайшей к нам оказалась деревушка Тридэнник-Уоллес, где домики сотни-другой жителей лепились вокруг древней замшелой церкви. Священник этого прихода, мистер Раундхэй, увлекался археологией; на этой почве Холмс и познакомился с ним. Это был радушный толстяк средних лет, неплохо знавший здешние места. Как-то он пригласил нас к себе на чашку чая, и у него мы встретились с мистером Мортимером Тридженнисом, состоятельным человеком, который увеличивал скудные

доходы священника, снимая несколько комнат в его большом, бестолково построенном доме. Одинокий священник был доволен этим, хотя имел мало общего со своим жильцом, худощавым брюнетом в очках, до того сутулым, что с первого взгляда казался горбуном. Помню, что за время нашего недолгого визита священник произвел на нас впечатление неутомимого говоруна, зато жилец его был до странности необщителен, печален, задумчив; он сидел, уставившись в одну точку, занятый, видимо, собственными мыслями.

И вот во вторник, шестнадцатого марта, когда мы докуривали после завтрака, готовясь к обычной прогулке на торфяные болота, в нашу маленькую гостиную ворвались два этих человека.

– Мистер Холмс, – задыхаясь, проговорил священник, – этой ночью произошла ужасная трагедия? Просто неслыханно! Наверное, само Провидение привело вас сюда как раз вовремя, потому что если кто-нибудь в Англии и может помочь, то это вы!

Я бросил не слишком дружелюбный взгляд на назойливого священника, но Холмс вынул изо рта трубку и насторожился, как старый гончий пес, услышавший зов охотника. Он знаком предложил им сесть, и наш взбудораженный посетитель со своим спутником уселись на диван. Мистер Мортимер Тридженнис больше владел собой, но судорожное подергивание его худых рук и лихорадочный блеск темных глаз показывали, что он взволнован ничуть не меньше.

– Кто будет рассказывать, я или вы? – спросил он священника.

– Я не знаю, что у вас случилось, – сказал Холмс, – но раз уж, судя по всему, открытие сделали вы, то вы и рассказывайте: ведь священник узнал об этом уже от вас.

Я взглянул на одетого наспех священника и его аккуратного соседа и в душе позабавился тому изумлению, которое вызвал на их лицах простой логический вывод Холмса.

– Позвольте мне сказать несколько слов, – начал священник, – и тогда вы сами решите, выслушать ли вам подробности от мистера Тридженниса или лучше немедленно поспешить к месту этого загадочного происшествия. Случилось вот что: вчера вечером наш друг был в гостях у своих братьев Оуэна и Джорджа и сестры Брэнды в их доме в Тридэнник-Уорта, что неподалеку от древнего каменного креста на торфяных болотах. Он ушел от них в начале одиннадцатого, до этого они играли в карты в столовой, все были здоровы, и прекрасном настроении. Сегодня утром, еще до завтрака, наш друг – он всегда встает очень рано – пошел прогуляться в направлении дома своих родственников, и тут его нагнал шарабан доктора Ричардса: оказалось, что того срочно вызвали в Тридэнник-Уорта. Конечно, мистер Мортимер Тридженнис поехал вместе с ним. Приехав, они обнаружили нечто невероятное. Сестра и братья сидели вокруг стола точно в тех же позах, как он их оставил, перед ними еще лежали карты, но свечи догорели до самых розеток. Сестра лежала в кресле мертвая, а с двух сторон от нее сидели братья: они кричали, пели, хохотали… разум покинул их. У всех троих – и у мертвой женщины и у помешавшихся мужчин – на лицах застыл невыразимый страх, гримаса ужаса, на которую жутко

смотреть. Нет никаких признаков, что в доме были посторонние, если не считать миссис Портер, их старой кухарки и экономки, которая сообщила, что всю ночь крепко спала и ничего не слыхала. Ничего не украдено, все в полном порядке, и совершенно непонятно, чего они испугались настолько, что женщина лишилась жизни, а мужчины – рассудка. Вот вкратце и все, мистер Холмс, и если вы поможете нам разобраться во всем этом, вы сделаете великое дело.

Я еще надеялся уговорить моего друга вернуться к отдыху, составлявшему цель нашей поездки, но стоило мне взглянуть на его сосредоточенное лицо и нахмуренные брови, как стало ясно, что надеяться не на что. Холмс молчал, поглощенный необычайной драмой, ворвавшейся в нашу тихую жизнь.

– Я займусь этим делом, – сказал он наконец. – Насколько я понимаю, случай исключительный. Сами вы там были, мистер Раундхэй?

– Нет, мистер Холмс. Как только я узнал от мистера Тридженниса об этом несчастье, мы тут же поспешили к вам, чтобы посоветоваться.

– Далеко ли дом, где разыгралась эта ужасная трагедия?

– Около мили отсюда.

– Значит, отправимся вместе. Но сначала, мистер Мортимер Тридженнис, я хочу задать вам несколько вопросов.

За все это время тот не произнес ни звука, но я заметил, что внутренне он встревожен куда больше, чем суетливый и разговорчивый священник. Лицо его побледнело, исказилось, беспокойный взгляд не отрывался от Холмса, а

худые руки сжимались и разжимались. Когда священник рассказывал об этом страшном происшествии, побелевшие губы Тридженниса дрожали, и казалось, что в его темных глазах отражается эта ужасная картина.

– Спрашивайте обо всем, что сочтете нужным, мистер Холмс, – с готовностью сказал он. – Тяжело говорить об этом, но я не скрою от вас ничего.

– Расскажите мне о вчерашнем вечере.

– Так вот, мистер Холмс, как уже говорил священник, мы вместе поужинали, а потом старший брат Джордж предложил сыграть в вист. Мы сели за карты около девяти. В четверть одиннадцатого я собрался домой. Они сидели за столом, здоровые и веселые.

– Кто закрыл за вами дверь?

– Миссис Портер уже легла, и меня никто не провожал. Я сам захлопнул за собой входную дверь. Окно в комнате, у которого они сидели, было закрыто, но шторы не спущены. Сегодня утром и дверь и окно оказались в том же виде, что и вчера, и нет причины думать, что в дом забрался чужой. И все-таки страх помутил рассудок моих братьев, страх убил Брэнду… если б вы видели, как она лежала, свесившись через ручку кресла… До самой смерти не забыть мне этой комнаты.

– То, что вы рассказываете, просто неслыханно, – сказал Холмс. – Но, насколько я понимаю, у вас нет никаких предположений о причине происшедшего?

– Это дьявольщина, мистер Холмс, дьявольщина! – воскликнул Мортимер Тридженнис. – Это нечистая сила! В комнату проникает что-то ужасное, и люди лишаются рассудка. Разве человек способен на такое?

– Ну, если человеку такое не под силу, то, боюсь, и разгадка окажется мне не под силу, – заметил Холмс. – Однако, прежде чем принять вашу версию, мы должны испробовать все реальные причины. Что касается вас, мистер Тридженнис, то вы, как я понял, в чем-то не ладили со своими родными, – ведь вы жили врозь, верно?

– Да, так оно и было, мистер Холмс, хотя это – дело прошлое. Видите ли, нашей семье принадлежали оловянные рудники в Редруте, но потом мы продали их Компании и, получив возможность жить безбедно, уехали оттуда. Не скрою, что при дележе денег мы поссорились и разошлись на некоторое время, но что было, то прошло, и мы снова стали лучшими друзьями.

– Однако вернемся к событиям вчерашнего вечера. Не припомните ли вы что-нибудь, что могло бы хоть косвенно натолкнуть нас на разгадку этой трагедии? Подумайте как следует, мистер Тридженнис, любой намек мне поможет.

– Нет, сэр, ничего не могу припомнить.

– Ваши родные были в обычном настроении?

– Да, в очень хорошем.

– Не были они нервными людьми? Не бывало ли у них предчувствия приближающейся опасности?

– Нет, никогда.

– Больше вы ничем не можете помочь мне?

Мортимер Тридженнис напряг память.

– Вот что я вспомнил, – сказал он наконец. – Когда мы играли в карты, я сидел спиной к окну, а брат Джордж, мой партнер, – лицом. И вдруг я заметил, что он пристально смотрит через мое плечо, и я тоже обернулся и посмотрел. Окно было закрыто, но шторы еще не спущены, и я раз-

глядел кусты на лужайке; мне показалось, что в них что-то шевелится. Я даже не понял, человек это или животное. Но подумал, что там кто-то есть. Когда я спросил брата, куда он смотрит, он ответил, что ему тоже что-то показалось. Вот, собственно, и все.

– И вы не поинтересовались, что это?

– Нет, я тут же забыл об этом.

– Когда вы уходили, у вас не было дурного предчувствия?

– Ни малейшего.

– Мне не совсем ясно, как вы узнали новости в такой ранний час.

– Я обычно встаю рано и до завтрака гуляю. Только я вышел сегодня утром, как меня нагнал шарабан доктора. Он сказал, что старая миссис Портер прислала за ним мальчишку и спешно требует его туда. Я вскочил в шарабан, и мы поехали. Там мы сразу бросились в эту жуткую комнату. Свечи и камин погасли уже давно, и они до самого рассвета были в темноте. Доктор сказал, что Брэнда умерла по крайней мере шесть часов назад. Никаких следов насилия. Она лежала в кресле, перевесившись через ручку, и на лице ее застыло это самое выражение ужаса. Джордж и Оуэн на разные голоса распевали песни и бормотали, как два каких-нибудь орангутанга. О, это было ужасно! Я еле выдержал, а доктор побелел как полотно. Ему стало дурно, и он упал в кресло, – хорошо еще, что нам не пришлось за ним ухаживать.

– Поразительно… просто поразительно, – сказал Холмс, вставая, и взялся за шляпу. – По-моему, лучше, не теряя времени, отправиться в Тридэнник-Уорта. Должен

признаться, что редко мне встречалось дело, которое на первый взгляд казалось бы столь необычайным.

В то утро наши розыски продвинулись мало. Зато в самом же начале произошел случай, который оказал на меня самое гнетущее действие. Мы шли к месту происшествия по узкой, извилистой проселочной дороге. Увидев тарахтящую навстречу карету, мы сошли на обочину, чтобы пропустить ее. Когда она поравнялась с нами, за поднятым стеклом метнулось оскаленное, перекошенное лицо с вытаращенными глазами. Эти остановившиеся глаза и скрежещущие зубы промелькнули мимо нас, как кошмарное видение.

– Братья! – весь побелев, воскликнул Мортимер Тридженнис. – Их увозят в Хелстон!

В ужасе мы смотрели вслед черной карете, громыхающей по дороге, потом снова направились к дому, где их постигла такая странная судьба.

Это был просторный, светлый дом, скорее вилла, чем коттедж, с большим садом, где благодаря мягкому корнуэльскому климату уже благоухали весенние цветы. В этот сад и выходило окно гостиной, куда, по утверждению Мортимера Тридженниса, проник злой дух и принес столько несчастий хозяевам дома. Прежде, чем подняться на крыльцо, Холмс медленно и задумчиво прошелся по дорожке и между клумбами. Я помню, он был так занят своими мыслями, что споткнулся о лейку, и она опрокинулась на садовую дорожку, облив нам ноги. В доме нас встретила пожилая экономка, миссис Портер, которая вела здесь хозяйство с помощью молоденькой служанки. Она с готовностью отвечала на все вопросы Холмса. Нет, она

ничего не слышала ночью. Да, хозяева в последнее время были в прекрасном настроении: никогда она не видела, чтоб они были такие веселые и довольные. Она упала в обморок от ужаса, когда зашла утром в комнату и увидела их за столом. Опомнившись, она распахнула окно, чтобы впустить утренний воздух, бросилась на дорогу, окликнула фермерского мальчишку и послала его за доктором. Если мы хотим посмотреть, то хозяйка лежит в своей спальне. Четверо здоровенных санитаров еле справились с братьями, усаживая их в карету. А она сама и до завтра не останется в этом доме, немедленно уедет в Сент-Айвс к своим родным.

Мы поднялись наверх и осмотрели тело Брэнды Тридженнис. Даже сейчас всякий сказал бы, что в молодости она была красавицей. И после смерти она была прекрасна, хотя тонкие черты ее смуглого лица хранили печать ужаса – последнего ее ощущения при жизни. Из спальни мы спустились в гостиную, где произошла эта невероятная драма. В камине еще лежала зола. На столе стояли четыре оплывшие, догоревшие свечи и валялись карты. Стулья были отодвинуты к стенам, к остальным предметам никто не прикасался. Холмс легкими, быстрыми шагами обошел комнату; он садился на стулья, двигал их и расставлял так, как они стояли накануне. Он прикидывал, насколько виден сад с разных мест. Он осмотрел пол, потолок, камин; но ни разу я не заметил ни внезапного блеска в его глазах, ни сжатых губ, которые подсказали бы мне, что в мозгу его мелькнула догадка.

– Зачем топили камин? – спросил он вдруг. – Даже весной топят в такой небольшой комнате?

Мортимер Тридженнис пояснил, что вечером было холодно и сыро. Поэтому, когда он пришел, затопили камин.

– Что вы собираетесь делать дальше, мистер Холмс? – спросил он.

Улыбнувшись, мой друг положил руку мне на плечо.

– Знаете, Уотсон, пожалуй, мне снова придется взяться за трубку и снова вызвать ваши справедливые упреки, – сказал он.

– С вашего разрешения, господа, мы вернемся домой, ибо я не рассчитываю найти здесь что-то новое. Я проанализирую все известные факты, мистер Тридженнис, и если мне что-нибудь придет в голову, немедленно извещу вас и священника. А пока позвольте пожелать вам всего доброго.

Вернувшись в Полду-коттедж, Холмс погрузился в сосредоточенное молчание. Он сидел с ногами в глубоком кресле, весь окутанный голубыми клубами табачного дыма; его черные брови сошлись к переносице, лоб перерезала морщина, глаза на изможденном лице аскета уставились в одну точку. После долгих раздумий он отбросил трубку и вскочил.

– Ничего не выходит, Уотсон! – рассмеялся он. – Пойдемте-ка лучше побродим и поищем кремневые стрелы. Скорее мы найдем их, чем ключ к этой загадке. Заставлять мозг работать, когда для этой работы нет достаточного материала, – все равно, что перегревать мотор. Он разлетится вдребезги. Морской воздух, солнце и терпение – вот что нам нужно, Уотсон, а остальное приложится.

– Теперь давайте спокойно обсудим наше положение,

Уотсон, – продолжал он, когда мы шли по тропинке над обрывом. – Нужно твердо усвоить хотя бы то, что нам известно, для того чтобы поставить на место новые факты, когда они появятся. Уговоримся, во-первых, что дьявольские козни тут ни при чем. Выбросим это из головы. Отлично. Зато перед нами три несчастные жертвы некоего намеренного или невольного преступления, совершенного человеком. Будем исходить из этого. Идем дальше: когда это случилось? Если верить Мортимеру Тридженнису, то, очевидно, сразу же после его ухода. Это очень важно. Вероятно, все произошло в следующие несколько минут. Карты еще на столе. Хозяева в это время обычно ложатся спать. Но они продолжают сидеть, даже не отодвинув стулья. Итак, повторяю: это произошло немедленно после его ухода и никак не позже одиннадцати часов вечера.

Проследим теперь, насколько возможно, что делал Мортимер Тридженнис, выйдя из комнаты. Это совсем нетрудно, и он как будто вне подозрений. Вы хорошо знакомы с моими методами и, конечно, догадались, что довольно-таки неуклюжая уловка с лейкой понадобилась мне для того, чтобы получить ясный отпечаток его ноги. На сыром песке она отпечаталась прекрасно. Вчера вечером, как вы помните, тоже было сыро, и я легко проследил его путь. Судя по всему, он быстро пошел к дому священника.

Раз Мортимер Тридженнис исчезает со сцены, значит, перед игроками в карты появляется кто-то другой; кто же это и как ему удалось вызвать такой ужас? Миссис Портер отпадает. Она явно ни при чем. Можно ли доказать, что некто прокрался из сада к окну и своим появлением добился такого трагического исхода? Единственное указание

на это исходит опять-таки от Мортимера Тридженниса, который говорил, что его брат заметил какое-то движение в саду. Это странно, потому что вечер был темный, шел дождь, и если тот, кто собирался напугать этих людей, хотел, чтобы его заметили, он должен был прижаться лицом к оконному стеклу. А под окном широкая цветочная грядка – и ни одного отпечатка ног. Трудно вообразить, как мог незнакомец при этих обстоятельствах произвести столь жуткое впечатление; к тому же мы не находим подходящего мотива для такого необъяснимого поступка. Вы улавливаете наши трудности, Уотсон?

– Еще бы! – убежденно отвечал я.

– И все-таки, если у нас появятся новые данные, мы преодолеем эти трудности. По-моему, в ваших необъятных архивах, Уотсон, найдется много таких же неясных случаев. Тем не менее отложим дело пока не получим более точных сведений, и закончим утро поисками неолитического человека.

Кажется, я уже говорил, что мой друг обладал исключительной способностью совершенно отключаться от какого-либо дела, но никогда я не поражался ей больше, чем в то весеннее утро в Корнуэлле, когда часа два кряду он толковал о кельтах, кремневых наконечниках и черепках так беззаботно, будто зловещей тайны не было и в помине. И только вернувшись домой, мы обнаружили, что нас ждет посетитель, сразу же вернувший нас к действительности. У него не было нужды представляться нам. Гигантская фигура, огрубевшее, иссеченное морщинами лицо, горящие глаза, орлиный нос, седеющая голова, почти достающая до потолка, золотистая борода с проседью, пожелтевшая у губ

от неизменной сигары, – эти приметы были отлично известны и в Лондоне и в Африке и могли принадлежать лишь одному человеку – доктору Леону Стерндейлу, прославленному исследователю и охотнику на львов.

Мы слышали, что он живет где-то поблизости, и не раз замечали на торфяных болотах его могучую фигуру. Однако он не стремился к знакомству с нами, да и нам это не приходило в голову, потому что мы знали, что именно любовь к уединению побуждает его проводить большую часть времени между путешествиями в маленьком домике, скрытом в роще у Бичем-Эраэнс. Там он жил в полном одиночестве, окруженный книгами и картами, сам занимался своим несложным хозяйством и совершенно не интересовался делами соседей. Поэтому меня удивила горячность, с которой он расспрашивал Холмса, удалось ли ему разгадать хоть что-нибудь в этой непостижимой тайне.

– Полиция в тупике, – сказал он, – но, может быть, ваш богатый опыт подскажет какое-нибудь приемлемое объяснение? Я прошу вас довериться мне потому, что за время моих частых наездов сюда я близко познакомился с семьей Тридженнисов, они даже приходятся мне родственниками со стороны матери, здешней уроженки. Вы сами понимаете, что их ужасная судьба потрясла меня. Должен сказать вам, что я направлялся в Африку и уже был в Плимуте, когда сегодня утром узнал об этом событии, и туг же вернулся, чтобы помочь расследованию.

Холмс поднял брови.

– Из-за этого вы пропустили пароход?

– Поеду следующим.

– Бог мой, вот это дружба!

– Я же сказал, что мы родственники.

– Да, помню… по материнской линии. Багаж уже был на борту?

– Не весь, большая часть еще оставалась в гостинице.

– Понимаю. Но не могла ведь эта новость попасть в плимутские газеты сегодня утром?

– Нет, сэр. Я получил телеграмму.

– Позвольте узнать, от кого?

Исхудалое лицо исследователя потемнело.

– Вы слишком любознательны, мистер Холмс.

– Такова моя профессия.

Доктор Стерндейл с трудом обрел прежнее спокойствие.

– Не вижу основания скрывать это от вас, – сказал он. – Телеграмму прислал мистер Раундхэй, священник.

– Благодарю вас, – отозвался Холмс. – Что касается вашего вопроса, то я могу ответить, что мне еще не вполне ясна суть дела, но я твердо рассчитываю добиться истины. Вот пока и все.

– Не могли бы вы сказать, подозреваете ли вы кого-нибудь?

– На это я вам не могу ответить.

– В таком случае я пришел напрасно, не стану задерживать вас более.

Знаменитый путешественник большими шагами вышел из нашего домика, изрядно раздосадованный; вслед за ним ушел и Холмс. Он пропадал до самого вечера, а когда вернулся, вид у него был усталый и недовольный, и я понял, что розыски не увенчались успехом. Его ждала телеграмма, он пробежал ее и бросил в камин.

– Это из Плимута, Уотсон, из гостиницы, – пояснил он. – Я узнал у священника, как она называется, и телеграфировал туда, чтобы проверить слова доктора Стерндейла. Он действительно ночевал там сегодня, и часть его багажа действительно ушла в Африку; сам же он вернулся, чтобы присутствовать при расследовании. Что скажете, Уотсон?

– Видимо, его очень интересует это дело.

– Да, очень. Вот нить, которую мы еще не схватили, а ведь она может вывести нас из лабиринта. Бодритесь, Уотсон, я уверен, что мы знаем далеко не все. Когда мы узнаем больше, все трудности останутся позади.

Я никак не предполагал ни того, что слова Холмса сбудутся так скоро, ни того, каким странным и жутким окажется наше новое открытие, повернувшее розыски в совершенно ином направлении. Утром, когда я брился, я услышал стук копыт и, выглянув из окна, увидел двуколку, которая во всю прыть неслась по дороге. У наших ворот лошадь стала, из двуколки выпрыгнул наш друг – священник, и со всех ног помчался по садовой дорожке. Холмс был уже готов, и мы с ним поспешили навстречу.

От волнения наш гость не мог говорить, но в конце концов, тяжело дыша и захлебываясь, он выкрикнул:

– Мы под властью дьявола, мистер Холмс! Мой несчастный приход под властью дьявола! – задыхался он. – Там поселился сам Сатана! Мы в его руках! – Он приплясывал на месте от возбуждения, и это было бы смешно, если бы не его посеревшее лицо и безумные глаза. И тут он выпалил свои ужасные новости:

– Мистер Мортимер Тридженнис умер сегодня ночью точно так же, как его сестра!

Холмс мгновенно вскочил, полный энергии.

– Хватит места в вашей двуколке?

– Да!.

– Уотсон, завтрак позже! Мистер Раундхэй, мы готовы! Скорей, скорей, пока там ничего не тронуто!

Мортимер Тридженнис занимал в доме священника две угловые комнаты, расположенные обособленно, одна над другой. Внизу была просторная гостиная, наверху – спальня. Под самыми окнами – крокетная площадка. Мы опередили и доктора и полицию, так что никто еще сюда не входил. Позвольте мне точно описать сцену, которую мы увидели в это туманное мартовское утро. Она навеки врезалась в мою память.

В комнате был невероятно удушливый, спертый воздух. Если бы служанка не распахнула окно рано утром, дышать было бы совсем невозможно. Это отчасти объяснялось тем, что на столе еще чадила лампа. У стола, откинувшись на спинку кресла, сидел мертвец; его жидкая бородка стояла торчком, очки были сдвинуты на лоб, а на смуглом, худом лице, обращенном к окну, застыло выражение того же ужаса, которое мы видели на лице его покойной сестры. Судя по сведенным судорогой рукам и ногам и по переплетенным пальцам, он умер в пароксизме страха. Он был одет, хотя мы заметили, что одевался он второпях. И так как мы уже знали, что с вечера он лег в постель, надо было думать, что трагический конец настиг его рано утром.

Как только мы вошли в роковую комнату, Холмс преобразился: внешнее бесстрастие мгновенно сменилось бешеной энергией. Он подобрался, насторожился, глаза его засверкали, лицо застыло, он двигался с лихорадочной

быстротой. Он выскочил на лужайку, влез обратно через окно, обежал комнату, промчался наверх – точь-в-точь гончая, почуявшая дичь. Он быстро оглядел спальню и распахнул окно; тут, как видно, появилась новая причина для возбуждения, потому что он высунулся наружу с громкими восклицаниями интереса и радости. Потом он промчался вниз, выбежал в сад, растянулся на траве, вскочил и снова кинулся в комнату – все это с пылом охотника, идущего по следу. Особенно он заинтересовался лампой, которая с виду была самой обычной, и измерил ее резервуар. Затем с помощью лупы тщательно осмотрел абажур, закрывавший верх лампового стекла, и, соскоблив немного копоти с его наружной поверхности, ссыпал ее в конверт, а конверт спрятал в бумажник. Наконец, после появления полиции и доктора, он сделал знак священнику, и мы втроем вышли на лужайку.

– Рад сообщить вам, что мои розыски не остались бесплодными, – объявил он. – Я не намерен обсуждать это дело с полицией, однако вас, мистер Раундхэй, я попрошу засвидетельствовать мое почтение инспектору и обратить его внимание на окно в спальне и лампу в гостиной. И то и другое в отдельности наводит на размышления, а вместе приводит к определенным выводам. Если инспектору понадобятся дальнейшие сведения, буду рад видеть его у себя. А теперь, Уотсон, я думаю, нам лучше уйти.

Возможно, инспектора уязвило вмешательство частного сыщика, а может быть, он вообразил, что находится на верном пути, во всяком случае, в течение двух дней мы ничего о нем не слышали. Холмс в это время мало бывал дома, а если и бывал, то дремал или курил; свои продол-

жительные прогулки он совершал в одиночестве, ни словом не упоминая о том, где ходит. Однако один опыт Холмса помог мне понять направление его поисков. Он купил лампу – такую же, как та, что горела в комнате Мортимера Тридженниса в утро трагедии. Заправив ее керосином, каким пользовались и в доме священника, он тщательно высчитал, за какое время он выгорает. Другой его опыт оказался гораздо менее безобидным, и, боюсь, я не забуду о нем до самой смерти.

– Вы, вероятно, помните, Уотсон, – начал он как-то, – что во всех показаниях, которые мы слышали, есть нечто общее. Я имею в виду то, как действовала атмосфера комнаты на тех, кто входил туда первым. Помните, Мортимер Тридженнис, описывая свой последний визит в дом братьев, упомянул, что доктор, войдя в комнату, чуть не лишился чувств? Неужто забыли? А я прекрасно помню. Дальше: помните ли вы, что экономка, миссис Портер, говорила нам, что ей стало дурно, когда она вошла, и она открыла окно? А после смерти Мортимера Тридженниса не могли же вы забыть ужасную духоту в комнате, хотя служанка уже распахнула окно? Как я узнал потом, ей стало до того плохо, что она слегла. Согласитесь, Уотсон, это очень подозрительно. В обоих случаях одно и то же явление – отравленная атмосфера. В обоих случаях и комнатах что-то горело. В первом случае – камин, во втором – лампа. Огонь в камине был еще нужен, но лампу зажгли после того, как рассвело, – это видно по уровню керосина. Почему? Да потому, что есть какая-то связь между тремя факторами: горением, удушливой атмосферой и, наконец, сумасшествием или смертью этих несчастных. Надеюсь, вам ясно?

– Да, как будто ясно.

– Во всяком случае, мы можем принять это за рабочую гипотезу. Предположим затем, что в обоих случаях там горело некое вещество, отравившее атмосферу. Превосходно. В первом случае с семьей Тридженнисов это вещество было брошено в камин. Окно было закрыто, но ядовитые пары, естественно, уходили в дымоход. Поэтому действие оказалось слабее, чем во втором случае, когда у них не было выхода. Это видно по результатам: в первом случае умерла только женщина, как более уязвимое существо, а у мужчин временно или безнадежно помрачился рассудок, что, очевидно, является первой стадией отравления. Во втором случае результат достигнут полностью. Таким образом, факты подтверждают теорию об отравлении при сгорании некоего вещества.

Исходя из этого, я, разумеется, рассчитывал найти в комнате Мортимера Тридженниса остатки этого вещества. По всей видимости, их надо было искать на ламповом абажуре. Как я и предполагал, там оказались хлопья сажи, а по краям – кайма коричневого порошка, который не успел сгореть. Если вы помните, половину этого порошка я соскоблил и положил в конверт.

– Почему только половину, Холмс?

– Становиться на пути полиции не в моих правилах, Уотсон. Я оставил им все улики. Найдут они что-нибудь на абажуре или нет – это уже вопрос их сообразительности. А теперь, Уотсон, зажжем нашу лампу; однако, чтобы не допустить преждевременной гибели двух достойных членов общества, откроем окно. Садитесь около него в это кресло… если, конечно, как здравомыслящий человек, вы

не отказываетесь принять участие в опыте. О, я вижу, вы решили не отступать! Не зря я всегда верил в вас, дорогой Уотсон! Сам я сяду напротив, лицом к вам, и мы окажемся на равном расстоянии от лампы. Дверь оставим полуоткрытой. Теперь мы сможем наблюдать друг за другом, и, если симптомы окажутся угрожающими, опыт нужно немедленно прекратить. Ясно? Итак, я вынимаю из конверта порошок, или, вернее, то, что от него осталось, и кладу его на горящую лампу. Готово! Теперь, Уотсон, садитесь и ждите.

Ждать пришлось недолго. Едва я уселся, как почувствовал тяжелый, приторный, тошнотворный запах. После первого же вдоха разум мой помутился, и я потерял власть над собой. Перед глазами заклубилось густое черное облако, и я внезапно почувствовал, что в нем таится все самое ужасное, чудовищное, злое, что только есть на свете, и эта незримая сила готова поразить меня насмерть. Кружась и колыхаясь в этом черном тумане, смутные призраки грозно возвещали неизбежное появление какого-то страшного существа, и от одной мысли о нем у меня разрывалось сердце. Я похолодел от ужаса. Волосы у меня поднялись дыбом, глаза выкатились, рот широко открылся, а язык стал как ватный. В голове так шумело, что казалось, мой мозг не выдержит и разлетится вдребезги. Я попытался крикнуть, но, услышав хриплое карканье откуда-то издалека, с трудом сообразил, что это мой собственный голос. В ту же секунду отчаянным усилием я прорвал зловещую пелену и увидел перед собой белую маску, искривленную гримасой ужаса… Это выражение я видел так недавно на лицах умерших… Теперь я видел его на лице Холмса. И тут

наступило минутное просветление. Я вскочил с кресла, обхватил Холмса и, шатаясь, потащил его к выходу, потом мы лежали на траве, чувствуя, как яркие солнечные лучи рассеивают ужас, сковавший нас. Он медленно исчезал из наших душ, подобно утреннему туману, пока к нам окончательно не вернулся рассудок, а с ним и душевный покой. Мы сидели на траве, отирая холодный пот, и с тревогой подмечали на лицах друг друга последние следы нашего опасного эксперимента.

– Честное слово, Уотсон, я в неоплатном долгу перед вами, – сказал наконец Холмс нетвердым голосом, – примите мои извинения. Непростительно было затевать такой опыт, и вдвойне непростительно вмешивать в него друга. Поверьте, я искренне жалею об этом.

– Вы же знаете; – отвечал я, тронутый небывалой сердечностью Холмса, – что помогать вам – величайшая радость и честь для меня.

Тут он снова заговорил своим обычным, полушутливым-полускептическим тоном:

– Все-таки, дорогой Уотсон, излишне было подвергать себя такой опасности. Конечно, сторонний наблюдатель решил бы, что мы свихнулись еще до проведения этого безрассудного опыта. Признаться, я никак не ожидал, что действие окажется таким внезапным и сильным.

Бросившись в дом, он вынес в вытянутой руке горящую лампу и зашвырнул ее в заросли ежевики.

– Пусть комната немного проветрится. Ну, Уотсон, теперь, надеюсь, у вас нет никаких сомнений в том, как произошли обе эти трагедии?

– Ни малейших!

– Однако причина так же непонятна, как и раньше. Пойдемте в беседку и там все обсудим. У меня до сих пор в горле першит от этой гадости. Итак, все факты указывают на то, что преступником в первом случае был Мортимер Тридженнис, хотя во втором он же оказался жертвой. Прежде всего нельзя забывать, что в семье произошла ссора, а потом примирение. Неизвестно, насколько серьезна была ссора и насколько искренне примирение. И все-таки этот Мортимер Тридженнис, с его лисьей мордочкой и хитрыми глазками, поблескивающими из-под очков, кажется мне человеком довольно-таки злопамятным. Помните ли вы, наконец, что именно он сообщил нам о чьем-то присутствии в саду – сведение, которое временно отвлекло наше внимание от истинной причины трагедии? Ему зачем-то нужно было навести нас на ложный след. И если не он бросил порошок в камин, выходя из комнаты, то кто же еще? Ведь все произошло сразу после его ухода. Если бы появился новый гость, семья, конечно, поднялась бы ему навстречу. Но разве в мирном Корнуэлле гости приходят после десяти часов вечера? Итак, все факты свидетельствуют, что преступником был Мортимер Тридженнис.

– Значит, он покончил с собой!

– Да, Уотсон, такой вывод как будто напрашивается. Человека с виной на душе, погубившего собственную семью, раскаяние могло бы привести к самоубийству. Однако имеются веские доказательства противного. К счастью, в Англии есть человек, который в курсе дела, и я позаботился о том, чтобы мы все узнали из его собственных уст, сегодня же. А! Вот и он! Сюда, сюда, по этой дорожке, мистер

Стерндейл! Мы проводили в доме химический опыт, и теперь наша комната не годится для приема такого выдающегося гостя!

Я услышал стук садовой калитки, и на дорожке показалась величественная фигура знаменитого исследователя Африки. Он с некоторым удивлением направился к беседке, где мы сидели.

– Вы посылали за мной, мистер Холмс? Я получил вашу записку около часу назад и пришел, хотя мне совершенно непонятно, почему я должен исполнять ваши требования.

– Я надеюсь, вам все станет ясно в ходе нашей беседы, – сказал Холмс. – А пока я очень признателен вам за то, что вы пришли. Простите нам этот прием в беседке, но мы с моим другом Уотсоном чуть было не добавили новую главу к «Корнуэльскому ужасу», как называют это событие в газетах, и потому предпочитаем теперь свежий воздух. Может быть, это даже лучше, потому что мы сможем разговаривать, не боясь чужих ушей, тем более что это дело имеет к вам самое прямое отношение.

Путешественник вынул изо рта сигару и сурово воззрился на моего друга.

– Решительно не понимаю, сэр, – сказал он, – что вы подразумеваете, говоря, что это имеет самое прямое отношение ко мне.

– Убийство Мортимера Тридженниса, – ответил Холмс.

В эту секунду я пожалел, что не вооружен. Лицо Стерндейла побагровело от ярости, глаза засверкали, вены на лбу вспухли, как веревки, и, стиснув кулаки, он рванулся к моему другу. Но тотчас остановился и сверхъестественным усилием снова обрел ледяное спокойствие, в котором,

быть может, таилось больше опасности, чем в прежнем необузданном порыве.

– Я так долго жил среди дикарей, вне закона, – проговорил он, – что сам устанавливаю для себя законы. Не забывайте об этом, мистер Холмс, я не хотел искалечить вас.

– Да и я не хотел повредить вам, доктор Стерндейл. Простейшим доказательством может служить то, что я послал за вами, а не за полицией.

Стерндейл сел, тяжело дыша; возможно, впервые за всю богатую приключениями жизнь его сразил благоговейный страх. Невозможно было устоять перед несокрушимым спокойствием Холмса. Наш гость немного помедлил, сжимая и разжимая огромные кулаки.

– Что вы имеете в виду? – спросил он наконец. – Если это шантаж, мистер Холмс, то вы не на того напали. Итак, ближе к делу. Что вы имеете в виду?

– Сейчас я скажу вам, – ответил Холмс, – я скажу потому, что надеюсь, на откровенность вы ответите откровенностью. Что будет дальше, зависит исключительно от того, как вы сами будете оправдываться.

– Я буду оправдываться?

– Да, сэр.

– В чем же?

– В убийстве Мортимера Тридженниса.

Стерндейл утер лоб платком.

– Час от часу не легче! – возмутился он. – Неужели вся ваша слава держится на таком искусном шантаже?

– Это вы занимаетесь шантажом, а не я, доктор Стерндейл, – ответил Холмс сурово. – Вот факты, на которых основаны мои выводы. Ваше возвращение из Плимута в то

время, как ваши вещи отправились в Африку, в первую очередь натолкнуло меня на мысль, что на вас следует обратить особое внимание…

– Я вернулся, чтобы…

– Я слышал ваши объяснения и нахожу их неубедительными. Оставим это. Потом вы пришли узнать, кого я подозреваю. Я не ответил вам. Тогда вы пошли к дому священника, подождали там, не входя внутрь, а потом вернулись к себе.

– Откуда вы знаете?

– Я следил за вами.

– Я никого не видел.

– Я на это и рассчитывал. Ночью вы не спали, обдумывая план, который решили выполнить ранним утром. Едва стало светать, вы вышли из дому, взяли несколько пригоршней красноватых камешков из кучи гравия у ваших ворот и положили в карман.

Стерндейл вздрогнул и с изумлением взглянул на Холмса.

– Потом вы быстро пошли к дому священника. Кстати, на вас были те же теннисные туфли с рифленой подошвой, что и сейчас. Там вы прошли через сад, перелезли через ограду и оказались прямо под окнами Тридженниса. Было уже совсем светло, но в доме еще спали. Вы вынули из кармана несколько камешков и бросили их в окно второго этажа.

Стерндейл вскочил.

– Да вы сам дьявол! – воскликнул он.

Холмс улыбнулся.

– Две-три пригоршни – и Тридженнис подошел к окну.

Вы знаком предложили ему спуститься. Он торопливо оделся и сошел в гостиную. Вы влезли туда через окно. Произошел короткий разговор, вы в это время ходили взад-вперед по комнате. Потом вылезли из окна и прикрыли его за собой, а сами стояли на лужайке, курили сигару и наблюдали за тем, что происходит в гостиной. Когда Мортимер Тридженнис умер, вы ушли тем же путем. Ну, доктор Стерндейл, чем вы объясните ваше поведение и какова причина ваших поступков? Не вздумайте увиливать от ответа или хитрить со мной, ибо, предупреждаю, этим делом тогда займутся другие.

Еще во время обвинительной речи Холмса лицо нашего гостя стало пепельно-серым. Теперь он закрыл лицо руками и погрузился в тяжкое раздумье. Потом внезапно вынул из внутреннего кармана фотографию и бросил ее на неструганый стол.

– Вот почему я это сделал, – сказал он.

Это был портрет очень красивой женщины. Холмс вгляделся в него.

– Брэнда Тридженнис, – сказал он.

– Да, Брэнда Тридженнис, – отозвался наш гость. – Долгие годы я любил ее. Долгие годы она любила меня. Поэтому нечего удивляться тому, что мне нравилось жить затворником в Корнуэлле. Только здесь я был вблизи единственного дорогого мне существа. Я не мог жениться на ней, потому что я женат: жена оставила меня много лет назад, но нелепые английские законы не дают мне развестись с ней. Годы ждала Брэнда. Годы ждал я. И вот чего мы дождались! – Гигантское тело Стерндейла содрогнулось, и он судорожно схватился рукой за горло, чтобы унять ры-

дания. С трудом овладев собой, он продолжал: – Священник знал об этом. Мы доверили ему нашу тайну. Он может рассказать вам, каким она была ангелом. Вот почему он телеграфировал мне в Плимут, и я вернулся. Неужели я мог думать о багаже, об Африке, когда узнал, какая судьба постигла мою любимую! Вот и разгадка моего поведения, мистер Холмс.

– Продолжайте, – сказал мой друг.

Доктор Стерндейл вынул из кармана бумажный пакетик и положил его на стол. Мы прочли на нем: «Radix pedis diaboli», на красном ярлыке было написано: «Яд». Он подтолкнул пакетик ко мне.

– Я слышал, вы врач. Знаете вы такое вещество?

– Корень дьяволовой ноги? Первый раз слышу.

– Это нисколько не умаляет ваших профессиональных знаний, – заметил он, – ибо это единственный образчик в Европе, не считая того, что хранится в лаборатории в Буде. Он пока неизвестен ни в фармакопее, ни в литературе по токсикологии. Формой корень напоминает ногу – не то человеческую, не то козлиную, вот почему миссионер-ботаник и дал ему такое причудливое название. В некоторых районах Западной Африки колдуны пользуются им для своих целей. Этот образец я добыл при самых необычайных обстоятельствах в Убанге.

С этими словами он развернул пакетик, и мы увидели кучку красно-бурого порошка, похожего на нюхательный табак.

– Дальше, сэр, – строго сказал Холмс.

– Я уже почти закончил, мистер Холмс, и сами вы знаете так много, что в моих же интересах сообщить вам

все до конца. Я упоминал уже о своем родстве с семьей Тридженнисов. Ради сестры я поддерживал дружбу с братьями. После ссоры из-за денег этот Мортимер поселился отдельно от них, но потом все как будто уладилось, и я встречался с ним так же, как с остальными. Он был хитрым, лицемерным интриганом, и по различным причинам я не доверял ему, но у меня не было повода для ссоры.

Как-то, недели две назад, он зашел посмотреть мои африканские редкости. Когда дело дошло до этого порошка, я рассказал ему о его странных свойствах, о том, как он возбуждает нервные центры, контролирующие чувство страха, и как несчастные туземцы, которым жрец племени предназначает это испытание, либо умирают, либо сходят с ума. Я упомянул, что европейская наука бессильна обнаружить действие порошка. Не могу понять, когда он взял его, потому что я не выходил из комнаты, но надо думать, это произошло, пока я отпирал шкафы и рылся в ящиках. Хорошо помню, что он забросал меня вопросами о том, сколько нужно этого порошка и как скоро он действует, но мне и в голову не приходило, какую цель он преследует.

Я понял это только тогда, когда в Плимуте меня догнала телеграмма священника. Этот негодяй Тридженнис рассчитывал, что я уже буду в море, ничего не узнаю и проведу в дебрях Африки долгие годы. Но я немедленно вернулся. Как только я услышал подробности, я понял, что он воспользовался моим ядом. Тогда я пришел к вам узнать, нет ли другого объяснения. Но другого быть не могло. Я был убежден, что убийца – Мортимер Тридженнис: он знал, что если члены его семьи помешаются, он сможет

полновластно распоряжаться их общей собственностью. Поэтому ради денег он воспользовался порошком из корня дьяволовой ноги, лишил рассудка братьев и убил Брэнду – единственную, кого я любил, единственную, которая любила меня. Вот в чем было его преступление. Каким же должно было быть возмездие?

Обратиться в суд? Какие у меня доказательства? Конечно, факты неоспоримы, но поверят ли здешние присяжные такой фантастической истории? Либо да, либо нет. А я не мог рисковать. Душа моя жаждала мести. Я уже говорил вам, мистер Холмс, что провел почти всю жизнь вне закона и в конце концов сам стал устанавливать для себя законы. Сейчас был как раз такой случай. Я твердо решил, что Мортимер должен разделить судьбу своих родных. Если бы это не удалось, я расправился бы с ним собственноручно. Во всей Англии нет человека, который ценил бы свою жизнь меньше, чем я.

Теперь вы знаете все. Действительно, после бессонной ночи я вышел из дому. Предполагая, что разбудить Мортимера будет нелегко, я набрал камешков из кучи гравия, о которой вы упоминали, и бросил в его окно. Он сошел вниз и впустил меня в гостиную через окно. Я обвинил его в преступлении. Я сказал, что перед ним его судья и палач. Увидев револьвер, негодяй рухнул в кресло как подкошенный. Я зажег лампу, насыпал на абажур яда и, выйдя из комнаты, стал у окна. Я пристрелил бы его, если бы он попытался бежать. Через пять минут он умер. Господи, как он мучился! Но сердце мое окаменело, потому что он не пощадил мою невинную Брэнду! Вот и все, мистер Холмс. Если бы вы любили, может быть, вы сами поступили бы так

же. Как бы то ни было, я в ваших руках. Делайте все, что сочтете нужным. Я уже сказал, что жизнь свою ни во что не ставлю.

Холмс помолчал.

– Что вы думали делать дальше? – спросил он после паузы.

– Я хотел навсегда остаться в Центральной Африке. Моя работа доведена только до половины.

– Поезжайте и заканчивайте, – сказал Холмс. – Я, во всяком случае, не собираюсь мешать вам.

Доктор Стерндейл поднялся во весь свой огромный рост, торжественно поклонился нам и вышел из беседки. Холмс закурил трубку и протянул мне кисет.

– Надеюсь, этот дым покажется вам более приятным, – сказал он. – Согласны ли вы, Уотсон, что нам не следует вмешиваться в это дело? Мы вели розыски частным образом и дальше можем действовать точно так же. Вы ведь не обвиняете этого человека?

– Конечно, нет, – ответил я.

– Я никогда не любил, Уотсон, но если бы мою любимую постигла такая судьба, возможно, я поступил бы так же, как наш охотник на львов, презирающий законы. Кто знает… Ну, Уотсон, не хочу обижать вас и объяснять то, что и без того ясно. Отправным пунктом моего расследования, конечно, оказался гравий на подоконнике. В саду священника такого не было. Только заинтересовавшись доктором Стерндейлом и его домом, я обнаружил, откуда взяты камешки. Горящая средь бела дня лампа и остатки порошка на абажуре были звеньями совершенно ясной цепи. А теперь, дорогой Уотсон, давайте выбросим из го-

ловы это происшествие и с чистой совестью вернемся к изучению халдейских корней, которые, несомненно, можно проследить в корнуэльской ветви великого кельтского языка.

БЕРИЛЛОВАЯ ДИАДЕМА

– Посмотрите-ка, Холмс, – сказал я. – Какой-то сумасшедший бежит. Не понимаю, как родные отпускают такого без присмотра.

Я стоял у сводчатого окна нашей комнаты и глядел вниз, на Бейкер-стрит.

Холмс лениво поднялся с кресла, встал у меня за спиной и, засунув руки в карманы халата, взглянул в окно.

Было ясное февральское утро. Выпавший вчера снег лежал плотным слоем, сверкая в лучах зимнего солнца. На середине улицы снег превратился в бурую грязную массу, но по обочинам он оставался белым, как будто только что выпал. Хотя тротуары уже очистили, было все же очень скользко, и пешеходов на улице было меньше, чем обычно. Сейчас на улице на всем протяжении от станции подземки до нашего дома находился только один человек. Его эксцентричное поведение и привлекло мое внимание.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, солидный, с широким энергичным лицом и представительной фигурой. Одет он был богато, но не броско: блестящий цилиндр, темный сюртук из дорогого материала, хорошо сшитые светло-серые брюки и коричневые гетры. Однако все его поведение решительно не соответствовало его внешности и одежде. Он бежал, то и дело подскакивая, как человек, не

привыкший к физическим упражнениям, размахивал руками, вертел головой, лицо его искажалось гримасами.

– Что с ним? – недоумевал я. – Он, кажется, ищет какой-то дом.

– Я думаю, что он спешит сюда, – сказал Холмс, потирая руки.

– Сюда?

– Да. Полагаю, ему нужно посоветоваться со мной. Все признаки налицо. Ну, прав я был или нет?

В это время незнакомец, тяжело дыша, кинулся к нашей двери и принялся судорожно дергать колокольчик, огласив звоном весь дом.

Через минуту он вбежал в комнату, едва переводя дух и жестикулируя. В глазах у него затаилось такое горе и отчаяние, что наши улыбки погасли и насмешка уступила место глубокому сочувствию и жалости. Сначала он не мог вымолвить ни слова, только раскачивался взад и вперед и хватал себя за голову, как человек, доведенный до грани сумасшествия. Вдруг он бросился к стене и ударился о нее головой. Мы кинулись к нашему посетителю и оттащили его на середину комнаты. Холмс усадил несчастного в кресло, сам сел напротив и, похлопав его по руке, заговорил так мягко и успокаивающе, как никто, кроме него, не умел.

– Вы пришли ко мне, чтобы рассказать, что с вами случилось? – сказал он. – Вы утомились от быстрой ходьбы. Успокойтесь, придите в себя, и я с радостью выслушаю вас, что вы имеете сказать.

Незнакомцу потребовалась минута или больше того, чтобы отдышаться и побороть волнение. Наконец он про-

вел платком по лбу, решительно сжал губы и повернулся к нам.

– Вы, конечно, сочли меня за сумасшедшего? – спросил он.

– Нет, но я вижу, что с вами стряслась беда, – ответил Холмс.

– Да, видит Бог! Беда такая неожиданная и страшная, что можно сойти с ума. Я вынес бы бесчестье, хотя на моей совести нет ни единого пятнышка. Личное несчастье – это случается с каждым. Но одновременно и то и другое, да еще в такой ужасной форме! Кроме того, это касается не только меня. Если не будет немедленно найден выход из моего бедственного положения, может пострадать одна из знатнейших персон нашей страны.

– Успокойтесь, сэр, прошу вас, – сказал Холмс. – Расскажите, кто вы и что с вами случилось.

– Мое имя, возможно, известно вам, – проговорил посетитель. – Я Александр Холдер из банкирского дома «Холдер и Стивенсон» на Тренидл-стрит.

Действительно, имя было хорошо знакомо нам; оно принадлежало старшему компаньону второй по значению банкирской фирмы в Лондоне. Что же привело в такое жалкое состояние одного из виднейших граждан столицы? Мы с нетерпением ждали ответа на этот вопрос. Огромным усилием воли Холдер взял себя в руки и приступил к рассказу.

– Я понимаю, что нельзя терять ни минуты. Как только полицейский инспектор порекомендовал мне обратиться к вам, я немедленно поспешил сюда. Я добрался до Бейкер-стрит подземкой и всю дорогу от станции бежал: по

такому снегу кэбы движутся очень медленно. Я вообще мало двигаюсь и потому так запыхался. Но сейчас мне стало лучше, и я постараюсь изложить все факты как можно короче и яснее.

Вам, конечно, известно, что в банковском деле очень многое зависит от умения удачно вкладывать средства и в то же время расширять клиентуру. Один из наиболее выгодных способов инвестирования средств – выдача ссуд под солидное обеспечение. За последние годы мы немало успели в этом отношении. Мы ссужаем крупными суммами знатные семейства под обеспечение картинами, фамильными библиотеками, сервизами.

Вчера утром я сидел в своем кабинете в банке, и кто-то из клерков принес мне визитную карточку. Я вздрогнул, прочитав имя, потому что это был не кто иной, как… Впрочем, пожалуй, даже вам я не решусь его назвать. Это имя известно всему миру; имя одной из самых высокопоставленных и знатных особ Англии. Я был ошеломлен оказанной мне честью, и когда он вошел, хотел было выразить свои чувства высокому посетителю. Но он прервал меня: ему, видно, хотелось как можно быстрее уладить неприятное для него дело.

– Мистер Холдер, я слышал, что вы предоставляете ссуды.

– Да. Фирма дает ссуды под надежные гарантии, – отвечал я.

– Мне совершенно необходимы пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и притом немедленно, – заявил он. – Конечно, такую небольшую сумму я мог бы одолжить у своих друзей, но я предпочитаю сделать этот заем в деловом по-

рядке. И я вынужден сам заниматься этим. Вы, конечно, понимаете, что человеку моего положения неудобно вмешивать в это дело посторонних.

– Позвольте узнать, на какой срок вам нужны деньги? – осведомился я.

– В будущий понедельник мне вернут крупную сумму денег, и я погашу вашу ссуду с уплатой любого процента. Но мне крайне важно получить деньги сразу.

– Я был бы счастлив безоговорочно дать вам деньги из своих личных средств, но это довольно крупная сумма, так что придется сделать это от имени фирмы. Элементарная справедливость по отношению к моему компаньону требует, чтобы я принял меры деловой предосторожности.

– Иначе и быть не может, – сказал он и взял в руки квадратный футляр черного сафьяна, который перед тем положил на стол возле себя. – Вы, конечно, слышали о знаменитой берилловой диадеме?

– Разумеется. Это – национальное достояние.

– Совершенно верно. – Он открыл футляр – на мягком розовом бархате красовалось великолепнейшее произведение ювелирного искусства.

– В диадеме тридцать девять крупных бериллов, – сказал он. – Ценность золотой оправы не поддается исчислению. Самая минимальная ее стоимость вдвое выше нужной мне суммы. Я готов оставить диадему у вас.

Я взял в руки футляр с драгоценной диадемой и с некоторым колебанием поднял глаза на своего именитого посетителя.

– Вы сомневаетесь в ценности диадемы? – улыбнулся он.

– О, что вы, я сомневаюсь лишь…

– …удобно ли мне оставить эту диадему вам? Можете не беспокоиться. Мне эта мысль и в голову не пришла, не будь я абсолютно убежден, что через четыре дня получу диадему обратно. Пустая формальность! Ну, а само обеспечение вы считаете удовлетворительным?

– Вполне.

– Вы, разумеется, понимаете, мистер Холдер, что мой поступок – свидетельство глубочайшего доверия, которое я питаю к вам. Это доверие основано на том, что я знаю о вас. Я рассчитываю на вашу скромность, на то, что вы воздержитесь от каких-либо разговоров о диадеме. Прошу вас также беречь ее особенно тщательно, так как любое повреждение вызовет скандал. Оно повлечет почти такие же катастрофические последствия, как и пропажа диадемы. В мире больше нет таких бериллов, и, если потеряется хоть один, возместить его будет нечем. Но я доверяю вам и со спокойной душой оставляю у вас диадему. Я вернусь за нею лично в понедельник утром.

Видя, что мой клиент спешит, я без дальнейших разговоров вызвал кассира и распорядился выдать пятьдесят банковских билетов по тысяче фунтов стерлингов.

Оставшись один и разглядывая драгоценность, лежащую на моем письменном столе, я подумал об огромной ответственности, которую принял на себя. В случае пропажи диадемы, несомненно, разразится невероятный скандал: ведь она достояние нации! Я даже начал сожалеть, что впутался в это дело. Но сейчас уже ничего нельзя было изменить. Я запер диадему в свой личный сейф и вернулся к работе.

Когда настал вечер, я подумал, что было бы опрометчиво оставлять в банке такую драгоценность. Кому не известны случаи взлома сейфов? А вдруг взломают и мой? В каком ужасном положении я окажусь, случись такая беда! И я решил держать диадему при себе. Затем я вызвал кэб и поехал домой в Стритем с футляром в кармане. Я не мог успокоиться, пока не поднялся к себе наверх и не запер диадему в бюро в комнате, смежной с моей спальней.

А теперь два слова о людях, живущих в моем доме. Я хочу, чтобы вы, мистер Холмс, полностью ознакомились с положением дел. Мой конюх и мальчик-слуга – приходящие работники, поэтому о них можно не говорить. У меня три горничные, работающие уже много лет, и их абсолютная честность не вызывает ни малейшего сомнения. Четвертая – Люси Парр, официантка, живет у нас только несколько месяцев. Она поступила с прекрасной рекомендацией и вполне справляется со своей работой. Люси – хорошенькая девушка, у нее есть поклонники, которые слоняются возле дома. Это – единственное, что мне не нравится. Впрочем, я считаю ее вполне порядочной девушкой во всех отношениях.

Вот и все, что касается слуг. Моя собственная семья так немногочисленна, что мне не придется много о ней говорить. Я вдовец и имею единственного сына Артура. К великому моему огорчению, он обманул мои надежды. Нет ни малейшего сомнения, что виноват я сам. Говорят, я избаловал его. Очень может быть. Когда скончалась жена, я понял, что теперь сын – моя единственная привязанность. Я не мог ему отказать ни в чем, я совершенно не мог выносить даже малейшего его неудовольствия. Может быть,

для нас обоих было бы лучше, будь я с ним хоть чуточку построже. Но в то время я думал иначе.

Естественно, я мечтал, что Артур когда-нибудь сменит меня в моем деле. Однако у него не оказалось никакой склонности к этому. Он стал необузданным, своенравным, и, говоря по совести, я не мог доверить ему большие деньги. Юношей он вступил в аристократический клуб, а позже благодаря обаятельным манерам стал своим человеком в кругу самых богатых и расточительных людей. Он пристрастился к крупной игре в карты, проматывал деньги на скачках и поэтому все чаще и чаще обращался ко мне с просьбой дать ему денег – в счет будущих карманных расходов. Деньги нужны были для того, чтобы расплатиться с карточными долгами. Правда, Артур неоднократно пытался отойти от этой компании, но каждый раз влияние его друга сэра Джорджа Бэрнвелла возвращало его на прежний путь.

Собственно говоря, меня не очень удивляет, что сэр Джордж Бэрнвелл оказывал такое влияние на моего сына. Артур нередко приглашал его к нам, и должен сказать, что даже я подпадал под обаяние сэра Джорджа. Он старше Артура, светский человек до мозга костей, интереснейший собеседник, много поездивший и повидавший на своем веку, к тому же человек исключительно привлекательной внешности. Но все же, думая о нем спокойно, отвлекаясь от его личного обаяния и вспоминая его циничные высказывания и взгляды, я сознавал, что сэру Джорджу нельзя доверять.

Так думал не только я – того же взгляда придерживалась и Мэри, обладающая тонкой женской интуицией.

Теперь остается рассказать лишь о Мэри, моей племяннице. Когда лет пять тому назад умер брат и она осталась одна на всем свете, я взял ее к себе. С тех пор она для меня словно родная дочь. Мэри – солнечный луч в моем доме – такая ласковая, чуткая, милая, какой только может быть женщина, и к тому же превосходная хозяйка. Мэри – моя правая рука, я не могу себе представить, что я делал бы без нее. И только в одном она шла против моей воли. Мой сын Артур любит ее и дважды просил ее руки, но она каждый раз отказывала ему. Я глубоко убежден, что если хоть кто-нибудь способен направить моего сына на путь истинный, так это только она. Брак с ней мог бы изменить всю его жизнь… но сейчас, увы, слишком поздно. Все погибло!

Ну вот, мистер Холмс, теперь вы знаете людей, которые живут под моей крышей, и я продолжу свою печальную повесть.

Когда в тот вечер после обеда мы пили кофе в гостиной, я рассказал Артуру и Мэри, какое сокровище находится у нас в доме. Я, конечно, не назвал имени клиента. Люси Парр, подававшая нам кофе, к тому времени уже вышла из комнаты. Я твердо уверен в этом, хотя не берусь утверждать, что дверь за ней была плотно закрыта. Мэри и Артур, заинтригованные моим рассказом, хотели посмотреть знаменитую диадему, но я почел за благо не прикасаться к ней.

– Куда же ты ее положил? – спросил Артур.

– В бюро.

– Будем надеяться, что сегодня ночью к нам не вломятся грабители, – сказал он.

– Бюро заперто на ключ, – возразил я.

– Пустяки! К нему подойдет любой ключ. В детстве я сам открывал его ключом от буфета.

Он часто нес всякий вздор, и я не придал значения его словам. После кофе Артур с мрачным видом последовал в мою комнату.

– Послушай, папа, – сказал он, опустив глаза. – Не мог бы ты одолжить мне двести фунтов?

– Ни в коем случае, – ответил я резко. – Я и так слишком распустил тебя в денежных делах.

– Да, ты всегда щедр, – сказал он. – Но сейчас мне крайне нужна эта сумма, иначе я не смогу показаться в клубе.

– Тем лучше! – воскликнул я.

– Но меня же могут посчитать за нечестного человека! Я не вынесу такого позора. Так или иначе я должен достать деньги. Если ты не дашь мне двести фунтов, я буду вынужден раздобыть их иным способом.

Я возмутился: за последний месяц он третий раз обращался ко мне с подобной просьбой.

– Ты не получишь ни фартинга! – закричал я.

Он поклонился и вышел из комнаты, не сказав ни слова. После ухода Артура я заглянул в бюро, убедился, что драгоценность на месте, и снова запер его на ключ.

Затем я решил обойти комнаты и посмотреть, все ли в порядке. Обычно эту обязанность берет на себя Мэри, но сегодня я решил, что лучше сделать это самому. Спускаясь с лестницы, я увидел свою племянницу – она закрывала окно в гостиной.

– Скажите, папа, вы разрешили Люси отлучиться?

Мне показалось, что Мэри немножко встревожена.

– Об этом и речи не было.

– Она только что вошла через черный ход. Думаю, что она выходила к калитке повидаться с кем-нибудь. Мне кажется, это ни к чему, и пора это прекратить.

– Непременно поговори с ней завтра, или, если хочешь, я сам это сделаю. Ты проверила, все хорошо заперто?

– Да, папа.

– Тогда спокойной ночи, дитя мое. – Я поцеловал ее, отправился к себе в спальню и вскоре уснул.

– Я подробно говорю обо всем, что может иметь хоть какое-нибудь отношение к делу, мистер Холмс. Но, если что-либо покажется вам неясным, спрашивайте, не стесняйтесь.

– Нет, нет, вы рассказываете вполне ясно, – ответил Холмс.

– Сейчас я перехожу к той части рассказа, которую хотел бы изложить особенно детально. Обычно я сплю не очень крепко, а беспокойство в тот раз отнюдь не способствовало крепкому сну. Около двух часов ночи я проснулся от какого-то слабого шума. Шум прекратился прежде, чем я сообразил, в чем дело, но у меня создалось впечатление, что где-то осторожно закрыли окно. Я весь обратился в слух. Вдруг до меня донеслись легкие шаги в комнате рядом с моей спальней. Я выскользнул из постели и, дрожа от страха, выглянул за дверь.

– Артур! – закричал я. – Негодяй! Вор! Как ты посмел притронуться к диадеме!

Газ был притушен, и при его свете я увидел своего несчастного сына – на нем была только рубашка и брюки. Он стоял около газовой горелки и держал в руках диадему. Мне показалось, что он старался согнуть ее или сломать. Услышав меня, Артур выронил диадему и повернулся ко мне, бледный как смерть. Я схватил сокровище: не хватало золотого зубца с тремя бериллами.

– Подлец! – закричал я вне себя от ярости. – Сломать такую вещь! Ты обесчестил меня, понимаешь? Куда ты дел камни, которые украл?

– Украл? – попятился он.

– Да, украл! Ты вор! – кричал я, тряся его за плечи.

– Нет, не может быть, ничего не могло пропасть! – бормотал он.

– Тут недостает трех камней. Где они? Ты, оказывается, не только вор, но и лжец! Я же видел, как ты пытался отломить еще кусок.

– Хватит! Я больше не намерен терпеть оскорбления, – холодно сказал Артур. – Ты не услышишь от меня ни слова. Утром я ухожу из дому и буду сам устраиваться в жизни.

– Ты уйдешь из моего дома только в сопровождении полиции! – кричал я, обезумев от горя и гнева. – Я хочу знать все, абсолютно все!

– Я не скажу ни слова! – неожиданно взорвался он. – Если ты считаешь нужным вызвать полицию – пожалуйста, пусть ищут!

Я кричал так, что поднял на ноги весь дом. Мэри первой вбежала в комнату. Увидев диадему и растерянного Артура, она все поняла и, вскрикнув, упала без чувств. Я послал горничную за полицией. Когда прибыли полицейский ин-

спектор и констебль, Артур, мрачно стоявший со скрещенными руками, спросил меня, неужели я действительно собираюсь предъявить ему обвинение в воровстве. Я ответил, что это дело отнюдь не частное, что диадема – собственность нации и что я твердо решил дать делу законный ход.

– Но ты по крайней мере не дашь им арестовать меня сейчас же, – сказал он. – Во имя наших общих интересов разреши мне отлучиться из дому хотя бы на пять минут.

– Для того, чтобы ты скрылся или получше припрятал краденое? – воскликнул я.

Я понимал весь ужас своего положения и заклинал его подумать о том, что на карту поставлено не только мое имя, но и честь гораздо более высокого лица, что исчезновение бериллов вызовет огромный скандал, который потрясет всю нацию. Всего можно избежать, если только он скажет, что он сделал с тремя камнями.

– Пойми, – говорил я. – Ты задержан на месте преступления. Признание не усугубит твою вину. Напротив, если ты вернешь бериллы, то поможешь исправить создавшееся положение и тебя простят.

– Приберегите свое прощение для тех, кто в нем нуждается, – сказал он высокомерно и отвернулся.

Я видел, что он крайне ожесточен, и понял, что дальнейшие уговоры бесполезны. Оставался один выход. Я пригласил инспектора, и тот взял Артура под стражу.

Полицейские немедленно обыскали Артура и его комнату, обшарили каждый закоулок в доме, но обнаружить драгоценные камни не удалось, а негодный мальчишка не раскрывал рта, несмотря на наши увещевания и угрозы.

Сегодня утром его отправили в тюрьму. А я, закончив формальности, поспешил к вам. Умоляю вас применить все свое искусство, чтобы раскрыть это дело. В полиции мне откровенно сказали, что в настоящее время вряд ли смогут чем-нибудь помочь мне. Я не остановлюсь ни перед какими расходами. Я уже предложил вознаграждение в тысячу фунтов… Боже! Что же мне делать? Я потерял честь, состояние и сына в одну ночь… О, что мне делать?!

Он схватился за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, бормотал, как ребенок, который не в состоянии выразить свое горе.

Несколько минут Холмс сидел молча, нахмурив брови и устремив взгляд на огонь в камине.

– У вас часто бывают гости? – спросил он.

– Нет, у нас никого не бывает, иногда разве придет компаньон с женой да изредка кто-либо из друзей Артура. Недавно к нам несколько раз заглядывал сэр Джордж Бэрнвелл. Больше никого.

– А вы сами часто бываете в обществе?

– Артур – часто. А мы с Мэри всегда дома. Мы оба домоседы.

– Это необычно для молодой девушки.

– Она не очень общительная и к тому же не такая уж юная. Ей двадцать четыре года.

– Вы говорите, что случившееся явилось для нее ударом?

– О да! Она потрясена больше меня.

– А у вас не появлялось сомнения в виновности Артура?

– Какие же могут быть сомнения, когда я собственными глазами видел диадему в руках у Артура?

– Я не считаю это решающим доказательством вины. Скажите, кроме отломанного зубца, были какие-нибудь еще повреждения на диадеме?

– Она была погнута.

– А вам не приходила мысль, что ваш сын просто пытался распрямить ее?

– Что вы! Я понимаю, вы хотите оправдать его в моих глазах. Но это невозможно. Что он делал в моей комнате? Если он не имел преступных намерений, отчего он молчит?

– Все это верно. Но, с другой стороны, если он виновен, то почему бы ему не попытаться придумать какую-нибудь версию в свое оправдание? То обстоятельство, что он не хочет говорить, по-моему, исключает оба предположения. И вообще тут есть несколько неясных деталей. Что думает полиция о шуме, который вас разбудил?

– Они считают, что Артур, выходя из спальни, неосторожно стукнул дверью.

– Очень похоже! Человек, идущий на преступление, хлопает дверью, чтобы разбудить весь дом! А что они думают по поводу исчезнувших камней?

– Они и сейчас еще простукивают стены и обследуют мебель.

– А они не пытались искать вне дома?

– Они проявили исключительную энергию. Они прочесали весь сад.

– Ну, дорогой мистер Холдер, – сказал Холмс, – разве не очевидно, что все гораздо сложнее, чем предполагаете вы и полиция? Вы считаете дело ясным, а с моей точки зрения это очень запутанная история. Судите сами, по-вашему, ход событий таков: Артур поднимается с по-

стели, пробирается с большим риском в ту комнату, открывает бюро и достает диадему, отламывает с большим трудом зубец, выходит и где-то прячет три берилла из тридцати девяти, причем с такой ловкостью, что никто не может их разыскать, затем вновь возвращается в вашу комнату, подвергая себя огромному риску: ведь его могут застать там. Неужели такая версия в самом деле кажется вам правдоподобной?

– Но тогда я ума не приложу, что могло случиться! – воскликнул банкир в отчаянии. – Если он не имел дурных намерений, почему он молчит?

– А вот это уже наше дело – разгадать загадку, – ответил Холмс. – Теперь, мистер Холдер, мы отправимся вместе с вами в Стритем и потратим часок-другой, чтобы на месте познакомиться с кое-какими обстоятельствами.

Мой друг настоял, чтобы я сопровождал его. И я охотно согласился: эта странная история вызвала у меня предельное любопытство и глубокую симпатию к несчастному мистеру Холдеру. Говоря откровенно, виновность Артура казалась мне, как и нашему клиенту, совершенно бесспорной, и все же я верил в чутье Холмса: если мой друг не удовлетворился объяснениями Холдера, значит, есть какая-то надежда.

Пока мы ехали к южной окраине Лондона, Холмс не проронил ни слова. Погруженный в глубокое раздумье, он сидел, опустив голову на грудь и надвинув шляпу на самые глаза. Наш клиент, напротив, казалось, воспрянул духом от слабого проблеска надежды и даже пытался завести со мной разговор о своих банковских делах. В пути мы были недолго: непродолжительная поездка по железной дороге,

краткая прогулка пешком – и вот мы уже в Фэрбенке, скромной резиденции богатого финансиста.

Фэрбенк – большой квадратный дом из белого камня, расположенный недалеко от шоссе, с которым его соединяет только дорога для экипажей. Сейчас эта дорога, упирающаяся в массивные железные ворота, была занесена снегом. Направо от нее – густые заросли кустарника, за ними – узкая тропинка, по обе стороны которой живая изгородь; тропинка ведет к кухне, и ею пользуются главным образом поставщики продуктов. Налево – дорожка к конюшне. Она, собственно говоря, не входит во владения Фэрбенка и является общественной собственностью. Впрочем, там очень редко можно встретить посторонних.

Холмс не вошел в дом вместе с нами; он медленно двинулся вдоль фасада, по дорожке, ведущей на кухню и дальше через сад, в сторону конюшни. Мистер Холдер и я так и не дождались Холмса; войдя в дом, мы молча расположились в столовой около камина. Внезапно дверь отворилась, и в комнату тихо вошла молодая девушка. Она была немного выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами. Эти глаза казались еще темнее оттого, что в лице ее не было ни кровинки. Мне никогда еще не приходилось видеть такой мертвенной бледности. Губы тоже были совсем белые, глаза заплаканы. Казалось, что она сильнее потрясена горем, чем даже мистер Холдер. В то же время черты ее лица говорили о сильной воле и огромном самообладании.

Не обращая на меня внимания, она подошла к дяде и нежно провела рукой по его волосам.

– Вы распорядились, чтобы Артура освободили, папа? – спросила она.

– Нет, моя девочка, дело надо расследовать до конца.

– Я глубоко убеждена, что он не виновен. Мне сердце подсказывает это. Он не мог сделать ничего дурного. Вы потом сами пожалеете, что обошлись с ним так сурово.

– Но почему же он молчит, если не виновен?

– Возможно, он обиделся, что вы подозреваете его в краже.

– Как же не подозревать, если я застал его с диадемой в руках?

– Он взял диадему в руки, чтобы посмотреть. Поверьте, папа, он не виновен. Пожалуйста, прекратите это дело. Как ужасно, что наш дорогой Артур в тюрьме!

– Я не прекращу дела, пока не будут найдены бериллы. Ты настолько привязана к Артуру, что забываешь об ужасных последствиях. Нет, Мэри, я не отступлюсь, напротив, я пригласил джентльмена из Лондона для самого тщательного расследования.

– Это вы? – Мэри повернулась ко мне.

– Нет, это его друг. Тот джентльмен попросил, чтобы мы оставили его одного. Он хотел пройти по дорожке, которая ведет к конюшне.

– К конюшне? – Ее темные брови удивленно поднялись. – Что он думает там найти? А вот, очевидно, и он сам. Я надеюсь, сэр, что вам удастся доказать непричастность моего кузена к этому преступлению. Я убеждена в этом.

– Я полностью разделяю ваше мнение, – сказал Холмс, стряхивая у половика снег с ботинок. – Полагаю, я имею честь говорить с мисс Холдер? Вы позволите задать вам несколько вопросов?

– Ради Бога, сэр! Если б только мои ответы помогли распутать это ужасное дело!

– Вы ничего не слышали сегодня ночью?

– Ничего, пока до меня не донесся громкий голос дяди, и тогда я спустилась вниз.

– Накануне вечером вы закрывали окна и двери. Хорошо ли вы их заперли?

– Да.

– И они были заперты сегодня утром?

– Да.

– У вашей горничной есть поклонник. Вчера вечером вы говорили дяде, что она выходила к нему?

– Да, она подавала нам вчера кофе. Она могла слышать, как дядя рассказывал о диадеме.

– Понимаю. Отсюда вы делаете вывод, что она могла что-то сообщить своему поклоннику и они вместе замыслили кражу.

– Ну какой прок от всех этих туманных предположений? – нетерпеливо воскликнул мистер Холдер. – Ведь я же сказал, что застал Артура с диадемой в руках.

– Не надо спешить, мистер Холдер. К этому мы еще вернемся. Теперь относительно вашей прислуги. Мисс Холдер, она вошла в дом через кухню?

– Да. Я спустилась посмотреть, заперта ли дверь, и увидела Люси у порога. Заметила в темноте и ее поклонника.

– Вы знаете его?

– Да, он зеленщик, приносит нам овощи. Его зовут Фрэнсис Проспер.

– И он стоял немного в стороне, не у самой двери?

– Да.

– И у него деревянная нога?

Что-то вроде испуга промелькнуло в выразительных черных глазах девушки.

– Вы волшебник, – сказала она. – Как вы это узнали? – Она улыбнулась, но на худощавом энергичном лице Холмса не появилось ответной улыбки.

– Я хотел бы подняться наверх, – сказал он. – Впрочем, сначала я посмотрю окна.

Он быстро обошел первый этаж, переходя от одного окна к другому, затем остановился у большого окна, которое выходило на дорожку, ведущую к конюшне. Он открыл окно и тщательно, с помощью сильной лупы осмотрел подоконник.

– Что ж, теперь пойдемте наверх, – сказал он наконец.

Комната, расположенная рядом со спальней банкира, выглядела очень скромно: серый ковер, большое бюро и высокое зеркало. Холмс первым делом подошел к бюро и тщательно осмотрел замочную скважину.

– Каким ключом отперли его? – спросил он.

– Тем самым, о котором говорил мой сын, – от буфета в чулане.

– Где ключ?

– Вон он, на туалетном столике.

Холмс взял ключ и открыл бюро.

– Замок бесшумный, – сказал он. – Не удивительно, что вы не проснулись. В этом футляре, я полагаю, и находится диадема? Посмотрим… – Он открыл футляр, извлек диадему и положил на стол. Это было чудесное произведение ювелирного искусства. Таких изумительных камней мне никогда не приходилось видеть. Один зубец диадемы был отломан.

– Вот этот зубец соответствует отломанному, – сказал Холмс. – Будьте любезны, мистер Холдер, попробуйте отломить его.

– Боже меня сохрани! – воскликнул банкир, в ужасе отшатнувшись от Холмса.

– Ну, так попробую я. – Холмс напряг все силы, но попытка оказалась безуспешной. – Немного поддается, но мне, пожалуй, пришлось бы долго повозиться, чтоб отломить зубец, хотя руки у меня очень сильные. Человеку с обычным физическим развитием это вообще не под силу. Но допустим, что я все же сломал диадему. Раздался бы треск, как выстрел из пистолета. Неужели вы полагаете, мистер Холдер, что это произошло чуть ли не над вашим ухом и вы ничего не услышали?

– Уж не знаю, что и думать. Мне все это совершенно непонятно.

– Как знать, может быть все разъяснится. А что вы думаете, мисс Холдер?

– Признаюсь, я разделяю недоумение моего дяди.

– Скажите, мистер Холдер, были ли в тот момент на ногах вашего сына ботинки или туфли?

– Нет, он был босой, на нем были только брюки и рубашка.

– Благодарю вас. Ну что ж, нам просто везет, и если мы не раскроем тайну, то только по нашей собственной вине. С вашего разрешения, мистер Холдер, я еще раз обойду вокруг дома.

Холмс вышел один: лишние следы, по его словам, только затрудняют работу.

Он пропадал около часу, а когда вернулся, ноги у него были все в снегу, а лицо непроницаемо, как обычно.

– Мне кажется, я осмотрел все, что нужно, – сказал он, – и могу отправиться домой.

– Ну, а как же камни, мистер Холмс, где они? – воскликнул банкир.

– Этого я сказать не могу.

Банкир в отчаянии заломил руки.

– Неужели они безвозвратно пропали? – простонал он. – А как же Артур? Дайте хоть самую маленькую надежду!

– Мое мнение о вашем сыне не изменилось.

– Ради всего святого, что же произошло в моем доме?

– Если вы посетите меня на Бейкер-стрит завтра утром между девятью и десятью, я думаю, что смогу дать более подробные объяснения. Надеюсь, вы предоставите мне свободу действий при условии, разумеется, что камни будут возвращены, и не постоите за расходами?

– Я отдал бы все свое состояние!

– Прекрасно. Я подумаю над этой историей. До свидания. Возможно, я еще загляну сегодня сюда.

Было совершенно ясно, что Холмс уже что-то надумал, но я даже приблизительно не мог представить себе, к каким выводам он пришел. По дороге в Лондон я несколько раз пытался навести беседу на эту тему, но Холмс всякий раз уходил от ответа. Наконец, отчаявшись, я прекратил свои попытки. Не было еще и трех часов, когда мы возвратились домой. Холмс поспешно ушел в свою комнату и через несколько минут снова появился. Он успел переодеться. Потрепанное пальто с поднятым воротником, небрежно повязанный красный шарф и стоптанные башмаки придавали ему вид типичного бродяги.

– Ну, так, я думаю, сойдет, – сказал он, взглянув в зеркало над камином. – Хотелось бы взять с собою и вас, Уотсон, но это невозможно. На верном пути я или нет, скоро узнаем. Думаю, что вернусь через несколько часов.

Он открыл буфет, отрезал кусок говядины, положил его между двумя кусками хлеба и, засунув сверток в карман, ушел.

Я только что закончил пить чай, когда Холмс возвратился в прекрасном настроении, размахивая каким-то старым ботинком. Он швырнул его в угол и налил себе чашку.

– Я заглянул на минутку, сейчас отправлюсь дальше.

– Куда же?

– На другой конец Вест-Энда. Вернусь, возможно, не скоро. Не ждите меня, если я запоздаю.

– Как успехи?

– Ничего, пожаловаться не могу. Я был в Стритеме, но в дом не заходил. Интересное дельце, не хотелось бы упустить его. Хватит, однако, болтать, надо сбросить это тряпье и снова стать приличным человеком.

По поведению моего друга я видел, что он доволен результатами. Глаза у него блестели, на бледных щеках, даже появился слабый румянец. Он поднялся к себе в комнату, и через несколько минут я услышал, как стукнула входная дверь. Холмс снова отправился на «охоту».

Я ждал до полуночи, но, видя, что его все нет и нет, отправился спать. Холмс имел обыкновение исчезать на долгое время, когда нападал на след, так что меня ничуть не удивило его опоздание. Не знаю, в котором часу он

вернулся, но, когда на следующее утро я вышел к завтраку, Холмс сидел за столом с чашкой кофе в одной руке и газетой в другой. Как всегда, он был бодр и подтянут.

– Простите, Уотсон, что я начал завтрак без вас, – сказал он. – Но вот-вот явится наш клиент.

– Да, уже десятый час, – ответил я. – Кажется, звонят? Наверное, это он.

И в самом деле это был мистер Холдер. Меня поразила перемена, происшедшая в нем. Обычно массивное и энергичное лицо его осунулось и как-то сморщилось, волосы, казалось, побелели еще больше. Он вошел усталой походкой, вялый, измученный, что представляло еще более тягостное зрелище, чем его бурное отчаяние вчерашним утром. Тяжело опустившись в придвинутое мною кресло, он проговорил:

– Не знаю, за что такая кара! Два дня назад я был счастливым, процветающим человеком, а сейчас опозорен и обречен на одинокую старость. Беда не приходит одна. Исчезла Мэри.

– Исчезла?

– Да. Постель ее не тронута, комната пуста, а на столе вот эта записка. Вчера я сказал ей, что, выйди она замуж за Артура, с ним ничего не случилось бы. Я говорил без тени гнева, просто был убит горем. Вероятно, так не нужно было говорить. В записке она намекает на эти слова.

«Дорогой дядя!

Я знаю, что причинила вам много горя и что поступи я иначе, не произошло бы это ужасное несчастье. С этой мыслью я не смогу быть счастливой под вашей крышей и

покидаю вас навсегда. Не беспокойтесь о моем будущем и, самое главное, не ищите меня, потому что это бесцельно и может только повредить мне. Всю жизнь до самой смерти любящая вас Мэри».

– Что означает эта записка, мистер Холмс? Уж не хочет ли она покончить самоубийством?

– О нет, ничего подобного. Может быть, это наилучшим образом решает все проблемы. Я уверен, мистер Холдер, что ваши испытания близятся к концу.

– Да, вы так думаете? Вы узнали что-нибудь новое, мистер Холмс? Узнали, где бериллы?

– Тысячу фунтов за каждый камень вы не сочтете чересчур высокой платой?

– Я заплатил бы все десять!

– В этом нет необходимости. Трех тысяч вполне достаточно, если не считать некоторого вознаграждения мне. Чековая книжка при вас? Вот перо. Выпишите чек на четыре тысячи фунтов.

Банкир в изумлении подписал чек. Холмс подошел к письменному столу, достал маленький треугольный кусок золота с тремя бериллами и положил на стол. Мистер Холдер с радостным криком схватил свое сокровище.

– Я спасен, спасен! – повторял он, задыхаясь. – Вы нашли их!

Радость его была столь же бурной, как и вчерашнее отчаяние. Он крепко прижимал к груди найденное сокровище.

– За вами еще один долг, мистер Холдер, – сказал Холмс сурово.

– Долг? – Банкир схватил перо. – Назовите сумму, и я выплачу вам ее немедленно.

– Нет, не мне. Вы должны попросить прощения у вашего сына. Он держал себя мужественно и благородно. Имей я такого сына, я гордился бы им.

– Значит, не Артур взял камни?

– Да, не он. Я говорил это вчера и повторяю сегодня.

– В таком случае поспешим к нему и сообщим, что правда восторжествовала.

– Он все знает. Я беседовал с ним, когда распутал дело. Поняв, что он не хочет говорить, я сам изложил ему всю историю, и он признал, что я прав, и, в свою очередь, рассказал о некоторых подробностях, которые были неясны мне. Новость, которую вы нам только что сообщили, возможно, заставит его быть вполне откровенным.

– Так раскройте же, ради Бога, эту невероятную тайну!

– Сейчас я расскажу, каким путем мне удалось добраться до истины. Но сначала разрешите сообщить вам тяжелую весть: ваша племянница Мэри была в сговоре с сэром Джорджем Бэрнвеллом. Сейчас они оба скрылись.

– Мэри? Это невозможно!

– К сожалению, это факт! Принимая в своем доме сэра Джорджа Бэрнвелла, ни вы, ни ваш сын не знали его как следует. А между тем он один из опаснейших субъектов, игрок, отъявленный негодяй, человек без сердца и совести. Ваша племянница и понятия не имела, что бывают такие люди. Слушая его признания и клятвы, она думала, что завоевала его любовь. А он говорил то же самое многим до нее. Одному дьяволу известно, как он сумел поработить волю Мэри, но так или иначе она сделалась послушным орудием в его руках. Они виделись почти каждый вечер.

– Я не верю, не могу этому верить! – вскричал банкир. Его лицо стало пепельно-серым.

– А теперь я расскажу, что произошло в вашем доме вчера ночью. Когда ваша племянница убедилась, что вы ушли к себе, она спустилась вниз и, приоткрыв окно над дорожкой, которая ведет в конюшню, сообщила своему возлюбленному о диадеме. Следы сэра Джорджа ясно отпечатались на снегу под окном. Жажда наживы охватила сэра Джорджа, он буквально подчинил Мэри своей воле. Я не сомневаюсь, что Мэри любит вас, но есть категория женщин, у которых любовь к мужчине преодолевает все другие чувства. Мэри из их числа. Едва она успела договориться с ним о похищении драгоценности, как услышала, что вы спускаетесь по лестнице. Тогда, быстро закрыв окно, она сказала вам, что к горничной приходил ее зеленщик. И он в самом деле приходил…

В ту ночь Артуру не спалось: его тревожили клубные долги. Вдруг он услышал, как мимо его комнаты прошуршали осторожные шаги. Он встал, выглянул за дверь и с изумлением увидел двоюродную сестру – та крадучись пробиралась по коридору и исчезла в вашей комнате. Ошеломленный Артур наскоро оделся и стал ждать, что произойдет дальше. Скоро Мэри вышла; при свете лампы в коридоре ваш сын заметил у нее в руках драгоценную диадему. Мэри спустилась вниз по лестнице. Трепеща от ужаса, Артур проскользнул за портьеру около вашей двери: оттуда видно все, что происходит в гостиной. Мэри потихоньку открыла окно, передала кому-то в темноте диадему, а затем, закрыв окно, поспешила в свою комнату, пройдя совсем близко от Артура, застывшего за портьерой.

Боясь разоблачить любимую девушку, Артур ничего не мог предпринять, хотя понимал, каким ударом будет для вас пропажа диадемы и как важно вернуть драгоценность. Но едва Мэри скрылась за дверью своей комнаты, он бросился вниз полуодетый и босой, распахнул окно, выскочил в сад и помчался по дорожке; там, вдали, виднелся при свете луны чей-то темный силуэт.

Сэр Джордж Бэрнвелл попытался бежать, но Артур догнал его. Между ними завязалась борьба. Ваш сын тянул диадему за один конец, его противник – за другой. Ваш сын ударил сэра Джорджа и повредил ему бровь. Затем что-то неожиданно хрустнуло, и Артур почувствовал, что диадема у него в руках; он кинулся назад, закрыл окно и поднялся в вашу комнату. Только тут он заметил, что диадема погнута, и попытался распрямить ее. В это время вошли вы.

– Боже мой! Боже мой! – задыхаясь, повторял банкир.

– Артур был потрясен вашим несправедливым обвинением. Ведь, напротив, вы должны были бы благодарить его. Он не мог рассказать вам правду, не предав Мэри, хотя она и не заслуживала снисхождения. Он вел себя как рыцарь и сохранил тайну.

– Так вот почему она упала в обморок, когда увидела диадему! – воскликнул мистер Холдер. – Бог мой, какой же я безумец! Ведь Артур просил отпустить его хотя бы на пять минут! Бедный мальчик думал отыскать отломанный кусок диадемы на месте схватки. Как я ошибался!

– Приехав к вам, – продолжал Холмс, – я в первую очередь внимательно осмотрел участок возле дома, надеясь что-нибудь обнаружить. Снега со вчерашнего вечера не выпадало, а сильный мороз должен был хорошо сохранить

следы на снегу. Я прошел по дорожке, которой подвозят продукты, но она была утоптана. Но неподалеку от двери в кухню я заметил следы женских ботинок; рядом с женщиной стоял мужчина. Круглые отпечатки показывали, что одна нога у него деревянная. По-видимому, кто-то помешал их разговору, так как женщина побежала к двери: носки женских ботинок отпечатались глубже, чем каблуки. Человек с деревянной ногой подождал немного, а затем ушел. Я тут же подумал, что это должно быть, горничная и ее поклонник, о которых вы говорили. Так оно, и оказалось. Я обошел сад, но больше ничего не заметил, кроме беспорядочных следов, разбегавшихся во всех направлениях. Это ходили полицейские. Но когда я дошел до дорожки, которая вела к конюшне, вся сложная история этой ночи открылась мне, будто написанная на снегу.

Я увидел две линии следов: одна из них принадлежала человеку в ботинках, другая, как я с удовлетворением заметил, – человеку, бежавшему босиком. Я был уверен, что эта вторая линия – следы вашего сына. Впоследствии ваши слова подтвердили правильность моего предположения.

Первый человек спокойно шагал туда и обратно, второй бежал. Следы бежавшего отпечатались там же, где шел человек в ботинках. Из этого можно было сделать вывод, что второй человек преследовал первого. Я пошел по следам человека в ботинках. Они привели меня к окну вашей гостиной; здесь снег был весь истоптан, очевидно, этот человек кого-то долго поджидал. Тогда я направился по его следам в противоположную сторону. Они тянулись по дорожке примерно на сотню ярдов. Потом человек в ботинках обернулся – в этом месте снег был сильно истоптан, словно

шла борьба. Капли крови на снегу свидетельствовали о том, что это так и было. Затем человек в ботинках бросился бежать. На некотором расстоянии я снова заметил кровь; значит, ранен был именно он. Я пошел по тропинке до самой дороги; там снег был счищен и следы обрывались.

Вы помните, что, войдя в дом, я осмотрел через лупу подоконник и раму окна гостиной и обнаружил, что кто-то вылезал из окна. Я заметил также очертание следа мокрой ноги, то есть человек залезал и обратно. После этого я уже был в состоянии представить себе все, что произошло. Кто-то стоял под окном, и кто-то подал ему диадему. Ваш сын видел это, бросился преследовать неизвестного, вступил с ним в борьбу. Каждый из них тянул сокровище к себе. Тогда-то и был отломан кусок диадемы. Артур поспешил с диадемой домой, не заметив, что у противника остался обломок. Пока все понятно. Но возникал вопрос: кто этот человек, боровшийся с вашим сыном, и кто подал ему диадему?

Мой старый принцип расследования состоит в том, чтобы исключить все явно невозможные предположения. Тогда то, что остается, является истиной, какой бы неправдоподобной она ни казалась.

Рассуждал я примерно так: естественно, не вы отдали диадему. Значит, оставались только ваша племянница или горничные. Но если в похищении замешаны горничные, то ради чего ваш сын согласился принять вину на себя? Для такого предположения нет оснований. Вы говорили, что Артур любит свою двоюродную сестру. И мне стала понятна причина его молчания: он не хотел выдавать Мэри. Тогда я вспомнил, что вы застали ее у окна и что она упала

в обморок, увидав диадему в руках Артура. Мои предположения превратились в уверенность.

Но кто ее сообщник? Разумеется, это мог быть только ее возлюбленный. Лишь под его влиянием она могла так легко забыть, чем обязана вам. Я знал, что вы редко бываете в обществе и круг ваших знакомых ограничен. Но в их числе сэр Джордж Бэрнвелл. Я и прежде слышал о нем как о человеке крайне легкомысленном по отношению к женщинам. Очевидно, это он стоял под окном и только у него должны находиться пропавшие бериллы. Артур узнал его, и все же сэр Джордж считал себя в безопасности, ибо был уверен, что ваш сын не скажет ни слова, чтобы не скомпрометировать свою собственную семью.

Ну, а теперь элементарная логика подскажет вам, что я предпринял. Переодевшись бродягой, я отправился к сэру Джорджу. Мне удалось познакомиться с его лакеем, который сообщил, что его хозяин накануне где-то расшиб до крови голову. Мне удалось раздобыть у него за шесть шиллингов старые ботинки сэра Джорджа, с которыми я отправился в Стритем и убедился, что ботинки точно соответствуют следам на снегу.

– Вчера вечером я видел какого-то бродягу на тропинке, – сказал мистер Холдер.

– Совершенно верно, это был я. Я понял, что сэр Джордж в моих руках. Нужен был большой такт, чтобы успешно завершить дело и избежать огласки. Этот хитрый негодяй понимал, как связаны у нас руки.

Вернувшись домой, я переоделся и отправился к сэру Джорджу. Вначале он, разумеется, все отрицал, но когда я рассказал в подробностях, что произошло той ночью, он

стал угрожать мне и даже схватил висевшую на стене трость. Я знал, с кем имею дело, и мигом приставил револьвер к его виску. Тогда он образумился. Я объявил ему, что мы согласны выкупить камни по тысяче фунтов за каждый. Тогда-то он впервые обнаружил признаки огорчения.

– Черт побери! Я уже отдал все три камня за шестьсот фунтов! – воскликнул он.

Пообещав сэру Джорджу, что против него не будет возбуждено судебное расследование, я узнал адрес скупщика, поехал туда и после долгого торга выкупил у него камни по тысяче фунтов каждый. Затем я отправился к вашему сыну, объяснил ему, что все в порядке, и к двум часам ночи после тяжкого трудового дня добрался домой.

– Благодаря вам в Англии не разразился огромный скандал, – сказал банкир, поднимаясь с кресла. – Сэр, у меня нет слов, чтобы выразить свою признательность. Но вы убедитесь, что я не забуду того, что вы сделали для меня. Ваше искусство превосходит всякую фантазию. А сейчас я поспешу к моему дорогому мальчику и буду просить у него прощения за то, что так с ним обошелся. Что же касается бедняжки Мэри, то ее поступок глубоко поразил меня. Боюсь, что даже вы с вашим богатым опытом не сможете разыскать ее.

– Можно с уверенностью сказать, – возразил Холмс, – что она сейчас там же, где сэр Джордж Бэрнвелл. Несомненно также и то, что, как бы ни расценивать поступок вашей племянницы, она будет скоро наказана.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса, – а таких записей, которые я вел на протяжении последних восьми лет, у меня больше семидесяти, – я нахожу в них немало трагических случаев, есть среди них и забавные, есть и причудливые, но нет ни одного заурядного: работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, будничных дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело хорошо известной в Суррее семьи Ройлоттов из Сток-Морона. Мы с Холмсом, два холостяка, жил тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет небесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримеби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1883 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно. Сам я был верен своим привычкам.

– Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, – сказал он. – Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она – меня, а я – вас.

– Что же такое? Пожар?

– Нет, клиентка. Приехала какая-то девушка, она ужасно взволнована и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодая дама решается в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постели незнакомого человека, я полагаю, она хочет сообщить что-то очень важное. Дело может оказаться интересным, и вам, конечно, хотелось бы услышать эту историю с самого первого слова. Вот я и решил предоставить вам эту возможность.

– Буду счастлив услышать такую историю.

Я не хотел большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порой казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся, и через несколько минут мы спустились в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

– Доброе утро, сударыня, – сказал Холмс приветливо. – Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага! Как хорошо, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Я вижу, вы очень продрогли. Присаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

– Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, – тихо сказала женщина, подсаживаясь к камину.

– А что же?

– Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее посеревшее, осунувшееся лицо. В ее глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина, и выглядела она усталой и измученной.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

– Вам нечего бояться, – сказал он, ласково погладив ее по руке. – Я уверен, что нам удастся уладить все неприятности… Вы, я вижу, приехали утренним поездом.

– Разве вы меня знаете?

– Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы сегодня рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама резко вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

– Здесь нет никакого чуда, сударыня, – сказал он, улыбнувшись. – Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах забрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

– Все так и было, – сказала она. – Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Летерхеде и с первым поездом приехала в Лондон, на вокзал Ватерлоо… Сэр, я больше не вынесу этого, я сойду с ума! У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть,

впрочем, один человек, который принимает во мне участие, но чем он мне может помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы помогли в минуту горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне; или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но через месяц-полтора я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку.

– Фаринтош… – сказал он. – Ах да, я вспоминаю этот случай. Он связан с тиарой из опалов. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы, и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам подробности вашего дела, чтобы мы могли иметь свое суждение о нем.

– Увы! – ответила девушка. – Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, а подозрения основываются на таких мелочах, казалось бы, не имеющих никакого значения, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоитель-

ных словах и уклончивых взглядах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца и можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

– Я весь внимание, сударыня.

– Меня зовут Элен Стоунер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии, Ройлоттов из Сток-Морона, у западной границы Суррея.

Холмс кивнул головой.

– Мне знакомо это имя, – сказал он.

– Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. На севере владения Ройлоттов простирались до Беркшира, а на западе – до Хапшира. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали семейное состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежних поместий остались лишь несколько акров земли да старинный дом, построенный лет двести назад и грозящий рухнуть под бременем закладных. Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособиться к новому положению вещей, взял взаймы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража, и Ройлотт в припадке бешенства избил до смерти туземца-дворецкого. С трудом избежав смертной

казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора артиллерии. Мы были близнецы – я и моя сестра Джулия, и, когда наша мать выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, это состояние переходило к доктору Ройлотту, поскольку мы жили вместе. Но если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода. Вскоре после нашего возвращения в Англию наша мать умерла – она погибла восемь лет назад во время железнодорожной катастрофы при Кру. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне и наладить там медицинскую практику и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Морон. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять наши потребности, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того, чтобы подружиться с соседями, которые вначале обрадовались, что Ройлотт из Сток-Морона вернулся в родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, а если и выходил, то всякий раз затевал безобразную ссору с первым же человеком, который попадался ему на пути. Бешеная вспыльчивость, доходящая до исступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого рода, а у моего отчима она, вероятно,

еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках. Много было у него яростных столкновений с соседями, два раза дело кончалось полицейским участком. Он сделался грозой всего селения… Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и, так как в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в сторону.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его – кочующие цыгане, он позволяет этим бродягам раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают гепард и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Никто не хотел идти к нам в услужение, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

– Так ваша сестра умерла?

– Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я и хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни мы почти не встречались с людьми нашего возраста и нашего круга. Правда, у нас есть незамужняя

тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, она живет близ Харроу, и время от времени нас отпускали погостить у нее. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее Рождество. Там она встретилась с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня единственной подруги…

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на длинную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

– Прошу вас рассказывать, не пропуская ни одной подробности, – сказал он.

– Мне легко быть точной, потому что все события тех ужасных дней врезались в мою память… Как я уже говорила, наш дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей – я. Спальни не сообщаются между собой, но все они имеют выход в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

– Да, вполне.

– Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он еще не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Сестра не выносила этого запаха и пришла в мою комнату, где мы просидели некоторое время,

болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Элен, не кажется ли тебе, будто кто-то свистит по ночам?»

«Нет», – сказала я.

«Надеюсь, что ты не свистишь во сне?»

«Конечно, нет. А в чем дело?»

«В последнее время, часа в три ночи, мне ясно слышится тихий, отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Не могу понять, откуда он доносится, – быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят эти мерзкие цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки», – улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

– Вот как! – сказал Холмс. – Вы на ночь всегда запираетесь на ключ?

– Всегда.

– А почему?

– Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили гепард и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

– Понимаю. Прошу продолжать.

– Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Мы близ-

нецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души. Ночь была жуткая: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, вроде того, о котором мне рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно на землю упал тяжелый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь тихонько колышется взад и вперед. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с бельм от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Бросившись к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнает, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула… О, я никогда не забуду ее страшного голоса.

«Боже мой, Элен! – кричала она. – Лента! Пестрая лента!»

Она пыталась еще что-то сказать, указывая пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова. Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он приблизился к ней. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры…

– Позвольте спросить, – сказал Холмс. – Вы уверены, что слышали свист и лязг металла? Могли бы вы показать это под присягой?

– Об этом спрашивал меня и следователь. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение и завывание бури и потрескивания старого дома.

– Ваша сестра была одета?

– Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

– Значит, она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

– Он тщательно изучил все обстоятельства – ведь буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Осмотр пола тоже не дал никаких результатов. Каминная труба широка, но ее перекрывают целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

– А как насчет яда?

– Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

– Что же, по-вашему, было причиной смерти?

– Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог бы ее так напугать.

– А цыгане были в то время в усадьбе?

– Да, цыгане почти всегда живут у нас.

– А что, по-вашему, могли означать ее слова о ленте, о пестрой ленте?

– Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда – что они относятся к цыганам. Но почему лента пестрая? Возможно, что пестрые платки, которые носят цыганки, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, объяснение не удовлетворяло его.

– Это дело темное, – сказал он. – Прошу вас, продолжайте.

– С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знаю много лет, сделал мне предложение. Его зовут Армитедж, Пэрси Армитедж, он второй сын мистера Армитеджа из Крейнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и этой весной мы должны обвенчаться. Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником ги-

бели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Снова лечь я не могла – я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Летерхед, а оттуда сюда – с одной только мыслью повидать вас и спросить у вас совета.

– Вы очень умно поступили, – сказал мой друг. – Но все ли вы рассказали мне?

– Да, все.

– Нет, не все, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

– Я не понимаю вас…

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку на рукаве нашей посетительницы. Пять багровых пятен – следы пяти пальцев – ясно виднелись на белом запястье.

– Да, с вами обошлись жестоко, – сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

– Отчим – суровый человек, – сказала она. – Он очень силен, и, возможно, сам не замечает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

– Сложное дело, – сказал он наконец. – Мне хотелось бы выяснить еще тысячу подробностей, прежде чем решить, как действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Послушайте, если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морон, удалось бы нам осмотреть эти комнаты, но так, чтобы ваш отчим ничего не узнал.

– Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то важным делам. Возможно, что его не будет весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

– Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

– Ровно ничего.

– Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

– У меня в городе есть кое-какие дела. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

– Ждите нас вскоре после полудня. У меня здесь тоже есть кое-какие дела. Может быть вы останетесь и позавтракаете с нами?

– Нет, мне надо идти! Теперь, когда я рассказала вам о своем горе, у меня просто камень свалился с души. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

– Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

– По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

– Достаточно грязное и достаточно темное.

– Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в комнате крепки, так что через двери, окна и каминную трубу невозможно туда проникнуть, значит, ее сестра в минуту своей таинственной смерти была совершенно одна…

– В таком случае, что означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

– Представить себе не могу.

– Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни… если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, – я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие.

– Но тогда при чем здесь цыгане?

– Понятия не имею.

– У меня все-таки есть множество возражений…

– Да и у меня тоже, и поэтому мы сегодня едем в Сток-Морон. Я хочу проверить все на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть их удастся прояснить. Черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась, и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр и длинный сюртук указывали на профессию врача, а по высоким гетрам и охотничьему хлысту в руках его можно было принять за сельского жителя. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискивался в дверь. Его толстое, желтое от загара лицо со следами всех пороков было перерезано ты-

сячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд то на Шерлока Холмса, то на меня.

– Который из вас Холмс? – промолвил наконец посетитель.

– Это мое имя, сэр, – спокойно ответил мой друг. – Но я не знаю вашего.

– Я доктор Гримеби Ройлотт из Сток-Морона.

– Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Шерлок Холмс.

– Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

– Что-то не по сезону холодная погода нынче, – сказал Холмс.

– Что она говорила вам? – злобно закричал старик.

– Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести, – невозмутимо продолжал мой приятель.

– Ага, вы хотите отделаться от меня! – сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом. – Знаю я вас, подлеца. Я уже и прежде слышал про вас. Вы любите совать нос в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

– Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

– Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

– Вы удивительно приятный собеседник, – сказал он. – Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

– Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь, я следил за ней! Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите!

Он быстро подошел к камину, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

– Смотрите, не попадайтесь мне в лапы! – прорычал он, швырнув искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

– Какой любезный господин! – смеясь, сказал Холмс. – Я не такой великан, но если бы он не ушел, мне пришлось бы доказать ему, что мои лапы ничуть не слабее его лап.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

– Какая наглость смешивать меня с сыщиками из полиции! Что ж, благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не пострадает от того, что так необдуманно позволила этой скотине выследить себя. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

– Я видел завещание покойной жены доктора, – сказал он. – Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу фунтов стерлингов, но с тех пор в связи с падением цен на сельскохозяйственные

продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. Выйдя замуж, каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей. Я не напрасно потратил утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма веские основания препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер – превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка – вот и все, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть на поезд. Приехав в Летерхед, мы в гостинице возле станции взяли двуколку и проехали миль пять живописными дорогами Суррея. Был чудный солнечный день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Странным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда. Мой приятель сидел впереди, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал куда-то вдаль.

– Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма, переходя в густую рощу на вершине; из-за веток виднелись очертания высокой крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

– Сток-Морон? – спросил Шерлок Холмс.

– Да, сэр, это дом Гримеби Ройлотта, – ответил возница.

– Видите, вон там строят, – сказал Холмс. – Нам нужно попасть туда.

– Мы едем к деревне, – сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева. – Но если вы хотите скорей попасть к дому, вам лучше перелезть здесь через забор, а потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

– А эта леди как будто мисс Стоунер, – сказал Холмс, заслоняя глаза от солнца. – Да, мы лучше пойдем по тропинке, как вы советуете.

Мы вышли из двуколки, расплатились, и экипаж покатил обратно в Летерхед.

– Пусть этот малый думает, что мы архитекторы, – сказал Холмс, когда мы лезли через забор, – тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стоунер! Видите, мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

– Я с таким нетерпением ждала вас! – воскликнула дна, горячо пожимая нам руки. – Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

– Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, –

сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло.

Мисс Стоунер побледнела.

– Боже мой! – воскликнула она. – Значит, он шел за мной следом!

– Похоже на то.

– Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что он скажет, когда возвратится?

– Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. На ночь запритесь от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Харроу… Ну, а теперь надо как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клешни у краба, по обеим сторонам высокой центральной части. В одном из этих крыльев окна были выбиты и заколочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной, зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что живут именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, внимательно глядя на окна.

– Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно – из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, – из комнаты доктора Ройлотта…

– Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

– Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

– Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

– Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

– Да, но очень маленькие. Пролезть сквозь них невозможно.

– Так как вы обе запирались на ключ, то из коридора попасть к вам в комнаты нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его просьбу. Холмс предварительно осмотрев окно, употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. При помощи лупы он осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

– Гм! – проговорил он, в раздумье почесывая подбородок.

– Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Когда ставни закрыты, в эти окна не влезть… Ладно, посмотрим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверь открывалась в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью ком-

нату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стоунер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный столик. Убранство комнаты довершали два плетеных стула да квадратный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние и выцветшие, что казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

– Куда проведен этот звонок? – спросил он наконец указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала на подушке.

– В комнату прислуги.

– Он как будто новее всех прочих вещей.

– Да, он проведен всего несколько лет назад.

– Вероятно, ваша сестра просила об этом?

– Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда все делали сами.

– Действительно, здесь этот звонок – лишняя роскошь. Вы меня извините, если я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, пристально исследуя каждую трещину в половицах. Также тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю

стену снизу доверху. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

– Да ведь звонок поддельный! – сказал он.

– Он не звонит?

– Он даже не соединен с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

– Как странно! Я и не заметила этого.

– Очень странно… – бормотал Холмс, дергая шнур. – В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же легкостью можно было вывести наружу!

– Все это сделано тоже очень недавно, – сказала Элен.

– Примерно в одно время со звонком, – заметил Холмс.

– Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

– Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримеби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф – вот и все, что бросалось в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, с живейшим интересом исследуя каждую вещь.

– Что здесь? – спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

– Деловые бумаги моего отчима.

– Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

– Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была кипа бумаг.

– А нет ли в нем, например, кошки?

– Нет. Что за странная мысль!

– А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдце с молоком.

– Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть гепард и павиан.

– Ах, да! Гепард, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце молока может насытить этого зверя. Да, в этом надо разобраться.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать сиденье.

– Благодарю вас, все ясно, – сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. – Ага, вот еще кое-что весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая собачья плеть, висевшая в углу кровати. Конец ее был завязан петлей.

– Что вы об этом думаете, Уотсон?

– По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось завязывать на ней петлю.

– Не такая уж обыкновенная… Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь с вашего разрешения мы пройдемся по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и насуп-

ленным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стоунер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

– Очень важно, мисс Стоунер, чтобы вы в точности следовали моим советам, – сказал он.

– Я исполню все беспрекословно.

– Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

– Я целиком полагаюсь на вас.

– Во-первых, мы оба – мой друг и я – должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я взглянули на него с изумлением.

– Это необходимо. Я вам объясню. Что это там, в той стороне? Вероятно, деревенская гостиница?

– Да, там «Корона».

– Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

– Конечно.

– Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запритесь на ключ. Услышав, что он пошел спать, вы снимете засов, откроете ставни вашего окна и поставите на подоконник лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Тогда, захватив с собой все, что пожелаете, вы перейдете в свою бывшую комнату. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

– Безусловно.

– Остальное предоставьте нам.

– Но что же вы собираетесь сделать?

– Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

– Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу, – сказала мисс Стоунер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

– Быть может, да.

– Тогда, ради всего святого, скажите хотя бы, отчего умерла моя сестра?

– Прежде чем ответить, я хотел бы собрать более точные улики.

– Тогда скажите по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла от внезапного испуга?

– Нет, неверно: я полагаю, что причина ее смерти была более вещественна… А теперь, мисс Стоунер, мы должны покинуть вас, потому что, если мистер Ройлотт вернется и застанет нас, вся поездка окажется совершенно напрасной. До свидания! Будьте мужественны, сделайте все, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из окна видны были ворота парка и обитаемое крыло сток-моронского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Гримеби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые железные ворота, и мы слышали, как рычал на него доктор, и видели, с какой яростью он потрясал кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут сквозь деревья замелькал свет от лампы,

зажженной в одной из гостиных. Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

– Право, не знаю, – сказал Холмс, – брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то очень опасное.

– А я могу быть полезен вам?

– Ваша помощь может оказаться неоценимой.

– Тогда я непременно пойду.

– Спасибо.

– Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего не видел я.

– Нет, я видел то же, что и вы, но сделал другие выводы.

– Я не заметил в комнате ничего примечательного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели он может служить.

– А на вентилятор вы обратили внимание?

– Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

– Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морон.

– Дорогой мой Холмс!

– Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар, которые курит доктор Ройлотт? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе его заметил бы следователь при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

– Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

– А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

– Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

– А в кровати вы не заметили ничего особенного?

– Нет.

– Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели, чтобы кровати привинчивали к полу?

– Пожалуй, не видел.

– Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

– Холмс! – вскричал я. – Кажется, я начинаю понимать, на что вы намекаете. Значит, мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

– Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступление, он опаснее всех прочих преступников. У него крепкие нервы и большие знания. Палмер и Причард[8] были лучшими специалистами в своей области. Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому, прошу вас, давайте пока спокойно закурим трубки и проведем эти несколько часов, разговаривая о чем-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий огонек засиял прямо против нашего окна.

– Это сигнал для нас, – сказал Холмс, вскакивая. – Свет горит в среднем окне.

---

[8] Палмер, Уильям – английский врач, отравивший стрихнином своего приятеля; казнен в 1856 году. Причард, Эдуард Уильям – английский врач, отравивший свою жену и тещу; казнен в 1865 году.

Выходя, он сказал хозяину гостиницы, что мы идем в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем. Через минуту мы вышли на темную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, желтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая парковая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и уже собирались влезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного урода-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

– Боже! – прошептал я. – Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее, словно тисками. Потом тихо рассмеялся и, приблизив губы к моему уху, пробормотал еле слышно:

– Милая семейка! Ведь это павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора. А гепард, который каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал так тихо, что я едва понял его:

– Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой, показывая, что слышу.

– Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

– Не засните – от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную, тонкую трость и поместил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи. Потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напряженном, нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча света, мы сидели в абсолютной тьме. Изредка снаружи доносился крик ночной птицы, а раз у самого нашего окна раздался протяжный вой, похожий на кошачье мяуканье: гепард, видимо, гулял на свободе. Слышно было, как вдалеке церковные часы гулко отбивали четверти. Какими долгими они казались нам, эти каждые пятнадцать минут! Пробило двенадцать, час, два, три, а мы все сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накаленного металла. Кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгно-

вение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

– Вы видите ее, Уотсон? – проревел он. – Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Похолодевшие от ужаса, мы глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

– Что это значит? – спросил я, задыхаясь.

– Это значит, что все кончено, – ответил Холмс. – И в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошел в комнату. Я шел следом за ним, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял фонарь, бросая яркий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У

стола на соломенном стуле сидел доктор Гримиби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в глазах застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

– Лента! Пестрая лента! – прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка и раздувшаяся шея ужасной змеи.

– Болотная гадюка! – вскричал Холмс. – Самая смертоносная индийская змея! Он умер через девять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет», и тот, кто роет другому яму, сам в нее попадет. Посадим эту тварь в ее логово, отправим мисс Стоунер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

Он схватил плеть с колен мертвого, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с ужасного насеста, швырнул внутрь несгораемого шкафа и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морона. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Харроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от

собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей – ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

– В начале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, восклицание несчастной девушки, пытавшейся объяснить, что она увидела, чиркнув спичкой, – всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке могло прийти в голову прибегнуть к яду, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете рядом с мертвой. Вероятно, давая ей молоко, он

приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее, если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдце с молоком и плеть, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи – вы, конечно, тоже слыхали его, – я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

– Вы прогнали ее назад в вентилятор…

– …и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримеби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

РЕЙГЕТСКИЕ СКВАЙРЫ

В то время мой друг Шерлок Холмс еще не оправился после нервного переутомления, полученного в результате крайне напряженной работы весной тысяча восемьсот во-

семьдесят седьмого года. Нашумевшая история с Нидерландско-Суматрской компанией и грандиозным мошенничеством барона Мопэртуиса слишком свежа в памяти публики и слишком тесно связана с политикой и финансами, чтобы о ней можно было рассказать в этих записках. Однако косвенным путем она явилась причиной одного редкостного и головоломного дела, которое дало возможность моему другу продемонстрировать еще одно оружие среди множества других, служивших ему в его нескончаемой войне с преступлениями.

Четырнадцатого апреля, как помечено в моих записях, я получил телеграмму из Лиона с известием о том, что Холмс лежит больной в отеле Люлонж. Не прошло и суток, как я уже был у него в номере и с облегчением убедился, что ничего страшного ему не грозит. Однако тянувшееся больше двух месяцев расследование, в течение которого он работал по пятнадцати часов в день, а случалось и несколько суток подряд, подорвало железный организм Холмса. Блистательная победа, увенчавшая его труды, не спасла его от упадка сил после такого предельного нервного напряжения, и в то время как его имя гремело по всей Европе, а комната была буквально по колено завалена поздравительными телеграммами, я нашел его здесь во власти жесточайшей хандры. Даже сознание, что он одержал успех там, где не справилась полиция трех стран, и обвел вокруг пальца самого искушенного мошенника в Европе, не могло победить овладевшего им безразличия.

Три дня спустя мы вернулись вместе на Бейкер-стрит, но мой друг явно нуждался в перемене обстановки, да и меня соблазняла мысль выбраться в эту весеннюю пору на

недельку в деревню. Мой старинный приятель, полковник Хэйтер, который был моим пациентом в Афганистане, а теперь снял дом поблизости от городка Рейгет в графстве Суррей, часто приглашал меня к себе погостить. В последний раз он сказал, что был бы рад оказать гостеприимство и моему другу. Я повел речь издали, но, когда Холмс узнал, что нас приглашают в дом с холостяцкими порядками и что ему будет предоставлена полная свобода, он согласился с моим планом, и через неделю после нашего возвращения из Лиона полковник уже принимал нас у себя. Хэйтер был человек очень приятный и бывалый, объездивший чуть ли не весь свет, и скоро обнаружилось – как я и ожидал, – что у них с Холмсом много общего.

В день нашего приезда, вечером, мы, отобедав, сидели в оружейной полковника; Холмс растянулся на диване, а мы с Хэйтером рассматривали небольшую коллекцию огнестрельного оружия.

– Да, кстати, – вдруг сказал наш хозяин, – я возьму с собой наверх один из этих пистолетов на случай тревоги.

– Тревоги? – воскликнул я.

– Тут у нас недавно случилось происшествие, перепугавшее всю округу. В прошлый понедельник ограбили дом старого Эктона, одного из самых богатых здешних сквайров. Убыток причинен небольшой, но воры до сих пор на свободе.

– И никаких следов? – спросил Холмс, насторожив слух.

– Пока никаких. Но это – мелкое дело. Обычное местное преступление, слишком незначительное, чтобы заинтересовать вас, мистер Холмс, после того громкого международного дела.

Холмс ответил на комплимент небрежным жестом, но по его улыбке было заметно, что он польщен.

– Ничего примечательного?

– По-моему, ничего. Воры обыскали библиотеку, и, право же, добыча не стоила затраченных ими трудов. Все в комнате было перевернуто вверх дном, ящики столов взломаны, книжные шкафы перерыты, а вся-то пропажа – томик переводов Гомера, два золоченых подсвечника, пресс-папье из слоновой кости, маленький дубовый барометр да клубок бечевки.

– Что за удивительный набор! – воскликнул я.

– О, воры, видимо, схватили все, что им попалось под руку.

Холмс хмыкнул со своего дивана.

– Полиция графства должна бы кое-что извлечь из этого, – сказал он. – Ведь совершенно очевидно, что…

Но я предостерегающе поднял палец.

– Вы приехали сюда отдыхать, друг мой. Ради Бога, не принимайтесь за новую задачу, пока не окрепли нервы.

Холмс посмотрел на полковника с комическим смирением и пожал плечами, после чего беседа повернула в более спокойное русло.

Однако судьбе было угодно, чтобы все мои старания оберечь друга пропали даром, ибо на следующее утро это дело вторглось в нашу жизнь таким образом, что было невозможно остаться в стороне, и наше пребывание в деревне приняло неожиданный для всех нас оборот. Мы сидели за завтраком, когда к нам ворвался дворецкий, забыв о всякой пристойности, и выпалил, задыхаясь:

– Вы слышали новость, сэр? У Каннингемов, сэр?

– Опять ограбление? – вскричал полковник, и его рука с чашкой кофе застыла в воздухе.

– Убийство!

Полковник присвистнул.

– Бог мой! – промолвил он. – Кто убит? Мировой судья или его сын?

– Ни тот, ни другой, сэр. Убит Уильям, кучер. Пуля угодила прямо в сердце.

– Кто в него стрелял?

– Вор, сэр. Убил кучера наповал и был таков. Он успел добраться только до окна кладовой. Тут Уильям и бросился на него и нашел свою смерть, спасая добро хозяина.

– Когда это случилось?

– Вчера, сэр, около полуночи.

– А-а, в таком случае мы заглянем туда попозже, – сказал полковник, невозмутимо принимаясь за прерванный завтрак.

– Скверное дело, – добавил он, когда дворецкий ушел. – Старый Каннингем – самый влиятельный сквайр в наших местах и очень почтенный человек. Это его сразит. Уильям служил ему много лет и был хороший работник. Очевидно, это те же негодяи, что побывали у Эктона.

– И похитили ту чрезвычайно любопытную коллекцию?

– Именно.

– Гм! Возможно окажется, что дело не стоит выеденного яйца. И тем не менее на первый взгляд это немного странно, не так ли? Следовало бы ожидать, что шайка грабителей, действующая в провинции, будет менять места своих налетов, а не совершать две кражи со взломом в со-

седних усадьбах в течение нескольких дней. Когда вчера вечером вы говорили о мерах предосторожности, помнится, мне пришло в голову, что вор или воры выбрали бы эту округу самой последней во всей Англии, из чего следует, что мне надо еще многому учиться.

– Я думаю, это был кто-то из местных. Понятно, что его привлекли именно эти усадьбы. В здешних краях они самые крупные.

– И самые богатые?

– Должны были быть. Но Эктон и Каннингемы уже несколько лет ведут тяжбу, которая высосала кровь из обоих, мне думается. Старый Эктон возбудил иск на половину имения Каннингемов, и адвокаты изрядно нажились на этом деле.

– Если это местный вор, изловить его не составит большого труда, – сказал Холмс, зевнув. – Не волнуйтесь, Уотсон, я не собираюсь вмешиваться.

– Инспектор Форрестер, сэр, – возвестил дворецкий, распахивая двери.

В комнату вошел полицейский сыщик, быстрый молодой человек с живым, энергичным лицом.

– Доброе утро, полковник, – сказал он. – Надеюсь, я не помешал, но нам стало известно, что мистер Холмс с Бейкер-стрит находится у вас.

Полковник жестом руки показал на моего друга, и инспектор поклонился.

– Мы думали, что, возможно, вы пожелаете принять участие, мистер Холмс.

– Судьба против вас, Уотсон, – сказал Холмс, смеясь. – Мы как раз беседовали об этом деле, инспектор, когда вы

пришли. Может быть, вы познакомите нас с некоторыми подробностями?

Когда он откинулся на стуле в знакомой мне позе, я понял, что все мои надежды рухнули.

– Нам не за что было ухватиться в деле с ограблением Эктона. Но здесь достаточно материала, чтобы начать расследование, и мы не сомневаемся, что в обоих случаях действовало одно и то же лицо. Взломщика видели.

– А-а!

– Да, сэр. Но он умчался быстрей оленя, как только прогремел выстрел, убивший несчастного Уильяма Кервана. Мистер Каннигем видел его из окна своей спальни, а мистер Алек Каннингем видел его с черной лестницы. Тревога поднялась без четверти двенадцать. Мистер Каннингем только что лег спать, а мистер Алек в халате курил трубку. Они оба слышали, как Уильям, кучер, звал на помощь, и мистер Алек бросился вниз посмотреть, что случилось. Входная дверь была раскрыта, и когда он сбежал по черной лестнице, то увидел перед домом двух мужчин, схватившихся друг с другом. Один из них выстрелил, другой упал, и убийца кинулся прочь прямо по саду, пролез через живую изгородь и исчез. Мистер Каннингем из окна своей спальни видел, как он выскочил на дорогу, но тут же потерял его из виду. Мистер Алек задержался посмотреть, нельзя ли помочь умирающему, и, таким образом, злодей успел скрыться. Нам известно только, что это был человек среднего роста, в чем-то темном. Другими приметами мы не располагаем, но мы ведем усиленные розыски, и если преступник – человек нездешний, он скоро будет найден.

– А что там делал этот Уильям? Он что-нибудь сказал перед смертью?

– Ни слова. Уильям жил в сторожке со своей матерью. Он был преданный слуга, и мы предполагаем, что он подошел к дому с намерением проверить, все ли благополучно.

Это и понятно: кража у Эктона заставила всех быть начеку. Грабитель, видимо, только что открыл дверь – замок был взломан, – как Уильям набросился на него.

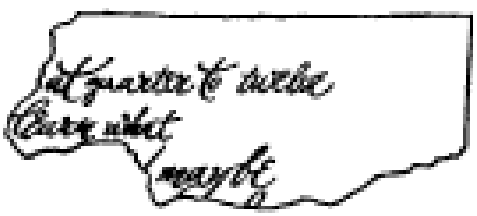
– А Уильям ничего не сказал своей матери перед уходом?

– Она очень стара и глуха, и ничего не удалось узнать от нее. Горе почти лишило ее рассудка, но я подозреваю, что она всегда была туповата. Однако есть одна очень важная улика. Взгляните!

Он вынул из своего блокнота клочок бумаги и расправил его на колене.

– Это было найдено у мертвого Уильяма в руке. Зажат между большим и указательным пальцами. По-видимому, это краешек какой-то записки. Обратите внимание, что указанное здесь время в точности совпадает со временем, когда бедняга встретил свою судьбу. Не то убийца вырывал у него записку, не то он у убийцы. Написанное наводит на мысль, что кого-то приглашали на свидание.

Холмс взял обрывок бумаги, факсимиле[9] которого я здесь привожу[10]:



– Если это действительно

---

[9] Факсимиле – точное воспроизведение чьего-либо почерка, подписи.

[10] На обрывке написано: «…без четверти двенадцать узнаете то, что может…»

так, – продолжал инспектор, – то напрашивается весьма вероятное предположение, что этот Уильям Керван, несмотря на свою репутацию честного человека, мог быть заодно с вором. Они могли встретиться в условленном месте, вдвоем взломать дверь, после чего между ними вспыхнула ссора.

– Этот документ представляет чрезвычайный интерес, – сказал Холмс, изучая обрывок с самым сосредоточенным вниманием, – дело куда тоньше, чем я думал.

Он обхватил руками голову, а инспектор с улыбкой наблюдал, какое действие произвел его рассказ на прославленного лондонского специалиста.

– Ваше последнее замечание, – сказал Холмс немного погодя, – о том, что взломщик, возможно, был в сговоре со слугой и что это была записка одного к другому, в которой назначалась встреча, остроумно и не лишено правдоподобия. Однако этот документ раскрывает…

Он опять обхватил голову руками и несколько минут просидел молча, весь уйдя в свои мысли. Когда он поднял лицо, – я с удивлением увидел, что щеки его порозовели, а глаза блестят как до болезни. Он вскочил на ноги с прежней энергией.

– Вот что, – заявил он, – я хотел бы бегло осмотреть место, где было совершено убийство. С вашего разрешения, полковник, я покину моего друга Уотсона и вас и прогуляюсь вместе с инспектором, чтобы проверить правильность моих догадок. Я буду обратно через полчаса.

Прошло полтора часа, инспектор вернулся один.

– Мистер Холмс ходит взад и вперед по полю, – сказал он. – Он хочет, чтобы мы вчетвером отправились в усадьбу.

– К мистеру Каннингему?

– Да, сэр.

– Зачем?

Инспектор пожал плечами.

– Это мне не совсем ясно, сэр. Между нами говоря, мне кажется, что мистер Холмс еще не совсем выздоровел после болезни. Он ведет себя очень странно. Я бы сказал, он немного не в себе.

– Думаю, что не стоит беспокоиться, – заметил я. – Я не раз убеждался, что в его безумии есть метод.

– Скорее в его методе есть безумие, – пробормотал инспектор. – Но он горит нетерпением, и если вы готовы, полковник, то лучше пойдемте.

Холмс расхаживал взад и вперед по полю, низко опустив голову и засунув руки в карманы.

– Дело становится все интересней, – сказал он. – Уотсон, наша поездка в деревню определенно удалась. Я провел восхитительное утро.

– Вы были на месте преступления, как я догадываюсь? – спросил полковник.

– Да, мы с инспектором сделали небольшую разведку.

– И с успехом?

– Да, мы видели интересные вещи. По дороге я обо всем вам расскажу. Прежде всего мы осмотрели тело бедняги. Он действительно умер от револьверной раны, как сообщалось.

– А вы в этом сомневались?

– Все надо проверить. Мы не зря совершили свой обход. Потом мы беседовали с мистером Каннингемом и его сыном, и они смогли точно указать место, где преступник,

убегая, пролез сквозь изгородь. Это было в высшей степени любопытно.

– Несомненно.

– Потом мы заглянули к матери несчастного Уильяма. От нее, однако, мы не могли добиться толку: она очень стара и слаба.

– И к какому результату привело вас ваше обследование?

– К убеждению в том, что это – весьма необычное преступление. Может быть, наш теперешний визит прольет на него немного света. Я полагаю, инспектор, мы с вами единодушны в том, что этот клочок бумаги в руке убитого, на котором записано точное время его смерти, имеет огромнейшее значение.

– Он должен дать ключ, мистер Холмс.

– Он дает ключ. Кто бы ни писал записку, это был человек, поднявший Уильяма Кервана с постели в этот час. Но где же она?

– Я тщательно обыскал землю и не нашел, – сказал инспектор.

– Записку из руки Уильяма вырвали. Почему она была так нужна кому-то? Потому что она его уличала. И что он должен был с ней сделать? Сунуть в карман, по всей вероятности, не заметив, что уголок остался зажатым в пальцах у трупа. Если бы мы нашли недостающую часть, мы бы очень легко распутали дело.

– Да, но как нам залезть в карман к преступнику, если мы не поймали самого преступника?

– Н-да, над этим стоит поломать голову. Затем вот еще что. Эту записку кто-то принес Уильяму. Конечно, не тот,

кто ее писал: ему проще было бы тогда все передать на словах. Кто же принес записку? Или она пришла по почте?

– Я навел справки, – сказал инспектор. – Вчера вечерней почтой Уильям получил письмо. Конверт он уничтожил.

– Отлично! – воскликнул Холмс, похлопывая инспектора по плечу. – Вы уже повидали почтальона. Работать с вами одно удовольствие. Однако вот и сторожка, и, если вы последуете за нами, полковник, я покажу вам место преступления.

Мы прошли мимо хорошенького домика, где жил убитый кучер, и вступили в дубовую аллею, которая привела нас к прекрасному старому зданию времен королевы Анны, с датой битвы при Мальплаке[11], высеченной над дверями. Следуя за Холмсом и инспектором, мы обогнули дом и подошли к боковому входу, отделенному цветником от живой изгороди, окаймлявшей дорогу. У двери на кухню дежурил полицейский.

– Распахните дверь, сержант, – приказал Холмс. – Вон на той лестнице стоял молодой Каннингем, и оттуда он видел двух мужчин, дерущихся как раз здесь, где мы стоим. Старый Каннингем смотрел из того окна – второго налево. Он говорит, что убийца побежал вон туда. За тот куст. То же самое видел и сын. Оба показывают одно направление. Затем мистер Алек выбежал из дома и склонился над раненым. Земля очень твердая, как видите, и не осталось никаких следов, которые могли бы помочь нам.

---

[11] В битве при Мальплаке (11 сентября 1709 года), во время войны за испанское наследство, англичане и их союзники одержали победу над французами.

Пока он говорил, из-за угла дома показались двое мужчин; они шли к нам по садовой дорожке. Один был джентльмен почтенной наружности, с волевым лицом, изрезанным глубокими морщинами, и удрученным взглядом; другой – щеголеватый молодой человек, чья нарядная одежда и веселый, беззаботный вид никак не вязались с делом, которое привело нас сюда.

– Ну как, все на том же месте? – спросил он Холмса. – Я думал, вы, столичные специалисты, шутя решаете любую головоломку. Вы не так уж проворны, как я погляжу.

– О, дайте нам немного времени, – сказал Холмс добродушно.

– Оно вам понадобится, – ответил молодой Алек Каннингем. – У вас пока еще нет в руках ни одной нити.

– Одна есть, – вмешался инспектор, – Мы думаем, что если бы нам только удалось найти… Боже! Мистер Холмс, что с вами?

Мой бедный друг ужасно изменился в лице. Глаза закатились, все черты свело судорогой, и, глухо застонав, он упал ничком на землю. Потрясенные внезапностью и силой припадка, мы перенесли несчастного в кухню, и там, полулежа на большом стуле, он несколько минут тяжело дышал. Наконец он поднялся, сконфуженно извиняясь за свою слабость.

– Уотсон вам объяснит, что я только что поправился после тяжелой болезни. Но я до сих пор подвержен этим внезапным нервным приступам.

– Хотите, я отправлю вас домой в своей двуколке? – спросил старый Каннингем.

– Ну, раз уж я здесь, я хотел бы уточнить один не совсем ясный мне пункт. Нам будет очень легко это сделать.

– Какой именно?

– Мне кажется вполне вероятным, что бедняга Уильям пришел после того, как взломщик побывал в доме. Вы, видимо, считаете само собой разумеющимся, что грабитель не входил в помещение, хотя дверь и была взломана.

– По-моему, это вполне очевидно, – сказал мистер Каннингем внушительно. – Мой сын Алек тогда еще не лег спать, и он, конечно, услышал бы, что кто-то ходит по дому.

– Где он сидел?

– Я сидел в моей туалетной и курил.

– Какое это окно?

– Последнее налево, рядом с окном отца.

– И у вас и у него, конечно, горели лампы?

– Разумеется.

– Как странно, – улыбнулся Холмс. – Не удивительно ли, что взломщик – при этом взломщик, который недавно совершил одну кражу, – умышленно вторгается в дом в такое время, когда он видит по освещенным окнам, что два члена семьи еще бодрствуют?

– Должно быть, это был дерзкий вор.

– Не будь это дело таким необычным, мы, конечно, не обратились бы к вам за разгадкой, – сказал мистер Алек. – Но ваше предположение, что вор успел ограбить дом, по-моему, величайшая нелепость. Мы наверняка заметили бы беспорядок в доме и хватились бы похищенных вещей.

– Это зависит от того, какие были украдены вещи, – сказал Холмс. – Не забывайте, что наш взломщик – большой причудник, и у него своя собственная линия в работе. Чего стоит, например, тот любопытнейший набор, который

он унес из дома Эктонов. Позвольте, что там было?.. Клубок бечевки, пресс-папье и Бог знает какая еще чепуха!

– Мы в ваших руках, мистер Холмс, – сказал старый Каннингем. – Все, что предложите вы или инспектор, будет выполнено беспрекословно.

– Прежде всего, – сказал Холмс, – я хотел бы, чтобы вы назначили награду за обнаружение преступника от своего имени, потому что пока в полиции договорятся о сумме, пройдет время, а в таких делах чем скорее, тем лучше. Я набросал текст, подпишите, если вы не возражаете. Пятидесяти фунтов, по-моему, вполне достаточно.

– Я бы с радостью дал пятьсот, – сказал мировой судья, беря из рук Холмса бумагу и карандаш. – Только здесь не совсем правильно написано, – добавил он, пробегая глазами документ.

– Я немного торопился, когда писал.

– Смотрите, вот тут, в начале: «Поскольку во вторник, без четверти час ночи, была совершена попытка…» и т. д. В действительности это случилось без четверти двенадцать.

Меня огорчила эта ошибка, потому что я знал, как болезненно должен переживать Холмс любой подобный промах. Точность во всем, что касалось фактов, была его коньком, но недавняя болезнь подорвала его силы, и один этот маленький случай убедительно показал мне, что мой друг еще далеко не в форме. В первую минуту Холмс заметно смутился, инспектор же поднял брови, а Алек Каннингем расхохотался. Старый джентльмен, однако, исправил ошибку и вручил бумагу Холмсу.

– Отдайте это в газету как можно скорее, – сказал он, – прекрасная мысль, я нахожу.

Холмс бережно вложил листок в свою записную книжку.

– А теперь, – сказал он, – было бы неплохо пройтись всем вместе по дому и посмотреть, не унес ли чего с собой этот оригинальный грабитель.

До того как войти в дом, Холмс осмотрел взломанную дверь. Очевидно, ее открыли с помощью прочного ножа или стамески, с силой отведя назад язычок замка. В том месте, куда просовывали острие, на дереве остались следы.

– А вы не запираетесь изнутри на засов? – спросил он.

– Мы никогда не видели в этом необходимости.

– Вы держите собаку?

– Да, но она сидит на цепи с другой стороны дома.

– Когда слуги ложатся спать?

– Часов в десять.

– Как я понимаю, Уильям тоже в это время обычно был в постели?

– Да.

– Странно, что именно в эту ночь ему вздумалось не спать. Теперь, мистер Каннингем, я буду вам очень признателен, если вы согласитесь провести нас по дому.

Из выложенной каменными плитами передней, от которой в обе стороны отходили кухни, прямо на второй этаж вела деревянная лестница. Она выходила на площадку напротив другой, парадной лестницы, ведущей наверх из холла. От этой площадки тянулся коридор с дверями в гостиную и в спальни, в том числе в спальни мистера Каннингема и его сына. Холмс шел медленно, внимательно изучая планировку дома. Весь его вид говорил о том, что он идет по горячему следу, хотя я не мог представить себе даже отдаленно, чей это след.

– Любезный мистер Холмс, – сказал старший Каннингем с ноткой нетерпения в голосе. – Уверяю вас, это совершенно лишнее. Вон моя комната, первая от лестницы, а за ней комната сына. Судите сами: возможно ли, чтобы вор поднялся наверх, не потревожив нас?

– Вам бы походить вокруг дома да поискать там свежих следов, – сказал сын с недоброй улыбкой.

– И все же разрешите мне еще немного злоупотребить вашим терпением. Я хотел бы, например, посмотреть, как далеко обозревается из окон спален пространство перед домом. Это, насколько я понимаю, комната вашего сына, – он толкнул дверь, – а там, вероятно, туалетная, в которой он сидел и курил, когда поднялась тревога. Куда выходит ее окно?

Холмс прошел через спальню, раскрыл дверь в туалетную и обвел комнату взглядом.

– Надеюсь, теперь вы удовлетворены? – спросил мистер Каннингем раздраженно.

– Благодарю вас. Кажется, я видел все, что хотел.

– Ну, если это действительно необходимо, мы можем пройти и в мою комнату.

– Если это вас не слишком затруднит.

Мировой судья пожал плечами и повел нас в свою спальню, ничем не примечательную комнату с простой мебелью. Когда мы направились к окну, Холмс отстал, и мы с ним оказались позади всех. В ногах кровати стоял квадратный столик с блюдом апельсинов и графином с водой. Проходя мимо, Холмс, к моему несказанному удивлению, вдруг наклонился и прямо перед моим носом нарочно опрокинул все это на пол. Стекло разбилось вдребезги, а фрукты раскатились по всем углам.

– Ну и натворили вы дел, Уотсон, – сказал он, нимало не смутившись, – во что вы превратили ковер!

Я в растерянности наклонился и стал собирать фрукты, догадываясь, что по какой-то причине мой друг пожелал, чтобы я взял вину на себя. Остальные присоединились ко мне, и столик снова поставили на ножки.

– Вот те на! – вскричал инспектор. – Куда же он делся?

Холмс исчез.

– Подождите здесь одну минутку, – сказал Алек Каннингем, – по-моему, ваш приятель свихнулся. Пойдемте со мной, отец, посмотрим, куда он в самом деле делся!

Они ринулись вон из комнаты, а мы остались втроем с полковником и инспектором, в недоумении глядя друга на друга.

– Честное слово, я склонен согласиться с мистером Алеком, – сказал сыщик. – Возможно, это – следствие болезни, но мне кажется…

Внезапные громкие вопли: «На помощь! На помощь! Убивают!» – не дали ему договорить. Я с содроганием узнал голос своего друга. Не помня себя, я кинулся из комнаты на площадку. Вопли перешли в хриплые, сдавленные стоны, которые неслись из той комнаты, куда мы заходили сначала. Я ворвался в нее, а оттуда в туалетную. Два Каннингема склонились над распростертым телом Шерлока Холмса; молодой обеими руками душил его за горло, а старый выкручивал ему кисть. В следующее мгновение мы втроем оторвали от него обоих, и Холмс, шатаясь, встал, очень бледный и, видимо, крайне обессиленный.

– Арестуйте этих людей, инспектор, – сказал он, задыхаясь.

– На каком основании?

– По обвинению в убийстве их кучера, Уильяма Кервана.

Инспектор уставился на Холмса широко раскрытыми глазами.

– О, помилуйте, мистер Холмс, – промолвил он наконец, – я уверен, что вы, конечно, не думаете в самом деле…

– Довольно, посмотрите на их лица! – приказал Холмс сердито.

Ручаюсь, что никогда мне не приходилось видеть на человеческих физиономиях такого явного признания вины. Старший был ошеломлен и раздавлен. Его суровые, резкие черты выражали угрюмую безнадежность. А сын сбросил с себя развязность и нарочитую беспечность, злобное бешенство опасного зверя вспыхнуло в его черных глазах и исказило красивые черты. Инспектор ничего не сказал, но пошел к двери и дал свисток. Немедленно явились два полицейских.

– У меня нет выбора, мистер Каннингем, – сказал он, – Надеюсь, все это окажется, нелепой ошибкой, но вы же сами видите, что… А-а, вот вы как? Бросьте сейчас же!

Он ударил по руке молодого Каннингема, и револьвер со взведенным курком упал на пол.

– Спрячьте его, – сказал Холмс, проворно наступив на револьвер ногой, – он вам пригодится на суде. Но вот что действительно нам необходимо… – Он показал маленький скомканный листок бумаги.

– Записка! – вскричал инспектор.

– Вы угадали.

– Где она была?

– Там, где она должна была быть, по моим соображениям. Я все объясню вам позже. Я думаю, полковник, что вы с Уотсоном можете вернуться, я же приду самое большее через час. Нам с инспектором надо поговорить с арестованными, но я непременно буду ко второму завтраку.

Шерлок Холмс сдержал свое слово – около часу дня он присоединился к нам в курительной полковника. Его сопровождал невысокий пожилой джентльмен. Холмс представил его мне. Это был мистер Эктон, дом которого первым подвергся нападению.

– Я хотел, чтобы мистер Эктон присутствовал, когда я буду рассказывать вам о своем расследовании этого пустячного дела, – сказал Холмс, – понятно, что ему будут очень интересны подробности. Боюсь, полковник, что вы жалеете о той минуте, когда приняли под свой кров такого буревестника, как я.

– Напротив, – ответил полковник горячо, – я считаю великой честью познакомиться с вашим методом. Признаюсь, что он далеко превзошел мои ожидания и что я просто не в состоянии постичь, как вам удалось разрешить эту загадку. Я до сих пор ничего не понимаю.

– Боюсь, что мое объяснение вас разочарует, но я никогда ничего не скрываю от моего друга Уотсона, ни от любого другого человека, всерьез интересующегося моим методом. Но прежде всего, полковник, я позволю себе выпить глоток вашего бренди: эта схватка в туалетной у Каннингемов меня порядком обессилила.

– Надеюсь, больше у вас не было этих нервных приступов?

Шерлок Холмс рассмеялся от всей души.

– Об этом в свою очередь. Я расскажу вам все по порядку, задерживаясь на разных пунктах, которые вели меня к решению. Пожалуйста, остановите меня, если какой-нибудь вывод покажется вам не совсем ясным.

В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные. Иначе ваша энергия и внимание непременно распылятся вместо того, чтобы сосредоточиться на главном. Ну, а в этом деле у меня с самого начала не было ни малейшего сомнения в том, что ключ следует искать в клочке бумаги, найденном в руке убитого.

Прежде чем заняться им, я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что если рассказ Алека Каннингема верен и если убийца, застрелив Уильяма Кервана, бросился бежать мгновенно, то он, очевидно, не мог вырвать листок из руки мертвеца. Но если это сделал не он, тогда это сделал не кто иной, как Алек Каннингем, так как к тому времени, когда отец спустился вниз, на место происшествия уже сбежались слуги. Соображение очень простое, но инспектору оно не пришло в голову. Он и в мыслях не допускал, что эти почтенные сквайры имеют какое-то отношение к убийству. Ну, а в моих правилах – не иметь предвзятых мнений, а послушно идти за фактами, и поэтому еще на самой первой стадии расследования мистер Алек Каннингем был у меня на подозрении.

Итак, я очень внимательно исследовал тот оторванный уголок листка, который предъявил нам инспектор. Мне сразу стало ясно, что он представляет собой часть интереснейшего документа. Вот он, перед вами. Вы не замечаете в нем ничего подозрительного?

– Слова написаны как-то неровно и беспорядочно, – сказал инспектор.

– Милейший полковник! – вскричал Холмс. – Не может быть ни малейшего сомнения в том, что этот документ писали два человека, по очереди, через слово. Если я обращу ваше внимание на энергичное «t» в словах «at» и «to» и попрошу вас сравнить его с вялым «t» в словах «guarter» и «twelve», вы тотчас же признаете этот факт. Самый простой анализ этих четырех слов даст вам возможность сказать с полнейшей уверенностью, что «learn» и «maybe» написаны более сильной рукой, а «what» – более слабой.

– Боже правый! Да это ясно как день! – воскликнул полковник. – Но с какой стати два человека будут писать письмо подобным образом?

– Очевидно, дело было скверное, и один из них, не доверявший другому, решил, что каждый должен принять равное участие. Далее, ясно, что один из двух – тот, кто писал «at» и «to», – был главарем.

– А это откуда вы взяли?

– Мы можем вывести это из простого сравнения одной руки с другой по их характеру. Но у нас есть более веские основания для такого предположения. Если вы внимательно изучите этот клочок, вы придете к выводу, что обладатель более твердой руки писал все свои слова первым, оставляя пропуски, которые должен был заполнить второй. Эти пропуски не всегда было достаточно большими, и вы можете видеть, что второму было трудно уместить свое «guarter» между «at» и «to», из чего следует, что эти слова были уже написаны. Человек, который написал все свои слова первым, был, безусловно, тем человеком, который планировал это преступление.

– Блестяще! – воскликнул мистер Эктон.

– Но все это очевидные вещи, – сказал Холмс. – Теперь, однако, мы подходим к одному важному пункту. Возможно, вам неизвестно, что эксперты относительно точно определяют возраст человека по его почерку. В нормальных случаях они ошибаются не больше чем на три-четыре года. Я говорю, в нормальных случаях, потому что болезнь или физическая слабость порождают признаки старости даже у юноши. В данном случае, глядя на четкое, энергичное письмо одного и на нетвердое, но все еще вполне разборчивое письмо второго, однако уже теряющее поперечные черточки, мы можем сказать, что один из них – молодой человек, а другой – уже в годах, хотя еще не дряхлый.

– Блестяще! – еще раз воскликнул мистер Эктон.

– И есть еще один момент, не такой явный и более интересный. Оба почерка имеют в себе нечто общее. Они принадлежат людям, состоящим в кровном родстве. Для нас это наиболее очевидно проявляется в том, что «е» они пишут как греческое «ε», но я вижу много более мелких признаков, говорящих о том же. Для меня нет никакого сомнения в том, что в обоих образцах письма прослеживается фамильное сходство. Разумеется, вам я сообщаю только основные результаты исследования этого документа. Я сделал еще двадцать три заключения, которые интереснее экспертам, чем вам. И все они усиливали мое впечатление, что это письмо написали Каннингемы – отец и сын.

Когда я дошел до этого вывода, моим следующим шагом было изучить подробности преступления и посмот-

реть, не могут ли они нам помочь. Я отправился в усадьбу Каннингемов с инспектором и увидел все, что требовалось. Рана на теле убитого, как я мог установить с абсолютной уверенностью, была получена в результате револьверного выстрела, сделанного с расстояния примерно около четырех ярдов. На одежде не было никаких следов пороха. Поэтому Алек Каннингем явно солгал, сказав, что двое мужчин боролись друг с другом, когда прогремел выстрел. Далее, отец и сын одинаково показали место, где преступник выскочил на дорогу. Но в этом месте как раз проходит довольно широкая сырая канава. Поскольку в канаве не оказалось никаких следов, я твердо убедился не только в том, что Каннингемы опять солгали, но и в том, что на месте происшествия вообще не было никакого неизвестного человека.

Теперь мне надо было выяснить мотив этого редкостного преступления. Чтобы добраться до него, я решил прежде всего попробовать узнать, с какой целью была совершена первая кража со взломом у мистера Эктона. Как я понял со слов полковника, между вами, мистер Эктон, и Каннингемами велась тяжба. Разумеется, мне сразу же пришло на ум, что они проникли в вашу библиотеку, чтобы заполучить какой-то документ, который играет важную роль в деле.

– Совершенно верно, – сказал мистер Эктон, – насчет их намерений не может быть никаких сомнений. У меня есть неоспоримое право на половину их имения, и если бы только им удалось выкрасть одну важную бумагу – которая, к счастью, хранится в надежном сейфе моих поверенных, – они, несомненно, выиграли бы тяжбу.

– Вот то-то и оно! – сказал Холмс, улыбаясь. – Это была отчаянная, безрассудная попытка, в которой чувствуется влияние молодого Алека. Ничего не найдя, они попытались отвести подозрение, инсценировав обычную кражу со взломом, и с этой целью унесли что попалось под руку. Все это достаточно ясно, но многое оставалось для меня по-прежнему темным. Больше всего мне хотелось найти недостающую часть записки. Я был уверен, что Алек вырвал ее из рук мертвого, и почти уверен, что он сунул ее в карман своего халата. Куда еще он мог ее деть? Вопрос заключался в том, была ли она все еще там. Стоило приложить усилия, чтобы это выяснить, и ради этого мы все пошли в усадьбу.

Каннингемы присоединились к нам, как вы, несомненно, помните, в саду, около двери, ведущей на кухню. Конечно, было чрезвычайно важно не напомнить им о существовании этого документа, иначе они уничтожили бы его немедля. Инспектор был уже готов посвятить их в то, почему мы придавали такое значение этой бумажке, как благодаря счастливейшему случаю со мной сделалось нечто вроде припадка, и я грохнулся на землю, изменив таким образом тему разговора.

– Боже правый! – воскликнул полковник, смеясь. – Вы хотите сказать, что ваш припадок был ловкий трюк и мы зря вам сочувствовали?

– С профессиональной точки зрения это проделано великолепно! – воскликнул я, с изумлением глядя на Холмса, который не переставал поражать меня все новыми проявлениями своего изобретательного ума.

– Это – искусство, которое часто может оказаться по-

лезным, – сказал он. – Когда я пришел в себя, мне удалось с помощью не такого уж хитрого приема заставить старого Каннингема написать слово «twelve», чтобы я мог сравнить его с тем же словом, написанным на нашем клочке.

– Каким же идиотом я был! – воскликнул я.

– Я видел, какое сочувствие вызвала у вас моя слабость, – сказал Холмс, смеясь. – И мне было очень жаль огорчать вас, – ведь я знаю, как вы беспокоитесь обо мне. Затем мы все вместе отправились на второй этаж, и после того, как мы зашли в комнату младшего Каннингема и я приметил халат, висевший за дверью, я сумел отвлечь их внимание на минуту, перевернул стол и проскользнул обратно, чтобы обыскать карманы.

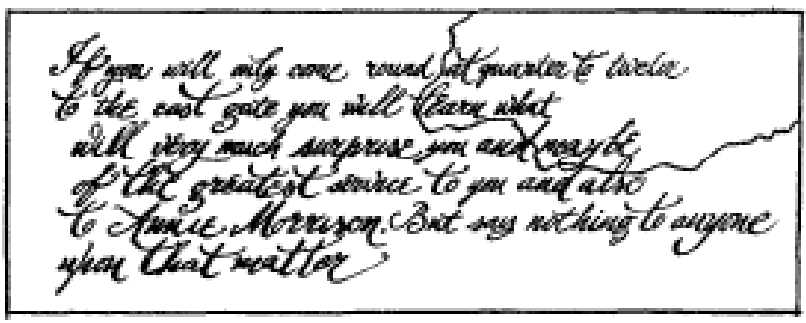
Но только я успел достать бумажку, которая, как я ожидал, была в одном из них, как оба Каннингема накинулись на меня и убили бы меня на месте, если бы не ваша быстрая и дружная помощь. По правде говоря, я и сейчас чувствую железную хватку этого молодого человека у себя на горле, а отец чуть не вывернул мне кисть, стараясь вырвать у меня бумажку. Они поняли, что я знаю все, и внезапный переход от абсолютной безопасности к полному отчаянию сделал их невменяемыми.

Потом у меня был небольшой разговор со старым Каннингемом по поводу мотива этого преступления. Старик вел себя смирно, зато сын – сущий дьявол, и если бы он только мог добраться до своего револьвера, он пустил бы пулю в лоб себе или кому-нибудь еще. Когда Каннингем понял, что против него имеются такие тяжкие улики, он совсем пал духом и чистосердечно во всем признался. Оказывается, Уильям тайно следовал за своими хозяевами

в ту ночь, когда они совершили свой налет на дом Эктона и, приобретя таким образом над ними власть, стал вымогать у них деньги под угрозой выдать их полиции. Однако мистер Алек был слишком опасной личностью, чтобы с ним можно было вести такую игру. В панике, охватившей всю округу после кражи со взломом, он поистине гениально усмотрел возможность отделаться от человека, которого он боялся. Итак, Уильям был завлечен в ловушку и убит, и если бы только они не оставили этого клочка бумаги и внимательнее отнеслись к подробностям своей инсценировки, возможно, на них никогда бы не пало подозрение.

– А записка? – спросил я.

Шерлок Холмс развернул перед нами записку, приложив к ней оторванный уголок[12]:


If you will only come round a quarter to twelve
to the east gate you will learn what
will very much surprise you and may be
of the greatest service to you and also
to Annie Morrison. But say nothing to anyone
upon that matter

– Нечто вроде этого я и ожидал найти. Конечно, мы еще не знаем, в каких отношениях были Алек Каннингем, Уильям Керван и Анни Моррисон. Результат показывает, что ловушка была подстроена искусно. Я уверен, что вам доставит удовольствие проследить родственные черты в буквах «d» и в хвостиках у буквы «g».

---

[12] «Если вы придете без четверти двенадцать к восточному входу, то вы узнаете то, что может вас очень удивить и сослужит большую службу как вам, так и Анни Моррисон. Только об этом никто не должен знать».

Отсутствие точек в написании буквы «i» у Каннинге-ма-отца тоже очень характерно.

Уотсон, наш спокойный отдых в деревне, по-моему, удался как нельзя лучше, и я, несомненно, вернусь завтра на Бейкер-стрит со свежими силами.

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Этой Женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл ее каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола. Не то чтобы он испытывал к Ирэн Адлер какое-либо чувство, близкое к любви. Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному, но удивительно уравновешенному уму. По-моему, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир; но в качестве влюбленного он оказался бы не на своем месте. Он всегда говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной насмешкой, с издевкой. Нежные чувства были в его глазах великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством сорвать покров с человеческих побуждений и дел. Но для изощренного мыслителя допустить такое вторжение чувства в свой утонченный и великолепно налаженный внутренний мир означало бы внести туда смятение, которое свело бы на нет все завоевания его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительный инструмент, или трещина в одной из его могучих линз – вот что такое

была бы любовь для такого человека, как Холмс. И все же для него существовала одна женщина, и этой женщиной была покойная Ирэн Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

За последнее время я редко виделся с Холмсом – моя женитьба отдалила нас друг от друга. Моего личного безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится господином собственного домашнего очага, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, ненавидевший своей цыганской душой всякую форму светской жизни, оставался жить в нашей квартире на Бейкер-стрит, окруженный грудами своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана – с дикой энергией, присущей его натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен расследованием преступлений. Он отдавал свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности поискам нитей к выяснению тех тайн, которые официальной полицией были признаны непостижимыми. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, что его вызывали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о поручении голландского королевского дома, выполненном им исключительно тонко и удачно.

Однако, помимо этих сведений о его деятельности, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, я мало знал о моем прежнем друге и товарище.

Однажды ночью – это было 20 марта 1888 года – я возвращался от пациента (так как теперь я вновь занялся частной практикой), и мой путь привел меня на Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая в моем уме навсегда связана с воспоминанием о времени моего сватовства и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», меня охватило острое желание вновь увидеть Холмса и узнать, над какими проблемами нынче работает его замечательный ум. Его окна были ярко освещены, и, посмотрев вверх, я увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на опущенной шторе. Он быстро, стремительно ходил по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки. Мне, знавшему все его настроения и привычки, его ходьба из угла в угол и весь его внешний облик говорили о многом. Он вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и распутывал нити какой-то новой загадки. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без восторженных излияний. Таким излияниям он предавался чрезвычайно редко, но, мне кажется, был рад моему приходу. Почти без слов, он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и указал на погребец, где хранилось вино. Затем он встал перед камином и оглядел меня своим особым, проницательным взглядом.

– Семейная жизнь вам на пользу, – заметил он. – Я думаю, Уотсон, что с тех пор, как я вас видел, вы пополнели на семь с половиной фунтов.

– На семь.

– Правда? Нет, нет, немного больше. Чуточку больше, уверяю вас. И снова практикуете, как я вижу. Вы мне не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

– Так откуда же вы это знаете?

– Я вижу это, я делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно сильно промокли и что ваша горничная большая неряха?

– Дорогой Холмс, – сказал я, – это уж чересчур. Вас несомненно сожгли бы на костре, если бы вы жили несколько веков назад. Правда, что в четверг мне пришлось быть за городом и я вернулся домой весь испачканный, но ведь я переменил костюм, так что от дождя не осталось следов. Что касается Мэри Джен, она и в самом деле неисправима, и жена уже предупредила, что хочет уволить ее. И все же я не понимаю, как вы догадались об этом.

Холмс тихо рассмеялся и потер свои длинные нервные руки.

– Проще простого! – сказал он. – Мои глаза уведомляют меня, что с внутренней стороны вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, на коже видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, царапины были сделаны кем-то, кто очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда я, как видите, делаю двойной вывод, что вы выходили в дурную погоду и что у вас очень скверный образчик лондонской прислуги. А что касается вашей практики, – если в мою комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от азотной кислоты, а на цилиндре – шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, я должен быть

совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного мира.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне путь своих умозаключений.

– Когда вы раскрываете свои соображения, – заметил я, – все кажется мне смехотворно простым, я и сам без труда мог бы все это сообразить. А в каждом новом случае я совершенно ошеломлен, пока вы не объясните мне ход ваших мыслей. Между тем я думаю, что зрение у меня не хуже вашего.

– Совершенно верно, – ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. – Вы смотрите, но вы не наблюдаете, а это большая разница. Например, вы часто видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

– Часто.

– Как часто?

– Ну, несколько сот раз!

– Отлично. Сколько же там ступенек?

– Сколько? Не обратил внимания.

– Вот-вот, не обратили внимания. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек – семнадцать, потому что я и видел, и наблюдал. Кстати, вы ведь интересуетесь теми небольшими проблемами, в разрешении которых заключается мое ремесло, и даже были добры описать два-три из моих маленьких опытов. Поэтому вас может, пожалуй, заинтересовать вот это письмо.

Он бросил мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

– Получено только что, – сказал он. – Прочитайте-ка вслух.

Письмо было без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, – говорилось в записке, – к Вам придет джентльмен, который хочет получить у Вас консультацию по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из королевских семейств Европы, показали, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы со всех сторон получали. Будьте дома в этот час и не подумайте ничего плохого, если Ваш посетитель будет в маске».

– Это в самом деле таинственно, – заметил я. – Как вы думаете, что все это значит?

– У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, опасно. Незаметно для себя человек начинает подтасовывать факты, чтобы подогнать их к своей теории, вместо того чтобы обосновывать теорию фактами. Но сама записка! Какие вы можете сделать выводы из записки?

Я тщательно осмотрел письмо и бумагу, на которой оно было написано.

– Написавший это письмо, по-видимому, располагает средствами, – заметил я, пытаясь подражать приемам моего друга. – Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Очень уж она прочная и плотная.

– Диковинная – самое подходящее слово, – заметил Холмс.

– И это не английская бумага. Посмотрите ее на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «Е и маленькое „g“, затем „P“ и большое „G“ с маленьким „t“.

– Какой вывод вы можете из этого сделать? – спросил Холмс.

– Это несомненно имя фабриканта или, скорее, его монограмма[13].

– Вот и ошиблись! Большое «G» с маленьким «t» – это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «К°». «Р», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «Е». Заглянем в иностранный географический справочник… – Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. – Eglow, Eglonitz… Вот мы и нашли: Egeria. Это местность, где говорят по-немецки, в Богемии, недалеко от Карлсбада[14]. Место смерти Валленштейна[15], славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками… Ха-ха, мой мальчик, какой вы из этого делаете вывод? – Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей трубки большое синее облако.

– Бумага изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Именно. А человек, написавший записку, немец. Вы замечаете странное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы со всех сторон получали»? Француз или русский не мог бы так написать. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать своего лица… Вот и он сам, если я не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали резкий стук лошадиных копыт и визг колес, скользнувших вдоль ближайшей обочины. Вскоре затем кто-то с силой дернул звонок.

---

[13] Монограмма – соединение двух букв (инициалов) в одном рисунке.
[14] Карлсбад (Карловы Вары) – курорт в Чехословакии.
[15] Валленштейн – немецкий полководец XVII века.

Холмс присвистнул.

– Судя по звуку, парный экипаж… Да, – продолжал он, выглянув в окно, – изящная маленькая карета и пара рысаков… по сто пятьдесят гиней каждый. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

– Я думаю, что мне лучше уйти, Холмс?

– Нет, нет, оставайтесь! Что я стану делать без моего биографа? Дело обещает быть интересным. Будет жаль, если вы пропустите его.

– Но ваш клиент…

– Ничего, ничего. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему тоже… Ну, вот он идет. Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны.

Медленные, тяжелые шаги, которые мы слышали на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Затем раздался громкий и властный стук.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел человек ростом едва ли меньше шести футов и шести дюймов[16], геркулесовского сложения. Он был одет роскошно, но эту роскошь сочли бы в Англии вульгарной. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены тяжелыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, был подбит огненно-красным шелком и застегнут на шее пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до половины икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли то впечатление варварской пышности, которое производил весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу, а верхняя часть его лица

[16] Шесть футов и шесть дюймов – приблизительно 1 метр 90 сантиметров.

была закрыта черной маской, опускавшейся ниже скул. Эту маску, походившую на забрало, он, очевидно, только что надел, потому что, когда он вошел, рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, переходящей в упрямство.

– Вы получили мою записку? – спросил он низким, грубым голосом с сильным немецким акцентом. – Я сообщал, что приду к вам. – Он смотрел то на одного из нас, то на другого, видимо не зная, к кому обратиться.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Холмс. – Это мой друг и товарищ, доктор Уотсон. Он так добр, что иногда помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

– Вы можете считать, что я граф фон Крамм, богемский дворянин. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, – человек, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? Если это не так, я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и толкнул обратно в кресло:

– Говорите либо с нами обоими, либо не говорите. В присутствии этого джентльмена вы можете сказать все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал широкими плечами.

– В таком случае я должен прежде всего взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет это не будет иметь значения. В настоящее время я могу, не преувеличивая, сказать: вся эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

– Даю слово, – сказал Холмс.

– И я.

– Простите мне эту маску, – продолжал странный посетитель. – Августейшее лицо, по поручению которого я действую, пожелало, чтобы его доверенный остался для вас неизвестен, и я должен признаться, что титул, которым я себя назвал, не совсем точен.

– Это я заметил, – сухо сказал Холмс.

– Обстоятельства очень щекотливые, и необходимо принять все меры, чтобы из-за них не разросся огромный скандал, который мог бы сильно скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с царствующим домом Ормштейнов, королей Богемии.

– Так я и думал, – пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося, равнодушного человека, которого ему, несомненно, описали как самого проницательного и самого энергичного из всех европейских сыщиков. Холмс медленно открыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего тяжеловесного клиента.

– Если ваше величество соблаговолите посвятить нас в свое дело, – заметил он, – мне легче будет дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и принялся шагать по комнате в сильном возбуждении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – воскликнул он, – я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

– Действительно, зачем? Ваше величество еще не на-

чали говорить, как я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследственный король Богемии.

– Но вы понимаете, – сказал наш странный посетитель, снова усевшись и поводя рукой по высокому белому лбу, – вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его кому-нибудь из полицейских агентов, не рискуя оказаться в его власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы обратиться к вам за советом.

– Пожалуйста, обращайтесь, – сказал Холмс, снова закрывая глаза.

– Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с хорошо известной авантюристкой Ирэн Адлер. Это имя вам, несомненно, знакомо?

– Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, – пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он завел систему регистрации разных фактов, касавшихся людей и вещей, так что трудно было назвать лицо или предмет, о которых он не мог бы сразу дать сведения. В данном случае я нашел биографию Ирэн Адлер между биографией еврейского раввина и биографией одного начальника штаба, написавшего труд о глубоководных рыбах.

– Покажите-ка, – сказал Холмс. – Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм… Ла Скала, так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве, да! Покинула оперную сцену, ха! Проживает в Лондоне… совершенно верно! Ваше величество, насколько я пони-

маю, попали в сети к этой молодой особе, писали ей компрометирующие письма и теперь желали бы вернуть эти письма.

– Совершенно верно. Но каким образом?

– Вы тайно женились на ней?

– Нет.

– Никаких документов или свидетельств?

– Никаких.

– В таком случае, я вас не понимаю, ваше величество. Если эта молодая женщина захочет использовать письма для шантажа или других целей, как она докажет их подлинность?

– Мой почерк.

– Пустяки! Подлог.

– Моя личная почтовая бумага.

– Украдена.

– Моя личная печать.

– Подделка.

– Моя фотография.

– Куплена.

– Но мы сфотографированы вместе!

– О-о, вот это очень плохо! Ваше величество действительно допустили большую оплошность.

– Я был без ума от Ирэн.

– Вы серьезно себя скомпрометировали.

– Тогда я был всего лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и теперь только тридцать.

– Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

– Мы пытались, но нам не удалось.

– Ваше величество должны пойти на издержки: фотографию надо купить.

– Ирэн не желает ее продавать.

– Тогда ее надо выкрасть.

– Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли весь ее дом. Раз, когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды ее заманивали в ловушку. Мы не добились никаких результатов.

– Никаких?

– Абсолютно никаких.

Холмс засмеялся.

– Ничего себе задачка! – сказал он.

– Но для меня это очень серьезная задача! – с упреком возразил король.

– Да, действительно. А что она намеревается сделать с фотографией?

– Погубить меня.

– Но каким образом?

– Я собираюсь жениться.

– Об этом я слышал.

– На Клотильде Лотман фон Саксен-Менинген. Быть может, вы знаете строгие принципы этой семьи. Сама Клотильда – воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого привела бы к разрыву.

– А Ирэн Адлер?

– Она грозит, что пошлет фотоснимок родителям моей невесты. И пошлет, непременно пошлет! Вы ее не знаете. У нее железный характер. Да, да, лицо обаятельной женщины, а душа жестокого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.

– Вы уверены, что она еще не отправила фотографию вашей невесте?

– Уверен.

– Почему?

– Она сказала, что пошлет фотографию в день моей официальной помолвки. А это будет в ближайший понедельник.

– О, у нас остается три дня! – сказал Холмс, зевая. – И это очень приятно, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими важными делами. Ваше величество, конечно, останетесь пока что в Лондоне?

– Конечно. Вы можете найти меня в гостинице Лэнгхэм под именем графа фон Крамма.

– В таком случае, я пришлю вам записочку – сообщу, как продвигается дело.

– Очень прошу вас. Я так волнуюсь!

– Ну, а как насчет денег?

– Тратьте, сколько найдете нужным. Вам предоставляется полная свобода действий.

– Абсолютно?

– О, я готов отдать за эту фотографию любую из провинций моего королевства!

– А на текущие расходы?

Король достал из-за плаща тяжелый кожаный мешочек и положил его на стол.

– Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями, – сказал он.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

– Адрес мадемуазель? – спросил он.

– Брайони-лодж, Серпантайн-авеню, Сент-Джонсвуд.

Холмс записал.

– И еще один вопрос, – сказал он. – Фотография была кабинетного размера?

– Да, кабинетного.

– А теперь доброй ночи, ваше величество, и я надеюсь, что скоро у нас будут хорошие вести… Доброй ночи, Уотсон, – добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. – Будьте любезны зайти завтра в три часа, я бы хотел потолковать с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с намерением дождаться его, сколько бы мне ни пришлось ждать. Я глубоко заинтересовался его расследованием, хотя оно было лишено причудливых и мрачных черт, присущих тем двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Но своеобразные особенности этого случая и высокое положение клиента придавали делу необычный характер. Если даже оставить в стороне самое содержание исследования, которое производил мой друг, – как удачно, с каким мастерством он сразу овладел всей ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие следить за быстрыми, ловкими приемами, с помощью которых он разгадывал самые запутанные тайны. Я настолько привык к его неизменным триумфам, что самая возможность неудачи не укладывалась у меня в голове.

Было около четырех часов, когда дверь отворилась и в комнату вошел подвыпивший грум[17], с бакенбардами, с растрепанной шевелюрой, с воспаленным лицом, одетый бедно и вульгарно. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось трижды вглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в темном костюме, корректный, как всегда. Сунув руки в карманы, он протянул ноги к пылающему камину и несколько минут весело смеялся.

– Чудесно! – воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец обессилел и в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

– В чем дело?

– Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вы никогда не угадаете, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

– Не могу себе представить. Полагаю, что вы наблюдали за привычками или, может быть, за домом мисс Ирэн Адлер.

– Совершенно верно, но последствия были довольно необычайные… Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Существует удивительная симпатия, своего рода содружество между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайони-лодж. Это крохотная шикарная двухэтажная

---

[17] Грум – конюх.

вилла; она выходит на улицу, позади нее сад. Массивный замок на садовой калитке. С правой стороны большая гостиная, хорошо обставленная, с высокими окнами, почти до полу, и с нелепыми английскими оконными затворами, которые мог бы открыть и ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что к окну галереи можно добраться с крыши каретного сарая. Я обошел этот сарай со всех сторон и рассмотрел его очень внимательно, но ничего интересного не заметил. Затем я пошел вдоль улицы и увидел, как я и ожидал, в переулке, примыкающем к стене сада, конюшню. Я помог конюхам чистить лошадей и получил за это два пенса, стакан водки, два пакета табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер, а также и о других местных жителях. Местные жители меня не интересовали нисколько, но я был вынужден выслушать их биографии.

– А что вы узнали об Ирэн Адлер? – спросил я.

– О, она вскружила головы всем мужчинам в этой части города. Она самое прелестное существо из всех, носящих дамскую шляпку на этой планете. Так говорят в один голос все серпантайнские конюхи. Она живет тихо, выступает иногда на концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает кататься и ровно в семь возвращается к обеду. Редко выезжает в другое время, кроме тех случаев, когда она поет. Только один мужчина посещает ее – только один, но зато очень часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Его зовут мистер Годфри Нортон из Темпла[18]. Видите, как выгодно войти в доверие к кучерам! Они его возили домой

[18] Темпл – лондонский квартал, где сосредоточены конторы юристов.

от серпантайнских конюшен раз двадцать и все о нем знают. Выслушав то, что они мне рассказывали, я снова стал прогуливаться взад и вперед вблизи Брайони-лодж и обдумывать дальнейшие действия.

Этот Годфри Нортон, очевидно, играет существенную роль во всем деле. Он юрист. Это звучит зловеще. Что их связывает и какова причина его частых посещений? Кто она: его клиентка? Его друг? Его возлюбленная? Если она его клиентка, то, вероятно, отдала ему на хранение ту фотографию. Если же возлюбленная – едва ли. От решения этого вопроса зависит, продолжать ли мне работу в Брайони-лодж или обратить внимание на квартиру того джентльмена в Темпле. Этот вопрос очень щекотлив и расширяет поле моих розысков… Боюсь, Уотсон, что надоедаю вам этими подробностями, но, чтобы вы поняли всю ситуацию, я должен открыть вам мои мелкие затруднения.

– Я внимательно слежу за вашим рассказом, – ответил я.

– Я все еще взвешивал в уме это дело, когда к Брайони-лодж подкатил изящный экипаж и из него выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, усатый, смуглый, с орлиным носом. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. По-видимому, он очень спешил и был крайне взволнован. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь, с видом человека, который чувствует себя в этом доме хозяином.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате,

возбужденно толкует о чем-то и размахивает руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните, как дьявол! – крикнул он кучеру. – Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви святой Моники на Эджвер-роуд. Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Они умчались, а я как раз соображал, не последовать ли мне за ними, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо[19]. Пальто на кучере было полузастегнуто, узел галстука торчал под самым ухом, а ремни упряжи выскочили из пряжек. Кучер едва успел остановить лошадей, как Ирэн выпорхнула из дверей виллы и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очень миловидная женщина с таким лицом, в которое мужчины влюбляются до смерти. «Церковь святой Моники, Джон! – крикнула она. – Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Это был случай, которого нельзя было упустить, Уотсон. Я уже начал раздумывать, что лучше: бежать за ней вслед или прицепиться к задку ландо, как вдруг на улице показался кэб. Кучер дважды посмотрел на такого неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь святой Моники, – сказал я, – и полгинеи, если вы доедете за двадцать минут!» Было без двадцати пяти минут двенадцать, и, конечно, нетрудно было догадаться, в чем дело.

Мой кэб мчался стрелой. Не думаю, чтобы ко-

---

[19] Ландо – открытая коляска, запряженная парой лошадей.

гда-нибудь я ехал быстрее, но экипаж и ландо со взмыленными лошадьми уже стояли у входа в церковь. Я рассчитался с кучером и взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника, который, по-видимому, обращался к ним с какими-то упреками. Все трое стояли перед алтарем. Я стал бродить по боковому приделу, как праздношатающийся, случайно зашедший в церковь. Внезапно, к моему изумлению, те трое обернулись ко мне, и Годфри Нортон со всех ног бросился в мою сторону.

«Слава богу! – закричал он. – Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» – спросил я.

«Идите, идите, добрый человек, всего три минуты!»

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, еще не успев опомниться, я бормотал ответы, которые мне шептали в ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще помогал бракосочетанию Ирэн Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все это совершилось в одну минуту, и вот джентльмен благодарит меня с одной стороны, леди – с другой, а священник так и сияет улыбкой. Это было самое нелепое положение, в каком я когда-либо находился; воспоминание о нем и заставило меня сейчас хохотать. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания, если не будет свидетеля. Мое удачное появление в церкви избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста дала мне гинею, и я собираюсь носить эту монету на часовой цепочке как память о своем приключении.

– Дело приняло весьма неожиданный оборот, – сказал я. – Что же будет дальше?

– Ну, я понял, что мои планы под серьезной угрозой. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и потому с моей стороны требовались быстрые и энергичные действия. Однако у дверей церкви они расстались: он уехал в Темпл, она – к себе домой. «Я поеду кататься в парк, как всегда, в пять часов», – сказала она, прощаясь с ним. Больше я ничего не слыхал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы взяться за свои приготовления.

– В чем они заключаются?

– Немного холодного мяса и стакан пива, – ответил Холмс, дергая колокольчик. – Я был слишком занят и совершенно забыл о еде. Вероятно, сегодня вечером у меня будет еще больше хлопот. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

– Буду очень рад.

– Вы не боитесь нарушать законы?

– Ничуть.

– И опасность ареста вас не пугает?

– Ради хорошего дела готов и на это.

– О, дело великолепное!

– В таком случае, я к вашим услугам.

– Я был уверен, что могу на вас положиться.

– Но что вы задумали?

– Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню… Теперь, – сказал он, жадно накидываясь на скромную пищу, приготовленную экономкой, – я должен во время еды обсудить с вами все дело, потому что времени

у меня осталось мало. Сейчас без малого пять часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирэн или, скорее, миссис, возвращается со своей прогулки в семь часов. Мы должны быть у Брайони-лодж, чтобы встретить ее.

– Что же дальше?

– А это предоставьте мне. Я уже подготовил то, что должно произойти. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось – не вмешивайтесь. Вы понимаете?

– Я должен быть нейтрален?

– Вот именно. Не делать ничего. Вероятно, получится небольшая неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня отнесут в дом. Через четыре или пять минут откроют окно гостиной. Вы должны стать поближе к этому открытому окну.

– Хорошо.

– Вы должны наблюдать за мною, потому что я буду у вас на виду.

– Хорошо.

– И когда я подниму руку – вот так, – вы бросите в комнату то, что я вам дам для этой цели, и в то же время закричите: «Пожар!» Вы меня понимаете?

– Вполне.

– Тут ничего нет опасного, – сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. – Это обыкновенная дымовая ракета, снабженная с обоих концов капсюлем, чтобы она сама собою воспламенялась. Вся ваша работа сводится к этому. Когда вы закричите «Пожар!», ваш крик будет подхвачен множеством людей, после чего вы можете дойти до конца улицы, а я нагоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

– Я должен оставаться нейтральным, подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по вашему сигналу бросить в окно этот предмет, затем поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу улицы.

– Совершенно верно.

– Можете на меня положиться.

– Ну, и отлично. Пожалуй, мне пора уже начать подготовку к новой роли, которую придется сегодня играть.

Он скрылся в спальне и через несколько минут появился в виде любезного, простоватого священника. Его широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, привлекательная улыбка и общее выражение благожелательного любопытства были бесподобны. Дело не только в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, самая душа, казалось, изменялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Сцена потеряла в его лице прекрасного актера, а наука – тонкого мыслителя, когда он стал специалистом по расследованию преступлений.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и до назначенного часа оставалось десять минут, когда мы оказались на Серпантайн-авеню. Уже смеркалось, на улице только что зажглись фонари, и мы принялись расхаживать мимо Брайони-лодж, поджидая возвращения его обитателей. Дом был как раз такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но местность оказалась далеко не такой безлюдной, как я ожидал. Наоборот: эта маленькая, тихая улица на окраине города буквально кишела народом. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, тут же был точильщик со своим колесом, два

гвардейца, флиртовавших с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей, расхаживавших взад и вперед с сигарами во рту.

– Видите ли, – заметил Холмс, когда мы бродили перед домом, – эта свадьба значительно упрощает все дело. Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, что Ирэн также не хочется, чтобы фотографию увидел мистер Годфри Нортон, как не хочется нашему клиенту, чтобы она попалась на глаза его принцессе. Вопрос теперь в том, где мы найдем фотографию.

– Действительно, где?

– Совершенно невероятно, чтобы Ирэн носила ее при себе. Фотография кабинетного формата слишком велика, и ее не спрятать под женским платьем. Ирэн знает, что король способен заманить ее куда-нибудь и обыскать. Две попытки такого рода уже были сделаны. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

– Ну, а где же она ее хранит?

– У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по своей природе склонны к таинственности и любят окружать себя секретами. Зачем ей посвящать в свой секрет кого-нибудь другого? Она могла положиться на собственное умение хранить вещи, но вряд ли у нее была уверенность, что деловой человек, если она вверит ему свою тайну, сможет устоять против политического или какого-нибудь иного влияния. Кроме того, вспомните, что она решила пустить в ход фотоснимок в ближайшие дни. Для этого нужно держать его под рукой. Фотоснимок должен быть в ее собственном доме.

– Но два раза взломщики перерыли дом.

– Чепуха! Они не знали, как надо искать.

– А как вы будете искать?

– Я не буду искать.

– А как же иначе?

– Я сделаю так, что Ирэн покажет его мне сама.

– Она откажется.

– В том-то и дело, что ей это не удастся… Но, я слышу, стучат колеса. Это ее карета. Теперь в точности выполняйте мои указания.

В эту минуту свет боковых фонарей кареты показался на повороте, нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайони-лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился открывать дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили оба гвардейца, ставшие на сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение леди, вышедшая из экипажа, оказалась в свалке разгоряченных, дерущихся людей, которые дико лупили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить леди. Но, пробившись к ней, он вдруг испустил крик и упал на землю с залитым кровью лицом. Когда он упал, солдаты бросились бежать в одну сторону, оборванцы – в другую. Несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, подбежали, чтобы защитить леди и оказать помощь раненому. Ирэн Адлер, как я буду по-прежнему ее называть, взбежала по ступенькам, но остановилась на площадке и стала смотреть

на улицу; ее великолепная фигура выделялась на фоне освещенной гостиной.

– Бедный джентльмен сильно ранен? – спросила она.

– Он умер, – ответило несколько голосов.

– Нет, нет, он еще жив! – крикнул кто-то. – Но он умрет раньше, чем вы его довезете до больницы.

– Вот смелый человек! – сказала какая-то женщина. – Если бы не он, они отобрали бы у леди и кошелек и часы. Их тут целая шайка и очень опасная. А-а, он стал дышать!

– Ему нельзя лежать на улице… Вы позволите перенести его в дом, мадам?

– Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайони-лодж и уложили в гостиной, между тем как я все еще наблюдал за происходившим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы не были опущены, так что я мог видеть Холмса, лежащего на диване. Не знаю, упрекала ли его совесть за то, что он играл такую роль, – я же ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, ухаживала с такой добротой и лаской за раненым. И все же было бы черной изменой, если бы я не выполнил поручения Холмса. С тяжелым сердцем я достал из-под моего пальто дымовую ракету. «В конце концов, – подумал я, – мы не причиняем ей вреда, мы только мешаем ей повредить другому человеку».

Холмс приподнялся на диване, и я увидел, что он делает движения, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась к окну и широко распахнула его. В то

же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату ракету и крикнул: «Пожар!» Едва это слово успело слететь с моих уст, как его подхватила вся толпа. Хорошо и плохо одетые джентльмены, конюхи и служанки – все завопили в один голос: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, за окном, мечутся люди; мгновением позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Проталкиваясь сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут, к моей радости, меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Некоторое время он шел быстро и не проронил ни единого слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджвер-роуд.

– Вы очень ловко это проделали, доктор, – заметил Холмс.

– Как нельзя лучше. Все в порядке.

– Достали фотографию?

– Я знаю, где она спрятана.

– А как вы узнали?

– Ирэн мне сама показала, как я вам предсказывал.

– Я все же ничего не понимаю.

– Я не делаю из этого никакой тайны, – сказал он, смеясь. – Все было очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице были моими сообщниками. Все они были наняты мною.

– Об этом-то я догадался.

– В руке у меня было немного влажной красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал окровавленный… Старый прием.

– Это я тоже смекнул…

– Они вносят меня в дом. Ирэн Адлер вынуждена принять меня, что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая была у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне. Я твердо решил выяснить, где именно. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха. Они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

– А что вы от этого выиграли?

– Очень много. Когда женщина думает, что у нее в доме пожар, инстинкт заставляет ее спасать то, что ей всего дороже. Это самый властный импульс, и я не раз извлекал из него пользу. В случае дарлингтоновского скандала я использовал его, также и в деле с арнсворским дворцом. Замужняя женщина спасает ребенка, незамужняя – шкатулку с драгоценностями. Теперь мне ясно, что для нашей леди в доме нет ничего дороже того, что мы ищем. Она бросилась спасать именно это. Пожарная тревога была отлично разыграна. Дыма и крика было достаточно, чтобы потрясти стальные нервы. Ирэн поступила точно так, как я ждал. Фотография находится в тайничке, за выдвижной дощечкой, как раз над шнурком от звонка. Ирэн в одно мгновение очутилась там, и я даже увидел краешек фотографии, когда она наполовину вытащила ее. Когда же я закричал, что это ложная тревога, Ирэн положила фотографию обратно, глянула мельком на ракету, выбежала из комнаты, и после этого я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось сразу достать фотографию, но в комнату вошел кучер и начал зорко следить за мною, так

что мне поневоле пришлось отложить свой налет до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

– Ну, а дальше? – спросил я.

– Практически наши розыски закончены. Завтра я приду к Ирэн Адлер с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, леди не найдет ни нас, ни фотографии. Возможно, что его величеству будет приятно своими собственными руками достать фотографию.

– А когда вы отправитесь туда?

– В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что нам обеспечена полная свобода действий. Кроме того, надо действовать быстро, потому что брак может полностью изменить ее быт и ее привычки. Я должен немедленно послать королю телеграмму.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей нашего дома. Холмс искал в карманах свой ключ, когда какой-то прохожий сказал:

– Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от проходившего мимо стройного юноши в длинном пальто.

– Я где-то уже слышал этот голос, – сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу, – но не понимаю, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

Эту ночь я спал на Бейкер-стрит. Мы сидели утром за кофе с гренками, когда в комнату стремительно вошел король Богемии.

– Вы действительно добыли фотографию? – воскликнул он, обнимая Шерлока Холмса за плечи и весело глядя ему в лицо.

– Нет еще.

– Но вы надеетесь ее достать?

– Надеюсь.

– В таком случае, идемте! Я сгораю от нетерпения.

– Нам нужна карета.

– Мой экипаж у дверей.

– Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайони-лодж.

– Ирэн Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.

– Замуж? Когда?

– Вчера.

– За кого?

– За английского адвоката, по имени Нортон.

– Но она, конечно, не любит его?

– Надеюсь, что любит.

– Почему вы надеетесь?

– Потому что это избавит ваше величество от всех будущих неприятностей. Если леди любит своего мужа, значит, она не любит ваше величество, и тогда у нее нет основания мешать планам вашего величества.

– Верно, верно. И все же… О, как я хотел бы, чтобы она была одного ранга со мною! Какая бы это была королева!

Он погрузился в угрюмое молчание, которого не прерывал, пока мы не выехали на Серпантайн-авеню.

Двери виллы Брайони-лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с какой-то странной иронией смотрела на нас, пока мы выходили из экипажа.

– Мистер Шерлок Холмс? – спросила она.

– Да, я Шерлок Холмс, – ответил мой друг, смотря на нее вопрошающим и удивленным взглядом.

– Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром, в пять часов пятнадцать минут, она уехала со своим мужем на континент с Черинг-кросского вокзала.

– Что?! – Шерлок Холмс отшатнулся назад, бледный от огорчения и неожиданности. – Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

– Да. Навсегда.

– А бумаги? – хрипло спросил король. – Все потеряно!

– Посмотрим! – Холмс быстро прошел мимо служанки и бросился в гостиную.

Мы с королем следовали за ним. Вся мебель в комнате была беспорядочно сдвинута, полки стояли пустые, ящики были раскрыты – видно, хозяйка второпях рылась в них, перед тем как пуститься в бегство.

Холмс бросился к шнурку звонка, отодвинул маленькую выдвижную планку и, засунув в тайничок руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирэн Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу. Вручить ему, когда он придет».

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое принялись читать письмо. Оно было датировано минувшей ночью, и вот что было в нем написано:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, вы действительно великолепно все это разыграли. На первых порах я отнеслась к вам с доверием. До пожарной тревоги у меня не

было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, как выдала себя, я не могла не задуматься. Уже несколько месяцев назад меня предупредили, что если король решит прибегнуть к агенту, он, конечно, обратится к вам. Мне дали ваш адрес. И все же вы заставили меня открыть то, что вы хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, я не хотела дурно думать о таком милом, добром, старом священнике… Но вы знаете, я сама была актрисой. Мужской костюм для меня не новость. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Я послала кучера Джона следить за вами, а сама побежала наверх, надела мой костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз, как раз когда вы уходили. Я следовала за вами до ваших дверей и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала вам доброй ночи и поехала в Темпл, к мужу.

Мы решили, что, поскольку нас преследует такой сильный противник, лучшим спасением будет бегство. И вот, явившись завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то ваш клиент может быть спокоен: я люблю человека, который лучше его. Человек этот любит меня. Король может делать все, что ему угодно, не опасаясь препятствий со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраняю у себя фотографию только ради моей безопасности, ради того, чтобы у меня осталось оружие, которое защитит меня в будущем от любых враждебных шагов короля. Я оставляю здесь другую фотографию, которую ему, может быть, будет приятно сохранить у себя, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданная вам Ирэн Нортон, урожденная Адлер».

– Что за женщина, о, что за женщина! – воскликнул король Богемии, когда мы все трое прочитали это послание. – Разве я не говорил вам, что она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Разве не жаль, что она не одного ранга со мной?

– Насколько я узнал эту леди, мне кажется, что она действительно совсем другого уровня, чем ваше величество, – холодно сказал Холмс. – Я сожалею, что не мог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

– Наоборот, дорогой сэр! – воскликнул король. – Большей удачи не может быть. Я знаю, что ее слово нерушимо. Фотография теперь так же безопасна, как если бы она была сожжена.

– Я рад слышать это от вашего величества.

– Я бесконечно обязан вам. Пожалуйста, скажите мне, как я могу вознаградить вас? Это кольцо…

Он снял с пальца изумрудное кольцо и поднес его на ладони Холмсу.

– У вашего величества есть нечто еще более ценное для меня, – сказал Холмс.

– Вам стоит только указать.

– Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

– Фотография Ирэн?! – воскликнул он. – Пожалуйста, если она вам нужна.

– Благодарю, ваше величество. В таком случае, с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам всего лучшего.

Холмс поклонился и, не замечая руки, протянутой ему королем, вместе со мною отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился очень громкий скандал и как хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были разрушены мудростью женщины. Холмс вечно подшучивал над женским умом, но за последнее время я уже не слышу его издевательств. И когда он говорит об Ирэн Адлер или вспоминает ее фотографию, то всегда произносит, как почетный титул: «Эта Женщина».

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

Женитьба лорда Сент-Саймона, закончившаяся таким удивительным образом, давно перестала занимать те круги великосветского общества, где вращается злополучный жених. Новые скандальные истории своими более пикантными подробностями затмили эту драму и отвлекли от нее внимание салонных болтунов, тем более что с тех пор прошло уже четыре года. Но так как я имею основание думать, что многие факты так и не дошли до широкой публики, и так как это дело прояснилось главным образом благодаря моему другу Шерлоку Холмсу, я считаю, что мои воспоминания о нем были бы неполны без краткого очерка об этом любопытном эпизоде.

Как-то днем, за несколько недель до моей собственной свадьбы, когда я еще жил вместе с Холмсом на Бейкер-стрит, на его имя пришло письмо. Холмса не было дома, он где-то бродил после обеда, я же весь день сидел в комнате, потому что погода внезапно испортилась, поднялся сильный осенний ветер, пошел дождь, и застрявшая в ноге пуля, которую я привез с собой на память об афган-

ском походе, напоминала о себе тупой непрерывной болью. Удобно усевшись в одном кресле и положив ноги на другое, я занялся чтением газет, но потом, пресыщенный злободневными новостями, отшвырнул весь этот бумажный ворох в сторону и от нечего делать стал разглядывать лежавшее на столе письмо. Огромный герб и монограмма красовались на конверте, и я лениво размышлял о том, какая же это важная особа состоит в переписке с моим другом.

– Вас ждет великосветское послание, – сообщил я Холмсу, когда он вошел в комнату. – А с утренней почтой вы, если не ошибаюсь, получили письма от торговца рыбой и таможенного чиновника?

– Вся прелесть моей корреспонденции именно в ее разнообразии, – ответил он, улыбаясь, – и в большинстве случаев, чем скромнее автор письма, тем интереснее письмо. А вот это, мне кажется, одно из тех несносных официальных приглашений, которые либо нагоняют на вас скуку, либо заставляют прибегнуть ко лжи.

Он сломал печать и быстро пробежал письмо.

– Э, нет! Тут, пожалуй, может оказаться кое-что интересное.

– Значит, это не приглашение?

– Нет, письмо сугубо деловое.

– И от знатного клиента?

– От одного из самых знатных в Англии.

– Поздравляю вас, милый друг.

– Даю вам слово, Уотсон, – и поверьте, я не рисуюсь, – что общественное положение моего клиента значит для меня гораздо меньше, чем его дело. Однако этот случай

может оказаться любопытным. Вы, кажется, довольно усердно читали газеты в последнее время?

– Как видите! – ответил я уныло, показывая на груду газет в углу. – Больше мне ничего было делать.

– Это очень кстати. В таком случае вы сможете информировать меня. Я ведь ничего не читаю, кроме уголовной хроники и объявлений о розыске пропавших родственников. Там бывают поучительные вещи. Ну, а если вы следили за происшествиями, то, вероятно, читали о лорде Сент-Саймоне и его свадьбе?

– О да! С большим интересом.

– Отлично. Так вот, в руке у меня письмо от лорда Сент-Саймона. Сейчас я прочитаю его вам, а вы за это время еще раз просмотрите газеты и расскажете все, что имеет отношение к этой истории. Вот что он пишет:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Лорд Бэкуотер сказал мне, что я вполне могу довериться Вашему чутью и Вашему умению хранить тайну. Поэтому я решил обратиться к Вам за советом по поводу прискорбного события, которое произошло в связи с моей свадьбой. Мистер Лестрейд из Скотланд-Ярда уже ведет расследование по этому делу, но он ничего не имеет против Вашего сотрудничества, и даже считает, что оно может оказаться полезным. Я буду у Вас сегодня в четыре часа дня и надеюсь, что ввиду первостепенной важности моего дела Вы отложите все другие встречи, если они назначены Вами на это время.

Уважающий вас Роберт Сент-Саймон».

– Письмо отправлено из особняка в Гровнере и написано гусиным пером, причем благородный лорд имел несчастье испачкать чернилами тыльную сторону правого мизинца, – сказал Холмс, складывая послание.

– Он пишет, что приедет в четыре часа. Сейчас три. Через час он будет здесь.

– Значит, я как раз успею с вашей помощью выяснить кое-какие обстоятельства. Просмотрите газеты и подберите заметки в хронологическом порядке, а я, покамест, взгляну, что представляет собой наш клиент.

Он взял с полки толстую книгу в красном переплете, стоявшую в ряду с другими справочниками.

– Вот он! – сказал Холмс, усевшись в кресло и раскрыв книгу у себя на коленях. – «Роберт Уолсингэм де Вир Сент-Саймон, второй сын герцога Балморалского». Гм!.. «Герб: голубое поле, три звездочки чертополоха над полоской собольего меха. Родился в 1846». Значит, ему сорок один год – достаточно зрелый возраст для женитьбы. Был товарищем министра колоний в прежнем составе Кабинета. Герцог, его отец, был одно время министром иностранных дел. Потомки Плантагенетов по мужской линии и Тюдоров – по женской. Так… Все это ничего нам не дает. Надеюсь, что вы, Уотсон, приготовили что-нибудь более существенное?

– Мне было совсем нетрудно найти нужный материал, – сказал я. – Ведь события эти произошли совсем недавно и сразу привлекли мое внимание. Я только потому не рассказывал вам о них, что вы были заняты каким-то расследованием, а мне известно, как вы не любите, когда вас отвлекают.

– А, вы имеете в виду ту пустячную историю с фургоном для перевозки мебели по Гровнер-сквер? Она уже совершенно выяснена, да, впрочем, там все было ясно с самого начала. Ну, расскажите же, что вы там откопали.

– Вот первая заметка. Она помещена несколько недель назад в «Морнинг пост», в разделе «Хроника светской жизни»: «Состоялась помолвка, и, если верить слухам, в скором времени состоится бракосочетание лорда Роберта Сент-Саймона, второго сына герцога Балморалского, и мисс Хетти Доран, единственной дочери эсквайра Алоизиеса Дорана, из Сан-Франциско, Калифорния, США».

– Коротко и ясно, – заметил Холмс, протягивая поближе к огню свои длинные, тонкие ноги.

– На той же самой неделе в какой-то газете, в светской хронике, был столбец, в котором более подробно говорилось об этой происшествии. Ага, вот он:

«В скором времени понадобится издание закона об охране нашего брачного рынка, ибо принцип свободной торговли, господствующий ныне, весьма вредно отражается на нашей отечественной продукции. Власть над отпрысками благороднейших фамилий Великобритании постепенно переходит в ручки наших прелестных заатлантических кузин. Список трофеев, захваченных очаровательными завоевательницами, пополнился на прошлой неделе весьма ценным приобретением. Лорд Сент-Саймон, который в течение двадцати с лишним лет был неуязвим для стрел Амура, недавно объявил о своем намерении вступить в брак с мисс Хетти Доран, пленительной дочерью калифорнийского миллионера.

Мисс Доран, чья грациозная фигура и прелестное лицо произвели фурор на всех празднествах в Вестбери-Хаус, является единственной дочерью, и, по слухам, ее приданое приближается к миллиону, не говоря уже о видах на будущее. Так как ни для кого не секрет, что герцог Балморалский был вынужден за последние годы распродать свою коллекцию картин, а у лорда Сент-Саймона нет собственного состояния, если не считать небольшого поместья в Берчмуре, ясно, что от этого союза, который с легкостью превратит гражданку республики в титулованную английскую леди, выиграет не только калифорнийская наследница».

– Что-нибудь еще? – спросил Холмс, зевая.

– О да, и очень много. Вот другая заметка. В ней говорится, что свадьба будет самая скромная, что венчание состоится в церкви святого Георгия, на Гановер-сквер, и приглашены будут только пять-шесть самых близких друзей, а потом все общество отправится в меблированный особняк на Ланкастер-гейт, нанятый мистером Алоизиесом Дораном. Два дня спустя, то есть в прошлую среду, появилось краткое сообщение о том, что венчание состоялось и что медовый месяц молодые проведут в поместье лорда Бэкуотера, близ Питерсфилда. Вот и все, что было в газетах до исчезновения невесты.

– Как вы сказали? – спросил Холмс, вскакивая с места.

– До исчезновения новобрачной, – повторил я.

– Когда же она исчезла?

– Во время свадебного обеда.

– Вот как! Дело становится куда интереснее. Весьма драматично.

– Да, мне тоже показалось, что тут что-то не совсем заурядное.

– Женщины нередко исчезают до брачной церемонии, порою во время медового месяца, но я не могу припомнить ни одного случая, когда бы исчезновение произошло столь скоропалительно. Расскажите мне, пожалуйста, подробности.

– Предупреждаю, что они далеко не полны.

– Ну, может быть, нам самим удастся их пополнить.

– Вчера появилась статья в утренней газете, и это все. Сейчас я прочту вам ее. Заголовок: «Удивительное происшествие на великосветской свадьбе».

«Семья лорда Роберта Сент-Саймона потрясена загадочными и в высшей степени прискорбными событиями, связанными с его женитьбой. Венчание действительно состоялось вчера утром, как об этом коротко сообщалось во вчерашних газетах, но только сегодня мы можем подтвердить странные слухи, упорно циркулирующие в публике. Несмотря на попытки друзей замять происшествие, оно привлекло к себе всеобщее внимание, и теперь уже нет смысла замалчивать то, что сделалось достоянием толпы.

Свадьба была очень скромная и происходила в церкви святого Георгия. Присутствовали только отец невесты – мистер Алоизиес Доран, герцогиня Балморалская, лорд Бэкуотер, лорд Юсташ и леди Клара Сент-Саймон (младшие брат и сестра жениха), а также леди Алисия Уитингтон. После венчания все общество отправилось на Ланкастер-гейт, где в доме мистера Алоизиеса Дорана их ждал обед.

По слухам, там имел место небольшой инцидент: неизвестная женщина – ее имя так и не было установлено – пыталась проникнуть в дом вслед за гостями, утверждая, будто у нее есть какие-то права на лорда Сент-Саймона. И только после продолжительной и тяжелой сцены дворецкому и лакею удалось выпроводить эту особу. Невеста, к счастью, вошла в дом до этого неприятного вторжения. Она села за стол вместе с остальными, но вскоре пожаловалась на внезапное недомогание и ушла в свою комнату.

Так как она долго не возвращалась, гости начали выражать недоумение. Мистер Алоизиес Доран отправился за дочерью, но ее горничная сообщила, что мисс Хетти заходила в комнату только на минутку, что она накинула длинное дорожное пальто, надела шляпу и быстро пошла к выходу. Один из лакеев подтвердил, что какая-то дама в пальто и в шляпке действительно вышла из дому, но он никак не мог признать в ней свою госпожу, так как был уверен, что та в это время сидит за столом с гостями.

Убедившись, что дочь исчезла, мистер Алоизиес Доран немедленно отправился с новобрачным в полицию, и начались энергичные поиски, которые, вероятно, очень скоро прольют свет на это удивительное происшествие. Однако пока что местопребывание исчезнувшей леди не выяснено. Ходят слухи, что тут имеет место шантаж и что женщина, которая разыскивала лорда Сент-Саймона, арестована, ибо полиция предполагает, что из ревности или из иных побуждений она могла быть причастна к таинственному исчезновению новобрачной».

– И это все?

– Есть еще одна заметка в другой утренней газете. Пожалуй, она даст вам кое-что.

– О чем же она?

– О том, что мисс Флора Миллар, виновница скандала, и в самом деле арестована. Кажется, она была прежде танцовщицей в «Аллегро» и встречалась с лордом Сент-Саймоном в течение нескольких лет. Других подробностей нет, так что теперь вам известно все, что напечатано об этом случае в газетах.

– Дело представляется мне чрезвычайно интересным. Я был бы крайне огорчен, если бы оно прошло мимо меня. Но кто-то звонит, Уотсон. Пятый час. Не сомневаюсь, что это идет наш высокородный клиент. Только не вздумайте уходить: мне может понадобиться свидетель, хотя бы на тот случай, если я что-нибудь забуду.

– Лорд Роберт Сент-Саймон! – объявил наш юный слуга, распахивая дверь.

Вошел джентльмен с приятными тонкими чертами лица, бледный, с крупным носом, с чуть надменным ртом и твердым, открытым взглядом – взглядом человека, которому выпал счастливый жребий повелевать и встречать повиновение. Движения у него были легкие и живые, но из-за некоторой сутулости и манеры сгибать колени при ходьбе он казался старше своих лет. Волосы на висках у него поседели, а когда он снял шляпу с загнутыми полями, обнаружилось, что они, кроме того, сильно поредели на макушке. Его костюм представлял верх изящества, граничившего с фатовством: высокий крахмальный воротничок, черный сюртук с белым жилетом, желтые перчатки, лакированные ботинки и светлые гетры. Он медленно вошел в

комнату и огляделся по сторонам, нервно вертя в руке шнурок от золотого лорнета.

– Добрый день, лорд Сент-Саймон, – любезно сказал Холмс, поднимаясь навстречу посетителю. – Садитесь, пожалуйста, сюда, в плетеное кресло. Это мой друг и коллега, доктор Уотсон. Придвиньтесь поближе к огню, и потолкуем о вашем деле…

– … как нельзя более мучительном для меня, мистер Холмс! Я потрясен. Разумеется, вам не раз приходилось вести дела щекотливого свойства, сэр, но вряд ли ваши клиенты принадлежали к такому классу общества, к которому принадлежу я.

– Да, вы правы, это для меня ступень вниз.

– Простите?

– Последним моим клиентом по делу такого рода был король.

– Вот как! Я не знал. Какой же это король?

– Король Богемии.

– Как, у него тоже пропала жена?

– Надеюсь, вы понимаете, – самым учтивым тоном произнес Холмс, – что в отношении всех моих клиентов я соблюдаю такую же тайну, какую обещаю и вам.

– О, конечно, конечно! Вы совершенно правы, прошу меня извинить. Что касается моего случая, я готов сообщить вам любые сведения, какие могут помочь вам составить мнение по поводу происшедшего.

– Благодарю вас. Я уже ознакомился с тем, что было в газетах, но не знаю ничего больше. Надо полагать, что можно считать их сообщения верными? Хотя бы вот эту заметку – об исчезновении невесты?

Лорд Сент-Саймон наскоро пробежал заметку.

– Да, это более или менее верно.

– Но для того, чтобы я мог прийти к определенному заключению, мне понадобится ряд дополнительных данных. Пожалуй, лучше будет, если я задам вам несколько вопросов.

– Я к вашим услугам.

– Когда вы познакомились с мисс Хетти Доран?

– Год назад, в Сан-Франциско.

– Вы путешествовали по Соединенным Штатам?

– Да.

– Вы еще там обручились с нею?

– Нет.

– Но вы ухаживали за ней?

– Мне было приятно ее общество, и я этого не скрывал.

– Отец ее очень богат?

– Он считается самым богатым человеком на всем Тихоокеанском побережье.

– А где и как он разбогател?

– На золотых приисках. Еще несколько лет назад у него ничего не было. Потом ему посчастливилось напасть на богатую золотоносную жилу, он удачно поместил капитал и быстро пошел в гору.

– А не могли бы вы обрисовать мне характер молодой леди – вашей супруги? Что она за человек?

Лорд Сент-Саймон начал быстро раскачивать лорнет и посмотрел в огонь.

– Видите ли, мистер Холмс, – сказал он, – моей жене было уже двадцать лет, когда ее отец стал богатым человеком. До того она свободно носилась по прииску и бро-

дила по лесам и горам, так что ее воспитанием занималась скорее природа, чем школа. Настоящая «сорви-голова», как мы называем таких девушек в Англии, натура сильная и свободолюбивая, не скованная никакими традициями. У нее порывистый, я бы даже сказал, бурный характер. Быстро принимает решения и бесстрашно доводит до конца то, что задумала. С другой стороны, я не дал бы ей имени, которое имею честь носить, – тут он с достоинством откашлялся, – если бы не был уверен, что, в сущности, это благороднейшее создание. Я твердо знаю, что она способна на героическое самопожертвование и что все бесчестное ее отталкивает.

– Есть у вас ее фотография?

– Я принес с собой вот это.

Он открыл медальон и показал нам прелестное женское лицо. Это была не фотография, а миниатюра на слоновой кости. Художнику удалось передать прелесть блестящих черных волос, больших темных глаз, изящно очерченного рта. Холмс долго и внимательно рассматривал миниатюру, потом закрыл медальон и вернул его лорду Сент-Саймону.

– А потом молодая девушка приехала в Лондон и вы возобновили знакомство с нею?

– Да, на этот сезон отец привез ее в Лондон, мы начали встречаться, обручились, и вот теперь я женился на ней.

– За ней дали, должно быть, порядочное приданое?

– Прекрасное приданое, но такова традиция в нашей семье.

– И поскольку ваш брак – уже совершившийся факт, оно конечно, останется в вашем распоряжении?

– Право, не знаю. Я не наводил никаких справок на этот счет.

– Ну, понятно. Скажите, виделись вы с мисс Доран накануне свадьбы?

– Да.

– И в каком она была настроении?

– В отличном. Все время строила планы нашей будущей совместной жизни.

– Вот как? Это чрезвычайно любопытно. А утром в день свадьбы?

– Она была очень весела – по крайней мере до конца церемонии.

– А потом вы, стало быть, заметили в ней какую-то перемену?

– Да, по правде говоря, я тогда впервые имел случай убедиться в некоторой неровности ее характера. Впрочем, этот эпизод настолько незначителен, что не стоит о нем и рассказывать. Он не имеет ни малейшего значения.

– Все-таки расскажите, прошу вас.

– Хорошо, но это такое ребячество… Когда мы с ней шли от алтаря, она уронила букет. В этот момент мы как раз поравнялись с передней скамьей, и букет упал под скамью. Произошло минутное замешательство, но какой-то джентльмен, сидевший на скамье, тут же нагнулся и подал ей букет, который ничуть не пострадал. И все-таки, когда я заговорил с ней об этом, она ответила какой-то резкостью и потом, сидя в карете, когда мы ехали домой, казалась до нелепости взволнованной этой ерундой.

– Ах вот что! Значит, на скамье сидел какой-то джентльмен? Стало быть, в церкви все-таки была посторонняя публика?

– Ну конечно. Это неизбежно, раз церковь открыта.

– И этот джентльмен не принадлежал к числу знакомых вашей жены?

– О нет! Я только из вежливости назвал его «джентльменом»: судя по виду, это человек не нашего круга. Впрочем, я даже не разглядел его хорошенько. Но, право же, мы отвлекаемся от темы.

– Итак, возвратясь из церкви, леди Сент-Саймон была уже не в таком хорошем расположении духа? Чем она занялась, когда вошла в дом отца?

– Начала что-то рассказывать своей горничной.

– А что представляет собой ее горничная?

– Ее зовут Алиса. Она американка и приехала вместе со своей госпожой из Калифорнии.

– Вероятно она пользуется доверием вашей жены?

– Пожалуй, даже чересчур большим доверием. Мне всегда казалось, что мисс Хетти слишком много ей позволяет. Впрочем, в Америке иначе смотрят на эти вещи.

– Сколько времени продолжался их разговор?

– Кажется, несколько минут. Не знаю, право, я был слишком занят.

– И вы не слышали о чем они говорили?

– Леди Сент-Саймон сказала что-то о «захвате чужого участка». Она постоянно употребляет такого рода жаргонные словечки. Понятия не имею, что она имела в виду.

– Американский жаргон иногда очень выразителен. А что делала ваша жена после разговора со служанкой?

– Пошла в столовую.

– Под руку с вами?

– Нет, одна. Она чрезвычайно независима в таких мелочах. Минут через десять она поспешно встала из-за сто-

ла, пробормотала какие-то извинения и вышла из комнаты. Больше я не видел ее.

– Если не ошибаюсь, горничная Алиса показала на допросе, что ее госпожа вошла в свою комнату, накинула на подвенечное платье длинное дорожное пальто, надела шляпку и ушла.

– Совершенно верно. И потом ее видели в Гайд-парке. Она там была с Флорой Миллар – женщиной, которая утром того же дня устроила скандал в доме мистера Дорана. Сейчас она арестована.

– Ах да, расскажите, пожалуйста, об этой молодой особе и о характере ваших отношений.

Лорд Сент-Саймон пожал плечами и поднял брови.

– В течение нескольких лет мы были с ней в дружеских, я бы даже сказал, в очень дружеских отношениях. Она танцевала в «Аллегро». Я обошелся с ней, как подобает благородному человеку, и она не может иметь ко мне никаких претензий, но вы же знаете женщин, мистер Холмс, Флора – очаровательное существо, но она чересчур импульсивна и до безумия влюблена в меня. Узнав, что я собираюсь жениться, она начала писать мне ужасные письма, и, говоря откровенно, я только потому и устроил такую скромную свадьбу, что боялся скандала в церкви. Едва мы успели приехать после венчания, как она прибежала к дому мистера Дорана и сделала попытку проникнуть туда, выкрикивая при этом оскорбления и даже угрозы по адресу моей жены. Однако, предвидя возможность чего-либо в этом роде, я заранее пригласил двух полицейских в штатском, и те быстро выпроводили ее. Как только Флора поняла, что скандалом тут не поможешь, она сразу успокоилась.

– Слышала все это ваша жена?

– К счастью, нет.

– А потом с этой самой женщиной ее видели на улице?

– Да. И вот этот-то факт мистер Лестрейд из Скотланд-Ярда считает тревожным. Он думает, что Флора выманила мою жену из дому и устроила ей какую-нибудь ужасную ловушку.

– Что ж, это не лишено вероятия.

– Значит, и вы того же мнения?

– Вот этого я не сказал. Ну, а сами вы допускаете такую возможность?

– Я убежден, что Флора не способна обидеть и муху.

– Однако ревность иногда совершенно меняет характер человека. Скажите, а каким образом объясняете то, что произошло, вы сами?

– Я пришел сюда не для того, чтобы объяснять что-либо, а чтобы получить объяснение от вас. Я сообщил вам все факты, какими располагал. Впрочем, если вас интересует моя точка зрения, извольте: я допускаю, что возбуждение, которое испытала моя жена в связи с огромной переменой, происшедшей в ее судьбе, в ее общественном положении, могло вызвать у нее легкое нервное расстройство.

– Короче говоря, вы полагаете, что она внезапно потеряла рассудок?

– Если хотите, да. Когда я думаю, что она могла отказаться… не от меня, нет, но от всего того, о чем тщетно мечтали многие другие женщины, мне трудно найти иное объяснение.

– Что же, и это тоже вполне приемлемая гипотеза, –

ответил Холмс улыбаясь. – Теперь, лорд Сент-Саймон, у меня, пожалуй, есть почти все нужные сведения. Скажите только одно: могли вы, сидя за свадебном столом, видеть в окно то, что происходило на улице?

– Нам виден был противоположный тротуар и парк.

– Отлично. Итак, у меня, пожалуй, больше нет необходимости вас задерживать. Я напишу вам.

– Только бы вам посчастливилось разрешить эту загадку! – сказал наш клиент, поднимаясь с места.

– Я уже разрешил ее.

– Что? Я, кажется, ослышался.

– Я сказал, что разрешил эту загадку.

– В таком случае, где же моя жена?

– Очень скоро я отвечу вам и на этот вопрос.

Лорд Сент-Саймон нахмурился.

– Боюсь, что над этим делом еще немало помучаются и более мудрые головы, чем у нас с вами, – заметил он и, церемонно поклонившись, с достоинством удалился.

Шерлок Холмс засмеялся:

– Лорд Сент-Саймон оказал моей голове большую честь, поставив ее на один уровень со своей!.. Знаете что, я не прочь бы выпить виски с содовой и выкурить сигару после этого длительного допроса. А заключение по данному делу сложилось у меня еще до того, как наш клиент вошел в комнату.

– Полноте, Холмс!

– В моих заметках есть несколько аналогичных случаев, хотя, как я уже говорил вам, ни одно из тех исчезновений не было столь скоропалительным. Беседа же с лордом Сент-Саймоном превратила мои предположения в уве-

ренность. Побочные обстоятельства бывают иногда так же красноречивы, как муха в молоке, – если вспомнить Торо[20].

– Однако, Холмс, ведь я присутствовал при разговоре и слышал то же, что слышали и вы.

– Да, но вы не знаете тех случаев, которые уже имели место и которые сослужили мне отличную службу. Почти такая же история произошла несколько лет назад в Абердине и нечто очень похожее – в Мюнжене, на следующий год после франко-прусской войны. Данный случай… А, вот и Лестрейд! Здравствуйте, Лестрейд! Вон там, на буфете, вино, а здесь, в ящике, сигары.

Официальный сыщик Скотланд-Ярда был облачен в куртку и носил на шее шарф, что делало его похожим на моряка. В руке он держал черный парусиновый саквояж. Отрывисто поздоровавшись, он опустился на стул и закурил предложенную сигару.

– Ну, выкладывайте, что случилось? – спросил Холмс с лукавым огоньком в глазах. – У вас недовольный вид.

– И я действительно недоволен. Черт бы побрал этого Сент-Саймона с его свадьбой! Ничего не могу понять.

– Неужели? Вы удивляете меня.

– В жизни не встречал более запутанной истории. Не найти никаких концов. Сегодня я провозился с ней весь день.

– И, кажется, при этом изрядно промокли, – сказал Холмс, дотрагиваясь до рукава куртки.

– Да, я обшаривал дно Серпентайна[21].

---

[20] Цитата взята из дневника американского писателя Генри Давида Торо (1817-1862).

[21] Серпентайн (Змейка) – пруд в Гайд-парке, в Лондоне.

– О, Господи! Да зачем вам это понадобилось?

– Чтобы найти тело леди Сент-Саймон.

Шерлок Холмс откинулся на спинку кресла и от души расхохотался.

– А бассейн фонтана на Трафальгард-сквер вы не забыли обшарить? – спросил он.

– На Трафальгард-сквер? Что вы хотите этим сказать?

– Да то, что у вас точно такие же шансы найти леди Сент-Саймон здесь, как и там.

Лестрейд бросил сердитый взгляд на моего друга.

– Как видно, вы уже разобрались в этом деле? – насмешливо спросил он.

– Мне только что рассказали о нем, но я уже пришел к определенному выводу.

– Неужели! Так вы считаете, что Серпентайн тут ни при чем?

– Полагаю, что так.

– В таком случае, прошу объяснить, каким образом мы могли найти в пруду вот это.

Он открыл саквояж и выбросил на пол шелковое подвенечное платье, пару белых атласных туфелек и веночек с вуалью – все грязное и совершенно мокрое.

– Извольте! – сказал Лестрейд, кладя на эту кучу новенькое обручальное кольцо. – Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс!

– Вот оно что! – сказал Холмс, выпуская сизые кольца дыма. – И все эти вещи вы выудили в пруду?

– Они плавали у самого берега, их нашел сторож парка. Родственники леди Сент-Саймон опознали и платье, и все остальное. По-моему, если там была одежда, то где-нибудь поблизости найдется и тело.

– Если исходить из этой остроумной теории, тело каждого человека должно быть найдено рядом с его одеждой. Так чего же вы надеетесь добиться с помощью вещей леди Сент-Саймон, хотел бы я знать?

– Какой-нибудь улики, доказывающей, что в ее исчезновении замешана Флора Миллар.

– Боюсь, это будет нелегко.

– Боитесь? – с горечью вскричал Лестрейд. – А я, Холмс, боюсь, что вы совсем оторвались от жизни с вашими вечными теориями и умозаключениями. За несколько минут вы сделали две грубые ошибки, Вот это самое платье, несомненно, уличает мисс Флору Миллар.

– Каким же образом?

– В платье есть карман. В кармане нашелся футляр для визитных карточек. А в футляре – записка. Вот она. – Он расправил записку на столе. – Сейчас я прочту ее вам: «Увидимся, когда все будет готово. Выходите немедленно. Ф. Х. М.». Я с самого начала предполагал, что Флора Миллар под каким-нибудь предлогом выманила леди Сент-Саймон из дому и, разумеется, вместе с сообщниками является виновницей ее исчезновения. И вот перед нами записка – записка с ее инициалами, которую она, несомненно сунула леди Сент-Саймон у дверей дома, чтобы завлечь ее в свои сети.

– Отлично, Лестрейд, – со смехом сказал Холмс. – Право же, вы очень ловко все это придумали. Покажите-ка записку.

Он небрежно взял в руку бумажку, но что-то в ней вдруг приковало его внимание.

– Да, это действительно очень важно! – сказал он с довольным видом.

– Ага! Теперь убедились?

– Чрезвычайно важно! Сердечно поздравляю вас, Лестрейд.

Торжествующий Лестрейд вскочил и наклонился над запиской.

– Что это? – изумился он. – Ведь вы смотрите не на ту сторону?

– Нет, я смотрю именно туда, куда нужно.

– Да вы с ума сошли! Переверните бумажку. Записка-то ведь написана карандашом на обороте!

– Зато здесь я вижу обрывок счета гостиницы, который весьма интересует меня.

– Ничего в нем нет особенного! Я уже видел его: «Окт. 4-го. Комната – 8 шил. Завтрак – 2 шил. 6 пенс. Коктейль – 1 шил. Ленч – 2 шил. 6 пенс. Стакан хереса – 8 пенс». Вот и все. Не вижу ничего интересного.

– Вполне возможно, что не видите. А между тем этот счет имеет большое значение. Что касается записки, она тоже имеет значение, во всяком случае, ее инициалы. Так что поздравляю вас еще раз, Лестрейд.

– Ну, хватит терять время! – сказал тот, поднимаясь с места. – Я, знаете ли, считаю, что надо работать, а не сидеть у камина и разводить разные там теории. До свидания, мистер Холмс. Посмотрим, кто первым доберется до сути этого дела.

Он собрал принесенную одежду, сунул ее в саквояж и направился к двери.

– Два слова, Лестрейд, – медленно произнес Холмс, обращаясь к спине своего уходящего соперника. – Я могу вам открыть разгадку вашего дела. Леди Сент-Саймон – миф. Ее нет и никогда не было.

Лестрейд обернулся и с грустью взглянул на моего друга. Потом он посмотрел на меня, трижды постучал пальцем по лбу, многозначительно покачал головой и поспешно вышел.

Как только за ним закрылась дверь, Холмс встал и надел пальто.

– В том, что сказал этот субъект, есть доля истины, – заметил он. – Нельзя все время сидеть дома, надо работать. Поэтому, Уотсон, я должен ненадолго оставить вас наедине с вашими газетами.

Шерлок Холмс покинул меня в половине шестого, но я недолго оставался в одиночестве, ибо не прошло и часа, как к нам явился посыльный из гастрономического магазина с большущей коробкой. С помощью мальчика, пришедшего с ним вместе, он распаковал ее, и, к моему великому удивлению, на скромном обеденном столе нашей квартирки появился роскошный холодный ужин. Здесь была парочка холодных вальдшнепов, фазан, паштет из гусиной печенки и несколько пыльных, покрытых паутиной бутылок старого вина. Расставив все эти лакомые блюда, оба посетителя исчезли, подобно духами из «Тысячи и одной ночи», успев сказать только, что за все уплачено и велено доставить по этому адресу.

Около девяти в комнату бодрыми шагами вошел Холмс. Лицо его было серьезно, но в глазах блестел огонек, по которому я сразу угадал, что он не обманулся в своих догадках.

– А, ужин уже на столе! – сказал он, потирая руки.

– Вы, значит, ждете гостей? Они накрыли на пять персон.

– Да, я думаю, что к нам может кое-кто зайти, – ответил он. – Странно, что лорда Сент-Саймона еще нет… Ага! Кажется, я слышу на лестнице его шаги.

Он не ошибся. В комнату быстро вошел наш утренний посетитель, еще сильнее прежнего раскачивая висевший на шнурке лорнет. На его аристократическом лице отражалось сильнейшее смятение.

– Стало быть, мой посыльный застал вас дома? – спросил Холмс.

– Да, но признаюсь, содержание письма поразило меня сверх всякой меры. Есть ли у вас доказательства того, что вы сообщили?

– Есть, и самые веские.

Лорд Сент-Саймон опустился в кресло и провел рукой по лбу.

– Что скажет герцог! – прошептал он. – Что он скажет, когда услышит об унижении, которому подвергся один из членов его семьи!

– Но ведь тут чистейшая случайность. Я никак не могу согласиться, что в этом есть что-нибудь унизительное.

– Ах, вы смотрите на такие вещи с другой точки зрения!

– Я решительно не вижу здесь ничьей вины. Мне кажется, эта леди просто не могла поступить иначе. Конечно, она действовала чересчур стремительно, но ведь у нее нет матери – ей не с кем было посоветоваться в критическую минуту.

– Это оскорбление, сэр, публичное оскорбление! – сказал лорд Сент-Саймон, барабаня пальцами по столу.

– Однако вы должны принять в расчет то исключительно положение, в котором оказалась бедная молодая девушка.

– Я не собираюсь принимать в расчет что бы то ни было. Со мной поступили бесчестно. Я просто вне себя.

– Кажется, звонят, – заметил Холмс. – Да, я слышу шаги на площадке… Что ж, если я не в силах убедить, вас, лорд Сент-Саймон, более снисходительно отнестись ко всему случившемуся, то, может быть, это скорее удастся адвокату, которого я пригласил.

Холмс распахнул дверь и впустил в комнату даму и господина.

– Лорд Сент-Саймон, – сказал он, – позвольте представить вас мистеру и миссис Фрэнсис Хей Маултон. С миссис Маултон вы, кажется, уже знакомы.

При виде новых посетителей наш клиент вскочил с места. Он стоял выпрямившись, опустив глаза, заложив руку за борт сюртука, – воплощение оскорбленного достоинства. Дама подбежала к нему и протянула руку, но он упорно не поднимал глаз. Так было, пожалуй, лучше для него, если он хотел остаться непреклонным: вряд ли кто-нибудь мог бы устоять перед ее умоляющим взглядом.

– Вы сердитесь, Роберт? – сказала она. – Что ж, я понимаю, вы не можете не сердиться.

– Сделайте одолжение, не оправдывайтесь, – с горечью произнес лорд Сент-Саймон.

– Да, да, я знаю, я виновата, мне надо было поговорить с вами перед тем, как уйти, но я словно обезумела и с той самой минуты, как вдруг увидела Фрэнка, уже не сознавала, что делаю и что говорю. Удивительно еще, как это я не упала в обморок перед алтарем!

– Быть может, сударыня, вам угодно, чтобы мы – я и мой друг удалились на то время, пока вы будете объясняться с лордом Сент-Саймоном? – спросил Холмс.

– Если мне будет позволено выказать мое мнение, – вмешался мистер Маултон, – я скажу, что хватит делать тайну из этой истории. Что до меня, так я бы хотел, чтобы вся Европа и вся Америка услышали наконец правду.

Маултон был крепкий, загорелый молодой человек небольшого роста, с резкими чертами лица и быстрыми движениями.

– Ну хорошо, тогда я расскажу, как было дело, – сказала его спутница. – Мы с Фрэнком познакомились в 1881 году на прииске Мак-Квайра, близ Скалистых гор, где папа разрабатывал участок. Мы дали друг другу слово. Но вот однажды папа напал на богатую золотоносную жилу и разбогател, а участок бедного Фрэнка все истощался и в конце концов совсем перестал что-либо давать. Чем богаче становился папа, тем беднее становился Фрэнк. Папа теперь и слышать не хотел о нашем обручении и увез меня во Фриско. Но Фрэнк не сдавался. Он поехал за мной во Фриско, и мы продолжали видеться без ведома папы. Папа страшно рассердился бы, если б узнал об этом, поэтому мы и решили все сами. Фрэнк сказал, что он уедет и тоже наживет состояние и что приедет за мной только тогда, когда у него будет столько же денег, сколько у папы. А я пообещала, что буду ждать его, сколько бы ни понадобилось, и не выйду замуж за другого, пока он жив. «Если так, – сказал мне Фрэнк, – почему бы нам не обвенчаться теперь же? Я буду уверен в тебе, а твоим мужем стану лишь тогда, когда вернусь». Так мы и решили. Он отлично все устроил, священник обвенчал нас, и Фрэнк уехал искать счастья, а я вернулась к папе.

Через некоторое время я узнала, что Фрэнк в Монтане.

Потом он уехал искать золото в Аризону, а следующее известие о нем я получила уже из Нью-Мексико. Потом появилась длинная газетная статья о нападении на прииски индейцев-апачей, и в списке убитых было имя моего Фрэнка. Я потеряла сознание и потом несколько месяцев была тяжело больна. Папа уже думал, что у меня чахотка, и водил меня по всем докторам Фриско. Больше года я ни слова не слыхала о Фрэнке и была совершенно уверена, что он умер. Тут во Фриско приехал лорд Сент-Саймон, потом мы с папой поехали в Лондон, была решена свадьба, и папа был очень доволен, но я все время чувствовала, что ни один мужчина в мире не может занять в моем сердце то место, какое я отдала моему Фрэнку.

И все-таки, если бы я вышла замуж за лорда Сент-Саймона, я была бы ему верной женой. Мы не вольны в нашей любви, но управлять своими поступками в нашей власти. Я шла с ним к алтарю с твердым намерением исполнить свой долг, насколько это было в моих силах. Но вообразите себе, что я почувствовала, когда, подойдя к алтарю и оглянувшись, вдруг увидела Фрэнка. Он стоял возле первой скамьи и смотрел прямо на меня. Сначала я подумала, что это призрак. Но когда я оглянулась снова, он по-прежнему стоял там и взглядом словно спрашивал, рада я, что вижу его, или нет. Удивляюсь, как я не упала в обморок. Все кружилось передо мной, и слова священника доносились до меня, точно жужжание пчелы. Я не знала, как быть. Остановить брачную церемонию, решиться на скандал в церкви? Я снова взглянула на него и, должно быть, он прочитал мои мысли, потому что приложил палец к губам, как бы советуя молчать. Потом я увидела, как он

торопливо пишет что-то на клочке бумаги, и поняла, что эта записка предназначалась мне. Проходя мимо него я уронила букет, и он, возвращая цветы, успел сунуть мне в руку записку. В ней было всего несколько слов: он просил, чтобы я вышла к нему, как только он подаст знак. У меня, конечно, не было и тени сомнения, что теперь мой главный долг – повиноваться ему и делать все, что он скажет.

Придя домой, я все рассказала моей служанке, которая знала Фрэнка еще в Калифорнии и очень любила его. Я велела ей молчать обо всем, сложить кое-что из самых необходимых вещей и приготовить мне пальто. Я знаю, мне следовало бы поговорить с лордом Сент-Саймоном, но это было так трудно в присутствии его матери и всех этих важных гостей! И я решила, что сначала убегу, а потом уже объяснюсь с ним. Мы просидели за столом минут десять, не больше, я вот, глядя в окно, я увидела Фрэнка, стоявшего на противоположном тротуаре. Он кивнул мне и зашагал по направлению к парку. Я вышла из столовой, накинула пальто и пошла вслед за ним. На улице ко мне подошла какая-то женщина и начала рассказывать что-то о лорде Сент-Саймоне. Я почти не слушала ее, но все же уловила, что у него тоже была какая-то тайна до нашей женитьбы. Вскоре мне удалось отделаться от этой женщины, и я нагнала Фрэнка. Мы сели в кэб и поехали на Гордон-сквер, где он успел снять квартиру, и это была моя настоящая свадьба после стольких лет ожидания. Фрэнк, оказывается, попал в плен к апачам, бежал, приехал во Фриско, узнал, что я, считая его умершим, уехала в Англию, поспешил вслед за мной сюда и наконец разыскал меня как раз в день моей второй свадьбы.

– Я прочитал о венчании в газетах, – пояснил американец.

– Там было указано название церкви и имя невесты, но не было ее адреса.

– Потом мы начали советоваться, как нам поступить. Фрэнк с самого начала стоял за то, чтобы ничего не скрывать, но мне было так стыдно, что захотелось исчезнуть и никогда больше не встречать никого из этих людей, разве только написать несколько слов папе, чтоб он знал, что я жива и здорова. Я с ужасом представляла себе, как все эти лорды и леди сидят за свадебным столом и ждут моего возвращения. Итак, Фрэнк взял мое подвенечное платье и остальные вещи, связал их в узел, чтобы никто не мог выследить меня, и отнес в такое место, где никто не мог бы их найти. По всей вероятности, мы завтра же уехали бы в Париж, если бы сегодня к нам не пришел этот милый джентльмен, мистер Холмс, хотя каким чудом он нас нашел, просто уму непостижимо. Он доказал нам – очень убедительно и мягко, – что я была не права, а Фрэнк прав и что мы сами себе повредим, если будем скрываться. Потом он сказал, что может предоставить нам возможность поговорить с лордом Сент-Саймоном без свидетелей, и вот мы здесь. Теперь, Роберт, вы знаете все. Мне очень, очень жаль, если я причинила вам горе, но я надеюсь, что вы будете думать обо мне не так уж плохо.

Лорд Сент-Саймон слушал этот длинный рассказ все с тем же напряженным и холодным видом. Брови его были нахмурены, а губы сжаты.

– Прошу извинить меня, – сказал он, – но не в моих правилах обсуждать самые интимные свои дела в присутствии посторонних.

– Так вы не хотите простить меня? Не хотите пожать мне руку на прощание?

– Нет, почему же, если это может доставить вам удовольствие.

И он холодно пожал протянутую ему руку.

– Я полагал, – начал было Холмс, – что вы не откажетесь поужинать с нами.

– Право, вы требуете от меня слишком многого, – возразил достойный лорд. – Я вынужден примириться с обстоятельствами, но вряд ли можно ожидать, чтобы я стал радоваться тому, что произошло. С вашего позволения, я пожелаю вам приятного вечера.

Он сделал общий поклон и торжественно удалился.

– Но вы-то, надеюсь, удостоите меня своим обществом, – сказал Шерлок Холмс. – Мне, мистер Маултон, всегда приятно видеть американца, ибо я из тех, кто верит, что недомыслие монарха и ошибки министра[22], имевшего место в давно минувшие годы, не помешают нашим детям превратиться когда-нибудь в граждан некой огромной страны, у которой будет единый флаг – англо-американский.

– Интересный выдался случай, – заметил Холмс, когда гости ушли. – Он с очевидностью доказывает, как просто можно иной раз объяснить факты, которые на первый взгляд представляются почти необъяснимыми. Что может быть проще и естественнее ряда событий, о которых нам рассказала молодая леди? И что может быть удивительнее

---

[22] Холмс имеет в виду английского короля Георга III (1738-1820) и премьер-министра Фредерика-Норта (1732-1792). Политика Георга III и Норта привела к конфликту, а затем к войне с американскими колониями.

тех выводов, которые легко сделать, если смотреть на вещи, скажем, с точки зрения мистера Лестрейда из Скотланд-Ярда!

– Так вы, значит, были на правильном пути с самого начала?

– Для меня с самого начала были очевидны два факта: первый – что невеста шла к венцу совершенно добровольно и второй – что немедленно после венчания она уже раскаивалась о своем поступке. Ясно как день, что за это время произошло нечто, вызвавшее в ней такую перемену. Что же это могло быть? Разговаривать с кем-либо вне дома у нее не было возможности, потому что жених ни на секунду не расставался с нею. Но, может быть, она встретила кого-нибудь? Если так, это мог быть только какой-нибудь американец: ведь в Англии она совсем недавно и вряд ли кто-нибудь здесь успел приобрести над ней такое огромное влияние, чтобы одним своим появлением заставить ее изменить все планы. Итак, методом исключения мы уже пришли к выводу, что она встретила какого-то американца. Но кто же он был, этот американец, и почему встреча с ним так подействовала на нее? По-видимому, это был либо возлюбленный, либо муж. Юность девушки прошла, как известно, среди суровых людей в весьма своеобразной обстановке. Все это я понял еще до рассказа лорда Сент-Саймона. А когда он сообщил нам о мужчине, оказавшемся в церкви, о том, как невеста переменила свое обращение с ним самим, как она уронила букет – испытанный способ получения записок, – о разговоре леди Сент-Саймон с любимой горничной и о ее многозначительном намеке на «захват чужого участка» (а на языке

золотопромышленников это означает посягательство на то, чем уже завладел другой), все стало для меня совершенно ясно. Она сбежала с мужчиной, и этот мужчина был либо ее возлюбленным, либо мужем, причем последнее казалось более вероятным.

– Но каким чудом вам удалось разыскать их?

– Это, пожалуй, было бы трудновато, но мой друг Лестрейд, сам того не понимая, оказался обладателем ценнейшей информации. Инициалы, разумеется, тоже имели большое значение, но еще важнее было узнать, что на этой неделе человек с такими инициалами останавливался в одной из лучших лондонских гостиниц.

– А как вы установили, что это была одна из лучших?

– Очень просто: по ценам. Восемь шиллингов за номер и восемь пенсов за стакан хереса берут только в первоклассных гостиницах, а их в Лондоне не так много. Уже во второй гостинице, которую я посетил, на Нортумберленд-авеню, я узнал из книги для приезжающих, что некто мистер Фрэнсис Х. Маултон, из Америки, выехал оттуда как раз накануне. А просмотрев его счета, я нашел те самые цифры, которые видел в копии счета. Свою корреспонденцию он распорядился пересылать по адресу: Гордон-сквер, 226, куда я и направился. Мне посчастливилось застать влюбленную пару дома, и я отважился дать молодым несколько отеческих советов. Мне удалось доказать им, что они только выиграют, если разъяснят широкой публике и особенно лорду Сент-Саймону, создавшееся положение. Я пригласил их сюда, пообещав им встречу с лордом, и, как видите, мне удалось убедить его явиться на это свидание

– Но результаты не блестящи, – заметил я. – Он бы не слишком любезен.

– Ах, Уотсон, – с улыбкой возразил мне Холмс, – пожалуй, вы тоже были бы не слишком любезны, если бы после всех хлопот, связанных с ухаживанием и со свадьбой, оказались вдруг и без жены, и без состояния. По-моему, мы должны быть крайне снисходительны к лорду Сент-Саймону и благодарить судьбу за то, что, по всей видимости, никогда не окажемся в его положении… Передайте мне скрипку и садитесь поближе. Ведь теперь у нас осталась неразгаданной только одна проблема – как мы будем убивать время в эти темные осенние вечера.

ЧЕЛОВЕК С РАССЕЧЕННОЙ ГУБОЙ

Айза Уитни приучился курить опий[23]. Еще в колледже, прочитав книгу де Куинси[24], в которой описываются сны и ощущения курильщика опия, он начал подмешивать опий к своему табаку, чтобы пережить то, что пережил этот писатель. Как и многие другие, он скоро убедился, что начать курить гораздо легче, чем бросить, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, внушая сожаление и ужас всем своим друзьям. Я так и вижу перед собой его желтое, одутловатое лицо, его глаза с набрякшими веками и сузившимися зрачками, его тело, бессильно лежащее в кресле, – жалкие развалины человека.

Однажды вечером, в июне 1889 года, как раз в то время,

---

[23] Опий или опиум – высушенный сок мака.

[24] Томас де Куинси – английский писатель (1785-1859), автор известной книги «Исповедь одного англичанина, употреблявшего опий».

когда начинаешь уже зевать и посматривать на часы, в квартире моей раздался звонок. Я выпрямился в кресле, а жена, опустив свое шитье на колени, недовольно поморщилась.

– Пациент! – сказала она. – Тебе придется идти к больному.

Я вздохнул, потому что незадолго до этого вернулся домой после целого дня утомительной работы.

Мы услышали шум отворяемой двери и чьи-то торопливые шаги в коридоре. Дверь нашей комнаты распахнулась, и вошла дама в темном платье, с черной вуалью на лице.

– Извините, что я ворвалась так поздно, – начала она и вдруг, потеряв самообладание, бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече. – Ох, у меня такое горе! – воскликнула она. – Мне так нужна помощь!

– Да ведь это Кэт Уитни, – сказала жена, приподняв ее вуаль. – Как ты испугала меня, Кэт! Мне и в голову не пришло, что это ты.

– Я обращаюсь к тебе, потому что не знаю, что делать.

Это было обычным явлением. Люди, с которыми случалась беда, устремлялись к моей жене, как птицы к маяку.

– И правильно поступила. Садись поудобнее, выпей вина с водой и рассказывай, что случилось. Может быть, ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?

– О нет, нет! От доктора я тоже жду совета и помощи. Дело идет об Айзе. Вот уже два дня, как его нет дома. Я так боюсь за него!

Не в первый раз беседовала она с нами о своем несчастном муже – со мной как с доктором, а с женой как со

своей старой школьной подругой. Мы утешали и успокаивали ее как могли. Знает ли она, где находится ее муж? Нельзя ли съездить за ним и привезти его домой?

Оказалось, что это вполне возможно. Ей было известно, что за последнее время он обычно курил опий в притоне, который находился на одной из восточных улиц Сити. До сих пор его оргии всегда ограничивались одним днем и к вечеру он возвращался домой в полном изнеможении, совершенно разбитый, но на этот раз он отсутствует уже сорок восемь часов и, конечно, лежит там среди всяких подозрительных личностей, сдыхая яд или отсыпаясь после курения. Она была убеждена, что он находился именно там, в «Золотом самородке» на Эппер-Суондем-лейн. Но что она может сделать? Как может она, молодая, застенчивая, робкая женщина, войти в такое место и вырвать своего мужа из толпы подонков?

Не пойти ли нам с ней вместе? Впрочем, зачем ей идти? Я лечил Айзу Уитни и, как доктор, мог повлиять на него. Без нее мне будет легче справиться с ним. Я дал ей слово, что в течение ближайших двух часов усажу ее мужа в кэб и отправлю домой, если он действительно находится в «Золотом самородке».

Через десять минут, покинув уютную гостиную, я уже мчался в экипаже на восток. Я знал, что мне предстоит довольно необычное дело, но в действительности оно оказалось еще более странным, чем я ожидал.

Сначала все шло хорошо. Эппер-Суондем-лейн – грязный переулок, расположенный позади высоких верфей, которые тянутся на восток вдоль северного берега реки, вплоть до Лондонского моста. Притон, который я разы-

скивал, находился в подвале между грязной лавкой и кабаком; в эту черную дыру, как в пещеру, вели крутые ступени. Посередине каждой ступеньки образовалась ложбинка – такое множество пьяных ног спускалось и поднималось по ним.

Приказав кэбу подождать, я спустился вниз. При свете мигающей керосиновой лампочки, висевшей над дверью, я отыскал щеколду и вошел в длинную низкую комнату, полную густого коричневого дыма; вдоль стен тянулись деревянные нары, как на баке эмигрантского корабля.

Сквозь мрак я не без труда разглядел безжизненные тела, лежащие в странных, фантастических позах: со сгорбленными плечами, с поднятыми коленями, с запрокинутыми головами, с торчащими вверх подбородками. То там, то тут замечал я темные, потухшие глаза, бессмысленно уставившиеся на меня. Среди тьмы вспыхивали крохотные красные огоньки, тускневшие по мере того, как уменьшалось количество яда в маленьких металлических трубках. Большинство лежали молча, но иные бормотали что-то себе под нос, а иные вели беседы странными низкими монотонными голосами, то возбуждаясь и торопясь, то внезапно смолкая, причем никто не слушал своего собеседника – всякий был поглощен лишь собственными мыслями. В самом дальнем конце подвала стояла маленькая жаровня с пылающими углями, возле которой на трехногом стуле сидел высокий, худой старик, опустив подбородок на кулаки, положив локти на колени и неподвижно глядя в огонь.

Как только я вошел, ко мне кинулся смуглый малаец, протянул мне трубку, порцию опия и показал свободное место на нарах.

– Спасибо, я не могу здесь остаться, – сказал я. – Здесь находится мой друг, мистер Айза Уитни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня что-то шевельнулось, я услышал чье-то восклицание и, вглядевшись во тьму, увидел Уитни, который пристально смотрел на меня, бледный, угрюмый и какой-то встрепанный.

– Боже, да это Уотсон! – проговорил он.

Он находился в состоянии самой плачевной реакции после опьянения.

– Который теперь час, Уотсон?

– Скоро одиннадцать.

– А какой нынче день?

– Пятница, девятнадцатое июня.

– Неужели? А я думал, что еще среда. Нет, сегодня среда. Признайтесь, что вы пошутили. И что вам за охота пугать человека!

Он закрыл лицо ладонями и зарыдал.

– Говорю вам, что сегодня пятница. Ваша жена ждет вас уже два дня. Право, вам должно быть стыдно!

– Я и стыжусь. Но вы что-то путаете, Уотсон, я здесь всего несколько часов. Три трубки… четыре трубки… забыл сколько! Но я поеду с вами домой. Я не хочу, чтобы Кэт волновалась… Бедная маленькая Кэт! Дайте мне руку. Есть у вас кэб?

– Есть. Ждет у дверей.

– В таком случае, я уеду сейчас же. Но я им должен. Узнайте, сколько я должен, Уотсон. Я совсем размяк и ослабел. Нет сил даже расплатиться.

По узкому проходу между двумя рядами спящих, за-

держивая дыхание, чтобы не вдыхать одуряющих паров ядовитого зелья, я отправился разыскивать хозяина. Поравнявшись с высоким стариком, сидевшим у жаровни, я почувствовал, что меня кто-то дергает за пиджак, и услышал шепот:

– Пройдите мимо меня, а потом оглянитесь.

Эти слова я расслышал вполне отчетливо. Их мог произнести только находившийся рядом со мной старик. Однако у него по-прежнему был такой вид, будто он погружен в себя и ничего кругом не замечает. Он сидел тощий, сморщенный, согбенный под тяжестью лет; трубка с опием висела у него между колен, словно вывалившись из его обессиленных пальцев. Я сделал два шага вперед и оглянулся. Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не вскрикнуть от удивления. Он повернулся так, что лица его не мог видеть никто, кроме меня. Спина его выпрямилась, морщины разгладились, в тусклых глазах появился их обычный блеск. Возле огня сидел, посмеиваясь над моим удивлением, не кто иной, как Шерлок Холмс. Он сделал мне украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и опять превратился в дрожащего старика с отвислой губой.

– Холмс! – прошептал я. – Что делаете вы в этом притоне?

– Говорите как можно тише, – прошептал он, – у меня превосходный слух. Если вы избавитесь от вашего ошалелого друга, я буду счастлив немного побеседовать с вами.

– Меня за дверью ждет кэб.

– Так отправьте вашего друга домой одного в этом кэбе. Вы можете за него не бояться, так как он слишком слаб,

чтобы впутаться в какой-нибудь скандал. Будет лучше всего, если вы пошлете с кучером записку вашей жене, что вы встретили меня и остались со мной. Подождите меня на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу: его требования всегда так определенны и точны и выражены таким повелительным тоном. К тому же я чувствовал, что, как только я усажу Уитни в кэб, я уже выполню все свои обязательства по отношению к нему и мне уже ничто не помешает принять участие в одном из тех необычайных приключений, которые составляли повседневную практику моего знаменитого друга.

Помогать Шерлоку Холмсу в его изысканиях было для меня наивысшим счастьем. Поэтому я тотчас же написал записку жене, заплатил за Уитни, усадил его в кэб и стал терпеливо ждать неподалеку от дома. Кэб сразу же скрылся во мраке. Через несколько минут из курильни вышел старик, и я зашагал за ним по улице. Два квартала он прошел не разгибая спины и неуверенно шаркая старческими ногами. Потом торопливо оглянулся, выпрямился и от души захохотал. Предо мною был Шерлок Холмс.

– Вероятно, Уотсон, – оказал он, – вы вообразили, что я пристрастился к курению опия.

– По правде сказать, я действительно был удивлен, когда увидел вас в этой трущобе.

– И все же я удивился еще больше, чем вы, когда увидел в этой трущобе вас.

– Я искал там друга.

– А я – врага.

– Врага?

– Да. Короче говоря, Уотсон, я занят чрезвычайно любопытным делом и надеялся узнать кое-что из бессвязной болтовни очумелых курильщиков опия. Прежде мне это иногда удавалось. Если бы меня узнали в той трущобе, жизнь моя не стоила бы медяка, так как я уже бывал там не раз и негодяй ласкар[25], хозяин притона, поклялся расправиться со мною. На задворках этого дома, возле верфи святого Павла, есть потайная дверца, которая могла бы порассказать много диковинных историй о том, что выбрасывают через нее в черные, безлунные ночи.

– Неужели трупы?

– Да, Уотсон, трупы. Мы с вами были бы миллионерами, если бы получили по тысяче фунтов за каждого несчастного, убитого в этом притоне. Это самая страшная ловушка на всем берегу реки, и я опасаюсь, что Невилл Сент-Клэр, попавший в нее, никогда не вернется домой. Но мы тоже устроим ловушку.

Шерлок Холмс сунул два пальца в рот и резко свистнул. Тотчас же издалека донесся такой же свист, а затем мы услышали грохот колес и стук копыт.

– Ну что же, Уотсон, – сказал Холмс, когда из темноты вынырнула двуколка с двумя фонарями, бросавшими яркие полосы света, – поедете вы со мною?

– Если буду вам полезен…

– Верный товарищ всегда полезен. В моей комнате в «Кедрах» имеются две кровати.

– В «Кедрах»?

– Да. Так называется дом мистера Сент-Клэра. Я буду жить в его доме, пока не распутаю это дело.

---

[25] Ласкар – матрос-индус.

– Где же этот дом?

– В Кенте, неподалеку от Ли. Нам нужно проехать семь миль.

– Ничего не понимаю.

– Вполне естественно. Сейчас я вам все объясню. Садитесь… Хорошо, Джон, вы нам больше не нужны. Вот вам полкроны. Ждите меня завтра часов в одиннадцать. Дайте мне вожжи. Прощайте.

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным темным, пустынным улицам и наконец очутились на каком-то широком мосту, под которым медленно текли мутные воды реки. За мостом были такие же улицы с кирпичными домами; тишина этих улиц нарушалась только тяжелыми размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздалых гуляк.

Черные тучи медленно ползли по небу, и в разрывах между ними то там, то здесь тускло мерцали звезды. Холмс молча правил лошадью, в глубокой задумчивости опустив голову на грудь, а я сидел рядом с ним, стараясь отгадать, что занимает его мысли, и не смея прервать его раздумье. Мы проехали несколько миль и уже пересекали пояс пригородных вилл, когда он наконец очнулся, передернул плечами и закурил трубку.

– Вы наделены великим талантом молчания, Уотсон, – сказал он. – Благодаря этой способности вы незаменимый товарищ. Однако сейчас мне нужен человек, с которым я мог бы поболтать, чтобы разогнать неприятные мысли. Представления не имею, что я скажу этой маленькой милой женщине, когда она встретит меня на пороге.

– Вы забываете, что я ничего не знаю.

– У меня как раз хватит времени рассказать вам все, пока мы доедем до Ли. Дело кажется до смешного простым, а между тем я не знаю, как за него взяться. Нитей много, но ни за одну из них я не могу ухватиться как следует. Я расскажу вам все, Уотсон, и, быть может, вам удастся найти хоть искру света в окружающем мраке.

– Рассказывайте.

– Несколько лет назад – точнее, в мае 1884 года – в Ли появился джентльмен по имени Невилл Сент-Клэр, который, видимо, имел много денег. Он снял большую виллу, разбил вокруг нее прекрасный сад и зажил на широкую ногу, по-барски. Мало-помалу он подружился с соседями и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой теперь имеет уже двоих детей. Определенных занятий у него нет, но он принимает участие в нескольких коммерческих предприятиях и обычно каждое утро ездит в город, возвращаясь оттуда с поездом 5.14. Мистеру Сент-Клэру теперь тридцать семь лет. Живет он скромно; он хороший муж и любящий отец; люди, встречавшиеся с ним, отзываются о нем превосходно. Могу еще прибавить, что долгов у него всего восемьдесят восемь фунтов десять шиллингов, а в банке на его текущем счету двести двадцать фунтов стерлингов. Следовательно, нет оснований предполагать какие-нибудь денежные затруднения.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клэр отправился в город раньше обычного, сказав перед отъездом, что у него два важных дела и что он привезет своему сынишке коробку с кубиками. Случайно в тот же самый понедельник, вскоре после его отъезда, жена его получила телеграмму, что на ее имя в Эбердинском пароходном

обществе получена небольшая, но весьма ценная посылка, которую она ожидала уже давно. Если вы хорошо знаете Лондон, вам известно, что контора этого пароходного общества помещается на Фресно-стрит, которая упирается в Эппер-Суондем-лейн, где вы нашли меня сегодня вечером. Миссис Сент-Клэр позавтракала, отправилась в город, сделала кое-какие покупки, заехала в кантору общества, получила там свою посылку и в четыре часа тридцать пять минут шла по Суондем-лейн, направляясь к вокзалу… До сих пор вам все ясно, не правда ли?

– Конечно, здесь нет ничего непонятного.

– Если помните, в понедельник было очень жарко, и миссис Сент-Клэр шла медленно, поглядывая, нет ли где кэба, так как ей очень не понравился район города, в котором она очутилась. И вот, идя по Суондем-лейн, она внезапно услышала крик и вся похолодела, увидев своего мужа, который смотрел на нее из окна второго этажа какого-то дома и, как ей показалось, жестами звал ее к себе. Окно было раскрыто, и она ясно разглядела лицо мужа, показавшееся ей чрезвычайно взволнованным. Он протянул к ней обе руки и вдруг исчез так внезапно, будто его насильно оттащили от окна. Однако ее зоркий женский взгляд успел заметить, что, хотя он одет в тот же черный пиджак, в котором он уехал из дому, на нем нет ни воротничка, ни галстука.

Уверенная, что с мужем случилась беда, она сбежала вниз по ступенькам (дом был тот самый, в котором помещается трущоба, где вы нашли меня нынче вечером) и, пробежав через переднюю комнату, попыталась подняться по лестнице, ведущей в верхние этажи. Но у лестницы она

наткнулась на негодяя ласкара, о котором я вам сейчас говорил. Ласкар с помощью своего подручного выставил ее на улицу. У него есть подручный, датчанин. Обезумев от ужаса, она побежала по улице и, к счастью, на Фресно-стрит встретила полицейских, которые совершали обход во главе с инспектором.

Инспектор с двумя констеблями последовал за миссис Сент-Клэр, и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, им удалось проникнуть в ту комнату, в окне которой она видела мужа. Но здесь его не оказалось. Во всем этаже не нашли никого, кроме какого-то калеки отвратительной внешности, который, видимо, там и живет. И он и ласкар упорно клялись, что тут никого больше не было. Они так решительно все отрицали, что инспектор стал было уже сомневаться, не ошиблась ли миссис Сент-Клэр, как вдруг она с криком кинулась к небольшому деревянному ящичку, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Из ящичка посыпались детские кубики. То была игрушка, которую ее муж обещал привезти из города.

Эта находка и внезапное смущение калеки убедили инспектора в серьезности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и обыск привел к открытию гнусного преступления.

Убранство этой квартиры, конечно, убогое. Передняя комната представляет собою что-то вроде гостиной, а рядом с ней помещается небольшая спальня, окно которой выходит на задворки одной из верфей. Между верфью и окном спальни есть узкий канал, который высыхает во время отлива, а во время прилива наполняется водой на четыре с половиной фута. Окно в спальне широкое и открывается снизу.

При осмотре были обнаружены на подоконнике следы крови; несколько кровавых пятен нашли также и на деревянном полу. За шторой в передней комнате удалось обнаружить всю одежду мистера Невилла Сент-Клэра. Не было только его пиджака. Его ботинки, его носки, его шляпа, его часы – все оказалось тут. На одежде не нашли никаких следов насилия. Но сам мистер Невилл Сент-Клэр бесследно исчез. Исчезнуть он мог только через окно, и зловещие кровавые пятна на подоконнике ясно указывали, что вряд ли ему удалось спастись вплавь, тем более что в тот час, когда совершалась трагедия, прилив достиг наивысшего уровня.

Теперь обратимся к негодяям, на которых падает подозрение. Ласкар известен как человек с темным прошлым, но из рассказа миссис Сент-Клэр мы знаем, что через несколько мгновений после появления ее мужа в окне он находился внизу, и, следовательно, его можно считать лишь соучастником преступления. Он отрицает всякую свою причастность к этому делу. По его словам, у него нет ни малейшего представления о том, чем вообще занимается его жилец, Хью Бун. Появление в комнате одежды пропавшего джентльмена – для него полнейшая загадка.

Вот все, что известно о хозяине-ласкаре. Теперь обратимся к угрюмому калеке, который живет во втором этаже над притоном и безусловно является последним человеком, видевшим Невилла Сент-Клэра. Его зовут Хью Бун, и его безобразное лицо хорошо знает всякий, кому приходится часто бывать в Сити. Он профессиональный нищий; впрочем, для того чтобы обойти полицейские правила, он делает вид, будто продает восковые спички.

Как вы, вероятно, не раз замечали, на левой стороне Трэд-Нидл-стрит есть ниша. В этой нише сидит калека, поджав ноги и разложив у себя на коленях несколько спичечных коробков; вид его вызывает сострадание, и дождь милостыни так и льется в грязную кожаную кепку, которая лежит перед ним на мостовой. Я не раз наблюдал за ним, еще не предполагая, что нам когда-нибудь придется познакомиться с ним, как с преступником, и всегда удивлялся тому, какую обильную жатву он собирает в самое короткое время. У него такая незаурядная внешность, что никто не может пройти мимо, не обратив на него внимания. Оранжево-рыжие волосы, бледное лицо, изуродованное чудовищным шрамом, нижний конец которого рассек надвое верхнюю губу, бульдожий подбородок и проницательные темные глаза, цвет которых представляет такой резкий контраст со цветом его волос, – все это выделяет его из серой толпы попрошаек. У него всегда наготове едкая шутка для каждого, кто, проходя мимо, попытается задеть его насмешливым словом.

Таков обитатель верхнего этажа этой подозрительней курильни… После него никто уже не видел джентльмена, которого мы разыскиваем.

– Но ведь он калека! – сказал я. – Как мог он один совладать с сильным, мускулистым молодым человеком?

– У него искалечена только нога, и он слегка прихрамывает на ходу, вообще же он здоровяк и силач. Вы, Уотсон, как медик, конечно, знаете, что часто слабость одной конечности возмещается необычайной силой других.

– Пожалуйста, рассказывайте дальше.

– При виде крови на подоконнике миссис Сент-Клэр

стало дурно, и ее отправили домой в сопровождении полицейского, тем более что для дальнейшего расследования ее присутствие не было необходимо. Инспектор Бартон, принявший на себя ведение этого дела, тщательно обыскал весь притон, но не нашел ничего нового. Сделали ошибку: не арестовали Буна в первую же минуту и тем самым предоставили ему возможность в течение нескольких минут обменяться двумя-тремя словами со своим другом, ласкаром. Однако ошибка эта была скоро исправлена: Буна схватили и обыскали. Но обыск не дал никаких улик против него. Правда, на правом рукаве его рубашки оказались следы крови, но он показал полицейским свой безымянный палец, на котором был порез возле самого ногтя, и прибавил, что следы крови на подоконнике, вероятно, являются следствием того же пореза, так как он подходил к окну, когда у него из пальца шла кровь. Он упорно утверждал, что никогда не видел мистера Сент-Клэра, и клялся, что присутствие одежды этого джентльмена у него в комнате – такая же тайна для него, как и для полиции. А когда ему передали, что миссис Сент-Клэр видела своего мужа в окне его комнаты, он сказал, что это ей либо почудилось в припадке безумия, либо просто приснилось. Буна отвели в участок. Он громко протестовал. Инспектор остался поджидать отлива, надеясь обнаружить на дне канала какие-нибудь новые улики. И действительно, в липкой грязи, на самом дне, нашли кое-что, но совсем не то, что они с таким страхом ожидали найти. Когда отхлынула вода, они обнаружили в канале не самого Невилла Сент-Клэра, а лишь пиджак Невилла Сент-Клэра. И как вы думаете, что они нашли в карманах пиджака?

– Представить себе не могу.

– Я и не думаю, чтобы вы могли угадать. Все карманы были набиты монетами в пенни и в полпенни – четыреста двадцать одно пенни и двести семьдесят полпенни. Неудивительно, что отлив не унес пиджака. А вот труп – дело другое. Между домом и верфью очень сильное течение. Вполне допустимо, что труп был унесен в реку, в то время как тяжеловесный пиджак остался на дне.

– Но, если не ошибаюсь, всю остальную одежду нашли в комнате. Неужели на трупе был один лишь пиджак?

– Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил Невилла Сент-Клэра через окно и этого никто не видел. Что стал бы он делать дальше? Естественно, что первым долгом он попытался бы избавиться от одежды, которая могла его выдать. Он берет пиджак, хочет выбросить его за окно, но тут ему приходит в голову, что пиджак не потонет, а поплывет. Он страшно торопится, ибо слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клэра требует, чтобы ее пустили к мужу, да вдобавок, быть может, его сообщник ласкар предупреждает его о приближении полиции. Нельзя терять ни минуты. Он кидается в укромный угол, где спрятаны плоды его нищенства, и набивает карманы пиджака первыми попавшимися под руку монетами. Затем он выбрасывает пиджак и хочет выбросить остальные вещи, но слышит шум шагов на лестнице и перед появлением полиции едва успевает захлопнуть окно.

– Это правдоподобно.

– Примем это как рабочую гипотезу, за неимением лучшего… Бун, как я вам уже говорил, был арестован и

приведен в участок. Прежняя его жизнь, в сущности, безупречна. Правда, в продолжение многих лет он был известен как профессиональный нищий, но жил спокойно и ни в чем дурном замечен не был.

Вот в каком положении находится все это дело в настоящее время. Как видите, по-прежнему остаются нерешенными вопросы о том, что делал Невилл Сент-Клэр в этой курильне опия, что там с ним случилось, где он теперь и какое отношение имеет Хью Бун к его исчезновению. Должен признаться, что не помню случая в моей практике, который на первый взгляд казался бы таким простым и был бы в действительности таким трудным.

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этих удивительных происшествий, мы миновали предместье огромного города, оставили позади последние дома и покатили по дороге, с обеих сторон которой тянулись деревенские плетни. Как раз к тому времени, как мы очутились в деревне, весь его рассказ был закончен. Кое-где в окнах мерцали огни.

– Мы въезжаем в Ли, – сказал мой приятель. – За время нашего небольшого путешествия мы побывали в трех графствах Англии: выехали из Миддлсекса, пересекли угол Сэрри и приехали в Кент. Видите те огоньки между деревьями? Это «Кедры». Там возле лампы сидит женщина, настороженный слух которой несомненно уже уловил стук копыт нашей лошади.

– Отчего, ведя это дело, вы живете тут, а не на Бейкер-стрит? – спросил я.

– Оттого, что многое приходится расследовать здесь… Миссис Сент-Клэр любезно предоставила в мое распоря-

жение две комнаты, и можете быть уверены, что она будет рада оказать гостеприимство моему другу, помогающему мне в моих розысках. О, как тяжело мне встречаться с ней, Уотсон, пока я не могу сообщить ей ничего нового о ее муже! Приехали! Тпру!..

Мы остановились перед большой виллой, окруженной садом. Передав лошадь выбежавшему нам навстречу конюху, мы с Холмсом пошли к дому по узенькой дорожке, посыпанной гравием. При нашем приближении дверь распахнулась, и у порога появилась маленькая белокурая женщина в светлом шелковом платье с отделкой из пышного розового шифона. Одной рукой она держалась за дверь, а другую подняла в нетерпении; нагнувшись вперед, полураскрыв губы, жадно глядя на нас, она, казалось, всем своим обликом спрашивала, что нового мы ей привезли.

– Ну? – громко спросила она.

Заметив, что нас двое, она радостно вскрикнула, но крик этот превратился в стон, когда товарищ мой покачал головой и пожал плечами.

– Узнали что-нибудь хорошее?

– Нет.

– А дурное?

– Тоже нет.

– И то слава богу. Но входите же. У вас был трудный день, вы, наверно, устали.

– Это мой друг, доктор Уотсон. Он был чрезвычайно полезен мне во многих моих расследованиях, и, по счастливой случайности, мне удалось привезти его сюда, чтобы воспользоваться его помощью в наших поисках.

– Рада вас видеть, – сказал она, приветливо пожимая

мне руку. – Боюсь, что вам покажется у нас неуютно. Ведь вы знаете, какой удар внезапно обрушился на нашу семью…

– Сударыня, – сказал я, – я отставной солдат, привыкший к походной жизни, но, право, если бы даже я не был солдатом, вам не в чем было бы извиняться передо мною. Буду счастлив, если мне удастся принести пользу вам или моему другу.

– Мистер Шерлок Холмс, – сказала она, вводя нас в ярко освещенную столовую, где нас поджидал холодный ужин, – я хочу задать вам несколько откровенных вопросов и прошу вас ответить на них так же прямо и откровенно.

– Извольте, сударыня.

– Не щадите моих чувств. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я хочу знать ваше настоящее, подлинное мнение.

– О чем?

– Верите ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, видимо, был смущен этим вопросом.

– Говорите откровенно, – повторила она, стоя на ковре и пристально глядя Холмсу в лицо.

– Говоря откровенно, сударыня, не верю.

– Вы думаете, что он умер?

– Да, думаю.

– Убит?

– Я этого не утверждаю.

– В какой же день он умер?

– В понедельник.

– В таком случае, мистер Холмс, будьте любезны объяснить мне, каким образом я могла получить от него сегодня это письмо?

Шерлок Холмс вскочил с кресла, словно его ударило электрическим током.

– Что? – закричал он.

– Да, сегодня.

Она улыбалась, держа в руке листок бумаги.

– Можно прочитать?

– Пожалуйста.

Он выхватил письмо у нее из рук, разложил его на столе, разгладил и принялся внимательно рассматривать. Я поднялся с кресла и стал смотреть через его плечо. Конверт был простой, конторский; на конверте стоял почтовый штемпель Гревзенда; на штемпеле – сегодняшнее или, вернее, вчерашнее число, так как полночь уже миновала.

– Грубый почерк, – пробормотал Холмс. – Уверен, что это почерк не вашего мужа, сударыня.

– Да, на конверте чужой почерк, но внутри – почерк моего мужа.

– Человеку, который надписывал конверт, пришлось наводить справки о вашем адресе.

– Откуда вы это знаете?

– Имя на конверте, как видите, выделяется своей чернотой, потому что чернила, которыми оно написано, высохли сами собою. Адрес же бледноват, потому что к нему прикладывали пресс-папье. Если бы надпись на конверте была сделана сразу и если бы ее всю высушили пресс-папье, все слова были бы одинаково серы. Этот человек написал на конверте сперва только ваше имя и лишь спустя некоторое время приписал к нему адрес, из чего можно заключить, что адрес не был ему вначале известен. Конечно, это пустяк, но в моей профессии нет ничего

важнее пустяков. Дайте мне взглянуть на письмо… Ага! Туда было что-то вложено.

– Да, там было кольцо. Его кольцо с печатью.

– А вы уверены, что это почерк вашего мужа?

– Один из его почерков.

– Один из его почерков?

– Его почерк, когда он пишет второпях. Обычно он пишет совсем иначе, но и этот его почерк мне хорошо знаком.

– «Дорогая, не волнуйся. Все кончится хорошо. Произошла ошибка, на исправление которой требуется некоторое время. Жди терпеливо. Невилл»… Написано карандашом на листке, вырванном из блокнота. Гм! Отправлено сегодня из Гревзенда человеком, у которого большой палец чем-то выпачкан. Ха! Если не ошибаюсь, человек, заклеивавший конверт, жует табак… Вы убеждены, сударыня, что это почерк вашего мужа?

– Убеждена. Это письмо написал Невилл.

– Оно отправлено сегодня из Гревзенда. Что ж, миссис Сент-Клэр, тучи рассеиваются, хотя я не могу сказать, что опасность уже миновала.

– Однако он жив, мистер Холмс!

– Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас на ложный след. Кольцо, в конце концов, ничего не доказывает. Кольцо у него могли отнять.

– Но это его, его, его почерк!

– Хорошо. Но что, если письмо написано в понедельник, а послано только сегодня?

– Это возможно.

– А за этот срок многое могло произойти.

– О, не отнимайте у меня моей радости, мистер Холмс! Я знаю, что с ним ничего не случилось. Мы с ним настолько близки, что я непременно почувствовала бы, если бы он попал в настоящую беду. За день до того, как он исчез, он порезал себе нечаянно палец. Я была в столовой, он – в спальне, и я сразу побежала к нему, чувствуя, что с ним случилась беда. Неужели вы думаете, что я не знала бы о его смерти, если даже такой пустяк способен повлиять на меня!

– Я человек опытный и знаю, что женское непосредственное чутье может быть иногда ценнее всяких логических выводов. И это письмо, конечно, служит важным указанием, что вы правы. Однако, если мистер Сент-Клэр жив, если он может писать вам письма, отчего же он не с вами?

– Не знаю. И представить себе не могу.

– В понедельник, уезжая, он ни о чем вас не предупреждал?

– Нет.

– И вы очень удивились, увидев его на Суондем-лейн?

– Очень.

– Окно было открыто?

– Да.

– Он мог бы окликнуть вас из окна?

– Да.

– Между тем, насколько я понял, у него вырвалось только бессвязное восклицание?

– Да.

– Вы подумали, что он зовет вас на помощь?

– Да. Он махнул мне руками.

– Но, быть может, он вскрикнул от неожиданности. Он мог всплеснуть руками от изумления, что видит вас.

– Возможно.

– И вам показалось, что его оттащили от окна?

– Он исчез так внезапно…

– Он мог просто отскочить от окна. Вы никого больше не видели в комнате?

– Никого. Но ведь этот отвратительный нищий сам признался, что Невилл был там. А ласкар стоял внизу, у лестницы.

– Совершенно верно. Насколько вы могли разглядеть, ваш муж был одет, как всегда?

– Но на нем не было ни воротничка, ни галстука. Я отчетливо видела его голую шею.

– Он когда-нибудь говорил с вами о Суондем-лейн?

– Никогда.

– А вы никогда не замечали каких-нибудь признаков, указывающих на то, что он курит опий?

– Никогда.

– Благодарю вас, миссис Сент-Клэр. Это основные пункты, о которых я хотел знать всё. Теперь мы поужинаем и пойдем отдохнуть, так как весьма возможно, что завтра нам предстоит много хлопот.

В наше распоряжение была предоставлена просторная, удобная комната с двумя кроватями, и я сразу улегся, так как ночные похождения утомили меня. Но Шерлок Холмс, когда у него была какая-нибудь нерешенная задача, мог не спать по целым суткам и даже неделям, обдумывая ее, сопоставляя факты, рассматривая ее с разных точек зрения до тех пор, пока ему не удавалось либо разрешить ее, либо убедиться, что он, находится на ложном пути. Я скоро понял, что он готовится просидеть без сна всю ночь. Он

снял пиджак и жилет, надел синий просторный халат и принялся собирать в одну кучу подушки с кровати, с кушетки и с кресел. Из этих подушек он соорудил себе нечто вроде восточного дивана и взгромоздился на него, поджав ноги и положив перед собой пачку табаку и коробок спичек. При тусклом свете лампы я видел, как он сидит там в облаках голубого дыма, со старой трубкой во рту, рассеянно устремив глаза в потолок, безмолвный, неподвижный, и свет озаряет резкие орлиные черты его лица.

Так сидел он, когда я засыпал, и так сидел он, когда я при блеске утреннего солнца открыл глаза, разбуженный его внезапным восклицанием. Трубка все еще торчала у него изо рта, дым все еще вился кверху, комната была полна табачного тумана, а от пачки табаку, которую я видел вечером, уже ничего не осталось.

– Проснулись, Уотсон? – спросил он.

– Да.

– Хотите прокатиться?

– С удовольствием.

– Так одевайтесь. В доме еще все спят, но я знаю, где ночует конюх, и сейчас у нас будет коляска.

При этих словах он усмехнулся; глаза его блестели, и он нисколько не был похож на того мрачного мыслителя, которого я видел ночью.

Одеваясь, я взглянул на часы. Неудивительно, что в доме все еще спали: было двадцать пять минут пятого. Едва я успел одеться, как вошел Холмс и сказал, что конюх уже запряг лошадь.

– Хочу проверить одну свою версию, – сказал он, надевая ботинки. – Вы, Уотсон, видите перед собой одного из

величайших глупцов, какие только существуют в Европе! Я был слеп, как крот. Мне следовало бы дать такого тумака, чтобы я полетел отсюда до Черинг-кросса! Но теперь я, кажется, нашел ключ к этой загадке.

– Где же он, ваш ключ? – спросил я, улыбаясь.

– В ванной, – ответил Холмс. – Нет, я не шучу, – продолжал он, заметив мой недоверчивый взгляд. – Я уже был в ванной, взял его и спрятал вот сюда, в чемоданчик. Поедем, друг мой, и посмотрим, подойдет ли этот ключ к замку.

Мы спустились с лестницы, стараясь ступать как можно тише. На дворе уже ярко сияло утреннее солнце. У ворот нас поджидала коляска; конюх держал под уздцы запряженную лошадь.

Мы вскочили в экипаж и быстро покатили по лондонской дороге. Изредка мы обгоняли телеги, которые везли в столицу овощи, но на виллах кругом все было тихо – все спало, как в заколдованном городе.

– В некоторых отношениях это совершенно исключительное дело, – сказал Холмс, пуская лошадь галопом. – Сознаюсь, я был слеп, как крот, но лучше поумнеть поздно, чем никогда.

Мы въехали в город со стороны Сэрри. В окнах уже начали появляться заспанные лица только что проснувшихся людей. Мы переехали через реку по мосту Ватерлоо, свернули направо по Веллингтон-стрит и очутились на Бау-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и, когда мы подъехали, два констебля отдали ему честь. Один из них взял лошадь под уздцы, а другой повел нас внутрь здания.

– Кто дежурный? – спросил Холмс.

– Инспектор Брэдстрит, сэр.

Из вымощенного каменными плитами коридора навстречу нам вышел высокий грузный полицейский в полной форме.

– А, Брэдстрит! Как поживаете? Я хочу поговорить с вами, Брэдстрит.

– Пожалуйста, мистер Холмс. Зайдите ко мне, в мою комнату.

Комната была похожа на контору: на столе огромная книга для записей, на стене телефон.

Инспектор сел за стол:

– Чем могу служить, мистер Холмс?

– Я хочу расспросить вас о том нищем, который замешан в деле исчезновения мистера Невилла Сент-Клэра.

– Его арестовали и привезли сюда для допроса.

– Я знаю. Он здесь?

– В камере.

– Не буйствует?

– Нет, ведет себя тихо. Но как он грязен, этот негодяй!

– Грязен?

– Да. Еле-еле заставили его вымыть руки, а лицо у него черное, как у медника. Вот пусть только кончится следствие, а там уж ему не избежать тюремной ванны! Если бы вы на него посмотрели, вы согласились бы со мною.

– Я очень хотел бы на него посмотреть.

– Правда? Это нетрудно устроить. Идите за мной. Чемоданчик свой можете оставить здесь.

– Нет, я захвачу его с собой.

– Хорошо. Пожалуйте сюда.

Он открыл запертую дверь, спустился по винтовой лестнице и привел нас в коридор с выбеленными стенами. Справа и слева шла вереница дверей.

– Его камера – третья справа, – сказал инспектор. – Вот здесь.

Он осторожно отодвинул дощечку в верхней части двери и глянул в отверстие.

– Спит, – сказал он. – Вы можете хорошенько его рассмотреть.

Мы оба приникли к решетке. Арестант крепко спал, медленно и тяжело дыша. Лицо его было обращено к нам. Это был мужчина среднего роста, одетый, как и подобает людям его профессии, очень скверно: сквозь прорехи порванного пиджака торчали лохмотья цветной рубахи. Он был действительно необычайно грязен, но даже толстый слой грязи, покрывавший лицо, не мог скрыть его отталкивающего безобразия. Широкий шрам шел от глаза к подбородку, и сквозь щель, прорубленную к верхней губе, постоянным оскалом торчали три зуба. Клок ярчайших рыжих волос падал на лоб и на глаза.

– Красавец, не правда ли? – сказал инспектор.

– Ему необходимо помыться, – заметил Холмс. – Я уже и раньше об этом догадывался и захватил с собой весь инструмент.

Он раскрыл чемоданчик и, к нашему изумлению, вынул из него большую губку.

– Хе-хе, да вы шутник! – засмеялся инспектор.

– Будьте любезны, откройте нам тихонько дверь, и мы живо придадим ему более приличный вид.

– Ладно, – оказал инспектор. – А то он и в самом деле позорит нашу тюрьму.

Инспектор открыл дверь, и мы втроем бесшумно вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сразу же заснул еще крепче. Холмс подошел к рукомойнику, намочил свою губку и дважды с силой провел ею по лицу арестанта.

– Позвольте мне представить вас мистеру Невиллу Сент-Клэру из Ли, в графстве Кент! – воскликнул Холмс.

Никогда в жизни не видел я ничего подобного. Лицо сползло с арестанта, как кора с дерева. Исчез грубый темный загар. Исчез ужасный шрам, пересекавший все лицо наискосок. Исчезла разрезанная губа. Исчез отталкивающий оскал зубов. Рыжие лохматые волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса, и мы увидели бледного, грустного, изящного человека с черными волосами и нежной кожей, который, сидя в постели, протирал глаза и с недоумением глядел на нас, еще не вполне очнувшись от сна. Внезапно он понял все, вскрикнул и зарылся головой в подушку.

– Боже, – закричал инспектор, – да ведь это и есть пропавший! Я знаю его, я видел фотографию!

Арестант повернулся к нам с безнадежным видом человека, решившего не противиться судьбе.

– Будь что будет! – сказал он. – За что вы меня держите здесь?

– За убийство мистера Невилла Сент… Тьфу! В убийстве вас теперь обвинить невозможно. Вас могли бы обвинить, пожалуй, только в попытке совершить самоубийство, – сказал инспектор, усмехаясь. – Я двадцать семь лет служу в полиции, но ничего подобного не видел.

– Раз я мистер Невилл Сент-Клэр, то, значит, преступления совершено не было и, следовательно, я арестован незаконно.

– Преступления нет, но сделана большая ошибка, – сказал Холмс. – Вы напрасно не доверились жене.

– Дело не в жене, а в детях, – пылко сказал арестант. – Я не хотел, чтобы они стыдились отца. Боже, какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на койку и ласково похлопал его по плечу.

– Если вы позволите разбираться в вашем деле суду, вам, конечно, не избежать огласки, – оказал он. – Но если вам удастся убедить полицию, что за вами нет никакой вины, газеты ничего не узнают. Инспектор Брэдстрит может записать ваши показания и передать их надлежащим властям, и дело до суда не дойдет.

– О, как я вам благодарен! – вскричал арестант. – Я охотно перенес бы заточение, даже смертную казнь, лишь бы не опозорить детей раскрытием моей несчастной тайны! Вы первые услышите мою историю…

Отец мой был учителем в Честерфилде, и я получил там превосходное образование. В юности я много путешествовал, работал на сцене и, наконец, стал репортером одной вечерней лондонской газеты. Однажды моему редактору понадобилась серия очерков о нищенстве в столице, и я вызвался написать их. С этого и начались все мои приключения. Чтобы добыть необходимые для моих очерков факты, я решил переодеться нищим и стал попрошайничать. Когда я был еще актером, я славился умением гримироваться. Теперь это умение пригодилось. Я раскрасил себе лицо, а для того чтобы вызывать побольше жалости, намалевал на лице шрам и с помощью пластыря телесного цвета изуродовал себе губу, слегка приподняв ее. Затем,

надев лохмотья и рыжий парик, я сел в самом оживленном месте Сити и принялся под видом продажи спичек просить милостыню. Семь часов я просидел не вставая, а вечером, вернувшись домой, к величайшему своему изумлению, обнаружил, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Я написал очерки и позабыл обо всей этой истории. Но вот, некоторое время спустя, мне предъявили вексель, по которому я поручился уплатить за приятеля двадцать пять фунтов. Я понятия не имел, где достать эти деньги, и вдруг мне в голову пришла отличная мысль. Упросив кредитора подождать две недели, я взял на работе отпуск и провел его в Сити, прося милостыню. За десять дней я собрал необходимую сумму и уплатил долг. Теперь вообразите себе, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что эти два фунта ты можешь получить в один день, выпачкав себе лицо, положив кепку на землю и ровно ничего не делая?

Долго длилась борьба между моей гордостью в стремлением к наживе, но страсть к деньгам в конце концов победила. Я бросил работу и стал все дни проводить на давно облюбованном мною углу, вызывая жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками.

Только один человек был посвящен в мою тайну – владелец низкопробного притона на Суондем-лейн, в котором я поселился. Каждое утро я выходил оттуда в виде жалкого нищего, и каждый вечер я превращался там в хорошо одетого господина, я щедро платил этому ласкару за его комнаты, так как был уверен, что он никому ни при каких обстоятельствах не выдаст моей тайны.

Вскоре я стал откладывать крупные суммы денег. Вряд ли в Лондоне есть хоть один нищий, зарабатывающий по семисот фунтов в год, а я зарабатывал и больше. Я навострился шуткой парировать замечания прохожих и скоро прославился на все Сити. Поток пенсов вперемешку с серебром сыпался на меня непрестанно, и я считал неудачными дни, когда получал меньше двух фунтов. Чем богаче я становился, тем шире я жил. Я снял дом за городом, я женился, и никто не подозревал, чем я занимаюсь в действительности. Моя милая жена знает, что у меня есть какие-то дела в Сити. Но какого рода эти дела, она не имеет ни малейшего представления.

В прошлый понедельник, закончив работу, я переодевался у себя в комнате, как вдруг, выглянув в окно, увидел, к своему ужасу, что жена моя стоит на улице и смотрит прямо на меня. Я вскрикнул от изумления, поднял руки, чтобы закрыть лицо, и кинулся к моему соучастнику ласкару, умоляя его никого ко мне не пускать. Я слышал внизу голос жены, но я знал, что подняться она не сможет. Я быстро разделся, натянул на себя нищенские лохмотья, парик и разрисовал лицо. Даже жена не могла бы узнать меня в этом виде.

Но затем мне пришло в голову, что комнату мою могут обыскать и тогда моя одежда выдаст меня. Я распахнул окно, причем второпях задел раненый палец (я поранил себе палец утром в спальне), и из ранки опять потекла кровь. Потом я схватил пиджак, набитый медяками, которые я только что переложил туда из своей нищенской сумы, швырнул его в окно, и он исчез в Темзе. Я собирался швырнуть туда и остальную одежду, но тут ко мне ворва-

лись полицейские и через несколько минут, вместо того чтобы быть изобличенным как мистер Невилл Сент-Клэр, я оказался арестованным как его убийца.

Больше мне нечего прибавить. Желая сохранить грим на лице, я отказывался от умывания. Зная, что жена будет очень тревожиться обо мне, я тайком от полицейских снял с пальца кольцо и передал его ласкару вместе с наскоро нацарапанной запиской, в которой я сообщал ей, что мне не угрожает никакая опасность.

– Она только вчера получила эту записку, – сказал Холмс.

– О боже! Какую неделю она провела!

– За ласкаром следила полиция, – сказал инспектор Брэдстрит, – и ему, видимо, никак не удавалось отправить записку незаметно. Он, вероятно, передал ее какому-нибудь матросу, завсегдатаю своего притона, а тот в течение нескольких дней все забывал опустить ее в ящик.

– Так это, без сомнения и было, – подтвердил Холмс. – Но неужели вас никогда не привлекали к суду за нищенство?

– Много раз. Но что значит для меня незначительный штраф!

– Однако теперь вам придется оставить свое ремесло, – сказал Брэдстрит. – Если вы хотите, чтобы полиция замяла эту историю, Хью Бун должен исчезнуть.

– Я уже поклялся себе в этом самой торжественной клятвой, какую только может дать человек.

– В таком случае, все будет забыто, – сказал Брэдстрит. – Но если вас заметят опять, мы уже не станем скрывать ничего… Мы очень признательны вам, мистер Холмс,

за то, что вы раскрыли это дело. Хотел бы я знать, каким образом вы достигаете подобных результатов.

– На этот раз, – отозвался мой друг, – мне понадобилось посидеть на пяти подушках и выкурить полфунта табаку… Мне кажется, Уотсон, что, если мы сейчас поедем на Бейкер-стрит, мы поспеем как раз к завтраку.

ВТОРОЕ ПЯТНО

Я думал, что больше мне не придется писать о славных подвигах моего друга Шерлока Холмса. Не то чтобы у меня не было материалов. Напротив, я храню записи о сотнях случаев, никогда еще не упоминавшихся мною. Точно так же нельзя сказать, чтобы у читателей пропал интерес к своеобразной личности и необычным приемам работы этого замечательного человека. Настоящая причина заключалась лишь в том, что Шерлок Холмс ни за что не хотел, чтобы в печати продолжали появляться рассказы о его приключениях. Пока он не отошел от дел, отчеты о его успехах представляли для него практический интерес; когда же он окончательно покинул Лондон и посвятил себя изучению и разведению пчел на холмах Суссекса, известность стала ему ненавистна, и он настоятельно потребовал, чтобы его оставили в покое.

Только после того, как я напомнил ему, что я дал обещание напечатать в свое время этот рассказ, «Второе пятно», и убедил его, что было бы очень уместно завершить весь цикл рассказов столь важным эпизодом из области международной политики – одним из самых ответственных, какими Холмсу приходилось когда-либо занимать-

ся, – я получил от него согласие на опубликование этого дела, так строго хранимого в тайне. Если некоторые детали моего рассказа и покажутся туманными, читатели легко поймут, что для моей сдержанности есть достаточно веская причина.

Однажды осенью, во вторник утром (год и даже десятилетие не могут быть указаны), в нашей скромной квартире на Бейкер-стрит появились два человека, пользующиеся европейской известностью. Один из них, строгий, надменный, с орлиным профилем и властным взглядом, был не кто иной, как знаменитый лорд Беллинджер, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Второй, элегантный брюнет с правильными чертами лица, еще не достигший среднего возраста и одаренный не только красотой, но и тонким умом, был Трелони Хоуп, пэр Англии и министр по европейским делам, самый многообещающий государственный деятель нашей страны.

Посетители сели рядом на заваленный бумагами диван. По взволнованным и утомленным лицам легко было догадаться, что их привело сюда спешное и чрезвычайно важное дело. Худые, с просвечивающими венами руки премьера судорожно сжимали костяную ручку зонтика. Он мрачно и настороженно смотрел то на Холмса, то на меня.

Министр по европейским делам нервно теребил усы и перебирал брелоки на цепочке часов.

– Как только я обнаружил пропажу, мистер Холмс, – а это произошло сегодня в семь часов утра, – я. немедленно известил премьер-министра, и он предложил, чтобы мы оба пришли к вам, – сказал он.

– Вы известили полицию?

– Нет, сэр! – сказал премьер-министр со свойственными ему быстротой и решительностью. – Не известили и никогда не стали бы извещать. Известить полицию – значит предать дело гласности. А этого-то мы прежде всего и хотим избежать.

– Но почему же, сэр?

– Документ, о котором идет речь, настолько важен, что оглашение его может легко привести, и, пожалуй, в настоящий момент непременно приведет, к международному конфликту. Могу без преувеличения сказать, что вопросы мира и войны зависят от этого документа. Если розыски его не могут проходить в совершенной тайне, лучше совсем отказаться от них, так как этот документ похитили именно для того, чтобы предать его широкой огласке.

– Понимаю. А теперь, мистер Трелони Хоуп, я буду вам весьма признателен, если вы расскажете мне подробно, при каких обстоятельствах исчез этот документ.

– Я вам изложу все в нескольких словах, мистер Холмс… Этот документ – письмо от одного иностранного монарха – был получен шесть дней назад. Письмо имеет такое большое значение, что я не решался оставлять его в сейфе министерства и каждый вечер уносил с собой домой, на Уайтхолл-террас, где хранил его в спальне, в закрытой на ключ шкатулке для официальных бумаг. Оно находилось там и вчера вечером, я уверен в этом. Когда я одевался к обеду, я еще раз открыл шкатулку и убедился, что документ на месте. А сегодня утром письмо исчезло. Шкатулка стояла около зеркала на моем туалетном столе всю ночь. Сплю я чутко, моя жена тоже. Мы оба готовы поклясться, что никто ночью не входил в комнату.

– В котором часу вы обедали?

– В половине восьмого.

– Когда вы легли спать?

– Моя жена была в театре. Я ждал ее. Мы ушли в спальню около половины двенадцатого.

– Значит, в течение четырех часов шкатулка никем не охранялась?

– В спальню входить не позволено никому, кроме горничной – по утрам и моего камердинера или камеристки моей жены – в течение остальной части дня. Но эти двое – верные слуги и давно живут у нас в доме. Кроме того, ни один из них не мог знать, что в шкатулке хранится нечто более ценное, чем простые служебные бумаги.

– Кто знал о существовании этого письма?

– В моем доме – никто.

– Но ваша жена, конечно, знала?

– Нет, сэр. Я ничего не говорил моей жене до сегодняшнего утра, пока не обнаружил пропажу письма.

Премьер одобрительно кивнул головой.

– Я всегда знал, как велико ваше чувство долга, сэр, – сказал он. – Не сомневаюсь, что в столь важном и секретном деле оно оказалось бы сильнее даже самых тесных семейных уз.

Министр по европейским делам поклонился.

– Совершенно справедливо, сэр. До сегодняшнего утра я ни одним словом не обмолвился жене об этом письме.

– Могла ли она догадаться сама?

– Нет, мистер Холмс, она не могла догадаться, да и никто не мог бы.

– А прежде у вас пропадали документы?

– Нет, сэр.

– Кто здесь в Англии знал о существовании этого письма?

– Вчера о письме были извещены все члены кабинета. Но требование хранить тайну, которое сопровождает каждое заседание кабинета, на этот раз было подкреплено торжественным предупреждением со стороны премьер-министра. Боже мой, и подумать только, что через несколько часов я сам потерял его!

Отчаяние исказило красивое лицо Трелони Хоупа. Он схватился за голову. На мгновение перед нами открылись подлинные чувства человека порывистого, горячего и остро впечатлительного.

Но тут же маска высокомерия снова появилась на его лице, и уже спокойным голосом он продолжал:

– Кроме членов кабинета, о существовании письма знают еще два, возможно, три чиновника департамента, и больше никто во всей Англии, уверяю вас, мистер Холмс.

– А за границей?

– За границей, я уверен, не видел этого письма никто, кроме того, кто его написал. Я твердо убежден, что даже его министры… то есть я хотел сказать, что при отправлении оно миновало обычные официальные каналы.

Холмс на некоторое время задумался, затем сказал:

– А теперь, сэр, я должен получить более точное представление, что это за документ и почему его исчезновение повлечет за собой столь серьезные последствия.

Два государственных деятеля обменялись быстрым взглядом, и премьер нахмурил густые брови:

– Мистер Холмс, письмо было в длинном, узком голу-

бом конверте. На красной сургучной печати изображен приготовившийся к нападению лев. Адрес написан крупным твердым почерком…

– Эти подробности, – прервал его Холмс, – конечно, очень интересны и существенны, но мне надо знать содержание письма. О чем говорилось в нем?

– Это строжайшая государственная тайна, и боюсь, что я не могу ответить вам, тем более что не вижу в этом необходимости. Если с помощью ваших необычайных, как говорят, способностей вам удастся найти соответствующий моему описанию конверт вместе с его содержимым, вы заслужите благодарность своей страны и получите любое вознаграждение, которое будет в наших возможностях.

Шерлок Холмс, улыбаясь, встал.

– Я понимаю, конечно, что вы принадлежите к числу самых занятых людей Англии, – сказал он, – но и моя скромная профессия отнимает у меня много времени. Очень сожалею, что не могу быть вам полезным в этом деле, и считаю дальнейшее продолжение нашего разговора бесполезной тратой времени.

Премьер-министр вскочил. В его глубоко сидящих глазах сверкнул тот недобрый огонь, который нередко заставлял съеживаться от страха сердца членов кабинета.

– Я не привык, сэр… – начал он, но овладел собой и снова занял свое место.

Минуту или более мы сидели молча. Затем старый государственный деятель пожал плечами:

– Мы вынуждены принять ваши условия, мистер Холмс. Вы безусловно правы, и с нашей стороны неразумно ожидать от вас помощи, пока мы не доверимся вам полностью.

– Я согласен с вами, сэр, – сказал молодой дипломат.

– Хорошо, я расскажу вам все, но полагаюсь целиком на вашу скромность и на скромность вашего коллеги, доктора Уотсона. Я взываю к вашему патриотизму, джентльмены, ибо не могу представить себе большего несчастья для нашей страны, чем разглашение этой тайны.

– Вы можете вполне довериться нам.

– Так вот, это письмо одного иностранного монарха; он обеспокоен недавним расширением колоний нашей страны. Оно было написано в минуту раздражения и лежит целиком на его личной ответственности. Наведение справок показало, что его министры ничего не знают об этом письме. К тому же тон письма довольно резкий, и некоторые фразы носят столь вызывающий характер, что его опубликование несомненно взволновало бы общественное мнение Англии. И даже более, сэр: могу сказать не колеблясь, что через неделю после опубликования письма наша страна будет вовлечена в большую войну.

Холмс написал имя на листке бумаги и показал его премьер-министру.

– Совершенно верно, это он. И именно это письмо, которое, возможно, повлечет за собой миллионные расходы и гибель сотен тысяч людей, исчезло таким загадочным образом.

– Вы известили автора письма?

– Да, сэр, была отправлена шифрованная телеграмма.

– Но, может быть, он и рассчитывал на опубликование письма?

– Нет, сэр! У нас есть все основания полагать, что он уже понял неосторожность и опрометчивость своего по-

ступка. Опубликование письма было бы для него и для его страны еще большим ударом, чем для нас.

– Если так, то в чьих же интересах раскрыть содержание этого письма? Для чего кому-то понадобилось украсть его?

– Тут, мистер Холмс, вы заставляете меня коснуться области высокой международной политики. Если вы примете во внимание ситуацию в Европе, вам будет нетрудно понять мотив преступления. Европа представляет собой вооруженный лагерь. Существуют два союза, имеющие равную военную силу. Великобритания держит нейтралитет. Если бы мы были вовлечены в войну с одним союзом, это обеспечило бы превосходство другого, даже независимо от того, участвовал бы он в ней или нет. Вы понимаете?

– Все совершенно ясно. Итак, в краже и разглашении письма заинтересованы враги этого монарха, стремящиеся посеять раздор между его страной и нами?

– Да, сэр.

– А кому могли переслать этот документ, если бы он попал в руки врага?

– Любому из европейских правительств. Весьма возможно, что в настоящий момент оно несется по назначению с такой скоростью, какую только способен развить пароход.

Министр Трелони Хоуп опустил голову на грудь в тяжело вздохнул. Премьер ласково положил руку ему на плечо:

– С вами случилось несчастье, мой дорогой друг. Никто не решится обвинить вас – вы приняли все меры предос-

торожности… Теперь, мистер Холмс, вам известно все. Что вы посоветуете предпринять?

Холмс печально покачал головой:

– Вы полагаете, сэр, что война неизбежна, если этот документ не будет возвращен?

– Думаю, что она вполне возможна.

– Тогда, сэр, готовьтесь к войне.

– Это жестокие слова, мистер Холмс!

– Примите во внимание факты, сэр. Я не допускаю, что письмо было похищено после половины двенадцатого ночи, так как с этого часа и до момента, когда обнаружена пропажа, мистер Хоуп и его жена находились в спальне. Значит, оно было похищено вчера вечером, между половиной восьмого и половиной двенадцатого – вероятно, ближе к половине восьмого, потому что вор знал, где оно лежит, и, конечно, постарался завладеть им как можно раньше. А теперь, сэр, если такой важный документ похищен еще вчера, то где он может быть сейчас? У вора нет никаких причин хранить его. Скорее всего, его уже передали заинтересованному лицу. Какие же у нас теперь шансы перехватить его или даже напасть на его след? Оно для нас недосягаемо.

Премьер-министр поднялся с дивана:

– Вы рассуждаете совершенно логично, мистер Холмс. Я вижу, что тут действительно ничего нельзя сделать.

– Допустим, например, что документ был похищен горничной или лакеем…

– Они оба – старые и верные слуги.

– Насколько я понял, спальня находится на втором этаже и не имеет отдельного хода с улицы, а из передней в

нее нельзя подняться незамеченным. Значит, письмо похитил кто-то из домашних. Кому вор мог передать его? Одному из международных шпионов и секретных агентов, имена которых мне хорошо известны. Есть три человека, которые, можно сказать, возглавляют эту компанию. Я начну с того, что узнаю, чем занят сейчас каждый из них. Если кто-нибудь из них уехал, в особенности же если он уехал вчера вечером, мы будем знать, куда делся этот документ.

– А зачем ему уезжать? – спросил министр по европейским делам. – Он мог бы с таким же успехом отнести письмо в посольство здесь же в Лондоне.

– Не думаю. Эти агенты работают совершенно самостоятельно и часто находятся в довольно натянутых отношениях с посольствами.

Премьер-министр кивком головы подтвердил это:

– Полагаю, что вы правы, мистер Холмс. Он собственноручно доставит такой ценный подарок к месту назначения. Ваш план действий мне кажется абсолютно верным. Однако, Хоуп, нам не следует из-за этого несчастья забывать о прочих наших обязанностях. Если в течение дня произойдут новые события, мы сообщим вам, мистер Холмс, и вы, разумеется, информируете нас о результатах ваших собственных расследований.

Министры поклонились и с видом, полным достоинства, вышли из комнаты.

Когда наши высокопоставленные гости ушли, Холмс молча закурил трубку и на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость. Я развернул утреннюю газету и начал читать о сенсационном преступлении, которое было

совершено в Лондоне накануне вечером, как вдруг мой приятель громко вскрикнул, вскочил на ноги и положил трубку на камин.

– Да, – сказал он, – лучшего пути нет. Положение отчаянное, но не безнадежное. Сейчас, необходимо хотя бы узнать, кто этот похититель, – ведь, возможно, письмо еще не ушло из его рук. В конце концов, этих людей интересуют только деньги, а к моим услугам – казначейство Британии. Если письмо продается, я куплю его… даже если правительству придется увеличить на пенни подоходный налог. Возможно, этот человек все еще держит его при себе: надо же ему узнать, какую цену предложат здесь, прежде чем попытать свое счастье за границей! Есть только три человека, способные на такую смелую игру: это Оберштейн, Ля Ротьер и Эдуард Лукас. Я повидаюсь со всеми.

Я заглянул в утреннюю газету:

– Эдуард Лукас с Годолфин-стрит?

– Да.

– Вы не можете повидаться с ним.

– Почему?

– Вчера вечером он был убит в своем доме.

Мой друг так часто удивлял меня во время наших приключений, что я испытал чувство торжества, увидев, как поразило его мое сообщение. Он в изумлении уставился на меня, затем выхватил из моих рук газету. Вот та заметка, которую я читал в ту минуту, когда Холмс встал со своего кресла:

УБИЙСТВО В ВЕСТМИНСТЕРЕ

«Вчера вечером в доме № 16 на Годолфин-стрит совершено таинственное преступление. Годолфин-стрит – одна из тех старинных тихих улиц, которые тянутся между рекою и Вестминстерским аббатством, почти под сенью большой башни здания парламента. Большинство ее домов построено еще в XVIII веке. В одном из этих домов, в маленьком, но изысканном особняке, несколько лет подряд проживал мистер Эдуард Лукас, хорошо известный в обществе как обаятельный человек, один из лучших теноров-любителей Англии. Мистер Лукас был холост: ему было тридцать четыре года; его прислуга состояла из пожилой экономки миссис Прингл и лакея Миттона. Экономка обычно по вечерам не работала; она рано поднималась к себе в комнату, расположенную в верхнем этаже дома. Лакей в этот вечер отправился навестить приятеля в Хам Мерсмите. С десяти часов мистер Лукас оставался в квартире один. Пока еще не выяснено, что произошло за это время, но без четверти двенадцать констебль Бэррет, проходя по Годолфин-стрит, заметил, что дверь дома № 16 приоткрыта. Он постучал, но не получил ответа. Увидев в первой комнате свет, он вошел в коридор и снова постучал, но и на этот раз ему не ответили. Тогда он отворил, дверь и вошел.

В комнате царил страшный беспорядок: вся мебель была сдвинута в сторону, посередине валялся опрокинутый стул. Около этого стула, все еще сжимая рукой его ножку, лежал несчастный владелец дома. Он был убит ударом ножа прямо в сердце, причем смерть, вероятно, наступила мгновенно. Нож, которым было совершено

убийство, оказался кривым индийским кинжалом, взятым из коллекции восточного оружия, украшавшего одну из стен комнаты. Убийство, по-видимому, было совершено не с целью грабежа, ибо ценные вещи, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Мистер Эдуард Лукас был настолько известен и любим всеми, что сообщение о его насильственной и загадочной смерти встречено искренней скорбью его многочисленных друзей».

– Ну, Уотсон, что вы думаете об этом? – спросил Холмс после долгого молчания.

– Удивительное совпадение!

– Совпадение? Один из трех людей, которых мы считали возможными участниками этой драмы, умирает насильственной смертью в тот самый час, когда разыгрывается драма. Какое же это совпадение! Нет, нет, мой дорогой Уотсон, эти два события связаны между собой, несомненно, связаны. И наша задача – отыскать эту связь.

– Но теперь полиция все узнает.

– Вовсе, нет. Они знают только то, что видят на Годолфин-стрит. Они не знают и ничего не узнают об Уайтхолл-террас. Только нам известны оба случая, и только мы можем сопоставить их. Есть одно явное обстоятельство, которое в любом случае возбудило бы мои подозрения против Лукаса. Годолфин-стрит в Вестминстере находится в нескольких шагах ходьбы от Уайтхолл-террас. Другие тайные агенты, о которых я говорил, живут в дальнем конце Вест-Энда. Поэтому, естественно, Лукасу было гораздо проще, чем остальным, установить связь и получить

сведения из дома министра по европейским делам. Это незначительное обстоятельство, но если учесть, что события развертывались с такой быстротой, оно может оказаться существенным. Ага! Есть какие-то новости!

Появилась миссис Хадсон, неся на подносе дамскую визитную карточку. Холмс взглянул на нее, поднял брови и передал мне.

– Попросите леди Хильду Трелони Хоуп пожаловать сюда, – сказал он.

Спустя мгновение нашей скромной квартире была вторично оказана честь, на этот раз посещением самой очаровательной женщины в Лондоне. Я часто слышал о красоте младшей дочери герцога Белминстера, но ни одно описание ее, ни одна фотография не могли передать удивительное, мягкое обаяние и прелестные краски ее тонкого лица. Однако в то осеннее утро не красота ее бросилась нам в глаза при первом взгляде. Лицо ее было прекрасно, но бледно от волнения; глаза блестели, но блеск их казался лихорадочным; выразительный рот был крепко сжат – она пыталась овладеть собой. Страх, а не красота – вот что поразило нас, когда наша очаровательная гостья появилась в раскрытых дверях.

– Был у вас мой муж, мистер Холмс?

– Да, миледи, был.

– Мистер Холмс, умоляю вас, не говорите ему, что я приходила сюда!

Холмс холодно поклонился и предложил даме сесть.

– Ваша светлость ставит меня в весьма щекотливое положение. Прошу вас сесть и рассказать, что вам угодно. Но, к сожалению, никаких безусловных обещаний заранее дать я не могу.

Она прошла через всю комнату и села спиной к окну. Это была настоящая королева – высокая, грациозная и очень женственная.

– Мистер Холмс, – начала она, и, пока она говорила, ее руки в белых перчатках беспрестанно сжимались и разжимались, – я буду с вами откровенна и надеюсь, что это заставит вас быть откровенным со мною. Между моим мужем и мною нет тайн ни в чем, кроме одного: это политика. Здесь он молчит, он не рассказывает мне ничего. Однако я узнала, что вчера вечером у нас в доме случилось нечто весьма неприятное. Мне известно, что пропал какой-то документ. Но поскольку здесь затронута политика, мой муж отказывается посвятить меня в это дело. А ведь очень важно… поверьте, очень важно… чтобы я знала об этом все. Кроме членов правительства, вы – единственный человек, кто знает правду. Умоляю вас, мистер Холмс, объясните мне, что произошло и каковы могут быть последствия! Расскажите мне все, мистер Холмс. Пусть интересы вашего клиента не заставят вас молчать. Уверяю вас, я действую в его интересах, и если бы он только понимал это, то, вероятно, полностью доверился бы мне. Что это была за бумага, которую похитили?

– Миледи, вы требуете от меня невозможного.

Она глубоко вздохнула и закрыла лицо руками.

– Вы должны меня понять, миледи. Если ваш муж находит, что вам лучше оставаться в неведении относительно данного дела, как могу я, с которого взяли слово хранить эту тайну, открыть вам то, что он желал бы скрыть? Вы даже не имеете права спрашивать меня – вы должны спросить мужа.

– Я спрашивала его. Я пришла к вам, пытаясь использовать последнюю возможность. Но если даже вы не хотите сказать ничего определенного, вы крайне обяжете меня, ответив на один вопрос.

– Какой, миледи?

– Может ли из-за этого случая пострадать политическая карьера моего мужа?

– Видите ли, миледи, если дело не будет улажено, оно может, конечно, иметь весьма прискорбные последствия.

– О!

Она глубоко вздохнула, как человек, сомнения которого разрешились.

– Еще один вопрос, мистер Холмс. Из слов моего мужа, оброненных им тотчас же после случившегося несчастья, я поняла, что пропажа письма может привести к тяжелым последствиям для всей страны.

– Если он так сказал, я, конечно, не стану отрицать этого.

– Но каковы могут быть эти последствия?

– Ах, миледи, вы снова задаете мне вопрос, на который я не вправе ответить!

– Если так, я больше не буду отнимать у вас время. Не могу упрекать вас, мистер Холмс, за то, что вы отказались быть откровенным со мной, и, надеюсь, вы не подумаете обо мне дурно, потому что я искренне желаю разделить заботы моего мужа даже против его воли. Еще раз прошу вас: ничего не говорите ему о моем посещении.

На пороге она оглянулась, и я опять увидел красивое, взволнованное лицо, испуганные глаза и крепко сжатый рот. Затем она исчезла.

– Ну, Уотсон, прекрасный пол – это уж по вашей части, – улыбаясь, сказал Холмс, когда парадная дверь захлопнулась и больше не было слышно шуршания юбок. – Какую игру ведет эта красивая дама? Что ей на самом деле нужно?

– Но ведь она все очень ясно объяснила, а беспокойство ее вполне естественно…

– Хм! Вспомните ее выражение лица, едва сдерживаемую тревогу, ее беспокойство, настойчивость, с которой она задавала вопросы. Не забудьте, что она принадлежит к касте, которая умеет скрывать свои чувства.

– Да, она была очень взволнована.

– Вспомните также, как горячо она старалась убедить нас, что действует только в интересах своего мужа и для этого должна знать все. Что она хотела этим сказать? И вы, наверно, заметили, Уотсон, что она постаралась сесть спиной к свету. Она не хотела, чтобы мы видели ее лицо.

– Да, она выбрала именно это место.

– Женщин вообще трудно понять. Вы помните одну, в Маргейте, которую я заподозрил на том же основании. А потом оказалось, что причиной ее волнения было лишь отсутствие пудры на носу. Как можно строить предположения на таком неверном материале? За самым обычным поведением женщины может крыться очень многое, а ее замешательство иногда зависит от шпильки или щипцов для завивки волос… До свидания, Уотсон.

– Вы уходите?

– Да, я проведу утро на Годолфин-стрит с нашими друзьями из полиции. Решение нашей проблемы – в убийстве Эдуарда Лукаса, хотя, признаюсь, не могу даже

представить, какую форму оно примет. Создавать же версию, не имея фактов, большая ошибка. Будьте на страже, мой дорогой Уотсон, и принимайте вместо меня посетителей. А я вернусь к завтраку, если удастся.

Ведь этот день и два следующих Холмс был упорно молчалив, как сказали бы его друзья, и мрачен, как сказали бы все остальные. Он то приходил, то уходил, беспрерывно курил, играл на скрипке обрывки каких-то мелодий, часто задумывался, питался одними бутербродами в неурочное время и неохотно отвечал на вопросы, которые я время от времени задавал ему. Я понимал, что поиски его пока не дали никаких результатов. Он ничего не рассказывал мне об этом деле, и только из газет я узнал о ходе следствия, об аресте и быстром освобождении Джона Миттона, лакея покойного.

Следствие установило факт «предумышленного убийства», но убийца не был найден. Не удалось истолковать и мотивы преступления. В комнате находилось много ценных вещей, но ничто не было взято. Бумаги покойного остались нетронутыми. Их тщательно рассмотрели и установили, что покойный ревностно изучал международную политику, неутомимо собирал всякие слухи и сплетни, был выдающимся лингвистом и вел огромную переписку. Он был близко знаком с видными политическими деятелями нескольких стран. Но среди документов, заполнявших ящики его стола, не нашли ничего сенсационного. Что касается его отношений с женщинами, то они, по-видимому, носили беспорядочный и поверхностный характер. Среди женщин у него было много знакомых, но мало друзей, и ни в одну их них он не был влюблен. У него были неизменные

привычки, и он вел спокойный образ жизни. Его смерть явилась неразрешимой загадкой, которую так и не удавалось разгадать.

Что касается лакея Джона Миттона, то полиция арестовала его с отчаяния, чтобы прикрыть свою полнейшую беспомощность. Против него не могли выдвинуть никакого обвинения. В тот вечер он был в гостях у своих приятелей в Хаммерсмите. Алиби было налицо. Правда, он ушел домой рано и мог возвратиться в Вестминстер еще до того, как было обнаружено преступление, но он объяснил, что прошел часть пути пешком, и этому можно было верить, если вспомнить, что вечер был чудесный. Он пришел в двенадцать часов и, по-видимому, был потрясен неожиданной трагедией. Миттон всегда был в хороших отношениях с хозяином. Некоторые из вещей, принадлежавших покойному, – например, футляр с бритвами – были найдены в чемоданах лакея, но он заявил, что это подарки его бывшего хозяина, и экономка подтвердила это.

Миттон находился в услужении у Лукаса три года. Примечательно, что Лукас никогда не брал Миттона с собой на континент. Иногда он жил в Париже по три месяца подряд, но Миттона оставлял присматривать за домом на Годолфин-стрит. Что же касается экономки, то в тот вечер, когда было совершено преступление, она не слышала ничего. Если и был у ее хозяина посетитель, очевидно, хозяин сам впустил его.

Итак, судя по газетам, тайна уже три дня оставалась неразгаданной. А Холмс, если и знал больше газет, ничего не рассказывал мне, только заметил мимоходом, что инспектор Лестрейд ввел его в курс дела, и поэтому я пони-

мал, что он прекрасно осведомлен обо всех новостях. На четвертый день появилась длинная телеграмма из Парижа, которая, казалось, решала весь вопрос.

– «Парижская полиция, – писала газета „Дейли телеграф“, – сделала открытие, приподнимающее завесу над трагической гибелью мистера Эдуарда Лукаса, умершего насильственной смертью вечером в прошлый понедельник на Годолфин-стрит, в Вестминстере. Наши читатели помнят, что покойный джентльмен был найден в своей комнате с ножом в груди и что подозрение пало на его лакея, которому удалось доказать свое алиби. Вчера слуги мадам Анри Фурнэ, проживающей в Париже на улице Аустерлиц, заявили полиции, что их хозяйка сошла с ума. Медицинское освидетельствование показало, что она действительно страдает опасным и хроническим умопомешательством. При расследовании полиция установила, что мадам Анри Фурнэ в прошлый вторник возвратилась из поездки в Лондон, и есть основания думать, что эта поездка имеет какую-то связь с преступлением в Вестминстере. Сличение фотографий дало возможность установить, что муж мадам Анри Фурнэ и мистер Эдуард Лукас – одно лицо и что покойный по какой-то причине жил двойной жизнью – в Лондоне и Париже. Мадам Фурнэ, креолка по происхождению, отличается крайне вспыльчивым характером, и у нее бывали припадки ревности, которые делали ее совершенно невменяемой. Именно во время одного из таких припадков, как предполагают, она и совершила это страшное преступление, взволновавшее весь Лондон. До сих пор не выяснено, что она делала в понедельник вечером, однако известно, что похожая на нее женщина при-

влекла внимание людей, находившихся на вокзале Черинг-кросс во вторник утром, своим безумным видом и странными жестами. Поэтому возможно, что преступление или было совершено ею в припадке безумия, или оно так повлияло на несчастную женщину, что свело ее с ума. В настоящее время она не в состоянии рассказать о происшедшем, и врачи не выражают надежды на восстановление ее умственных способностей. Есть сведения, что вечером в понедельник какая-то женщина, возможно мадам Фурнэ, в течение нескольких часов стояла около дома на Годолфин-стрит»… Что вы думаете об этом, Холмс?

Я читал ему заметку вслух, пока он заканчивал свой завтрак.

– Мой дорогой Уотсон, – сказал он, встав из-за стола и расхаживая по комнате, – у вас ангельское терпение, но эти три дня я ничего не рассказывал вам просто потому, что и рассказывать-то было нечего. Даже сейчас эти сведения из Парижа мало чем помогают нам.

– Но дело о смерти этого человека теперь окончательно выяснено.

– Смерть этого человека – простой эпизод, мелкий случай по сравнению с нашей действительной задачей, которая заключается в том, чтобы отыскать письмо и спасти Европу от катастрофы. За минувшие три дня произошло только одно значительное событие: то, что ничего не произошло. Почти ежечасно я получаю сведения от правительства и знаю, что нигде по всей Европе еще нет никаких признаков беспокойства. Если письмо затерялось… нет, оно не могло затеряться… Но если оно не затерялось, то где же оно? У кого? Почему его скрывают?

Вот вопрос, который молотом стучит в моем мозгу. И является ли простым совпадением, что Лукас был убит как раз в тот вечер, когда исчезло письмо? Было ли оно вообще у него? Если было, то почему его не нашли среди бумаг? Не унесла ли его с собой обезумевшая жена Лукаса? Если унесла, не находится ли оно у нее дома, в Париже? И как я могу искать его там, не возбудив подозрений французской полиции? Это тот случай, дорогой Уотсон, где законность столь же страшна для нас, как и нарушение ее. Все против нас, но интересы, поставленные на карту, колоссальны. Если мне удастся успешно завершить это дело, оно, конечно, достойно увенчает мою карьеру… А, вот и последние новости с передовых позиций! – Он быстро взглянул на записку, поданную ему. – Ага! Лестрейд, кажется, нашел что-то интересное. Надевайте шляпу, Уотсон, и мы вместе отправимся в Вестминстер.

Впервые я увидел место, где было совершено преступление: высокий неприглядный, с узким фасадом дом, своей чопорностью, официальностью и массивностью напоминавший то столетие, когда он был построен. Бульдожье лицо Лестрейда выглянуло из окна, и когда огромный констебль открыл нам дверь, Лестрейд дружески приветствовал нас.

Комната, в которую мы вошли, оказалась той самой, где было совершено преступление, но следов его уже не осталось, кроме безобразного расплывшегося пятна на ковре. Ковер, маленький квадрат толстого сукна, прикрывал только середину комнаты и был окружен широким пространством натертых до блеска квадратных плиток красивого старинного паркета. Над камином висела замеча-

тельная коллекция оружия; из нее-то и был взят кинжал в тот трагический вечер. Около окна стоял роскошный письменный стол, и каждый предмет в комнате: картины, ковры, портьеры – все свидетельствовало об утонченном, даже изнеженном вкусе хозяина.

– Вы слышали новости из Парижа? – спросил Лестрейд.

Холмс утвердительно кивнул.

– На этот раз наши французские друзья попали в самую точку. Убийство, несомненно, произошло именно так, как утверждают они. Она постучала в дверь – неожиданный визит, я думаю, потому что у него никто не бывал. Он впустил ее – нельзя же было держать ее на улице! Она рассказала ему, как выследила его, осыпала его упреками. А затем, благо кинжал был под рукой, скоро наступил конец. Все это произошло, конечно, не сразу, потому что все стулья были свалены в кучу, а один был даже у него в руках, как будто он пытался им обороняться. Мы представляем себе все это так ясно, как будто сами были свидетелями.

Холмс поднял брови:

– И все же вы прислали за мной?

– Ах, да, это другое дело – маленький пустяк, но именно один из тех, какими вы интересуетесь: подозрительный, знаете ли, и, как вы, пожалуй, назовете, странный. На первый взгляд он не имеет ничего общего со всем этим делом.

– Что же это?

– Вам известно, что, после того как преступление обнаружено, мы тщательно следим, чтобы все вещи оставались на прежних местах. Тут ничего не трогали. День и

ночь в квартире дежурил полицейский. Сегодня утром, после того как убитого похоронили и обследование этой комнаты было закончено, мы решили немного привести ее в порядок. И вот ковер… Видите ли, он не прикреплен к полу, его просто положили на пол. Случайно мы подняли его и обнаружили…

– Да? Обнаружили… – Лицо Холмса выражало величайший интерес.

– О-о, я уверен, что вам и за сто лет не отгадать, что мы обнаружили! Вы видите это пятно на ковре? Ведь через этот ковер должно было просочиться порядочное количество крови, не так ли?

– Разумеется.

– И представьте себе, что на светлом паркете в этом месте нет пятна.

– Нет пятна? Но оно должно быть!

– Да, вы так думаете. И все же его там нет.

Он приподнял край ковра, и мы убедились, что так оно и есть.

– Но ведь нижняя сторона ковра тоже запятнана, как и верхняя. Она-то должна была оставить пятно на полу!

Видя изумление прославленного специалиста, Лестрейд захихикал от восторга.

– Ну, а теперь я объясню вам, в чем дело. Второе пятно тоже существует, но оно не совпадает с первым. Взгляните сами.

С этими словами он приподнял другой конец ковра, и действительно, на светлых квадратах паркета, ближе к старинной двери, мы увидели большое темно-красное пятно.

– Что вы скажете об этом, мистер Холмс?

– Здесь все очень просто. Два пятна совпадают друг с другом, но ковер был перевернут. Так как он квадратный и не прикреплен к полу, это было легко сделать.

– Мистер Холмс, полиция не нуждается в том, чтобы вы объясняли ей, что ковер был перевернут. Это совершенно ясно: если положить ковер вот так, пятна приходятся друг над другом. А я вас спрашиваю: кто поднимал ковер и зачем?

По неподвижному лицу Холмса я видел, что он с трудом сдерживает охватившее его волнение.

– Послушайте, Лестрейд, – сказал он, – тот полицейский в коридоре все время дежурит здесь?

– Да.

– Ну, так вот вам мой совет: допросите его хорошенько. Но только не при нас, мы подождем здесь. Отведите его в другую комнату. Наедине с вами он скорее признается. Спросите его, как он посмел впустить человека и оставить его одного в этой комнате. Не спрашивайте, сделал ли он это. Считайте, что это не требует доказательства. Скажите ему, что вам известно, что здесь кто-то был. Пригрозите ему. Скажите, что только чистосердечное признание может искупить его вину. Сделайте все, как я говорю.

– Клянусь, я выжму из него все, если он хоть что-нибудь знает! – воскликнул Лестрейд.

Он выбежал в переднюю, и через минуту мы услышали, как он кричит в соседней комнате.

– Скорее, Уотсон, скорее! – воскликнул Холмс, дрожа от нетерпения.

Вся сверхъестественная сила этого человека, скрывае-

мая под маской апатии, вспыхнула порывом энергии. Он откинул ковер и, быстро опустившись на колени, начал ощупывать каждый квадрат паркета под ним. Один из них, когда он дотронулся до его края, отскочил в сторону. Это была крышка ящичка; под ней находилось маленькое темное углубление. Холмс нетерпеливо засунул туда руку, но, вытащив ее, застонал от досады и горького разочарования. Ящичек был пуст.

– Живее, Уотсон, живее! Кладите его на место!

Едва мы успели закрыть тайник и положить ковер на место, как в коридоре послышался голос Лестрейда. Когда он вошел, Холмс стоял, небрежно прислонившись к камину, с унылым и страдальческим видом, едва сдерживая безудержную зевоту.

– Простите, что задержал вас, мистер Холмс. Вижу, вам до смерти надоело все это дело. Наконец-то он сознался! Войдите, Макферсон. Пусть джентельмены тоже узнают о вашем непростительном поведении.

В комнату боком вошел красный и смущенный констебль огромного роста.

– Уверяю вас, сэр, у меня и в мыслях ничего худого не было. Вчера вечером сюда зашла молодая женщина; она сказала, что ошиблась домом. Мы поговорили. Скучно ведь стоять здесь одному целый день…

– Ну, и что же случилось?

– Она захотела посмотреть, где произошло убийство, сказала, что читала об этом в газетах. Очень порядочная молодая женщина, сэр, и так складно говорила. Я подумал: ничего худого не выйдет, если я пущу ее поглядеть. Но, увидав пятно на ковре, она упала на пол и лежала как

мертвая. Я бросился на кухню, принес воды, но не мог привести ее в чувство. Тогда я побежал за угол, в трактир «Ветка плюща», за коньяком, однако, пока я ходил, молодая женщина пришла в себя и ушла… Ей, наверно, было стыдно встретиться со мной.

– А ковра никто не трогал?

– Видите ли, сэр, когда я вернулся, он был, пожалуй, немного сдвинут. Ведь она упала на него, а он ничем не прикреплен к полу. Я его потом расправил.

– Это вам урок, констебль Макферсон, чтобы вы не обманывали меня, – важно проговорил Лестрейд. – Вы, конечно, решили, что это нарушение порядка не откроется, а мне достаточно было бросить только один взгляд на ковер, и я сразу понял, что кто-то заходил в эту комнату. Ваше счастье, приятель, что ничего не пропало, а то вам пришлось бы худо. Мне жаль, мистер Холмс, что я вызвал вас сюда из-за такого пустяка, но я думал, что это второе пятно, не совпадающее с первым, заинтересует вас.

– Разумеется, это очень интересно… Констебль, эта женщина только один раз заходила сюда?

– Да, сэр, только один раз.

– А как ее зовут?

– Не знаю, сэр. Она сказала, что ищет работу по переписке на машинке, но ошиблась номером дома, очень приятная, приличная молодая женщина, сэр.

– Высокая? Красивая?

– Да, сэр, довольно высокая молодая женщина. Можно сказать, что она красивая. Пожалуй, даже очень красивая. «О, офицер, разрешите мне только взглянуть!» – сказала она. У нее были такие приятные, прямо ласковые манеры, и

я подумал, что не будет большой беды, если разрешу ей заглянуть в дверь.

– Как она была одета?

– Очень просто, сэр: в длинной накидке до самого пола.

– В котором часу это было?

– Как раз начинало темнеть. Зажгли фонаря, когда я возвращался из трактира.

– Очень хорошо, – сказал Холмс. – Пойдемте, Уотсон, нас ждет важное дело в другом месте.

Когда мы выходили из дома, Лестрейд остался в комнате, а полный раскаяния констебль бросился отворять нам дверь. Холмс на пороге повернулся и протянул что-то Макферсону. Констебль всмотрелся.

– Боже мой, сэр! – изумленно воскликнул он.

Холмс приложил палец к губам, сунул этот предмет обратно во внутренний карман и, когда вышли на улицу, расхохотался.

– Прекрасно! – сказал он. – Пойдемте, дорогой Уотсон. Занавес поднят, начинается последний акт. Можете быть спокойны: войны не будет, блестящая карьера высокочтимого лорда Трелони Хоупа не, пострадает, неосторожный монарх не будет наказан за свою поспешность и премьер-министру не придется распутывать сложное положение в Европе. От нас требуется только некоторая тактичность и находчивость, и тогда вся эта история, грозившая очень неприятными последствиями, не будет стоить и ломаного гроша.

Я проникся восхищением к этому удивительному человеку.

– Вы решили задачу? – воскликнул я.

– Пока нет, Уотсон. Есть еще некоторые обстоятельства, которые так же непонятны, как и раньше. Но нам уже известно так много, что просто будет обидно не узнать всего. Мы отправимся прямо на Уайтхолл-террас и доведем дело до конца.

Когда мы пришли в дом министра по европейским делам, Шерлок Холмс заявил, что желает видеть леди Хильду Трелони Хоуп. Нас провели в приемную.

– Мистер Холмс! – сказала леди, и лицо ее порозовело от негодования. – Это просто нечестно и неблагородно с вашей стороны. Ведь я уже сказала, что хотела сохранить мой визит к вам в тайне, иначе муж подумает, что я вмешиваюсь в его дела. А вы компрометируете меня своим приходом. Ведь это доказывает, что между нами существуют деловые отношения.

– К сожалению, миледи, у меня не было иного выбора. Мне поручили найти этот исключительно важный документ, поэтому я вынужден просить вас, миледи, передать его мне.

Леди вскочила на ноги; румянец мгновенно схлынул с прекрасного лица. Ее глаза потускнели, она зашаталась. Мне показалось, что она упадет в обморок, но огромным усилием воли она овладела собой, и лицо ее вспыхнуло от изумления и гнева:

– Вы… Вы оскорбляете меня, мистер Холмс!

– Послушайте, миледи, это бесполезно. Отдайте письмо.

Она метнулась к звонку:

– Дворецкий проводит вас.

– Не звоните, леди Хильда. Если вы это сделаете, все

мои искренние попытки избежать скандала окажутся напрасными. Верните мне письмо, и все уладится. Если вы будете слушаться меня, я помогу вам. Если вы не захотите довериться мне, я вынужден буду выдать вас.

Она стояла перед ним гордая и величественная. Глаза ее встретили взгляд Холмса, как будто желали понять, что у него на уме. Она не снимала руки со звонка, но и не звонила.

– Вы пытаетесь запугать меня. Не очень благородно, мистер Холмс, прийти сюда угрожать женщине! Вы говорите, что вам кое-что известно. Что вы знаете?

– Прошу вас, миледи, сядьте. Вы ушибетесь, если упадете. Я не буду говорить, пока вы не сядете… Благодарю вас.

– Даю вам пять минут, мистер Холмс.

– Достаточно и одной, леди Хильда. Я знаю о том, что вы были у Эдуарда Лукаса, отдали ему этот документ, знаю, как вы вчера вечером хитроумно проникли в его комнату вторично и взяли письмо из тайника под ковром.

Лицо леди Хильды стало смертельно бледным. Она не сводила глаз с Холмса; у нее перехватило дыхание, она не могла произнести ни слова.

– Вы сошли с ума, мистер Холмс… Вы сошли с ума! – наконец воскликнула она.

Из кармана он вытащил маленький кусочек картона. Это была фотография женщины.

– Я захватил ее, потому что считал, что она может пригодиться, – сказал он. – Полицейский узнал вас.

Она с трудом глотнула воздух, и ее голова упала на спинку кресла.

– Послушайте, леди Хильда… Письмо у вас, но дело все же можно уладить. У меня нет никакого желания причинять вам неприятности. Мои обязанности кончатся, когда я возвращу пропавшее письмо вашему мужу. Послушайтесь моего совета и будьте откровенны со мной – здесь все ваше спасение.

Ее мужество было восхитительно. Даже в этот момент она не признавала себя побежденной.

– Я снова повторяю вам, мистер Холмс: вы находитесь во власти какой-то нелепой фантазии.

Холмс встал со стула:

– Мне жаль вас, леди Хильда. Я сделал для вас все, что мог, теперь я вижу – это было напрасно.

Он нажал кнопку звонка. Вошел дворецкий.

– Мистер Трелони Хоуп дома?

– Он будет дома, сэр, через пятнадцать минут.

Холмс взглянул на часы.

– Еще пятнадцать минут, – сказал он. – Очень хорошо, я подожду.

Едва дворецкий закрыл за собой дверь, как леди Хильда, простирая руки, бросилась к ногам Холмса; ее прекрасное лицо было залито слезами.

– О, пощадите меня, мистер Холмс! Пощадите меня! – умоляла она в порыве отчаяния. – Ради бога, не говорите ему! Я так люблю его! Мне больно причинить ему малейшую неприятность, а эта, я знаю, разобьет его благородное сердце.

Холмс поднял ее.

– Благодарю вас, миледи, что вы хоть в последний момент опомнились. Нельзя терять ни минуты. Где письмо?

Она бросилась к письменному столу, отперла его и вынула длинный голубой конверт.

– Вот оно, мистер Холмс… Лучше бы я никогда не видела его!

– Как нам теперь его вернуть? – раздумывал Холмс. – Скорее, скорее, надо найти какой-нибудь выход!.. Где шкатулка с документами?

– Все еще в спальне.

– Как удачно! Скорее, миледи, принесите ее сюда.

Через минуту она появилась, держа в руках красную плоскую шкатулку.

– Чем вы открывали ее прежде? У вас есть второй ключ? Конечно, есть. Откройте!

Из-за корсажа леди Хильда вытащила маленький ключ. Шкатулку открыли; она была полна бумаг. Холмс засунул голубой конверт в самую середину, между листками какого-то другого документа. Шкатулку заперли и отнесли обратно в спальню.

– Теперь мы готовы встретить его, – оказал Холмс. – У нас еще есть десять минут. Я беру на себя очень много, чтобы выгородить вас, леди Хильда! За это вы должны в оставшееся время честно рассказать мне всю эту странную историю.

– Я расскажу вам все, мистер Холмс! – воскликнула леди. – О, мистер Холмс, мне легче отрубить себе правую руку, чем доставить ему хоть минуту горя! Во всем Лондоне нет женщины, которая так любила бы своего мужа, как я, и все же, если бы он узнал, что я сделала, что была вынуждена сделать, он никогда не простил бы меня. Он так высоко ставит свою собственную честь, что не в состоянии

забыть или простить бесчестный поступок другого. Помогите мне, мистер Холмс! Мое счастье, его счастье, наши жизни поставлены на карту!

– Скорее, миледи, время истекает!

– Еще до замужества, мистер Холмс, я написала неосторожное, глупое письмо, письмо впечатлительной влюбленной девушки. В нем не было ничего плохого, но все же мой муж счел бы его непростительным. Если бы он прочел это письмо, он перестал бы верить мне. Прошли годы с тех пор, как я написала это письмо. Я подумала, что все забыто. Но вдруг этот человек, Лукас, известил меня о том, что оно попало к нему в руки и что он намерен показать его моему мужу. Я умоляла его пощадить меня. Он сказал, что возвратит мне мое письмо, если я принесу ему один документ, который, по его словам, хранится у мужа в шкатулке для депеш. У него был какой-то шпион в министерстве, который сообщил ему о существовании этого документа. Лукас уверял меня, что это ничуть не повредит моему мужу. Поставьте себя на мое место, мистер Холмс! Что я должна была делать?

– Рассказать обо всем мужу.

– Я не могла, мистер Холмс, не могла! С одной стороны, мне грозила неминуемая гибель; с другой, хоть мне и казалось ужасным взять документ, принадлежащий мужу, но все же я не вполне представляла себе, какие это будет иметь последствия в области международной политики, что же касается нашей любви и взаимного доверия, мне все казалось совершенно ясным. И я совершила кражу, мистер Холмс. Я сняла слепок с ключа, а этот человек, Лукас, сделал второй ключ. Я открыла шкатулку, взяла документ и отнесла его на Годолфин-стрит.

– И что произошло там, миледи?

– Я постучала в дверь, как было условленно. Лукас открыл. Я прошла за ним в его комнату, оставив за собой дверь полуоткрытой, потому что боялась остаться одна с этим человеком. Я помню, что когда я входила в дом, на улице стояла какая-то женщина. Наши переговоры быстро закончились. Мое письмо лежало у него на письменном столе. Я отдала ему документ, он возвратил мне письмо. В это мгновение у двери послышался шум, в коридоре раздались шаги. Лукас быстро откинул ковер, сунул документ в какой-то тайник и снова положил ковер на место.

То, что произошло потом, было похоже на какой-то кошмар. Я видела смуглое безумное лицо, слышала голос женщины, которая кричала по-французски: «Я ждала не напрасно! Наконец-то я застала тебя с ней!» Произошла дикая сцена. Я видела, как он схватил стул, а в ее руке блеснул кинжал. Я бросилась бежать от этого ужаса, выскочила из дома и только на следующее утро из газет узнала о страшном убийстве. В тот вечер я была счастлива, потому что мое собственное письмо находилось в моих руках и я еще не сознавала, что готовит мне будущее.

Но на следующее утро я поняла, что, избавившись от одной беды, попала в другую. Отчаяние мужа, обнаружившего пропажу документа, потрясло меня. Я едва удержалась от того, чтобы не упасть к его ногам и не рассказать, что я наделала. Но ведь мне пришлось бы признаться и в том, что было раньше. В то утро я пришла к вам, и только тогда мне стала ясна вся тяжесть моего поступка. С той минуты я все время думала, как вернуть мужу этот документ. Документ должен был находиться там, куда

положил его Лукас, потому что он спрятал его до прихода этой ужасной женщины. Если бы не ее появление, я никогда не узнала бы, где находится тайник. Как проникнуть в его комнату? В течение двух дней я следила за этим домом, но ни разу дверь не оставалась открытой. Вчера вечером я сделала последнюю попытку. Вы уже знаете, как мне удалось достать письмо. Я принесла его домой и решила уничтожить, так как не знала, каким образом возвратить его мужу, не рассказав ему обо всем… Боже мой, я слышу его шаги на лестнице!

Министр по европейским делам в сильном волнении вбежал в комнату.

– Что нового, мистер Холмс, что нового? – закричал он.

– У меня есть некоторая надежда.

– Слава богу. – Его лицо просияло. – Премьер-министр завтракает со мной, могу я порадовать его? У него стальные нервы, но я знаю, что он почти не спит с тех пор, как произошло это ужасное событие… Джейкобс, попросите премьер-министра подняться сюда. Что касается вас, дорогая, едва ли вам будут интересны эти разговоры о политике. Через несколько минут мы присоединимся к вам в столовой.

Премьер-министр хорошо владел собой, но по блеску его глаз и по судорожным движениям его сухих рук я видел, что он разделяет волнение своего молодого коллеги:

– Насколько я понимаю, мистер Холмс, вы хотите нам что-то сообщить?

– Пока только отрицательное, – ответил мой друг. – Я навел справки везде, где только мог, и убедился, что оснований для волнений нет никаких.

– Но этого недостаточно, мистер Холмс. Мы не можем вечно жить на вулкане, нам нужно знать определенно.

– Я надеюсь найти письмо, поэтому я и пришел сюда. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше я убеждаюсь, что письмо никогда не покидало пределы этого дома.

– Мистер Холмс!

– Если бы оно было похищено, его, конечно, давным-давно опубликовали бы.

– Но какой же смысл взять его, чтобы спрятать в этом же доме?

– А я не уверен, что его вообще взяли.

– Как же тогда оно исчезло из шкатулки?

– Я и не уверен, что оно исчезло из шкатулки.

– Мистер Холмс, сейчас неподходящее время для шуток! Я вас уверяю, что там его нет.

– Вы заглядывали туда со вторника?

– Нет. Да это совершенно бесцельно!

– Вы могли и не заметить его.

– Послушайте, это невозможно.

– Кто знает! Такие вещи бывали. Ведь там, наверно, есть еще документы. Оно могло затеряться среди них.

– Письмо лежало сверху.

– Кто-нибудь мог тряхнуть шкатулку, и оно переместилось.

– Нет, нет, я вынимал все.

– Но это же легко проверить, Хоуп! – сказал премьер. – Прикажите принести шкатулку сюда.

Министр по европейским делам нажал звонок:

– Джейкобс, принесите мою шкатулку для бумаг… Мы совершенно напрасно теряем время, но если это удовле-

творит вас, что ж, проверим… Спасибо, Джейкобс, поставьте ее сюда… Ключ у меня всегда на цепочке от часов. Вот все бумаги, вы видите. Письмо от лорда Мерроу, доклад сэра Чарльза Харди, меморандум из Белграда, сведения о русско-германских хлебных пошлинах, письмо из Мадрида, донесение от лорда Флауэрса… Боже мой! Что это? Лорд Беллинджер! Лорд Беллинджер!

Премьер выхватил голубой конверт у него из рук:

– Да, это оно. И письмо цело… Поздравляю вас Хоуп!

– Благодарю вас! Благодарю вас! Какая тяжесть свалилась с моих плеч!.. Но это непостижимо… невозможно… Мистер Холмс, вы волшебник, вы чародей! Откуда вы узнали, что оно здесь?

– Потому что я знал, что больше ему быть негде.

– Не могу поверить своим глазам! – Он стремительно выбежал из комнаты. – Где моя жена? Я должен оказать ей, что все уладилось. Хильда! Хильда! – услышали мы его голос на лестнице.

Премьер, прищурившись, посмотрел на Холмса.

– Послушайте, сэр, – сказал он, – здесь что-то кроется. Как могло письмо снова очутиться в шкатулке?

Холмс, улыбаясь, отвернулся, чтобы избежать испытующего взгляда этих проницательных глаз.

– У нас тоже есть свои дипломатические тайны, – сказал он и, взяв шляпу, направился к двери.

МОРСКОЙ ДОГОВОР

Июль того года, когда я женился, памятен мне по трем интересным делам. Я имел честь присутствовать при их

расследовании. В моих дневниках они называются: «Второе пятно», «Морской договор» и «Усталый капитан». Первое из этих дел связано с интересами высокопоставленных лиц, в нем замешаны самые знатные семейства королевства, так что долгие годы было невозможно предать его гласности. Но именно оно наиболее ясно иллюстрирует аналитический метод Холмса, который произвел глубочайшее впечатление на всех, кто принимал участие в расследовании. У меня до сих пор хранится почти дословная запись беседы, во время которой Холмс рассказал все, что доподлинно произошло, месье Дюбюку из парижской полиции и Фрицу фон Вальдбауму, известному специалисту из Данцига, которые потратили немало энергии, распутывая нити, оказавшиеся второстепенными. Но только когда наступит новый век, рассказать этот случай можно будет безо всякого ущерба для кого бы то ни было. А сейчас мне хотелось бы рассказать историю с морским договором. Это дело в свое время тоже имело государственное значение, и в нем есть несколько моментов, придающих ему совершенно уникальный характер.

Еще в школьные годы я сдружился с Перси Фелпсом, который был почти что моим ровесником, но опередил меня на два класса. У него были блестящие способности – он получал почти все школьные премии и за выдающиеся успехи был удостоен стипендии, которая позволила ему добиться триумфа и в Кембридже. Помнится, у него были большие родственные связи. Еще в школе мы знали, что брат его матери лорд Холдхэрст – крупный деятель консервативной партии. Но тогда это знатное родство приносило ему мало пользы; напротив, было очень забавно вы-

валять его в пыли на спортивной площадке или ударить ракеткой ниже спины. Другое дело, когда он ступил на путь самостоятельной жизни. Краем уха я слышал, что благодаря своим способностям и влиянию дяди он получил хорошее место в министерстве иностранных дел. Но затем я совершенно забыл о нем, пока не получил следующего письма:

«Брайарбрэ, Уокинг.

Дорогой Уотсон, я не сомневаюсь, что вы помните «Головастика» Фелпса, который учился в пятом классе, когда вы были в третьем. Возможно, вы даже слышали, что благодаря влиянию моего дяди я получил хорошую должность в министерстве иностранных дел и был в доверии и чести, пока на меня не обрушилось ужасное несчастье, погубившее мою карьеру.

Нет надобности писать обо всех подробностях этого кошмарного происшествия. Если вы снизойдете до моей просьбы, мне все равно придется вам рассказать все от начала до конца.

Я только что оправился от нервной горячки, которая длилась два месяца, и я все еще слаб. Не могли бы вы навестить меня вместе с вашим другом, мистером Холмсом? Мне бы хотелось услышать его мнение об этом деле, хотя авторитетные лица утверждают, что ничего больше поделать нельзя. Пожалуйста, приезжайте с ним как можно скорее. Пока я живу в этом ужасном неведении, мне каждая минута кажется часом.

Объясните ему, что если я не обратится к нему прежде, то не потому, что я не ценил его таланта, а потому, что, с тех пор как на меня обрушился этот удар, я все

время находился в беспамятстве. Теперь сознание вернулось ко мне, хотя я и не слишком уверенно чувствую себя, так как боюсь рецидива. Я еще так слаб, что могу, как вы видите, только диктовать. Прошу вас, приходите вместе с вашим другом.

Ваш школьный товарищ Перси Фелпс.»

Что-то в его письме тронуло меня, было что-то жалостное в его повторяющихся просьбах привезти Холмса. Попроси он что-нибудь неисполнимое, я и тогда постарался бы все для него сделать, но я знал, как Холмс любит свое искусство, знал, что он всегда готов прийти на помощь тому, кто в нем нуждается. Моя жена согласилась со мной, что нельзя терять ни минуты, и вот я тотчас после завтрака оказался еще раз в моей старой квартире на Бейкер-стрит.

Холмс сидел в халате за приставным столом и усердно занимался какими-то химическими исследованиями. Над голубоватым пламенем бунзеновской горелки в большой изогнутой реторте неистово кипела какая-то жидкость, дистиллированные капли которой падали в двухлитровую мензурку. Когда я вошел, мой друг даже не поднял головы, и я, видя, что он занят важным делом, сел в кресло и принялся ждать.

Он окунал стеклянную пипетку то в одну бутылку, то в другую, набирая по нескольку капель жидкости из каждой, и наконец перенес пробирку со смесью на письменный стол. В правой руке он держал полоску лакмусовой бумаги.

– Вы пришли в самый ответственный момент, Уотсон, – сказал Холмс. – Если эта бумага останется синей, все хорошо. Если она станет красной, то это будет стоить человеку жизни.

Он окунул полоску в пробирку, и она мгновенно окрасилась в ровный грязновато-алый цвет.

– Гм, я так и думал! – воскликнул он. – Уотсон, я буду к вашим услугам через минуту. Табак вы найдете в персидской туфле.

Он повернулся к столу и написал несколько телеграмм, которые тут же вручил мальчику-слуге. Затем сел на стул, стоявший против моего кресла, поднял колени и, сцепив длинные пальцы, обхватил руками худые, длинные ноги.

– Самое обыкновенное убийство, – сказал он. – Догадываюсь, что вы принесли кое-что получше. Вы вестник преступлений, Уотсон. Что у вас?

Я дал ему письмо, которое он прочел самым внимательным образом.

– В нем сообщается не слишком много, верно? – заметил он, отдавая письмо.

– Почти ничего.

– И все же почерк интересный.

– Но это не его почерк.

– Верно. Писала женщина!

– Да нет, это мужской почерк!

– Нет, писала женщина, и притом обладающая редким характером. Видите ли, знать в начале расследования, что ваш клиент, к счастью или на свою беду, тесно общается с незаурядной личностью, – это уже много. Если вы готовы, то мы тотчас отправимся в Уокинг и встретимся с этим попавшим в беду дипломатом и с дамой, которой он диктует свои письма.

На Ватерлоо мы удачно сели на ранний поезд и меньше чем через час оказались среди хвойных лесов и вересковых

зарослей Уокинга. Усадьба Брайарбрэ находилась в нескольких минутах ходу от станции. Мы послали свои визитные карточки, и нас провели в гостиную, обставленную элегантной мебелью, куда через несколько минут вошел довольно полный человек, принявший нас очень радушно. Ему было уже лет за тридцать пять, но из-за очень румяных щек и веселых глаз он производил впечатление пухлого, озорного мальчугана.

– Я рад, что вы приехали, – сказал он, экспансивно пожимая наши руки. – Перси все утро спрашивает о вас. Бедняга, он цепляется за любую соломинку. Его отец с матерью просили меня встретить вас, потому что им больно даже упоминание об этом деле.

– Мы пока еще ничего не знаем, – заметил Холмс. – Как я догадываюсь, вы не член этой семьи.

Наш новый знакомый удивился, но, посмотрев вниз, рассмеялся.

– Вы, разумеется, увидели монограмму «Дж. Г.» у меня на брелоке, – сказал он. – А я уже было поразился вашей проницательности. Я Джозеф Гаррисон, и так как Перси собирается жениться на моей сестре Энни, то буду его родственником по крайней мере со стороны жены. Сестру мою вы увидите в его комнате – последние два месяца она нянчит его, как ребенка. Пожалуй, нам лучше пройти к нему тотчас: он ждет вас с нетерпением.

Комната, в которую нас провели, была на том же этаже, что и гостиная. Это была полугостиная-полуспальня, в ней было много цветов. Теплый летний воздух, напоенный садовыми ароматами, вливался в раскрытое окно, у которого на кушетке лежал очень бледный и изможденный молодой человек.

Когда мы вошли, сидевшая рядом с ним женщина встала.

– Я пойду, Перси? – спросила она. Он схватил ее за руку, чтобы удержать.

– Здравствуйте, Уотсон, – сказал он сердечно. – Вы отпустили усы – я бы ни за что не узнал вас, да и меня узнать мудрено. А это, наверно, ваш знаменитый друг – мистер Шерлок Холмс?

Я коротко представил Холмса, и мы оба сели. Толстый молодой человек вышел, но его сестра осталась с больным, который не выпускал ее руки. Это была женщина примечательной внешности – с красивым смугловатым цветом лица, большими черными миндалевидными глазами и копной иссиня-черных волос, но для своего небольшого роста она была, пожалуй, несколько полновата. По контрасту с ее яркими красками бледное лицо ее жениха казалось еще более осунувшимся, изможденным.

– Я не хочу, чтобы вы теряли время, – сказал он, приподнявшись на кушетке, – и сразу перейду к делу. Я был счастливым и преуспевающим человеком, мистер Холмс. Уже готовилась моя свадьба, как вдруг ужасная беда разрушила все мои жизненные планы.

Уотсон, наверно, говорил вам, что я служил в министерстве иностранных дел и благодаря влиянию моего дяди, лорда Холдхэрста, быстро получил ответственную должность. Когда дядюшка стал министром иностранных дел в нынешнем правительстве, он стал давать мне ответственные поручения, и, так как я выполнял их с неизменным успехом, он в конце концов совершенно уверился в моих способностях и дипломатическом такте.

Примерно десять недель назад, а точнее, двадцать третьего мая, он вызвал меня к себе в кабинет и, похвалив за старание, сказал, что хочет поручить мне новое ответственное дело.

«Вот это, – сказал он, беря серый свиток бумаги со стола, – оригинал тайного договора между Англией и Италией, сведения о котором уже просочились, к сожалению, в печать. Чрезвычайно важно, чтобы в дальнейшем никакой утечки информации не было. Французское или русское посольства заплатили бы огромные деньги, чтобы узнать содержание этого документа. Я бы предпочел не вынимать его из ящика моего письменного стола, если бы не было настоятельной необходимостью снять с него копию. В вашем кабинете есть сейф?»

«Да, сэр».

«Тогда возьмите договор и заприте его в сейфе. Я дам указание, чтобы вам разрешили остаться, когда все уйдут, и вы сможете снять копию, не спеша и не боясь, что за вами будут подглядывать. Когда вы все кончите, заприте и оригинал и копию в сейф и завтра утром вручите их мне лично». Я взял документ и…

– Простите, – перебил его Холмс, – вы были один во время разговора?

– Совершенно один.

– В большой комнате?

– Футов тридцать на тридцать.

– Посередине ее?

– Да, примерно.

– И говорили тихо?

– Дядя всегда говорит очень тихо. А я почти ничего не говорил.

– Спасибо, – сказал Холмс, закрывая глаза. – Пожалуйста, продолжайте.

– Я сделал точно так, как он мне велел, и подождал, пока уйдут клерки. Один из клерков, работавших со мной в одной комнате, Чарльз Горо, не управился вовремя со всей работой, и поэтому я решил сходить пообедать. Когда я вернулся, он уже ушел. Мне не терпелось поскорее закончить работу: я знал, что Джозеф – мистер Гаррисон, которого вы только что видели, – в городе и что он поедет в Уокинг одиннадцатичасовым поездом. И я тоже хотел поспеть на этот поезд.

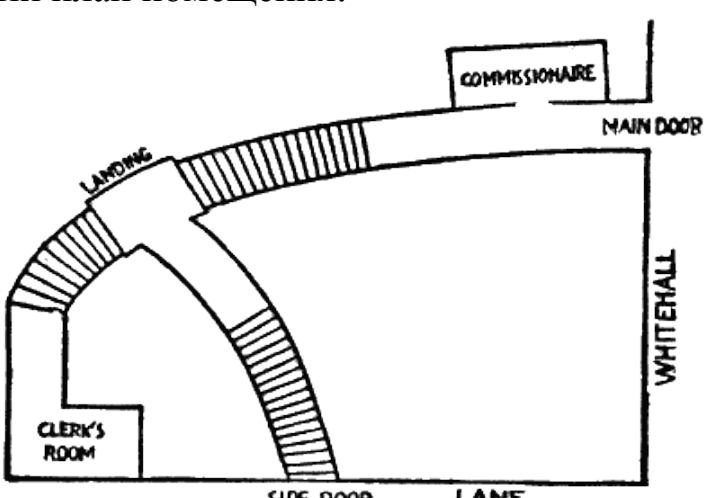
С первого же взгляда я понял, что дядя нисколько не преувеличил значения договора. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что им определялась позиция Великобритании по отношению к Тройственному союзу и предопределялась будущая политика нашей страны на тот случай, если французский флот по своей боевой мощи превзойдет в Средиземном море итальянский флот. В договоре трактовались вопросы, имеющие отношение только к военно-морским делам. В конце стояли подписи высоких договаривающихся сторон. Я пробежал глазами договор и стал переписывать его.

Это был пространный документ, написанный на французском языке и насчитывающий двадцать шесть статей. Я писал очень быстро, но к девяти часам одолел всего лишь девять статей и уже потерял надежду попасть на поезд. Я хотел спать и плохо соображал, потому что плотно пообедал, да и сказывался целый день работы. Чашка кофе взбодрила бы меня. Швейцар у нас дежурит всю ночь в маленькой комнате возле лестницы и обычно варит на

спиртовке кофе для тех сотрудников, которые остаются работать в неурочное время. И я звонком вызвал его.

К моему удивлению, на звонок пришла высокая, плотная, пожилая женщина в фартуке. Это была жена швейцара, работающая у нас уборщицей, и я попросил ее сварить кофе.

Переписав еще две статьи, я почувствовал, что совсем засыпаю, встал и прошелся по комнате, чтобы размять ноги. Кофе мне еще не принесли, и я решил узнать, в чем там дело. Открыв дверь, я вышел в коридор. Из комнаты, где я работал, можно пройти к выходу только плохо освещенным коридором. Он кончается изогнутой лестницей, спускающейся в вестибюль, где находится и комнатка швейцара. Посередине лестницы есть площадка, от которой под прямым углом отходит еще один коридор. По нему, минуя небольшую лестницу, можно пройти к боковому входу, которым пользуются слуги и клерки, когда они идут со стороны Чарльз-стрит и хотят сократить путь. Вот примерный план помещения:



– Спасибо. Я внимательно слушаю вас, – сказал Шерлок Холмс.

– Вот что очень важно. Я спустился по лестнице в вестибюль, где нашел швейцара, который крепко спал. На спиртовке, брызгая водой на пол, бешено кипел чайник. Я протянул было руку, чтобы разбудить швейцара, который все еще крепко спал, как вдруг над его головой громко зазвонил звонок. Швейцар, вздрогнув, проснулся.

«Это вы, мистер Фелпс!» – сказал он, смущенно глядя на меня.

«Я сошел вниз, чтобы узнать, готов ли кофе».

«Я варил кофе и уснул, сэр, – сказал он, взглянул на меня и уставился на все еще раскачивающийся звонок. Лицо его выражало крайнее изумление. – Сэр, если вы здесь, то кто же тогда звонил?» – спросил он.

«Звонил? – переспросил я. – Что вы имели в виду? Что это значит?»

«Этот звонок из той комнаты, где вы работаете».

Мое сердце словно сжала ледяная рука. Значит, сейчас кто-то есть в комнате, где лежит на столе мой драгоценный договор. Что было духу я понесся вверх по лестнице, по коридору. В коридоре не было никого, мистер Холмс. Не было никого и в комнате. Все лежало на своих местах, кроме доверенного мне документа, – он исчез со стола. Копия была на столе, а оригинал пропал.

Холмс откинулся на спинку стула и потер руки. Я видел, что дело это захватило его.

– Скажите, пожалуйста, а что вы сделали потом? – спросил он.

– Я мигом сообразил, что похититель, по-видимому,

поднялся наверх, войдя в дом с переулка. Я бы, наверно, встретился с ним, если бы он шел другим путем.

– А вы убеждены, что он не прятался все это время в комнате или в коридоре, который, по вашим словам, был плохо освещен?

– Это совершенно исключено. В комнате или коридоре не спрячется и мышь. Там просто негде прятаться.

– Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

– Швейцар, увидев по моему побледневшему лицу, что случилась какая-то беда, тоже поднялся наверх. Мы оба бросились вон из комнаты, побежали по коридору, а затем по крутой лесенке, которая вела на Чарльз-стрит. Дверь внизу была закрыта, но не заперта. Мы распахнули ее и выбежали на улицу. Я отчетливо помню, что со стороны соседней церкви донеслось три удара колоколов. Было без четверти десять.

– Это очень важно, – сказал Холмс, записав что-то на манжете сорочки.

– Вечер был очень темный, шел мелкий теплый дождик. На Чарльз-стрит не было никого, на Уайтхолл, как всегда, движение продолжалось самое бойкое. В чем были, без головных уборов, мы побежали по тротуару и нашли на углу полицейского.

«Совершена кража, – задыхаясь, сказал я. – Из министерства иностранных дел украден чрезвычайно важный документ. Здесь кто-нибудь проходил?»

«Я стою здесь уже четверть часа, сэр, – ответил полицейский, – за все это время прошел только один человек – высокая пожилая женщина, закутанная в шаль».

«А, это моя жена, – сказал швейцар. – А кто-нибудь еще не проходил?»

«Никто».

«Значит, вор, наверно, пошел в другую сторону», – сказал швейцар и потянул меня за рукав.

Но его попытка увести меня отсюда только усилила возникшее у меня подозрение.

«Куда пошла женщина?» – спросил я.

«Не знаю, сэр. Я только заметил, как она прошла мимо, но причин следить за ней у меня не было. Кажется, она торопилась».

«Как давно это было?»

«Несколько минут назад».

«Сколько? Пять?»

«Ну, не больше пяти».

«Мы напрасно тратим время, сэр, а сейчас дорога каждая минуту, – уговаривал меня швейцар. – Поверьте мне, моя старуха никакого отношения к этому не имеет. Пойдемте скорее в другую сторону от входной двери. И если вы не пойдете, то я пойду один».

С этими словами он бросился в противоположную сторону. Но я догнал его и схватил за рукав.

«Где вы живете?» – спросил я.

«В Брикстоне. Айви-лейн, 16, – ответил он, – но вы на ложном следу, мистер Фелпс. Пойдем лучше в ту сторону улицы и посмотрим, нет ли там чего!»

Терять было нечего. Вместе с полицейским мы поспешили в противоположную сторону и вышли на улицу, где было большое движение и масса прохожих. Но все они в этот сырой вечер только и мечтали поскорее добраться до крова. Не нашлось ни одного праздношатающегося, который бы мог сказать нам, кто здесь проходил. Потом мы

вернулись в здание, поискали на лестнице и в коридоре, но ничего не нашли. Пол в коридоре покрыт кремовым линолеумом, на котором заметен всякий след. Мы тщательно осмотрели его, но не обнаружили никаких следов.

– Дождь шел весь вечер?

– Примерно с семи.

– Как же в таком случае женщина, заходившая в комнату около девяти, не наследила своими грязными башмаками?

– Я рад, что вы обратили внимание на это обстоятельство. То же самое пришло в голову и мне. Но оказалось, что уборщицы обычно снимают башмаки в швейцарской и надевают матерчатые туфли.

– Понятно. Значит, хотя на улице в тот вечер шел дождь, никаких следов не оказалось? Дело принимает чрезвычайно интересный оборот. Что вы сделали затем?

– Мы осмотрели и комнату. Потайной двери там быть не могло, а от окон до земли добрых футов тридцать. Оба окна защелкнуты изнутри. На полу ковер, так что люк исключается, а потолок обыкновенный, беленый. Кладу голову на отсечение, что украсть документ могли, только войдя в дверь.

– А через камин?

– Камина нет. Только печка. Шнур от звонка висит справа от моего стола. Значит, тот, кто звонил, стоял по правую руку. Но зачем понадобилось преступнику звонить? Это неразрешимая загадка.

– Происшествие, разумеется, необычайное. Но что вы делали дальше? Вы осмотрели комнату, я полагаю, чтобы убедиться, не оставил ли незваный гость каких-нибудь

следов своего пребывания – окурков, например, потерянной перчатки, шпильки или другого пустяка?

– Ничего не было.

– А как насчет запахов?

– Об этом мы не подумали.

– Запах табака оказал бы нам величайшую услугу при расследовании.

– Я сам не курю и поэтому заметил бы табачный запах. Нет. Зацепиться там было совершенно не за что. Одно только существенно – жена швейцара миссис Танджи спешно покинула здание. Сам швейцар объяснил, что его жена всегда в это время уходит домой. Мы с полицейским решили, что лучше всего было бы немедленно арестовать женщину, чтобы она не успела избавиться от документа, если, конечно, похитила его она.

Мы тут же дали знать в Скотланд-Ярд, и оттуда тотчас прибыл сыщик мистер Форбс, энергично взявшийся за дело. Наняв кеб, мы через полчаса уже стучались в дверь дома, где жил швейцар. Нам отворила девушка, оказавшаяся старшей дочерью миссис Танджи. Ее мать еще не вернулась, и нас провели в комнату.

Минут десять спустя раздался стук. И тут мы совершили серьезный промах, в котором я виню только себя. Вместо того чтобы открыть дверь самим, мы позволили сделать это девушке. Мы услышали, как она сказала: «Мама, тебя ждут двое мужчин», – и тотчас услышали в коридоре быстрый топот. Форбс распахнул дверь, и мы оба бросились за женщиной в заднюю комнату или кухню. Она вбежала туда первая и вызывающе взглянула на нас, но потом вдруг, узнав меня, от изумления даже переменилась в лице.

«Да это же мистер Фелпс из министерства!» – воскликнула она.

«А вы за кого нас приняли? Почему бросились бежать от нас?» – спросил мой спутник.

«Я думала, пришли описывать имущество, – сказала она. – Мы задолжали лавочнику».

«Придумано не так уж ловко, – парировал Форбс. – У нас есть причины подозревать вас в краже важного документа из министерства иностранных дел. И я думаю, что вы бросились в кухню, чтобы спрятать его. Вы должны поехать с нами в Скотланд-Ярд, где вас обыщут».

Напрасно она протестовала и сопротивлялась. Подъехал кеб, и мы все трое сели в него. Но перед тем мы все-таки осмотрели кухню и особенно очаг, предположив, что она успела сжечь бумаги за то короткое время, пока была в кухне одна. Однако ни пепла, ни обрывков мы не нашли. Приехав в Скотланд-Ярд, мы сразу передали ее в руки одной из сотрудниц. Я ждал ее доклада, сгорая от нетерпения. Но никакого документа не нашли.

Тут только я понял весь ужас моего положения. До сих пор я действовал и, действуя, забывался. Я был совершенно уверен, что договор найдется немедленно, и не смел даже думать о том, какие последствия меня ожидают, если этого не случится. Но теперь, когда розыски окончились, я мог подумать о своем положении. Оно было поистине ужасно! Уотсон вам скажет, что в школе я был нервным, чувствительным ребенком. Я подумал о дяде и его коллегах по кабинету министров, о позоре, который я навлек на него, на себя, на всех, кто был связан со мной. А что, если я стал жертвой какого-то невероятного случая? Никакая случай-

ность не допустима, когда на карту становятся дипломатические интересы. Я потерпел крах, постыдный, безнадежный крах. Не помню, что я потом делал. Наверно, со мной была истерика. Смутно припоминаю столпившихся вокруг и старающихся утешить меня служащих Скотланд-Ярда. Один из них поехал со мной до Ватерлоо и посадил меня в поезд на Уокинг. Наверно, он проводил бы меня до самого дома, если бы не подвернулся доктор Ферьер, живущий по соседству от нас и ехавший тем же поездом. Доктор любезно взял на себя заботу обо мне, и как раз вовремя, потому что на станции у меня начался припадок, и мы еще не добрались до дому, как я превратился в буйнопомешанного.

Можете представить себе, что здесь было, когда после звонка доктора все поднялись с постелей и увидели меня в таком состоянии. Бедняжка Энни, сидящая здесь, и моя мать были в отчаянии. Доктор Ферьер рассказал родным то, что ему сообщил на вокзале сыщик, и только подлил масла в огонь. Всем было ясно, что я заболел надолго, а посему Джозефа выпроводили из этой веселой комнаты и обратили ее в больничную палату. Здесь я и провалялся более девяти недель в полном беспамятстве и бреду. Если бы не мисс Гаррисон и не заботы доктора, я бы еще и сейчас не был способен здраво рассуждать. Энни ходила за мной днем, а ночью дежурила сиделка, так как в приступе безумия я мог сделать что угодно. Постепенно сознание мое прояснилось, но память ко мне вернулась только три дня назад. Порой мне хочется вовсе лишиться ее. В первую очередь я попросил телеграфировать мистеру Форбсу, который расследует дело. Он приехал и заверил меня, что

делается все возможное, хотя на след преступника еще не напали. Швейцара и его жену проверили самым тщательным образом и ничего не обнаружили. Тогда полиция стала подозревать Горо, который, как вы помните, оставался в тот вечер работать дольше других. Подозрение могла вызвать только его французская фамилия и тот факт, что он тогда задержался в министерстве; но я приступил к работе лишь после его ухода, а он сам и его семья – предки Горо были гугенотами – по своим симпатиям и образу жизни такие же англичане, как вы и я. Как бы там ни было, инкриминировать ему ничего не могли, и пришлось отказаться и от этой версии. Вы, мистер Холмс, – моя последняя надежда. Если вы не спасете меня, моя честь и мое положение – все погибло безвозвратно.

Устав от длинного рассказа, больной опустился на подушки, а его сиделка налила ему в стакан какую-то успокаивающую микстуру. Холмс сидел, запрокинув голову и закрыв глаза, и молчал. Стороннему человеку показалось бы, что им овладело безразличие, но я-то знал, что эта его поза означает напряженнейшую работу мысли.

– Ваш рассказ был настолько исчерпывающим, – сказал он наконец, – что мне почти нечего спрашивать.

Но один вопрос, имеющий первостепенное значение, я вам все-таки задам. Говорили вы кому-нибудь о том, что получили специальное задание?

– Никому.

– Хотя бы вот… мисс Гаррисон?

– Нет. Я не был в Уокинге после того, как мне дали это задание.

– И ни с кем из ваших вы тогда случайно не виделись?

– Ни с кем.

– Кто-нибудь из них знает, где расположена ваша комната в министерстве?

– О да, у меня там бывали все.

– Конечно, этот последний вопрос излишен, если вы никому ничего не говорили.

– Никому ничего.

– Что вы знаете о швейцаре?

– Ничего, кроме того, что он отставной солдат.

– Какого полка?

– Я слышал, как будто… Коулдстрим-Гардз.

– Спасибо. Я не сомневаюсь, что узнаю подробности у Форбса. Следователи Скотланд-Ярда отлично умеют собирать факты, но не всегда умеют объяснить их. Ах, какая прелестная роза!

Холмс прошел мимо кушетки к открытому окну, приподнял опустившийся стебель розы и полюбовался тончайшими оттенками розового и зеленого. Эта сторона его характера мне еще не была знакома – я до сих пор ни разу не видел, чтобы он проявлял интерес к живой природе.

– Нигде так не нужна дедукция, как в религии, – сказал он, прислонившись к ставням. – Логик может поднять ее до уровня точной науки. Мне кажется, что своей верой в божественное провидение мы обязаны цветам. Все остальное – наши способности, наши желания, наша пища – необходимо нам в первую очередь для существования. Но роза дана нам сверх всего. Запах и цвет розы украшают жизнь, а не являются условием ее существования. Только божественное провидение может быть источником прекрасного. Вот почему я и говорю: пока есть цветы, человек может надеяться.

Перси Фелпс и его невеста с удивлением слушали разглагольствования Холмса, и на их лицах появилось разочарование. Держа розу в пальцах, он замечтался. Это продолжалось несколько минут, пока голос молодой женщины не заставил его очнуться.

– Вы уже видите, как можно решить эту загадку? – резковато сказала она.

– О, загадку! – откликнулся он, опускаясь с небес на землю. – Было бы нелепо отрицать, что дело это весьма трудное и запутанное, но я обещаю заняться им серьезно и держать вас в курсе дела.

– У вас уже есть какая-нибудь версия?

– У меня их есть уже семь, но я, разумеется, должен все проверить, прежде чем высказать их вслух.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Я подозреваю себя…

– Что?

– В том, что делаю слишком поспешные выводы.

– В таком случае поезжайте в Лондон и проверьте их.

– Вы дали прекрасный совет, мисс Гаррисон, – вставая, сказал Холмс. – Думаю, Уотсон, это лучшее, что мы можем предпринять. Не позволяйте себе тешиться слишком радужными надеждами, мистер Фелпс. Дело очень запутанное.

– Я места себе не найду, пока снова не увижу вас, – взмолился дипломат.

– Хорошо, я приеду завтра тем же поездом, хотя более чем вероятно, что не сообщу вам ничего нового.

– Благослови вас бог за ваше обещание приехать, – сказал наш клиент. – Я знаю теперь, что дело в надежных

руках, и это придает мне силы. Кстати, я получил письмо от лорда Холдхэрста.

– Так. Что он пишет?

– Он холоден, но не резок. Думаю, что он щадит меня только из-за моего состояния. Он пишет, что дело чрезвычайно серьезное, но что в отношении моего будущего ничего не будет предприниматься – он, конечно, имеет в виду увольнение, – пока я не встану на ноги и не получу возможности исправить положение.

– Ну, это все очень разумно и деликатно, – сказал Холмс. – Пойдемте, Уотсон, у нас в городе работы на целый день.

Мистер Джозеф Гаррисон отвез нас на станцию, и вскоре мы уже мчались в портсмутском поезде. Холмс глубоко задумался и не проронил ни слова, пока мы не проехали узловой станции Клэпем.

– Очень интересно подъезжать к Лондону по высокому месту и смотреть на дома внизу.

Я подумал, что он шутит, потому что вид был совсем непривлекательный, но он тут же пояснил:

– Посмотрите вон на те большие дома, громоздящиеся над шиферными крышами, как кирпичные острова в свинцово-сером море.

– Это казенные школы.

– Маяки, друг мой! Бакены будущего! Коробочки с сотнями светлых маленьких семян в каждой. Из них вырастет просвещенная Англия будущего. Кажется, этот Фелпс не пьет?

– Думаю, что нет.

– И я так тоже думаю. Но мы обязаны предусмотреть

все. Бедняга увяз по уши, а вытащим ли мы его из этой трясины – еще вопрос. Что вы думаете о мисс Гаррисон?

– Девушка с сильным характером.

– И к тому же неплохой человек, если я не ошибаюсь. Они с братом – единственные дети фабриканта железных изделий, живущего где-то на севере, в Нортумберленде. Фелпс обручился с ней этой зимой, во время своего путешествия, и она в сопровождении брата приехала познакомиться с родными жениха. Затем произошла катастрофа, и она осталась, чтобы ухаживать за возлюбленным. Ее брат Джозеф, найдя, что тут довольно неплохо, остался тоже. Я уже, как видите, навел кое-какие справки. И сегодня нам придется заниматься этим весь день.

– Мои пациенты… – начал было я.

– О, если вы находите, что ваши дела интереснее моих… – сердито перебил меня Холмс.

– Я хотел сказать, что мои пациенты проживут без меня денек-другой, тем более что в это время года болеют мало.

– Превосходно, – сказал он, снова приходя в хорошее настроение. – В таком случае займемся этой историей вдвоем. Думается мне, что в первую очередь нам надо повидать Форбса. Вероятно, он может рассказать нам много интересного. Тогда нам будет легче решить, с какой стороны браться за дело.

– Вы сказали, что у вас уже есть версия.

– Даже несколько, но только дальнейшее расследование может показать, что они стоят. Труднее всего раскрыть преступление, совершенное без всякой цели. Это преступление не бесцельное. Кому оно выгодно? Либо французскому послу, либо русскому послу, либо тому, кто может

продать документ одному из этих послов, либо, наконец, лорду Холдхэрсту.

– Лорду Холдхэрсту?!

– Можно же представить себе государственного деятеля в таком положении, когда он не пожалеет, если некий документ будет случайно уничтожен.

– Но только не лорд Холдхэрст. У этого государственного деятеля безупречная репутация.

– А все-таки мы не можем позволить себе пренебречь и такой версией. Сегодня мы навестим благородного лорда и послушаем, что он нам скажет. Между прочим, расследование уже идет полным ходом.

– Уже?

– Да, я послал до станции Уокинг телеграммы в вечерние лондонские газеты. Это объявление появится сразу во всех газетах.

Он дал мне листок, вырванный из записной книжки. Там было написано карандашом:

«10 фунтов стерлингов вознаграждения всякому, кто сообщит номер кеба, с которого седок сошел на Чарльз-стрит возле подъезда министерства иностранных дел без четверти десять вечера 23 мая. Обращаться по адресу: Бейкер-стрит, 221-б».

– Вы уверены, что похититель приехал в кебе?

– Если и не в кебе, то вреда никакого не будет. Но если верить мистеру Фелпсу, что ни в комнате, ни в коридоре спрятаться нельзя, значит, человек должен был прийти с улицы. Если он пришел с улицы в такой дождливый вечер и не оставил мокрых следов на линолеуме, который тут же тщательно осмотрели, более чем вероятно, что он приехал

в кебе. Да, я думаю, можно смело предположить, что он приехал в кебе.

– Это выглядит правдоподобно.

– Такова одна из версий, о которых я говорил. Возможно, она приведет к чему-нибудь. Потом, разумеется, надо выяснить, почему зазвенел звонок, – это самая приметная деталь. Что это: бравада похитителя? Или кто-то хотел помешать преступнику? Или просто случайность?

Холмс замолчал и снова стал напряженно думать, и мне, знакомому со всеми его настроениями, показалось, что мысли его вдруг устремились по новому руслу.

Мы были на городском вокзале в двадцать минут четвертого и, наскоро закусив в буфете, сразу отправились в Скотланд-Ярд. Холмс уже телеграфировал Форбсу, и он нас ждал. Это был коротышка с решительным, но отнюдь не дружелюбным выражением лисьей физиономии. Он принял нас очень холодно, особенно когда узнал, по какому делу мы пришли.

– Я уже слышал о ваших методах, мистер Холмс, – сказал он с кислым видом. – Вы пользуетесь всей информацией, какую может предоставить в ваше распоряжение полиция, легко находите преступника и лишаете наших сыщиков заслуженных лавров.

– Напротив, – возразил Холмс, – из последних пятидесяти трех преступлений, мною раскрытых, только о четырех стало известно, что это сделал я, а остальные же сорок девять на счету полиции. Я не виню вас за то, что вы не знаете этого: вы еще молоды и неопытны, но если вы хотите преуспеть в своей новой должности, вы станете работать со мной, а не против меня.

– Я был бы рад, если бы вы мне дали несколько советов по этому делу, – сказал сыщик, сменив гнев на милость. – Мне пока еще нечем похвастаться.

– Что вы предприняли?

– Мы следили за Танджи, швейцаром. Он ушел в отставку из гвардии с хорошей характеристикой, никаких компрометирующих данных у нас о нем нет, но у жены его дурная слава. Думается мне, она знает больше, чем это кажется.

– За ней вы следили?

– Мы подставили к ней одну из наших сотрудниц. Миссис Танджи пьет, наша сотрудница провела с ней два вечера, но ничего не могла вытянуть из нее.

– Кажется, к ним наведывались судебные исполнители?

– Да, но им заплатили.

– А откуда взялись деньги?

– Здесь все в порядке. Швейцар как раз получил пенсию. Нет никаких признаков, что у них стали водиться деньги.

– Как она объяснила, что в тот вечер на звонок мистера Фелпса поднялась она?

– Она сказала, что муж очень устал и она хотела помочь ему.

– Что ж, это согласуется с тем, что немного позже его нашли спящим на стуле. Значит, против них нет никаких улик, разве что у женщины плохая репутация. Вы спросили, почему она так спешила в тот вечер? Ее поспешность привлекла внимание постового полицейского.

– Она задержалась дольше против обычного и хотела поскорее добраться домой.

– Вы указали ей на то, что вы с мистером Фелпсом, выйдя из министерства по крайней мере минут на двадцать позже нее, добрались до ее дома раньше?

– Она объясняет это разницей в скорости омнибуса и кеба.

– А сказала она, почему, придя домой, она бегом бросилась в кухню?

– У нее там были приготовлены деньги для судебных исполнителей.

– У нее, я вижу, есть ответ на любой вопрос. А спросили вы ее, не встретила ли она кого-нибудь на Чарльз-стрит, когда выходила из министерства?

– Она не видела никого, кроме постового.

– Допросили вы ее тщательно. А что еще вы сделали?

– Следили все эти десять недель за клерком Горо, но безрезультатно. Против него нет никаких улик…

– Что еще?

– Вот и все… и ни следов, ни улик.

– Вы думали над тем, почему звонил звонок?

– Должен признаться, что я в полном недоумении. Кто бы он ни был, но у этого человека железные нервы… Взять и самому поднять тревогу!

– Да, очень странный поступок. Большое спасибо за сведения. Если я найду преступника, я дам вам знать. Пойдем, Уотсон!

– Куда теперь? – спросил я, когда мы вышли из кабинета.

– Теперь мы пойдем и побеседуем с лордом Холдхэрстом, членом кабинета министров и будущим премьером Англии.

К счастью, лорд Холдхэрст был еще в своем служебном кабинете. Холмс послал свою визитную карточку, и нас тотчас привели к нему. Государственный деятель принял нас со старомодной учтивостью, которой он отличался, и усадил в роскошные удобные кресла, стоящие по обе стороны камина. Он стоял перед нами на ковре, высокий, худощавый, с резкими чертами одухотворенного лица, с вьющимися, рано тронутыми сединой волосами. Живое воплощение так редко встречающегося истинного благородства.

– Ваше имя мне очень хорошо знакомо, мистер Холмс, – улыбаясь, сказал он. – И, разумеется, я не буду притворяться, что не знаю о цели вашего визита. Только одно происшествие, случившееся в этом учреждении, могло привлечь ваше внимание. Могу ли я спросить, чьи интересы вы представляете?

– Мистера Перси Фелпса, – ответил Холмс.

– О, моего несчастного племянника! Вы понимаете, что из-за нашего родства мне гораздо труднее защищать его. Боюсь, что это происшествие скажется губительно на его карьере.

– А если документ будет найден?

– Тогда, разумеется, все будет иначе.

– Позвольте задать вам несколько вопросов, лорд Холдхэрст.

– Я буду рад дать вам любые сведения, которыми я располагаю.

– В этом кабинете вы дали указание переписать документ?

– Да.

– Следовательно, вас вряд ли могли подслушать?

– Это исключается.

– Говорили вы кому-нибудь, что хотите отдать договор для переписки?

– Не говорил.

– Вы уверены в этом?

– Совершенно уверен.

– Но если ни вы, ни мистер Фелпс никому ничего не говорили, то, значит, похититель оказался в комнате клерков совершенно случайно. Он увидел документ и решил воспользоваться счастливым случаем.

Государственный деятель улыбнулся.

– Это уже вне моей компетенции, – сказал он.

Холмс минуту помолчал.

– Есть еще одно важное обстоятельство, которое я хотел бы обсудить с вами, – сказал он. – Насколько я понимаю, вы опасаетесь очень серьезных последствий, если станет известно содержание договора.

По выразительному лицу министра пробежала тень.

– Да, очень серьезных.

– Сейчас уже заметно что-нибудь?

– Пока нет.

– Если бы договор попал в руки, скажем, французского или русского министерства иностранных дел, вы бы узнали об этом?

– Мне следовало бы знать, – поморщившись, сказал лорд Холдхэрст.

– Но прошло уже десять недель, а ничего еще не произошло. Значит, есть основания полагать, что по какой-то причине договор еще не попал к тому, кто в нем заинтересован.

Лорд Холдхэрст пожал плечами.

– Вряд ли можно полагать, мистер Холмс, что похититель унес договор, чтобы вставить его в рамку и повесить на стену.

– Может быть, он ждет, чтобы ему предложили побольше.

– Еще немного – и он вообще ничего не получит. Через несколько месяцев договор уже ни для кого не будет секретом.

– Это очень важно, – сказал Холмс. – Разумеется, можно еще предположить, что похититель внезапно заболел…

– Нервной горячкой, например? – спросил министр, бросив на Холмса быстрый взгляд.

– Я этого не говорил, – невозмутимо сказал Холмс. – А теперь, лорд Холдхэрст, позвольте откланяться, мы и так отняли у вас столько драгоценного времени.

– Желаю успеха в вашем расследовании, кто бы ни оказался преступником, – сказан учтиво министр, и мы, откланявшись, вышли.

– Прекрасный человек, – сказал Холмс, когда мы оказались на Уайтхолл. – Но и ему знакома жизненная борьба. Он далеко не богат, а у него много расходов. Вы, разумеется, заметили, что его ботинки побывали в починке? Но я больше не стану, Уотсон, отвлекать вас от ваших прямых обязанностей. Сегодня мне больше нечего делать, разве что пойти и узнать, кто откликнулся на мое объявление о кебе. Но я был бы вам весьма признателен, если бы вы завтра поехали со мной в Уокинг тем же поездом, что и сегодня.

Мы встретились на следующее утро, как договорились,

и поехали в Уокинг. Холмс сказал, что на объявление никто не откликнулся и ничего нового по делу нет. При этом лицо у него стало совершенно бесстрастным, как у краснокожего, и я никак не мог определить по его виду, доволен ли он ходом расследования или нет. Помнится, он завел разговор о бертильоновской[26] системе измерений и бурно восхищался этим французским ученым.

Наш клиент все еще находился под надзором своей заботливой сиделки, но вид у него был уже лучше. Когда мы вошли, он без труда встал с кушетки и приветствовал нас.

– Какие новости? – нетерпеливо спросил он.

– Как я и думал, пока никаких, – сказал Холмс. – Я встретился с Форбсом, потом с вашим дядей и начал расследование сразу по нескольким каналам, которые, возможно, и приведут к чему-нибудь.

– Значит, ваш интерес к делу еще не остыл?

– Конечно, нет!

– Благослови вас бог за эти слова! – воскликнула мисс Гаррисон. – Если мы будем мужественны и терпеливы, правда непременно откроется.

– А у нас новостей побольше, чем у вас, – сказал Фелпс, снова садясь на кушетку.

– Я ожидал этого.

– Да, ночью у нас было происшествие, и, кажется, весьма серьезное. – Он нахмурился, и в его глазах мелькнул страх. – Знаете, я уже начинаю подозревать, что стал не-

---

[26] Бертильон Альфонс (1853-1914), французский юрист, автор системы приемов судебной идентификации (ранее иногда называлась «бертильонаж»).

чаянной жертвой чудовищного заговора и что заговорщики посягают не только на мою честь, но и на мою жизнь!

– Ого! – воскликнул Холмс.

– Это кажется невероятным, потому что, как я раньше считал, у меня нет в целом мире ни одного врага. Но прошлой ночью я убедился в обратном.

– Продолжайте, пожалуйста.

– К вашему сведению, я прошлую ночь впервые провел без сиделки. Мне стало гораздо лучше, и я думал, что смогу обойтись без нее. В комнате горел ночник. Часа в два ночи я забылся тревожным сном, как вдруг меня разбудил негромкий шорох, похожий на то, как скребется мышь. Некоторое время я лежал прислушиваясь. Мышь, решил я, но тут шум усилился, и вдруг со стороны окна донесся резкий металлический скрежет. Я сразу догадался, в чем дело. Слабый шум производился инструментом, который кто-то старался просунуть в щель между оконными створками, а скрежет – отодвигаемым шпингалетом.

Потом наступила примерно десятиминутная пауза – словно человек хотел убедиться, не проснулся ли я от шума. Затем я услышал легкое поскрипывание, и окно стало медленно раскрываться. Я не выдержал – нервы у меня теперь не те. Соскочил с постели и распахнул ставни. Под окном на корточках сидел какой-то человек. На нем было что-то вроде плаща, скрывавшего и нижнюю часть лица. В одном только я уверен: рука его сжимала какое-то оружие. Мне показалось, что это длинный нож. Я отчетливо видел, как блеснул металл, когда человек бросился бежать.

– Очень интересно, – сказал Холмс. – И что же вы сделали?

– Если бы я не был так слаб, я бы выскочил в раскрытое окно и побежал за ним. Но я мог только позвонить и поднял на ноги весь дом. Сделать это удалось не сразу: звонок звенит на кухне, а все слуги спят наверху. На мой крик сверху прибежал Джозеф, он и разбудил остальных. На клумбе под окном Джозеф с конюхом нашли следы, но земля была настолько сухая, что дальше, в траве, следы затерялись. Но на деревянном заборе, отделяющем сад от дороги, осталась отметина – ее нашли Джозеф с конюхом, – кто-то перелезал через забор и надломил доску. Я еще ничего не говорил местным полицейским, потому что хотел сперва выслушать ваше мнение.

Рассказ нашего клиента произвел на Шерлока Холмса сильное впечатление. Он вскочил со стула и, не скрывая волнения, стал быстро ходить по комнате.

– Беда никогда не приходит одна, – сказал Фелпс, улыбаясь, хотя было видно, что происшествие его потрясло.

– К вам – во всяком случае, – сказал Холмс. – Не могли бы вы обойти со мной вокруг дома?

– Погреться немного на солнышке мне бы не повредило. Джозеф тоже пойдет.

– И я, – сказала мисс Гаррисон.

– Боюсь, что вам лучше остаться здесь, – покачал головой Холмс. – Сидите в этой комнате и никуда не отлучайтесь.

Девушка с недовольным видом села. Ее брат, однако, пошел с нами. Мы все четверо обогнули газон и приблизились к окну комнаты молодого дипломата. На клумбе, как он и говорил, были следы, но безнадежно затоптанные.

Холмс склонился над ними, тут же выпрямился и пожал плечами.

– Ну, здесь немногое можно увидеть, – сказал он. – Давайте вернемся к дому и поглядим, почему взломщик выбрал именно эту комнату. Мне кажется, большие окна гостиной и столовой должны были показаться ему более привлекательными.

– Их лучше видно с дороги, – предположил мистер Джозеф Гаррисон.

– Да, разумеется. А эта дверь куда ведет? Он мог бы ее попытаться взломать.

– Это вход для лавочников. На ночь она запирается.

– А раньше когда-нибудь случалось подобное?

– Никогда, – ответил наш клиент.

– У вас есть столовое серебро или еще что-нибудь, что может привлечь грабителя?

– В доме нет ничего ценного.

Засунув руки в карманы. Холмс с необычным для него беспечным видом завернул за угол.

– Кстати, – обратился он к Джозефу Гаррисону, – вы, помнится, обнаружили место, где вор сломал забор. Пойдемте туда, посмотрим.

Молодой человек привел нас к забору, – у одной тесины верхушка была надломлена, и кусок ее торчал. Холмс совсем отломал ее и с сомнением осмотрел.

– Думаете, это сделано вчера вечером? Судя по излому, здесь лезли уже давно.

– Может быть.

– И по другую сторону забора нет никаких следов, не видно, чтобы кто-то прыгал. Нет, нам здесь делать нечего. Пойдемте-ка обратно в спальню и поговорим.

Перси Фелпс шел очень медленно, опираясь на руку своего будущего шурина. Холмс быстро пересек газон, и мы оказались у открытого окна гораздо раньше, чем они.

– Мисс Гаррисон, – очень серьезно сказал Холмс, – вы должны оставаться на этом месте в течение всего дня. Ни в коем случае не уходите отсюда. Это необычайно важно.

– Я, разумеется, сделаю так, как вы хотите, мистер Холмс, – сказала удивленно девушка.

– Когда пойдете спать, заприте дверь этой комнаты снаружи и возьмите ключ с собой. Обещаете?

– А как же Перси?

– Он поедет с нами в Лондон.

– А я должна остаться здесь?

– Ради его блага. Этим вы окажете ему большую услугу! Обещайте мне! Хорошо?

Едва девушка успела кивнуть, как вошли ее жених с братом.

– Что ты загрустила, Энни? – спросил ее брат. – Ступай на солнышко.

– Нет, Джозеф, не хочу. У меня немного болит голова, а в этой комнате так прохладно и тихо.

– Что вы теперь намереваетесь делать, мистер Холмс? – спросил наш клиент.

– Видите ли, расследуя это небольшое дело, мы не должны упускать из виду главную цель. И вы бы мне очень помогли, если бы поехали со мной в Лондон.

– Мы едем сейчас же?

– И как можно скорей. Скажем, через час.

– Я чувствую себя довольно хорошо, но будет, ли от меня какой-нибудь толк?

– Самый большой.

– Наверно, вы захотите, чтобы я остался ночевать в Лондоне?

– Именно это я и хотел предложить вам.

– Значит, если мой ночной приятель вздумает посетить меня еще раз, он обнаружит, что клетка пуста. Все мы в полном вашем распоряжении, мистер Холмс. Вы только должны дать нам точные инструкции, что делать. Вероятно, вы хотите, чтобы Джозеф поехал с нами и приглядывал за мной?

– Это необязательно. Мой друг Уотсон, как вы знаете, – врач, и он позаботится о вас. С вашего позволения, мы поедим и втроем отправимся в город.

Мы так и сделали, а мисс Гаррисон, согласно уговору с Холмсом, под каким-то предлогом осталась в спальне. Я не представлял себе, какова цель этих маневров моего друга, разве что он хотел разлучить зачем-то девушку с Фелпсом, который, оживившись от прилива сил и возможности действовать, завтракал вместе с нами в столовой. Однако у Холмса в запасе был еще более поразительный сюрприз: дойдя с нами до станции и проводив нас до вагона, он спокойно объявил, что не собирается уезжать из Уокинга.

– Мне еще тут надо кое-что выяснить, я приеду позже, – сказал он. – Ваше отсутствие, мистер Фелпс, будет мне своеобразной подмогой. Уотсон, вы меня очень обяжете, если по приезде в Лондон тотчас отправитесь с нашим другом на Бейкер-стрит и будете ждать меня там. К счастью, вы старые школьные товарищи – вам будет о чем поговорить. Мистер Фелпс пусть расположится на ночь в моей спальне. Я буду к завтраку – поезд приходит на вокзал Ватерлоо в восемь.

– А как же с нашим расследованием в Лондоне? – уныло спросил Фелпс.

– Мы займемся этим завтра. Мне кажется, что мое присутствие необходимо сейчас именно здесь.

– Скажите в Брайарбрэ, что я надеюсь вернуться завтра к вечеру! – крикнул Фелпс, когда поезд тронулся.

– Я вряд ли вернусь в Брайарбрэ, – ответил Холмс и весело помахал вслед поезду, уносившему нас в Лондон.

По пути мы с Фелпсом долго обсуждали этот неожиданный маневр Холмса, но так и не могли ничего понять.

– Наверно, он хочет выяснить кое-что в связи с сегодняшним ночным происшествием. Был ли это действительно взломщик? Лично я не верю, что это был обыкновенный вор.

– А кто же это, по-вашему?

– Можете считать, что это следствие нервной горячки, но у меня такое чувство, будто вокруг меня плетется какая-то сложная политическая интрига, заговорщики покушаются на мою жизнь. Хотя зачем это им, я, хоть убейте, не понимаю. Можно подумать, что у меня мания величия, так нелепо мое предположение. Но скажите: зачем было вору взламывать окно спальни, где совершенно нечем поживиться, и зачем ему такой длинный нож?

– А может, это простая отмычка?

– О нет! Это был нож. Я отчетливо видел, как блестело лезвие.

– Но скажите ради бога, кто может питать к вам такую вражду?

– Если бы я знал!

– Если то же думает Холмс, то тогда понятно, почему

он остался. Предположим, что ваша догадка правильная. Тогда Холмс сегодня ночью выследит покушавшегося на вас человека, а это значительно облегчит поиски морского договора. Ведь нелепо предполагать, что у вас есть сразу два врага – один ворует у вас документ, а другой покушается на вашу жизнь.

– Но мистер Холмс сказал, что он не собирается возвращаться в Брайарбрэ.

– Я знаю его не первый день, – сказал я. – Холмс никогда ничего не делает, не имея веских оснований.

И мы заговорили о другом.

Но день для меня выдался утомительный. Фелпс еще не совсем оправился после своей болезни, обрушившееся на него несчастье сделало его нервным и раздражительным. Тщетно я старался развлечь его рассказами об Афганистане, Индии, занимал его разговорами о последних политических новостях, делал все, чтобы развеять его хандру.

Он то и дело возвращался к своему пропавшему договору, высказывал предположения, что бы такое мог делать сейчас Холмс, какие шаги предпринимает лорд Холдхэрст, гадал, что нового мы узнаем завтра утром. Словом, к концу дня на него было жалко смотреть, так он себя измучил.

– Вы очень верите в Холмса? – то и дело спрашивал он.

– Он на моих глазах распутал не одно сложное дело.

– Но такого сложного у него еще не бывало?

– Бывали и посложнее.

– Но тогда не ставились на карту государственные интересы?

– Этого я не знаю. Но мне достоверно известно, что услугами Шерлока Холмса для расследования очень важных дел пользовались три королевских дома Европы.

– Вы-то знаете его хорошо, Уотсон. Но для меня он совершенно непостижимый человек, и я ума не приложу, как ему удастся найти разгадку этого дела. Вы считаете, что на него можно надеяться? Вы думаете, что он уверен в успешном разрешении этого дела?

– Он мне ничего не сказал.

– Это плохой признак.

– Напротив. Я давно заметил, что, потеряв след, Холмс обычно говорит об этом. А вот когда он вышел на след, но еще не совсем уверен, что след ведет его правильно, он становится особенно сдержанным. Ну, полноте, дорогой мой, не терзайте себя, этим делу не поможешь. Идите лучше спать – утро вечера мудренее.

Наконец мне удалось уговорить Фелпса, и он лег, но я не думаю, чтобы он спал в ту ночь, – в таком он был возбуждении. Его настроение передалось и мне, и я ворочался в постели до глубокой ночи, вдумываясь в это странное дело, сочиняя сотни версий, одну невероятнее другой. Почему Холмс остался в Уокинге? Почему он попросил мисс Гаррисон не уходить из «больничной палаты» весь день? Почему он так старался скрыть от обитателей Брайарбрэ, что не едет в Лондон, а остается поблизости? Я ломал себе голову, стараясь найти всем этим фактам объяснение, пока наконец не уснул.

Проснулся я в семь часов и тотчас пошел к Фелпсу. Бедняга очень осунулся после бессонной ночи и выглядел усталым. Первым делом он спросил меня, не приехал ли Холмс.

– Он будет, когда обещал, – ответил я. – Ни минутой раньше, ни минутой позже.

И я не ошибся: едва пробило восемь, как к подъезду подкатил кеб, и из него вышел наш друг. Мы стояли у окна и видели, что его левая рука перевязана бинтами, а лицо очень мрачное и бледное. Он вошел в дом, но наверх поднялся не сразу.

– У него вид человека, потерпевшего поражение, – уныло сказал Фелпс.

Мне пришлось признать, что он прав.

– Но, может быть, – сказал я, – ключ к делу следует искать здесь, в городе.

Фелпс застонал.

– Я не знаю, с чем он приехал, – сказал он, – но я так надеялся на его возвращение! А что у него с рукой? Ведь вчера она не была завязана?

– Вы не ранены. Холмс? – спросил я, когда мой друг вошел в комнату.

– А, пустяки! Из-за собственной неосторожности получил царапину, – ответил он, поклонившись. – Должен сказать, мистер Фелпс, более сложного дела у меня еще не было.

– Я боялся, что вы найдете его неразрешимым.

– Да, с таким я еще не сталкивался.

– Судя по забинтованной руке, вы попали в переделку, – сказал я. – Вы не расскажете, что случилось?

– После завтрака, дорогой Уотсон, после завтрака! Не забывайте, что я проделал немалый путь, добрых тридцать миль, и нагулял на свежем воздухе аппетит. Наверно, по моему объявлению о кебе никто не являлся? Ну да ладно, подряд несколько удач не бывает.

Стол был накрыт, и только я собирался позвонить, как

миссис Хадсон вошла с чаем и кофе. Еще через несколько минут она принесла приборы, и мы все сели за стол: проголодавшийся Холмс, совершенно подавленный Фелпс и я, преисполненный любопытства.

– Миссис Хадсон на высоте положения, – сказал Холмс, снимая крышку с курицы, приправленной кэрри. – Она не слишком разнообразит стол, но для шотландки завтрак задуман недурно. Что у вас там, Уотсон?

– Яичница с ветчиной, – ответил я. – Превосходно! Что вам предложить, мистер Фелпс: курицу с приправой, яичницу?

– Благодарю вас, я ничего не могу есть, – сказал Фелпс.

– Полноте! Вот попробуйте это блюдо.

– Спасибо, но я и в самом деле не хочу.

– Что ж, – сказал Холмс, озорно подмигнув, – надеюсь, вы не откажете в любезности и поухаживаете за мной.

Фелпс поднял крышку и вскрикнул. Он побелел, как тарелка, на которую он уставился. На ней лежал свиток синевато-серой бумаги. Фелпс схватил его, жадно пробежал глазами и пустился в пляс по комнате, прижимая свиток к груди и вопя от восторга. Обессиленный таким бурным проявлением чувств, он вдруг упал в кресло, и мы, опасаясь, как бы он не потерял сознание, заставили его выпить бренди.

– Ну, будет вам! Будет! – успокаивал его Холмс, похлопывая по плечу. – С моей стороны, конечно, нехорошо так внезапно обрушивать на человека радость, но Уотсон скажет вам: я не могу удержаться от театральных жестов.

Фелпс схватил его руку и поцеловал ее.

– Да благословит вас бог! – вскричал он. – Вы спасли мне честь!

– Ну, положим, моя честь тоже была поставлена на карту, – сказал Холмс. – Уверяю вас, мне так же неприятно не раскрыть преступления, как вам не справиться с дипломатическим поручением.

Фелпс положил драгоценный документ во внутренний карман сюртука.

– Я не осмеливаюсь больше отвлекать вас от завтрака, но умираю от любопытства: как вам удалось добыть этот документ и где он был?

Шерлок Холмс выпил чашку кофе, затем отдал должное яичнице с ветчиной. Потом он встал, закурил трубку и уселся поудобнее в кресло.

– Я буду рассказывать вам все по порядку, – начал Холмс. – Проводив вас на станцию, я совершил прелестную прогулку по восхитительному уголку Суррея к красивой деревеньке, под названием Рипли, где выпил в гостинице чаю и на всякий случай наполнил свою флягу и положил в карман сверток с бутербродами. Там я оставался до вечера, а потом направился в сторону Уокинга и после захода солнца оказался на дороге, ведущей в Брайарбрэ. Дойдя до усадьбы и подождав, пока дорога не опустеет – по-моему, там вообще прохожих бывает не слишком много, – я перелез через забор в сад.

– Но ведь калитка была не заперта! – воскликнул Фелпс.

– Да. Но в таких случаях я люблю быть оригинальным. Я выбрал место, где стоят три елки, и под этим прикрытием перелез через забор незаметно для обитателей дома. В саду, прячась за кустами, я пополз – чему свидетельство печальное состоящие моих брюк – к зарослям рододендро-

нов, откуда очень удобно наблюдать за окнами спальни. Здесь я присел на корточки и стал ждать, как будут развиваться события.

Портьера в комнате не была опущена, и я видел, как мисс Гаррисон сидела за столом и читала. В четверть одиннадцатого она закрыла книгу, заперла ставни и удалилась. Я слышал, как она захлопнула дверь, а потом повернула ключ в замке.

– Ключ? – удивился Фелпс.

– Да, я посоветовал мисс Гаррисон, когда она пойдет спать, запереть дверь снаружи и взять ключ с собой. Она точно выполнила мои указания, и, разумеется, без ее содействия документ не лежал бы сейчас в кармане вашего сюртука. Потом она ушла, огни погасли, а я продолжал сидеть на корточках под рододендроновым кустом.

Ночь была прекрасна, но тем не менее сидеть в засаде было очень утомительно. Конечно, в этом было что-то от ощущений охотника, который лежит у источника, поджидая крупную дичь. Впрочем, ждать мне пришлось очень долго… почти столько же, Уотсон, сколько мы с вами ждали в той комнате смерти, когда расследовали историю с «пестрой лентой». Часы на церкви в Уокинге били каждую четверть часа, и мне не раз казалось, что они остановились. Но вот наконец часа в два ночи я вдруг услышал, как кто-то тихо-тихо отодвинул засов и повернул в замке ключ. Через секунду дверь для прислуги отворилась, и на пороге, освещенный лунным светом, показался мистер Джозеф Гаррисон.

– Джозеф! – воскликнул Фелпс.

– Он был без шляпы, но запахнут в черный плащ, ко-

торым мог при малейшей тревоге мгновенно прикрыть лицо. Он пошел на цыпочках в тени стены, а дойдя до окна, просунул нож с длинным лезвием в щель и поднял шпингалет. Затем он распахнул окно, сунул нож в щель между ставнями, сбросил крючок и открыл их.

Со своего места я прекрасно видел, что делается внутри комнаты, каждое его движение. Он зажег две свечи, которые стояли на камине, подошел к двери и завернул угол ковра. Потом наклонился и поднял квадратную планку, которой прикрывается доступ к стыку газовых труб, – здесь от магистрали ответвляется труба, снабжающая газом кухню, которая находится в нижнем этаже. Сунув руку в тайник, Джозеф достал оттуда небольшой бумажный сверток, вставил планку на место, отвернул ковер, задул свечи и, спрыгнув с подоконника, попал прямо в мои объятия, так как я уже ждал его у окна.

Я не представлял себе, что господин Джозеф может оказаться таким злобным. Он бросился на меня с ножом, и мне пришлось дважды сбить его с ног и порезаться о его нож, прежде чем я взял верх. Хоть он и смотрел на меня «убийственным» взглядом единственного глаза, который еще мог открыть после того, как кончилась потасовка, но уговорам моим все-таки внял и документ отдал. Овладев документом, я отпустил Гаррисона, но сегодня же утром телеграфировал Форбсу все подробности этой ночи. Если он окажется расторопным и схватит эту птицу, честь ему и хвала! Но если он явится к опустевшему уже гнезду – а я подозреваю, что так оно и случится, – то правительство от этого еще и выиграет. Я полагаю, что ни лорду Холдхэрсту, ни мистеру Перси Фелпсу совсем не хотелось бы, чтобы это дело разбиралось в полицейском суде.

– Господи! – задыхаясь, проговорил наш клиент. – Скажите мне, неужели украденный документ в течение всех этих долгих десяти недель, когда я находился между жизнью и смертью, был все время со мной в одной комнате?

– Именно так и было.

– А Джозеф! Подумать только – Джозеф оказался негодяем и вором!

– Гм! Боюсь, что Джозеф – человек гораздо более сложный и опасный, чем об этом можно судить по его внешности. Из его слов, сказанных мне ночью, я понял, что он по неопытности сильно запутался в игре на бирже и готов был пойти на все, чтобы поправить дела. Как только представился случай, он, будучи эгоистом до мозга костей, не пощадил ни счастья своей сестры, ни вашей репутации.

Перси Фелпс поник в своем кресле.

– Голова идет кругом! – сказал он. – От ваших слов мне становится дурно.

– Раскрыть это дело было трудно главным образом потому, – заметил своим менторским тоном Холмс, – что скопилось слишком много улик. Важные улики были погребены под кучей второстепенных. Из всех имеющихся фактов надо было отобрать те, которые имели отношение к преступлению, и составить из них картину подлинных событий. Я начал подозревать Джозефа еще тогда, когда вы сказали, что он в тот вечер собирался ехать домой вместе с вами и, следовательно, мог, зная хорошо расположение комнат в здании министерства иностранных дел, зайти за вами по пути. Когда я услышал, что кто-то горит желанием забраться в вашу спальню, в которой спрятать что-нибудь

мог только Джозеф (вы в самом начале рассказывали, как Джозефа выдворили из нее, когда вернулись домой с доктором), мое подозрение перешло в уверенность. Особенно когда я узнал о попытке забраться в спальню в первую же ночь, которую вы провели без сиделки. Это означало, что непрошеный гость хорошо знаком с расположением дома.

– Как я был слеп!

– Я подумал и решил, что дело обстояло так: этот Джозеф Гаррисон вошел в министерство со стороны Чарльз-стрит и, зная дорогу, прошел прямо в вашу комнату тотчас после того, как вы из нее вышли. Не застав никого, он быстро позвонил, и в то же мгновение на глаза ему попался документ, лежавший на столе. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что случай дает ему в руки документ огромной государственной важности. В мгновенье ока он сунул документ в карман и вышел. Как вы помните, прежде чем сонный швейцар обратил ваше внимание на звонок, прошло несколько минут, и этого было достаточно, чтобы вор успел скрыться.

Он уехал в Уокинг первым же поездом и, приглядевшись к своей добыче и уверившись, что она в самом деле чрезвычайно ценна, спрятал ее, как ему показалось, в очень надежное место. Дня через два он намеревался взять ее оттуда и отвести во французское посольство или в другое место, где, по его мнению, ему дали бы большие деньги. Но дело получило неожиданный оборот. Его без предупреждения выпроводили из собственной комнаты, и с тех пор в ней всегда находились по крайней мере два человека, что мешало ему забрать свое сокровище. Это, по-видимому, страшно бесило его. И вот наконец удобный случай пред-

ставился. Он попытался забраться в комнату, но ваша бессонница расстроила его планы. Наверно, вы помните, что в тот вечер вы не выпили своего успокоительного лекарства.

– Помню.

– Я полагаю, что Джозеф принял меры, чтобы лекарство стало особенно эффективным, и вполне полагался на ваш глубокий сон. Я, разумеется, понял, что он повторит попытку, как только будет возможность сделать это без риска. И тут вы покинули комнату. Чтобы он не упредил нас, я целый день продержал в ней мисс Гаррисон. Затем, внушив ему мысль, что путь свободен, я занял свой пост. Я уже знал, что документ скорее всего находится в комнате, но не имел никакого желания срывать в поисках его всю обшивку и плинтусы. Я позволил ему взять документ из тайника и таким образом избавил себя от неимоверных хлопот. Есть еще какие-нибудь неясности?

– Почему в первый раз он полез в окно, – спросил я, – когда мог проникнуть через дверь?

– До двери ему надо было идти мимо семи спален. Легче было пройти по газону. Что еще?

– Но не думаете же вы, – спросил Фелпс, – что он намеревался убить меня? Нож ему нужен был только как инструмент.

– Возможно, – пожав плечами, ответил Холмс. – Одно могу сказать определенно: мистер Гаррисон – такой джентльмен, на милосердие которого я не стал бы рассчитывать ни в коем случае.

СОЮЗ РЫЖИХ

Это было осенью прошлого года. У Шерлока Холмса сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел было войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и поспешил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон, – приветливо проговорил он.

– Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

– Да, я занят. И даже очень.

– Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

– Нет, нет… Мистер Уилсон, – сказал он, обращаясь к толстяку, – этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне головой; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

– Садитесь сюда, на диван, – сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

– Я знаю, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Если бы у вас не было этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения… причем по совести должен сказать, что

иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

– Право же, ваши приключения всегда казались мне такими интересными, – возразил я.

– Не далее, как вчера, я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

– Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

– И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Обстановка, где она произошла, совершенно заурядная и будничная, а между тем мне сдается, что за всю свою жизнь я не слыхал более чудесной истории… Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал рассказ с начала до конца, но и для того, чтобы мне самому не упустить ни малейшей подробности. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти. Но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего я никогда не слыхал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробегал глазами столбцы объявлений, я

внимательно разглядывал его и пытался, подражая Шерлоку Холмсу, угадать по его одежде и внешности, кто он такой.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель – самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Брюки у него были мешковатые, серые, в клетку. Его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Его поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От проницательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие.

– Конечно, для всякого ясно, – сказал он с улыбкой, – что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон[27], что он был в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не мог отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон вскочил с кресла и, не отрывая

---

[27] Франкмасоны (сокр. – масоны) – члены тайного религиозно-философского общества.

указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

– Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? – спросил он. – Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начал свою карьеру корабельным плотником.

– Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэр. Ваша правая рука больше левой. Вы работали ею, и мускулы на ней сильнее развиты.

– А нюханье табаку? А франкмасонство?

– О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы, вопреки строгому уставу вашего общества, носите запонку с изображением дуги и окружности[28].

– Ах да! Я и забыл про нее… Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

– О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

– А Китай?

– Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучил татуировки, и мне приходилось даже писать о них научные статьи. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом свойствен одному лишь Китаю. Увидев китайскую монетку на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

---

[28] Дуга и окружность – масонские знаки. Прежде они были тайными, но современные масоны, нарушая старинный устав, нередко носят их на брелоках и запонках.

– Вот оно что! – сказал он. – Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудреными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

– Я думаю, Уотсон, – сказал Холмс, – что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «Omne ignotum pro magnifico[29]», и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен… Вы нашли объявление, мистер Уилсон?

– Нашел, – ответил тот, держа толстый красный палец в центре газетного столбца. – Вот оно. С этого все и началось. Прочтите его сами, сэр.

Я взял газету и прочел:

СОЮЗ РЫЖИХ во исполнение завещания покойного Иезекии Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США).

ОТКРЫТА новая вакансия для члена Союза. Предлагается жалованье четыре фунта стерлингов в неделю за чисто номинальную работу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флитстрит, Попс-корт, 7.

– Что это, черт побери, может означать? – воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление.

Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съежился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовольствие.

– Не слишком заурядное объявление, как по-вашему,

---

[29] «Все неведомое кажется нам великолепным» (лат.)

а? – сказал он. – Ну, мистер Уилсон, продолжайте вашу повесть и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

– «Утренняя хроника». 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

– Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

– Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс, – сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб, – у меня есть маленькая ссудная касса на Сэкс-Кобург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов с него хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двух помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье, чтобы иметь возможность изучить мое дело.

– Как зовут этого услужливого юношу? – спросил Шерлок Холмс.

– Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы обойтись без меня и зарабатывать вдвое больше. Но, в конце концов, раз он доволен, зачем же я стану внушать ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

– В самом деле, зачем? Вам, я вижу, очень повезло: у вас есть помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встречаются в наше время такие бескорыстные служащие.

– О, у моего помощника есть свои недостатки! – сказал мистер Уилсон. – Я никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в погреб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. Но в остальном он хороший работник.

– Надеюсь, он и теперь еще служит у вас?

– Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого у меня нет, я вдовец и к тому же бездетный. Мы трое живем очень тихо, сэр, поддерживаем огонь в очаге и платим по счетам – вот и все наши заслуги… Это объявление выбило нас из колеи, – продолжал мистер Уилсон. – Сегодня исполнилось как раз восемь недель с того дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал :

«Хотел бы я, мистер Уилсон, чтобы господь создал меня рыжим».

«Почему?» – спрашиваю я.

«Да вот, – говорит он, – открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тому, кто займет ее, она даст недурные доходы. Там, похоже, больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают себе голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, я непременно воспользовался бы этим выгодным местом».

«Что это за Союз рыжих?» – спросил я. – Видите ли, мистер Холмс, я большой домосед, и так как мне не приходится бегать за клиентами, клиенты сами приходят ко мне, я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад услышать что-нибудь новенькое…

«Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих?» – спросил Сполдинг, широко раскрыв глаза.

«Никогда».

«Это очень меня удивляет, так как вы один из тех, что имеет право занять вакансию».

«А много ли это может дать?» – спросил я.

«Около двухсот фунтов стерлингов в год, не больше, но работа пустяковая и притом такая, что не мешает человеку заниматься любым другим делом».

«Расскажите мне все, что вы знаете об этом Союзе», – сказал я.

«Как вы видите сами, – ответил Сполдинг, показывая мне объявление, – в Союзе рыжих имеется вакантное место, а вот и адрес, по которому вы можете обратиться за справкой, если хотите узнать все подробности. Насколько мне известно, этот Союз был основан американским миллионером Иезекией Хопкинсом, большим чудаком. Он сам был огненно-рыжий и сочувствовал всем рыжим на свете. Умирая, он оставил своим душеприказчикам огромную сумму и завещал употребить ее на облегчение участи тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Мне говорили, что этим счастливцам платят превосходное жалованье, а работы не требуют с них почти никакой».

«Но ведь рыжих миллионы, – сказал я, – и каждый пожелает занять это вакантное место».

«Не так много, как вам кажется, – ответил он. – Объявление, как видите, обращено только к лондонцам и притом лишь ко взрослым. Этот американец родился в Лондоне, прожил здесь свою юность и хотел облагодетельствовать свой родной город. Кроме того, насколько я слышал,

в Союз рыжих не имеет смысла обращаться тем лицам, у которых волосы светло-рыжие или темно-рыжие, – там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Если вы хотите воспользоваться этим предложением, мистер Уилсон, вам нужно только пройтись до конторы Союза рыжих. Но имеет ли для вас смысл отвлекаться от вашего основного занятия ради нескольких сот фунтов?..»

Как вы сами изволите видеть, джентльмены, у меня настоящие ярко-рыжие волосы огненно-красного оттенка, и мне казалось, что, если дело дойдет до состязания рыжих, у меня, пожалуй, будет шанс занять освободившуюся вакансию. Винсент Сполдинг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог принести мне большую пользу, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и велел ему сопровождать меня в помещение Союза. Он очень обрадовался, что сегодня ему не придется работать, и мы, закрыв контору, отправилось по адресу, указанному в объявлении.

Я увидел зрелище, мистер Холмс, какого мне никогда больше не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада все люди, в волосах которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета, устремились в Сити. Вся Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами. Никогда я не думал, что в Англии столько рыжих. Здесь были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, оттенок ирландских сеттеров, оттенок желчи, оттенок глины; но, как и указал Сполдинг, голов настоящего – живого, яркого, огненного цвета тут было очень немного. Все же, увидев такую толпу, я пришел в

отчаяние. Сполдинг не растерялся. Не знаю, как это ему удалось, но он проталкивался и протискивался с таким усердием, что сумел провести меня сквозь толпу, и мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе…

– Замечательно интересная с вами случилась история! – сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой табаку. – Пожалуйста, продолжайте.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из кандидатов по мере того как они подходили к столу, и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако, когда мы, в свою очередь, подошли к столу, маленький человечек встретил меня гораздо приветливее, чем остальных кандидатов, и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

«Это мистер Джабез Уилсон, – сказал мой помощник, – Он хотел бы занять вакансию в Союзе».

«И он вполне достоин того, чтобы занять ее, – ответил человечек. – Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!»

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

«Было бы несправедливостью с моей стороны медлить, – сказал он. – Однако, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности». Он вцепился в мои волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

«У вас на глазах слезы, – сказал он, отпуская меня. – Значит, все в порядке. Извините, нам приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз – с помощью краски. Я мог бы рассказать вам о таких бесчестных проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям».

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия уже занята. Стон разочарования донесся снизу, толпа расползлась по разным направлениям, и скоро во всей этой местности не осталось ни одного рыжего, кроме меня и того человека, который меня нанимал.

«Меня зовут мистер Дункан Росс, – сказал он, – и я тоже получаю пенсию из того фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что я бездетный вдовец. На лице у него появилось выражение скорби.

«Боже мой! – мрачно сказал он. – Да ведь это серьезнейшее препятствие! Как мне грустно, что вы не женаты! Фонд был создан для размножения и распространения рыжих, а не только для поддержания их жизни. Какое несчастье, что вы оказались холостяком!»

При этих словах мое лицо вытянулось, мистер Холмс, так как я стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав, он заявил, что все обойдется:

«Ради всякого другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к выполнению ваших новых обязанностей?»

«Это несколько затруднительно, так как я занят в другом деле», – сказал я.

«Не беспокойтесь об этом, мистер Уилсон! – сказал Винсент Сполдинг. – С той работой я справлюсь и без вас».

«В какие часы я буду занят?» – спросил я.

«От десяти до двух».

Так как в ссудных кассах главная работа происходит по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я решил, что недурно будет заработать кое-что в утренние часы. Тем более, что помощник мой – человек надежный и вполне может меня заменить, если нужно.

«Эти часы мне подходят, – сказал я. – А какое вы платите жалованье?»

«Четыре фунта в неделю».

«А в чем заключается работа?».

«Работа чисто номинальная».

«Что вы называете чисто номинальной работой?»

«Все назначенное для работы время вам придется находиться в нашей конторе или, по крайней мере, в здании, где помещается наша контора. Если вы хоть раз уйдете в рабочие часы, вы потеряете службу навсегда. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Будет считаться, что вы не исполнили наших требований, если вы хоть раз покинете контору в часы работы».

«Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне,

конечно, и в голову не придет покидать контору», – сказал я.

«Это очень важно, – настаивал мистер Дункан Росс. – Потом мы никаких извинений и слушать не станем. Никакие болезни, никакие дела не будут служить оправданием. Вы должны находиться в конторе – или вы теряете службу».

«А в чем все-таки заключается работа?»

«Вам придется переписывать „Британскую энциклопедию“. Первый том – в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достанете сами; мы же даем вам стол и стул. Можете ли вы приступить к работе завтра?»

«Конечно», – ответил я.

«В таком случае, до свиданья, мистер Джабез Уилсон. Позвольте мне еще раз поздравить вас с тем, что вам удалось получить такое хорошее место».

Он кивнул мне. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, радуясь своей необыкновенной удаче. Весь день я размышлял об этом происшествии и к вечеру несколько упал духом, так как мне стало казаться, что все это дело – просто мошенничество, хотя мне никак не удавалось отгадать, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось невероятным, что существует такое завещание и что люди согласны платить такие большие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром мне пришло в голову, что следует хотя бы сходить туда на всякий случай. Купив на пенни чернил, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я

отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был уже приготовлен для моей работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел; однако время от времени он возвращался в контору, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалил меня за то, что я успел так много переписать, и запер за мной дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мой хозяин выложил передо мной на стол четыре золотых соверена – плату за неделю. Так прошла и вторая неделя и третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и ровно в два уходил. Мало-помалу мистер Дункан Росс начал заходить в контору только по утрам, а со временем и вовсе перестал туда наведываться. Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как не мог быть уверен, что он не придет, и не хотел рисковать такой выгодной службой.

Прошло восемь недель; я переписал статьи об Аббатах, об Артиллерии, об Архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени перейти к букве «Б». У меня ушло очень много бумаги, и написанное мною уже едва помещалось на полке. Но вдруг все разом кончилось.

– Кончилось?

– Да, сэр. Сегодня утром. Я пошел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит гвоздиком клочок картона. Вот он, читайте сами.

Он протянул нам картон величиною с листок блокнота. На картоне было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ РАСПУЩЕН 9 ОКТЯБРЯ 1890 ГОДА

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали и краткую эту записку и унылое лицо Джабеза Уилсона; наконец смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное: не удержавшись, мы захохотали.

– Не вижу здесь ничего смешного! – крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней своих жгучих волос. – Если вы, вместо того чтобы помочь мне, собираетесь смеяться надо мной, я обращусь за помощью к кому-нибудь другому!

– Нет, нет! – воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло. – С вашим делом я не расстанусь ни за что на свете. Оно буквально освежает мне душу своей новизной. Но в нем, простите меня, все же есть что-то забавное… Что же предприняли вы, найдя эту записку на дверях?

– Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но там никто ничего не знал. Наконец, я отправился к хозяину дома, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слыхал о такой организации. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что это имя он слышит впервые.

«Я говорю, – сказал я, – о джентльмене, который снимал у вас квартиру номер четыре».

«О рыжем?»

«Да».

«Его зовут Уильям Моррис. Он юрист, снимал у меня помещение временно – его постоянная контора была в ремонте. Вчера выехал».

«Где его можно найти?»

«В его постоянной конторе. Он оставил свой адрес. Вот: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора святого Павла».

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская; в ней никто никогда не слыхал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

– Что же вы предприняли тогда? – спросил Холмс.

– Я вернулся домой на Сэкс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Он ничем не мог мне помочь. Он сказал, что следует подождать и что, вероятно, мне сообщат что-нибудь по почте. Но меня это не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу уступать такое отличное место без боя, и, так как я слыхал, что вы даете советы бедным людям, попавшим в трудное положение, я отправился прямо к вам.

– И правильно поступили, – сказал Холмс. – Ваш случай – замечательный случай, и я счастлив, что имею возможность заняться им. Выслушав вас, я прихожу к заключению, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

– Уж чего серьезнее! – сказал мистер Джабез Уилсон. – Я лишился четырех фунтов в неделю.

– Если говорить о вас лично, – сказал Холмс, – вряд ли вы можете жаловаться на этот необычайный Союз. Напротив, вы, насколько я понимаю, стали благодаря ему богаче фунтов на тридцать, не говоря уже о том, что вы приобрели глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

– Не спорю, все это так, сэр. Но мне хотелось бы ра-

зыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это была шутка. Забава обошлась им довольно дорого: они заплатили за нее тридцать два фунта.

– Мы попытаемся все это выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник… тот, что показал вам объявление?

– К тому времени он служил у меня около месяца.

– Где вы нашли его?

– Он явился ко мне по моему объявлению в газете.

– Только он один откликнулся на ваше объявление?

– Нет, откликнулось человек десять.

– Почему вы выбрали именно его?

– Потому что он разбитной и дешевый.

– Вас прельстила возможность платить ему половинное жалованье?

– Да.

– Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?

– Маленький, коренастый, очень живой. Ни одного волоска на лице, хотя ему уже под тридцать. На лбу у него белое пятнышко от ожога кислотой.

Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.

– Я так и думал! – сказал он. – А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?

– Заметил, сэр. Он объяснил мне, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был маленький.

– Гм! – произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье. – Он до сих пор у вас?

– О да, сэр, я только что видел его.

– Он хорошо справлялся с вашими делами, когда вас не было дома?

– Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в моей ссудной кассе почти нечего делать.

– Довольно, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие сообщить вам, что я думаю об этом происшествии. Сегодня суббота… Надеюсь, в понедельник мы всё уже будем знать.

– Ну, Уотсон, – сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, – что вы обо всем этом думаете?

– Ничего не думаю, – ответил я откровенно. – Дело это представляется мне совершенно таинственным.

– Общее правило таково, – сказал Холмс, – чем страннее случай, тем меньше в нем оказывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее всего разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем нужно покончить как можно скорее.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Курить, – ответил он. – Эта задача как раз на три трубки, и я прошу вас минут десять не разговаривать со мной.

Он скрючился в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу, и долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед черную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я пришел к заключению, что он заснул, и сам уже начал дремать, как вдруг он вскочил с видом человека, принявшего твердое решение, и положил свою трубку на камин.

– Сарасате[30] играет сегодня в Сент-Джемс-холле, – сказал он. – Что вы думаете об этом, Уотсон? Могут ваши пациенты обойтись без вас в течение нескольких часов?

– Сегодня я свободен. Моя практика отнимает у меня не слишком много времени.

– В таком случае, надевайте шляпу и идем. Раньше всего мне нужно в Сити. Где-нибудь по дороге закусим.

Мы доехали в метро до Олдерсгэйта, оттуда прошли пешком до Сэкс-Кобург-сквер, где совершились все те события, о которых нам рассказывали утром. Сэкс-Кобург-сквер – маленькая сонная площадь с жалкими претензиями на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с. насыщенным копотью воздухом. Три позолоченных шара и висящая на углу коричневая вывеска с надписью «Джабез Уилсон», выведенной белыми буквами, указывали, что здесь находится предприятие нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед дверью, устремил на нее глаза, ярко блестевшие из-под полуприкрытых век. Затем он медленно прошелся по улице, потом возвратился к углу, внимательно вглядываясь в дома. Перед ссудной кассой он раза три с силой стукнул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахнул расторопный, чисто выбритый молодой человек и попросил нас войти.

---

[30] Сарасате (1844-1908) – знаменитый испанский скрипач и композитор.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Я хотел только спросить, как пройти отсюда на Стрэнд.

– Третий поворот направо, четвертый налево, – мгновенно ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

– Ловкий малый! – заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице. – Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

– Видимо, – сказал я, – помощник мистера Уилсона играет немалую роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

– Не на него.

– На что же?

– На его колени.

– И что вы увидели?

– То, что ожидал увидеть.

– А зачем вы стучали по камням мостовой?

– Милейший доктор, сейчас время для наблюдений, а не для разговоров. Мы – разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сэкс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с той стороны.

Разница между Сэкс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом проходила одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Эта большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя потоками

вправо и влево, а на тротуарах чернели рои пешеходов. Глядя на ряды прекрасных магазинов и роскошных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится такая убогая, безлюдная площадь.

– Позвольте мне вдоволь насмотреться, – сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим. – Я хочу запомнить порядок зданий. Изучение Лондона – моя страсть… Сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, затем вегетарианский ресторан, затем каретное депо Макферлена. А там уже следующий квартал… Ну, доктор, наша работа окончена! Теперь мы можем немного поразвлечься: бутерброд, чашка кофе и – в страну скрипок, где все сладость, нега и гармония, где нет рыжих клиентов, досаждающих нам головоломками.

Мой друг страстно увлекался музыкой; он был не только очень способный исполнитель, но и незаурядный композитор. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке: его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о безжалостном хитроумном Холмсе, преследователе бандитов. Его удивительный характер слагался из двух начал. Мне часто приходило в голову, что его потрясающая своей точностью проницательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии. Мне хорошо было известно, с каким бездумным спокойствием отда-

вался он по вечерам своим импровизациям и нотам. Но внезапно охотничья страсть охватывала его, свойственная ему блистательная сила мышления возрастала до степени интуиции, и люди, незнакомые с его методом, начинали думать, что перед ними не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним в Сент-Джемс-холле и видя, с какой полнотой душа его отдается музыке, я чувствовал, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

– Вы, доктор, собираетесь, конечно, идти домой, – сказал он, когда концерт кончился.

– Домой, понятно.

– А мне предстоит еще одно дело, которое отнимет у меня три-четыре часа. Это происшествие на Кобург-сквер – очень серьезная штука.

– Серьезная?

– Там готовится крупное преступление. У меня есть все основания думать, что мы еще успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Вечером мне может понадобиться ваша помощь.

– В котором часу?

– Часов в десять, не раньше.

– Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

– Отлично. Имейте в виду, доктор, что дело будет опасное. Суньте в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, я видел то же самое, что видел он,

однако, судя по его словам, он знает и понимает не только то, что случилось, но и то, что случится, мне же все это дело по-прежнему представляется непонятной нелепостью.

По дороге домой я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика «Британской энциклопедии», и наше посещение Сэкс-Кобург-сквер, я те зловещие слова, которые Холмс сказал мне при прощании. Что означает эта ночная экспедиция и для чего нужно, чтобы я пришел вооруженным? Куда мы отправимся с ним и что предстоит нам делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник владельца ссудной кассы весьма опасный человек, способный на большие преступления.

Я изо всех сил пытался разгадать эти загадки, но ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя по Гайд-парку, по Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кэба, и, войдя в прихожую, я услышал шум голосов. Я застал у Холмса двух человек. Холмс оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал – это был Питер Джонс, официальный агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

– А, вот мы и в сборе! – сказал Холмс, застегивая матросскую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью. – Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсом из Скотланд-Ярда? Позвольте вас представить мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер тоже примет участие в нашем ночном приключении.

– Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова

охотимся вместе, – сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом. – Наш друг – бесценный человек. Но в самом начале охоты ему нужна для преследования зверя помощь старого гончего пса.

– Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку, – угрюмо сказал мистер Мерриуэзер.

– Можете вполне положиться на мистера Холмса, сэр, – покровительственно проговорил агент полиции. – У него свои собственные любимые методы, которые, позволю себе заметить, несколько отвлеченны и фантастичны, но тем не менее дают отличные результаты. Нужно признать, что бывали случаи, когда он оказывался прав, а официальная полиция ошибалась.

– Раз уж вы так говорите, мистер Джонс, значит, все в порядке, – снисходительно сказал незнакомец. – И все же, признаться, мне жаль, что сегодня не придется сыграть мою обычную партию в роббер. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

– В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх, – сказал Шерлок Холмс, – и самая игра увлекательнее. Ваша ставка, мистер Мерриуэзер, равна тридцати тысячам фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс, – человек, которого вы давно хотите поймать.

– Джон Клей – убийца, вор, взломщик и мошенник, – сказал Джонс. – Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но это искуснейший вор в стране: ни на кого другого я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Он замечательный человек, этот Джон Клей. Его дед был герцог, сам он

учился в Итоне и в Оксфорде[31]. Мозг его так же изощрен, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу натыкаемся на его следы, он до сих пор остается неуловимым. На этой неделе он обворует кого-нибудь в Шотландии, а на следующей он уже собирает деньги на постройку детского приюта в Корнуэлле. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

– Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось раза два натыкаться на подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что он искуснейший вор в стране… Уже одиннадцатый час, и нам пора двигаться в путь. Вы двое поезжайте в первом кэбе, а мы с Уотсоном поедем во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки был не слишком общителен: он сидел откинувшись и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечной путанице освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингдон-стрит.

– Теперь мы совсем близко, – сказал мой приятель. – Мерриуэзер – директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и цепок, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит… Мы приехали. Вот и они.

Мы снова остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером Мерриуэзером, мы вошли в какой-то

[31] В Итоне и Оксфорде находятся аристократические учебные заведения.

узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер для нас. За дверцей оказался другой коридор, очень короткий. В конце коридора были массивные железные двери. Открыв эти двери, мы спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, чтобы зажечь фонарь, и повел нас по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном склепе или погребе, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

– Сверху проникнуть сюда не так-то легко, – заметит Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

– Снизу тоже, – сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был выложен пол. – Черт побери, звук такой, будто там пустота! – воскликнул он с изумлением.

– Я вынужден просить вас не шуметь, – сердито сказал Холмс. – Из-за вас вся наша экспедиция может закончиться крахом. Будьте любезны, сядьте на один из этих ящиков и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом сел на корзину, а Холмс опустился на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами. Через несколько секунд, удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

– У нас впереди по крайней мере час, – заметил он, – так как они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный владелец ссудной кассы заснет. А когда он заснет, они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они окончат работу, тем больше времени у них останется

для бегства… Мы находимся, доктор, – как вы, без сомнения, уже догадались, – в подвалах отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер – председатель правления банка; он объяснит нам, что заставляет наиболее дерзких преступников именно в настоящее время с особым вниманием относиться к этим подвалам.

– Мы храним здесь наше французское золото, – шепотом сказал директор. – Мы уже имели ряд предупреждений, что будет совершена попытка похитить его.

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев назад нам понадобились дополнительные средства, и мы заняли тридцать тысяч наполеондоров у банка Франции. Но нам даже не пришлось распаковывать эти деньги, и они до сих пор лежат в наших подвалах. Корзина, на которой я сижу, содержит две тысячи наполеондоров, уложенных между листами свинцовой бумаги. Редко в одном отделении банка хранят столько золота, сколько хранится у нас в настоящее время. Каким-то образом это стало известно многим, и это заставляет директоров беспокоиться.

– У них есть все основания для беспокойства, – заметил Холмс. – Ну, нам пора приготовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мерриуэзер, закрыть этот фонарь чем-нибудь темным…

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, чтобы вы могли сыграть свою партию в роббер, так как нас здесь четверо. Но я вижу, что приготовления врага зашли очень

далеко и что оставить здесь свет было бы рискованно. Кроме того, нам нужно поменяться местами. Они смелые люди и, хотя мы нападем на них внезапно, могут причинить нам немало вреда, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь за теми. Когда я направлю на грабителей свет, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Уотсон, стреляйте в них без колебания.

Я положил свой заряженный револьвер на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ящиком. Холмс накрыл фонарь и оставил нас в полнейшей тьме. Запах нагретого металла напоминал нам, что фонарь не погашен и что свет готов вспыхнуть в любое мгновение. Мои нервы, напряженные от ожидания, были подавлены этой внезапной тьмой, этой холодной сыростью подземелья.

– Для бегства у них есть только один путь – обратно, через дом на Сэкс-Кобург-сквер, – прошептал Холмс. – Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

– Инспектор и два офицера ждут их у парадного входа.

– Значит, мы заткнули все дыры. Теперь нам остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! В сущности, прошел всего час с четвертью, но мне казалось, что ночь уже кончилась и наверху рассветает. Ноги у меня устали и затекли, так как я боялся шевельнуться; нервы были натянуты. И вдруг внизу я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра, мелькнувшая в просвете между плитами пола. Вскоре искра эта превратилась в желтую полоску. Потом без всякого шума в полу возникло отверстие, и в самой середине освещенного пространства появилась рука – белая, женственная, – которая

как будто пыталась нащупать какой-то предмет. В течение минуты эта рука с движущимися пальцами торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через узенькую щель между двумя плитами пробивался слабый свет.

Однако через мгновение одна из широких белых плит перевернулась с резким скрипом, и на ее месте оказалась глубокая квадратная яма, из которой хлынул свет фонаря. Над ямой появилось гладко выбритое мальчишеское лицо; неизвестный зорко глянул во все стороны: две руки уперлись в края отверстия; плечи поднялись из ямы, потом поднялось все туловище; колено уперлось в пол. Через секунду незнакомец уже во весь рост стоял на полу возле ямы и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

– Все в порядке, – прошептал он. – Стамеска и мешки у тебя?.. Черт! Прыгай, Арчи, прыгай, а я уж за себя постою.

Шерлок Холмс схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно: я услышал треск рвущейся материи. Свет блеснул на стволе револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул своего пленника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

– Бесполезно, Джон Клей, – сказал Холмс мягко. – Вы попались.

– Вижу, – ответил тот совершенно спокойно. – Но товарищу моему удалось ускользнуть, и вы поймали только фалду его пиджака.

– Три человека поджидают его за дверями, – сказал Холмс.

– Ах вот как! Чисто сработано! Поздравляю вас.

– А я – вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

– Сейчас вы увидите своего приятеля, – сказал Джонс. – Он шибче умеет нырять в норы, чем я. А теперь я надену на вас наручники.

– Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! – сказал ему наш пленник после того, как наручники были надеты. – Может быть, вам неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте же любезны, обращаясь ко мне, называть меня «сэр» и говорить мне «пожалуйста».

– Отлично, – сказал Джонс, усмехаясь. – Пожалуйста, сэр, поднимитесь наверх и соблаговолите сесть в кэб, который отвезет вашу светлость в полицию.

– Вот так-то лучше, – спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

– Мистер Холмс, – сказал Мерриуэзер, выводи нас из кладовой, – я, право, не знаю, как наш банк может отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшую кражу.

– У меня были свои собственные счеты с мистером Джоном Клеем, – сказал Холмс. – Расходы я на сегодняшнем деле понес небольшие, и ваш банк безусловно возместит их мне, хотя, в сущности, я уже вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих…

– Видите ли, Уотсон, – объяснил мне рано утром Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним на Бейкер-стрит за

стаканом виски с содовой, – мне с самого начала было ясно, что единственной целью этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания «Британской энциклопедии» может быть только удаление из дома не слишком умного владельца ссудной кассы на несколько часов ежедневно. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они вполне добились своего. Весь этот план, без сомнения, был подсказан вдохновенному уму Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю служили для Уилсона приманкой, а что значит четыре фунта для них, если они рассчитывали получить тысячи! Они поместили в газете объявление; один мошенник снял временно контору, другой мошенник уговорил своего хозяина сходить туда, и оба вместе получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Чуть только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого у него есть основательные причины.

– Но как вы отгадали их замысел?

– Предприятие нашего рыжего клиента – ничтожное, во всей его квартире нет ничего такого, ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто находящееся вне его квартиры. Что это может быть? Я вспомнил о страсти помощника к фотографии, о том, что он пользуется этой страстью, чтобы лазить зачем-то в погреб. Погреб! Вот другой конец запутанной нити. Я подробно расспросил Уилсона об этом таинственном помощнике и понял, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он что-то делает в погребе, что-то сложное, так как ему

приходится работать там по нескольку часов каждый день в течение двух месяцев. Что же он может там делать? Только одно: рыть подкоп, ведущий в какое-нибудь другое здание. Пойдя к такому выводу, я захватил вас и отправился познакомиться с тем местом, где все это происходит. Вы были очень удивлены, когда я стукнул тростью по мостовой. А между тем я хотел узнать, куда прокладывается подкоп – перед фасадом или на задворках. Оказалось, что перед фасадом его не было. Я позвонил. Как я и ожидал, мне открыл помощник. У нас уже бывали с ним кое-какие стычки, но мы никогда не видали друг друга в лицо. Да и на этот раз я в лицо ему не посмотрел. Я хотел видеть его колени. Вы могли бы и сами заметить, как они у него были грязны, помяты, протерты. Они свидетельствовали о многих часах, проведенных за рытьем подкопа. Оставалось только выяснить, куда он вел свой подкоп. Я свернул за угол, увидел вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта вы отправились домой, я поехал в Скотланд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка.

– А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? – спросил я.

– Закрыв контору Союза рыжих, они тем самым давали понять, что больше не нуждаются в отсутствии мистера Джабеза Уилсона, – другими словами, их подкоп готов. Было ясно, что они постараются воспользоваться им поскорее, так как, во-первых, подкоп может быть обнаружен, а во-вторых, золото может быть перевезено в другое место. Суббота им особенно удобна, потому что она предоставляет им для бегства лишние сутки. На основании всех этих

соображений я пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

– Ваши рассуждения прекрасны! – воскликнул я в непритворном восторге. – Вы создали такую длинную цепь, и каждое звено в ней безупречно.

– Этот случай спас меня от угнетающей скуки, – проговорил Шерлок Холмс, зевая. – Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь – сплошное усилие избегнуть тоскливого однообразия наших жизненных будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне достигнуть этой цели.

– Вы истинный благодетель человечества, – сказал я.

Холмс пожал плечами:

– Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу. «L'homme c'est rien – I'oeuvre c'est tout[32]», как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд.

ПЯТЬ ЗЕРНЫШЕК АПЕЛЬСИНА

Когда я просматриваю мои заметки о Шерлоке Холмсе за годы от 1882 до 1890, я нахожу так много удивительно интересных дел, что просто не знаю, какие выбрать. Однако одни из них уже известны публике из газет, а другие не дают возможности показать во всем блеске те своеобразные качества, которыми мой друг обладал в такой высокой степени. Все же одно из этих дел было так замечательно по своим подробностям и так неожиданно по результатам, что мне хотелось бы рассказать о нем, хотя с

[32] «Человек – ничто, дело – все» (фр.)

ним связаны такие обстоятельства, которые, по всей вероятности, никогда не будут полностью выяснены.

1887 год принес длинный ряд более или менее интересных дел. Все они записаны мною. Среди них – рассказ о «Парадол-чэмбер» Обществе Нищих-любителей, которое имело роскошный клуб в подвальном этаже большого мебельного магазина; отчет о фактах, связанных с гибелью британского судна «Софи Эндерсон»; рассказ о странных приключениях Грайса Петерсона на острове Юффа и, наконец, записки, относящиеся к Кемберуэльскому делу об отравлении. В последнем деле Шерлоку Холмсу удалось путем исследования механизма часов, найденных на убитом, доказать, что часы были заведены за два часа до смерти и поэтому покойный лег спать в пределах этого времени, – вывод, который помог обнаружить преступника.

Все эти дела я, может быть, опишу когда-нибудь позже, но ни одно из них не обладает такими своеобразными чертами, как те необычайные события, которые я намерен сейчас изложить.

Был конец сентября, и осенние бури свирепствовали с неслыханной яростью. Целый день завывал ветер, и дождь барабанил в окна так, что даже здесь, в самом сердце огромного Лондона, мы невольно отрывались на миг от привычного течения жизни и ощущали присутствие грозных сил разбушевавшейся стихии. К вечеру буря разыгралась сильнее; ветер в трубе плакал и всхлипывал, как ребенок.

Шерлок Холмс был мрачен. Он расположился у камина и приводил в порядок свою картотеку преступлений, а я,

сидя напротив него, так углубился в чтение прелестных морских рассказов Кларка Рассела, что завывание бури слилось в моем сознании с текстом, а шум дождя стал казаться мне рокотом морских волн.

Моя жена гостила у тетки, и я на несколько дней устроился в нашей старой квартире на Бейкер-стрит.

– Послушайте, – сказал я, взглянув на Холмса, – это звонок. Кто же может прийти сегодня? Кто-нибудь из ваших друзей?

– Кроме вас, у меня нет друзей, – ответил Холмс. – А *гости* ко мне не ходят.

– Может быть, клиент?

– Если так, то дело должно быть очень серьезное. Что другое заставит человека выйти на улицу в такой день и в такой час? Но скорее всего это какая-нибудь кумушка, приятельница нашей квартирной хозяйки.

Однако Холмс ошибся, потому что послышались шаги в прихожей и стук в нашу дверь.

Холмс протянул свою длинную руку и повернул лампу от себя так, чтобы осветить пустое кресло, предназначенное для посетителя.

– Войдите! – сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, изящно одетый, с некоторой изысканностью в манерах. Зонт, с которого бежала вода, и блестевший от дождя длинный непромокаемый плащ свидетельствовали об ужасной погоде. Вошедший тревожно огляделся, и при свете лампы я увидел, что лицо его бледно, а глаза полны беспокойства, как у человека, внезапно охваченного большой тревогой.

– Я должен перед вами извиниться, – произнес он,

поднося к глазам золотой лорнет. – Надеюсь, вы не сочтете меня навязчивым… Боюсь, что я принес в вашу уютную комнату некоторые следы бури и дождя.

– Дайте мне ваш плащ и зонт, – сказал Холмс. – Они могут повисеть здесь, на крючке, и быстро высохнут. Я вижу, вы приехали с юго-запада.

– Да, из Хоршема.

– Смесь глины и мела на носках ваших ботинок очень характерна для этих мест.

– Я пришел к вам за советом.

– Его легко получить.

– И за помощью.

– А вот это не всегда так легко.

– Я слышал о вас, мистер Холмс. Я слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его от скандала в клубе Тэнкервилл.

– А-а, помню. Он был ложно обвинен в нечистой карточной игре.

– Он сказал мне, что вы можете во всем разобраться.

– Он чересчур много мне приписывает.

– По его словам, вы никогда не знали поражений.

– Я потерпел поражение четыре раза. Три раза меня побеждали мужчины и один раз женщина.

– Но что это значит в сравнении с числом ваших успехов!

– Да, обычно у меня бывают удачи.

– В таком случае, вы добьетесь успеха и в моем деле.

– Прошу вас придвинуть ваше кресло к камину и сообщить мне подробности дела.

– Дело мое необыкновенное.

– Обыкновенные дела ко мне не попадают. Я высшая апелляционная инстанция.

– И все же, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось за все время вашей деятельности слышать о таких непостижимых и таинственных происшествиях, как те, которые произошли в моей семье.

– Вы меня очень заинтересовали, – сказал Холмс. – Пожалуйста, сообщите нам для начала основные факты, а потом я расспрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне наиболее существенными.

Молодой человек придвинул кресло и протянул мокрые ноги к пылающему камину.

– Меня зовут Джон Опеншоу, – сказал он. – Но, насколько я понимаю, мои личные дела мало связаны с этими ужасными событиями. Это какое-то наследственное дело, и поэтому, чтобы дать вам представление о фактах, я должен вернуться к самому началу всей истории…

У моего деда было два сына: мой дядя, Элиас, и мой отец, Джозеф. Мой отец владел небольшой фабрикой в Ковентри. Ему удалось расширить ее, когда началось производство велосипедов. Отец изобрел особо прочные шины «Опеншоу», и его предприятие пошло очень успешно, так что когда отец в конце концов продал свою фирму, он удалился на покой вполне обеспеченным человеком.

Мой дядя Элиас в молодые годы эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, как говорили, дела его шли очень хорошо. Во времена войны[33] он сра-

[33] Гражданская война Южных и Северных штатов (1861 – 1865), окончившаяся победой северян над рабовладельческим Югом.

жался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и достиг чина полковника. Когда Ли сложил оружие[34], мой дядя возвратился на свою плантацию, где прожил три или четыре года. В 1869 или 1870 году он вернулся в Европу и арендовал небольшое поместье в Сассексе, вблизи Хоршема. В Соединенных Штатах он нажил большой капитал и покинул Америку, так как питал отвращение к неграм и был недоволен республиканским правительством, освободившим их от рабства.

Дядя был странный человек – жестокий и вспыльчивый. При всякой вспышке гнева он изрыгал страшные ругательства. Жил он одиноко и чуждался людей. Сомневаюсь, чтобы в течение всех лет, прожитых под Хоршемом, он хоть раз побывал в городе. У него был сад, лужайки вокруг дома, и там он прогуливался, хотя часто неделями не покидал своей комнаты. Он много пил и много курил, но избегал общения с людьми и не знался даже с собственным братом. А ко мне он, пожалуй, даже привязался, хотя впервые мы увиделись, когда мне было около двенадцати лет. Это произошло в 1878 году. К тому времени дядя уже восемь или девять лет прожил в Англии. Он уговорил моего отца, чтобы я переселился к нему, и был ко мне по-своему очень добр. В трезвом виде он любил играть со мной в кости и в шашки. Он доверил мне все дела с прислугой, с торговцами, так что к шестнадцати годам я стал полным хозяином в доме. У меня хранились все ключи, мне позволялось ходить куда угодно и делать все что вздумается при одном условии: не нарушать уединения дяди. Но

---

[34] Генерал Ли командовал армией южан. Джексон и Гуд – генералы этой армии.

было все же одно странное исключение: на чердаке находилась комната, постоянно запертая, куда дядя не разрешал заходить ни мне, ни кому-либо другому. Из мальчишеского любопытства я заглядывал в замочную скважину, но ни разу не увидел ничего, кроме старых сундуков и узлов.

Однажды – это было в марте 1883 года – на столе перед прибором дяди оказалось письмо с иностранной маркой. Дядя почти никогда не получал писем, потому что покупки он всегда оплачивал наличными, а друзей у него не было.

«Из Индии, – сказал он, беря письмо. – Почтовая марка Пондишерри! Что это может быть?»

Дядя поспешно разорвал конверт; из него выпало пять сухих зернышек апельсина, которые выкатились на его тарелку. Я было рассмеялся, но улыбка застыла у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Его нижняя губа отвисла, глаза выкатились из орбит, лицо стало серым; он смотрел на конверт, который продолжал держать в дрожащей руке.

«К.К.К.»! – воскликнул он. – Боже мой, боже мой! Вот расплата за мои грехи!»

«Что это, дядя?» – спросил я.

«Смерть», – сказал он, встал из-за стола и ушел в свою комнату, оставив меня в недоумении и ужасе.

Я взял конверт и увидел, что на внутренней его стороне красными чернилами была три раза написана буква «К». В конверте не было ничего, кроме пяти сухих зернышек апельсина. Почему дядю охватил такой ужас?

Я вышел из-за стола и взбежал по лестнице наверх. Навстречу мне спускался дядя. В одной руке у него был старый, заржавевший ключ, по-видимому, от чердачного помещения, а в другой – небольшая шкатулка из латуни.

«Пусть они делают что хотят, я все-таки им не сдамся! – проговорил он с проклятием. – Скажи Мэри, чтобы затопила камин в моей комнате и пошла за Фордхэмом, хоршемским юристом».

Я сделал все, как он велел. Когда приехал юрист, меня позвали в комнату дяди. Пламя ярко пылало, а на решетке камина толстым слоем лежал пепел, по-видимому, от сожженной бумаги. Рядом стояла открытая пустая шкатулка. Взглянув на нее, я невольно вздрогнул, так как заметил на внутренней стороне крышки тройное «К» – точно такое же, какое я сегодня утром видел на конверте.

«Я хочу, Джон, – сказал дядя, – чтобы ты был свидетелем при составлении завещания. Я оставляю свое поместье моему брату, твоему отцу, от которого оно, несомненно, перейдет к тебе. Если ты сможешь мирно пользоваться им, тем лучше. Если же ты убедишься, что это невозможно, то последуй моему совету, мой мальчик, и отдай поместье своему злейшему врагу. Мне очень грустно, что приходится оставлять тебе такое наследство, но я не знаю, какой оборот примут дела. Будь любезен, подпиши бумагу в том месте, какое тебе укажет мистер Фордхэм».

Я подписал бумагу, как мне было указано, и юрист взял ее с собой.

Этот странный случай произвел на меня, как вы понимаете, очень глубокое впечатление, и я все время думал о нем, не находи объяснений. Я не мог отделаться от смутного чувства страха, хотя оно притуплялось по мере того, как шли недели и ничто не нарушало привычного течения жизни. Правда, я заметил перемену в моем дяде. Он пил больше прежнего и стал еще более нелюдимым. Большую

часть времени он проводил, запершись в своей комнате. Но иногда в каком-то пьяном бреду он выбегал из дому, слонялся по саду с револьвером в руке и кричал, что никого не боится, и не даст ни человеку, ни дьяволу зарезать себя, как овцу. Однако когда эти горячечные припадки проходили, он сразу бежал домой и запирался в комнате на ключ и на засовы, как человек, охваченный непреодолимым страхом. Во время таких припадков его лицо даже в холодные дни блестело от пота, как будто он только что вышел из бани.

Чтобы покончить с этим, мистер Холмс, и не злоупотреблять вашим терпением, скажу только, что однажды настала ночь, когда он совершил одну из своих пьяных вылазок, после которой уже не вернулся. Мы отправились на розыски. Он лежал ничком в маленьком, заросшем тиной пруду, расположенном в глубине нашего сада. На теле не было никаких признаков насилия, а воды в пруду было не больше двух футов. Поэтому суд присяжных, принимая во внимание чудачества дяди, признал причиной смерти самоубийство. Но я, знавший, как его пугала самая мысль о смерти, не мог убедить себя, что он добровольно расстался с жизнью. Как бы то ни было, дело на этом и кончилось, и мой отец вступил во владение поместьем и четырнадцатью тысячами фунтов, которые лежат на его текущем счете в банке…

– Позвольте, – прервал его Холмс. – Ваше сообщение, как я вижу, одно из самых интересных, какие я когда-либо слышал. Укажите мне дату получения вашим дядей письма и дату его предполагаемого самоубийства.

– Письмо пришло десятого марта 1883 года. Он погиб через семь недель, в ночь на второе мая.

– Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

– Когда отец вступил во владения хоршемской усадьбой, он по моему настоянию произвел тщательный осмотр чердачного помещения, которое всегда было заперто. Мы нашли там латунную шкатулку. Все ее содержимое было уничтожено. К внутренней стороне крышки была приклеена бумажная этикетка с тремя буквами «К» и подписью внизу: «Письма, записи, расписки и реестр». Как мы полагаем, эти слова указывали на характер бумаг, уничтоженных полковником Опеншоу. Кроме этого, на чердаке не было ничего существенного, если не считать огромного количества разбросанных бумаг и записных книжек, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из них относились ко времени войны и свидетельствовали о том, что дядя хорошо выполнял свой долг и заслужил репутацию храброго солдата. Другие бумаги относились к эпохе преобразования Южных штатов и по большей части касались политических вопросов, так как дядя, очевидно, играл большую роль в оппозиции.

Так вот, в начале 84 года отец поселился в Хоршеме, и все шло у нас как нельзя лучше до 85 года. Четвертого января, когда мы все сидели за завтраком, отец внезапно вскрикнул от изумления. В одной руке он держал только что вскрытый конверт, а на протянутой ладони другой руки – пять сухих зернышек апельсина. Он всегда смеялся над тем, что он называл «небылицами насчет полковника», а теперь и сам испугался, когда получил такое же послание.

«Что бы это могло значить, Джон?» – пробормотал он.

Мое сердце окаменело.

«Это „К.К.К.“», – ответил я.

Отец заглянул внутрь конверта.

«Да, здесь те же буквы. Но что это написано под ними?»

«Положите бумаги на солнечные часы», – прочитал я, взглянув ему через плечо.

«Какие бумаги? Какие солнечные часы?» – спросил он.

«Солнечные часы в саду, других здесь нет. Но бумаги, должно быть, те, которые уничтожены».

«Черт возьми! – сказал он. – Мы живем в цивилизованной стране и не можем принимать всерьез такую чушь. Откуда это письмо?»

«Из Данди», – ответил я, взглянув на почтовый штемпель.

«Чья-нибудь нелепая шутка, – сказал он. – Какое мне дело до солнечных часов и бумаг? Нечего и обращать внимания на этакий вздор!»

«Я бы сообщил полиции», – сказал я.

«Чтобы меня высмеяли? И не подумаю».

«Тогда позвольте мне это сделать».

«Ни в коем случае. Я не хочу поднимать шум из-за таких пустяков».

Уговаривать отца было бы напрасным трудом, потому что он был очень упрям. А меня охватили тяжелые предчувствия.

На третий день после получения письма отец поехал навестить своего старого друга, майора Фрибоди, который командует одним из фортов Портсдаун-Хилла. Я был рад, что он уехал, так как мне казалось, что вне дома он дальше от опасности. Однако я ошибся. На второй день после его отъезда я получил от майора телеграмму, в которой он умолял меня немедленно приехать. Отец упал в один из

глубоких меловых карьеров, которыми изобилует местность, и лежал без чувств, с раздробленным черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался из Фэрхема в сумерки. А так как местность ему незнакома и меловые шахты не огорожены, суд присяжных, не колеблясь, вынес решение: «Смерть от несчастного случая».

Я тщательно изучил все факты, связанные с его смертью, но не мог обнаружить ничего, что наводило бы на мысль об убийстве. Не было признаков насилия, не было никаких следов на земле, не было ограбления, не было посторонних лиц на дорогах. И все же излишне говорить вам, что я не находил покоя и был почти уверен, что отец мой попал в расставленные кем-то сети.

При таких трагических обстоятельствах я вступил в права наследства. Вы спросите меня, почему я не отказался от него? Отвечу вам: я был убежден, что наши несчастья каким-то образом связаны с давними событиями в жизни моего дяди и что опасность будет мне угрожать одинаково в любом доме.

Мой бедный отец скончался в январе 85 года; с тех пор прошло два года и восемь месяцев. Все это время я мирно прожил в Хоршеме и начал уже надеяться, что это проклятье не тяготеет больше над нашей семьей, что оно рассеялось после гибели старшего поколения. Однако я слишком рано успокоился. Вчера утром меня постиг удар в той же самой форме, в какой он постиг моего отца…

Молодой человек достал из кармана смятый конверт и, повернувшись к столу, высыпал на скатерть пять маленьких сухих зернышек апельсина.

– Вот конверт, – продолжал он. – Почтовый штемпель – Лондон, Восточный район. Внутри те же самые слова, которые были в письме, полученном моим отцом; «К. К. К.», а затем: «Положите бумаги на солнечные часы».

– Что вы сделали? – спросил Холмс.

– Ничего.

– Ничего?

– По правде говоря, – он опустил лицо на тонкие белые руки, – я почувствовал себя беспомощным, как жалкий кролик, к которому приближается змея. По-видимому, я во власти какой-то непреодолимой и неумолимой силы, от которой не могут спасти никакие предосторожности.

– Что вы! Что вы! – воскликнул Шерлок Холмс. – Вы должны действовать, иначе вы погибнете. Только энергия может спасти вас. Теперь не время предаваться отчаянию.

– Я был в полиции.

– Ну, и?..

– Но там с улыбкой выслушали мой рассказ. Я убежден, что инспектор считает эти письма чьей-то шуткой, а смерть моих родных, как и установил суд присяжных, – несчастным случаем, никак не связанным с этими предупреждениями.

Холмс потряс в воздухе сжатыми кулаками.

– Невероятная тупость! – воскликнул он.

– Все же ко мне прикомандировали полицейского, который все время дежурит в моем доме.

– Он пришел с вами сейчас?

– Нет, ему приказано находиться при доме.

Холмс снова потряс в воздухе кулаками.

– Зачем вы пришли ко мне? – спросил он. – И главное,

почему вы не пришли ко мне сразу?

– Я не знал. Только сегодня я говорил о моих опасениях с майором Прендергастом, и он посоветовал мне обратиться к вам.

– Ведь уже два дня, как вы получили письмо. Вам следовало начать действовать раньше. У вас нет, я полагаю, других данных, кроме тех, которые вы мне сообщили? Нет каких-либо наводящих подробностей, которые могли бы вам помочь?

– Есть одна вещь, – сказал Джон Опеншоу. Он пошарил в кармане пальто и, вынув кусок выцветшей синей бумаги, положил его на стол. – Мне помнится, – сказал он, – что в день, когда дядя жег бумаги, маленькие несгоревшие полоски, лежавшие среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу дядиной комнаты и склонен думать, что это одна из бумаг, которая случайно отлетела от остальных и таким образом избежала уничтожения. Кроме упоминания зернышек, я не вижу в этой бумаге ничего, что могло бы нам помочь. Я думаю, что это страница дневника. Почерк, несомненно, дядин.

Холмс повернул лампу, и мы оба нагнулись над листом бумаги, неровные края которого свидетельствовали о том, что лист был вырван из книги. Наверху была надпись: «Март 1869 года», а внизу следующие загадочные заметки:

4-го. Гудзон явился. Прежняя платформа.

7-го. Посланы зернышки Мак-Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент-Августина.

9-го. Мак-Коули убрался.

10-го. Джон Свейн убрался.

12-го. Посетили Парамора. Все в порядке.

– Благодарю вас, – сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю. – Теперь вы не должны терять ни минуты. Мы даже не можем тратить время на обсуждение того, что вы мне сообщили. Вы должны немедленно вернуться домой и действовать.

– Что я должен делать?

– Есть только одно дело, и оно должно быть выполнено немедленно. Вы должны положить бумагу, которую только что нам показали, в латунную шкатулку, описанную вами. Вы должны приложить записку и в ней сообщить, что все остальные бумаги были сожжены вашим дядей и остался только этот лист. Вы должны заявить это словами, внушающими доверие. Написав такое письмо, немедленно поставьте шкатулку на диск солнечных часов, как вам указано. Вы понимаете?

– Вполне понимаю.

– Не думайте в настоящее время о мести или о чем-либо подобном. Я полагаю, что этого мы могли бы добиться законным путем, но ведь нам еще предстоит сплести свою сеть, тогда как их сеть уже сплетена. Прежде всего надо отстранить непосредственную опасность, угрожающую вам. А затем уже выяснить это таинственное дело и наказать виновных.

– Благодарю вас, – сказал молодой человек, вставая и надевая плащ. – Вы вернули мне жизнь и надежду. Я поступлю так, как вы мне советуете.

– Не теряйте ни минуты. И главное, берегите себя, так как не может быть сомнения, что вам угрожает весьма реальная и большая опасность. Каким путем вы думаете вернуться домой?

– Поездом, с вокзала Ватерлоо.

– Еще нет девяти часов. На улицах будет очень людно, так что, я надеюсь, вы будете в безопасности. И все же вы должны очень остерегаться врагов.

– Я вооружен.

– Это хорошо. Завтра я примусь за ваше дело.

– Значит, я увижу вас в Хоршеме?

– Нет, секрет вашего дела – в Лондоне, и здесь я буду его искать.

– В таком случае, я приду к вам через день или два и сообщу все, что будет выяснено насчет шкатулки и бумаг. Я в точности выполню все ваши советы.

Он пожал нам руки и простился.

Ветер по-прежнему завывал и дождь стучал в окна. Казалось, этот странный рассказ навеян обезумевшей стихией, занесен к нам, как морская трава заносится бурей, и теперь снова поглощен ею.

Холмс сидел некоторое время молча, опустив голову и устремив взгляд на красное пламя камина. Затем он закурил трубку и, откинувшись на спинку кресла, стал следить за синими кольцами дыма, которые нагоняли друг друга под потолком.

– Я думаю, Уотсон, – заметил он наконец, – что в нашей практике не было более опасного и фантастического дела.

– Но вы составили себе определенное представление о характере этих опасностей? – спросил я.

– Здесь не может быть сомнения относительно их характера, – ответил он.

– Но в чем дело? Кто этот К. К. К. и почему он преследует несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза и, опершись на подлокотники кресла, соединил концы пальцев.

– Истинный мыслитель, – заметил он, – увидев один-единственный факт во всей полноте, может вывести из него не только всю цепь событий, приведших к нему, но также и все последствия, вытекающие из него. Как Кювье[35] мог правильно описать целое животное на основании одной кости, так и наблюдатель, основательно изучивший одно звено в серии событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья – и предшествующие, и последующие. Но чтобы довести искусство мышления до высшей точки, необходимо, чтобы мыслитель мог использовать все установленные факты, а для этого ему нужны самые обширные познания. Если мне не изменяет память, вы в ранние дни нашей дружбы очень точно определили границы моих знаний.

– Да, – ответил я, смеясь, – это был необыкновенный документ. Я помню, что философия, астрономия и политика стояли под знаком нуля. Познание в ботанике – колеблющиеся, в геологии – глубокие, поскольку дело касается пятен грязи из любого района в пределах пятидесяти миль вокруг Лондона; в химии – эксцентрические; в анатомии – разрозненные; в области уголовной литературы и судебных отчетов – исключительные: при этом скрипач, боксер, владеет шпагой, юрист, отравляет себя кокаином и табаком. Таковы были главнейшие пункты моего анализа.

Холмс усмехнулся при последних словах.

---

[35] Кювье (1769-1832) – знаменитый французский ученый, положивший начало палеонтологии (наука об ископаемых животных).

– Что ж, я говорю сейчас, как говорил и тогда, что человек должен обставить чердачок своего мозга всем, что ему, вероятно, понадобится, а остальные знания он должен сложить в чулан при своей библиотеке, откуда может достать их в случае надобности. Для такого дела, какое было предложено нам сегодня вечером, мы, конечно, должны мобилизовать все доступные нам ресурсы. Дайте мне, пожалуйста, том на букву «К» из Американкой энциклопедии. Он стоит на полке, которая рядом с вами. Благодарю вас. Теперь обсудим все обстоятельства и посмотрим, какой можно сделать из них вывод. Начать мы должны с предположения, что у полковника Опеншоу были весьма серьезные причины, заставившие его покинуть Америку. В его годы люди не склонны нарушать все свои привычки и добровольно отказываться от прелестного климата Флориды ради уединенной жизни в английском провинциальном городке. Его крайнее пристрастие к уединению в Англии подсказывает мысль, что он боялся кого-то или чего-то. Поэтому мы можем принять как рабочую гипотезу, что это был страх перед кем-то или чем-то, что заставило его покинуть Америку. О том, чего именно он боялся, мы можем судить только на основании зловещих писем, которые получали он и его наследники. Вы заметили почтовые штемпели этих писем?

– Первое было из Пондишерри, второе – из Данди и третье – из Лондона.

– Из Восточного Лондона! Какой вы монете сделать отсюда вывод?

– Это все океанские порты. По-видимому, писавший находился на борту корабля.

– Великолепно! У нас уже есть ключ. Вероятно, весьма вероятно, что писавший письма находился на борту корабля. А теперь посмотрим на это дело с другой стороны. В случае с Пондишерри прошло семь недель между угрозой и ее выполнением. В случае с Данди между угрозой и выполнением прошло всего три-четыре дня. Это вас наводит на какую-нибудь мысль?

– Большее расстояние, которое надо было в первом случае преодолеть.

– Но ведь письмо тоже должно было пройти большое расстояние.

– Тогда я не понимаю, в чем дело.

– Есть основание предполагать, что судно, на котором находится этот человек – или, может быть, их несколько, – парусное судно. Похоже на то, что они всегда посылали свои странные предупреждения или знаки перед тем, как отправиться на выполнение своего дела. Вы видите, как быстро дело последовало за предупреждением, посланным из Данди. Если бы они ехали из Пондишерри пароходом, они прибыли бы почти одновременно с письмом. Но прошло семь недель. Я думаю, что семь недель представляют разницу между скоростью почтового парохода, доставившего письмо, и скоростью парусника, доставившего автора письма.

– Это возможно.

– Это более чем возможно. Это вероятно. Теперь вы видите смертельную опасность в нашем последнем деле и понимаете, почему я настаивал, чтобы молодой Опеншоу был осторожен. Удар всегда настигал к концу срока, который нужен был отправителям письма, чтобы пройти

расстояние на паруснике. Но ведь это письмо послано из Лондона, и поэтому мы не можем рассчитывать на отсрочку!

– Боже мой! – воскликнул я. – Что значит это беспощадное преследование?

– Очевидно, бумаги, увезенные Опеншоу, представляют жизненный интерес для человека или людей, находящихся на паруснике. Полагаю, что там не один человек. Один человек не мог бы совершить два убийства таким образом, чтобы ввести в заблуждение судебное следствие. В этом должно было участвовать несколько человек, притом изобретательных и решительных. Свои бумаги они решили получить, в чьих бы руках те ни находились. Таким образом, вы видите что «К. К. К.» перестают быть инициалами человека, а становятся знаком целого общества.

– Но какого общества?

– Вы никогда не слышали о Ку-клукс-клане? – сказал Шерлок Холмс, нагибаясь и понижая голос.

– Никогда не слышал.

Холмс перелистал страницы тома, лежавшего у него на коленях:

– Вот что здесь говорится: «Ку-клукс-клан – название, происходящее от сходства со звуком взводимого затвора винтовки. Это ужасное тайное общество было создано бывшими солдатами Южной армии после гражданской войны и быстро образовало местные отделения в различных штатах, главным образом в Теннеси, в Луизиане, в обеих Каролинах, в Джорджии и Флориде. Это общество использовало свои силы в политических целях, главным образом для того, чтобы терроризировать негритянских

избирателей, а также для убийства или изгнания из страны тех, кто противился его взглядам. Их преступлениям обычно предшествовало предупреждение, посылаемое намеченному лицу в фантастической, но широко известной форме: в некоторых частях страны – дубовые листья, в других – семена дыни или зернышки апельсина. Получив это предупреждение, человек должен был либо открыто отречься от прежних взглядов, либо покинуть страну. Если он не обращал внимания на предупреждение, его неизменно постигала смерть, обычно странная и непредвиденная. Общество было так хорошо организовано и его методы были настолько продуманны, что едва ли известен хоть один случай, когда человеку удалось безнаказанно пренебречь предупреждением или когда были раскрыты виновники злодеяния. Несколько лет организация процветала, несмотря на усилия правительства Соединенных Штатов и прогрессивных кругов Юга. В 1869 году движение неожиданно прекратилось, хотя отдельные вспышки расовой ненависти наблюдались и позже…»

– Заметьте, – сказал Холмс, откладывая том энциклопедии, – что внезапное прекращение деятельности общества совпало с отъездом из Америки Опеншоу, когда он увез с собой бумаги этой организации. Весьма возможно, что тут налицо и причина и следствие. Не приходится удивляться, что за молодым Опеншоу и его семьей следят беспощадные люди. Вы понимаете, что эта опись и дневники могут опорочить виднейших деятелей Юга и что многие не заснут спокойно, пока эти бумаги не будут у них в руках?

– Значит, страница, которую мы видели…

– Такая, какую можно было ожидать. Если мне не изменяет память, там было написано: «Посланы зернышки А. Б. В.» – то есть послали им предупреждение. Затем последовательно идут записи, что А и Б убрались, то есть покинули страну, и что В навестили. Боюсь, это плохо кончилось для В. Я думаю, доктор, нам удастся пролить некоторый свет на это темное дело. А тем временем единственное спасение для молодого Опеншоу – действовать так, как я ему посоветовал. Сегодня ничего больше мы не можем ни сказать, ни сделать… Передайте мне мою скрипку, и попытаемся на полчаса забыть отвратительную погоду и еще более отвратительные поступки людей.

К утру буря стихла, и солнце тускло светило сквозь туманный покров, нависший над Лондоном. Шерлок Холмс уже завтракал, когда я спустился вниз.

– Извините, что я начал без вас, – сказал он. – Я предвижу, что мне придется много поработать по делу молодого Опеншоу.

– Какие шаги вы собираетесь предпринять? – спросил я.

– Это в значительной степени зависит от результатов моих первых расследований. Может быть, мне придется еще съездить в Хоршем.

– Вы не собираетесь прежде всего поехать туда?

– Нет, я начну с Сити. Позвоните, и служанка принесет нам кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал бегло просматривать ее. Я увидел заголовок, от которого у меня похолодело сердце.

–Холмс, – воскликнул я, – вы опоздали!

– А-а! – сказал он, отставляя чашку. – Я опасался, что так и будет. Как это произошло?

Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

Мне бросилось в глаза имя Опеншоу и заголовок: «Трагедия у моста Ватерлоо». Вот что было написано:

«Вчера между девятью и десятью вечера констебль Кук, дежуривший у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Однако ночь была очень темная, бушевала буря, так что, несмотря на смелые попытки нескольких прохожих, оказалось невозможным спасти тонувшего. Был дан сигнал тревоги, и с помощью речной полиции тело удалось найти. Это был молодой джентльмен, имя которого, как видно по конверту, найденному в его кармане, Джон Опеншоу, проживавший вблизи Хоршема. Предполагают, что он спешил к последнему поезду, отходившему со станции Ватерлоо, и что в спешке при исключительной темноте сбился с дороги и шагнул через край одной из маленьких пристаней речного пароходства. На теле не было обнаружено следов насилия, и не может быть сомнения в том, что покойный оказался жертвой несчастного случая; это должно заставить власти обратить внимание на состояние речных пристаней».

Несколько минут мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса таким угнетенным.

– Это наносит удар моему самолюбию, – сказал он наконец. – Бесспорно, самолюбие мелкое чувство, но с этим ничего не поделаешь. Теперь это становится для меня личным делом, и если бог пошлет мне здоровье, я выловлю всю банду. Он пришел ко мне за помощью, и я же послал его на смерть!

Он вскочил со стула, зашагал по комнате с пылающим

румянцем на бледном лице, нервно сжимая и разжимая свои длинные, тонкие пальцы.

– Хитрые дьяволы! – выкрикнул он наконец. – Как им удалось заманить его туда, вниз, к реке? Набережная не лежит по дороге к станции. На мосту, конечно, даже в такую ночь было слишком людно. Ну, Уотсон, посмотрим, кто в конечном счете победит. Сейчас я пойду!

– В полицию?

– Нет, я сам буду полицией. Я сплету паутину, и пусть тогда полиция ловит в нее мух, но не раньше.

Весь день я был занят своей медицинской практикой и вернулся на Бейкер-стрит поздно вечером. Шерлок Холмс еще не приходил. Было почти десять часов, когда он вошел, бледный и усталый. Он подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, стал жадно жевать его, запивая большими глотками воды.

– Проголодались? – заметил я.

– Умираю от голода. Совершенно забыл поесть. С утреннего завтрака у меня не было во рту ни крошки.

– Ничего?

– Ни крошки. Мне некогда было об этом думать.

– А как ваши успехи?

– Хороши.

– Вы нашли ключ?

– Они у меня в руках. Молодой Опеншоу недолго останется неотмщенным. Знаете, Уотсон, поставим на них их собственное дьявольское клеймо! Разве это плохо придумано?

– Что вы хотите сказать?

Он взял из буфета апельсин, разделил его на дольки и

выдавил на стол зернышки. Из них он взял пять и положил в конверт. На внутренней стороне конверта он написал: «Ш.Х. за Д.О.». Затем он запечатал конверт и адресовал его: «Капитану Джеймсу Келгуну, парусник „Одинокая звезда“. Саванна, Джорджия».

– Письмо будет ждать Келгуна, когда он войдет в порт, – сказал Холмс, тихо смеясь. – Это ему обеспечит бессонную ночь. Я уверен, что он сочтет письмо вестником той же судьбы, какая постигла Опеншоу.

– А кто этот капитан Келгун?

– Вожак всей шайки. Я доберусь и до других, но он будет первым.

– Как вы его обнаружили?

Он достал из кармана большой лист бумаги, сплошь исписанный датами и именами.

– Я провел весь день над ллойдовскими журналами и связками старых бумаг, прослеживая дальнейшую судьбу каждого корабля, прибывавшего в Пондишерри в январе и феврале 83 года. За эти месяцы было отмечено тридцать шесть судов значительного водоизмещения; из них одно судно, «Одинокая звезда», сразу привлекло мое внимание, так как местом отправления указан был Лондон, между тем «Одинокая звезда» – это прозвище одного из штатов Америки.

– Кажется, Техаса.

– Я не был в этом уверен, не уверен и сейчас. Но я знал, что это судно должно быть американского происхождения.

– И что же?

– Я просмотрел записи прихода и ухода судов в Данди, и, когда я обнаружил, что парусник «Одинокая звезда» был

там в январе 85 года, мои подозрения обратились в уверенность. Тогда я навел справки относительно судов, находящихся в настоящее время в Лондонском порту.

– И что же?

– «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я спустился к докам Альберта и узнал, что сегодня утром с ранним приливом «Одинокая звезда» ушла вниз по реке, чтобы последовать обратно в Саванну. Я телеграфировал в Гревзенд и узнал, что «Одинокая звезда» прошла там недавно, и так как ветер восточный, я не сомневаюсь, что она уже миновала Гудуин и находится недалеко от острова Уайт.

– Что же вы теперь сделаете?

– О, Келгун теперь в моих руках! Он и два матроса, как я узнал, – единственные американцы на корабле. Все остальные финны и немцы. Я знаю также, что прошлую ночь все трое провели не на судне. Это мне сказал грузчик, который работал на погрузке «Одинокой звезды». Прежде чем парусник достигнет Саванны, почтовый пароход доставит мое письмо, а телеграф сообщит полиции в Саванне, что эти три джентльмена крайне нужны здесь в связи с обвинением их в убийстве.

Однако в самых лучших человеческих планах всегда оказывается какая-нибудь трещина, и убийцам Джона Опеншоу не суждено было получить зернышки апельсина, которые показали бы им, что другой человек, такой же хитрый и решительный, как они, напал на их след.

В том году равноденственные штормы были очень продолжительны и жестоки. Мы долго ждали из Саванны вестей об «Одинокой звезде», но так и не дождались. На-

конец мы узнали, что где-то далеко, в Атлантике, видели разбитую корму корабля, залитую волной; на ней были вырезаны буквы «О. З.». Это все, что суждено было нам узнать о судьбе «Одинокой звезды».

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ХОЛМСА

С тяжелым сердцем приступаю я к последним строкам этих воспоминаний, повествующих о необыкновенных талантах моего друга Шерлока Холмса. В бессвязной и – я сам это чувствую – в совершенно неподходящей манере я пытался рассказать об удивительных приключениях, которые мне довелось пережить бок о бок с ним, начиная с того случая, который я в своих записках назвал «Этюд в багровых тонах», и вплоть до истории с «Морским договором», когда вмешательство моего друга, безусловно, предотвратило серьезные международные осложнения. Признаться, я хотел поставить здесь точку и умолчать о событии, оставившем такую пустоту в моей жизни, что даже двухлетний промежуток оказался бессильным ее заполнить. Однако недавно опубликованные письма полковника Джеймса Мориарти, в которых он защищает память своего покойного брата, вынуждают меня взяться за перо, и теперь я считаю своим долгом открыть людям глаза на то, что произошло. Ведь одному мне известна вся правда, и я рад, что настало время, когда уже нет причин ее скрывать.

Насколько мне известно, в газеты попали только три сообщения: заметка в «Журналь де Женев» от 6 мая 1891 года, телеграмма агентства Рейтер в английской прессе от 7

мая и, наконец, недавние письма, о которых упомянуто выше. Из этих писем первое и второе чрезвычайно сокращены, а последнее, как я сейчас докажу, совершенно искажает факты. Моя обязанность – поведать наконец миру о том, что на самом деле произошло между профессором Мориарти и мистером Шерлоком Холмсом.

Читатель, может быть, помнит, что после моей женитьбы тесная дружба, связывавшая меня и Холмса, приобрела несколько иной характер. Я занялся частной врачебной практикой. Он продолжал время от времени заходить ко мне, когда нуждался в спутнике для своих расследований, но это случалось все реже и реже, а в 1890 году было только три случая, о которых у меня сохранились какие-то записи.

Зимой этого года и в начале весны 1891-го газеты писали о том, что Холмс приглашен французским правительством по чрезвычайно важному делу, и из полученных от него двух писем – из Нарбонна и Нима – я заключил, что, по-видимому, его пребывание во Франции сильно затянется. Поэтому я был несколько удивлен, когда вечером 24 апреля он внезапно появился у меня в кабинете. Мне сразу бросилось в глаза, что он еще более бледен и худ, чем обычно.

– Да, я порядком истощил свои силы, – сказал он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на слова. – В последнее время мне приходилось трудновато… Что, если я закрою ставни?

Комната была освещена только настольной лампой, при которой я обычно читал. Осторожно двигаясь вдоль стены, Холмс обошел всю комнату, захлопывая ставни и тщательно замыкая их засовами.

– Вы чего-нибудь боитесь? – спросил я.

– Да, боюсь.

– Чего же?

– Духового ружья.

– Дорогой мой Холмс, что вы хотите этим сказать?

– Мне кажется, Уотсон, вы достаточно хорошо меня знаете, и вам известно, что я не робкого десятка. Однако не считаться с угрожающей тебе опасностью – это скорее глупость, чем храбрость. Дайте мне, пожалуйста, спичку.

Он закурил папиросу, и, казалось, табачный дым благотворно подействовал на него.

– Во-первых, я должен извиниться за свой поздний визит, – сказал он. – И, кроме того, мне придется попросить у вас позволения совершить второй бесцеремонный поступок – перелезть через заднюю стену вашего сада, ибо я намерен уйти от вас именно таким путем.

– Но что все это значит? – спросил я.

Он протянул руку ближе к лампе, и я увидел, что суставы двух его пальцев изранены и в крови.

– Как видите, это не совсем пустяки, – сказал он с улыбкой. – Пожалуй, этак можно потерять и всю руку. А где миссис Уотсон? Дома?

– Нет, она уехала погостить к знакомым.

– Ага! Так, значит, вы один?

– Совершенно один.

– Если так, мне легче будет предложить вам поехать со мной на недельку на континент.

– Куда именно?

– Куда угодно. Мне решительно все равно.

Все это показалось мне как нельзя более странным.

Холмс не имел обыкновения праздно проводить время, и что-то в его бледном, изнуренном лице говорило о дошедшем до предела нервном напряжении. Он заметил недоумение в моем взгляде и, опершись локтями о колени и сомкнув кончики пальцев, стал объяснять мне положение дел.

– Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти? – спросил он.

– Нет.

– Гениально и непостижимо. Человек опутал своими сетями весь Лондон, и никто даже не слышал о нем. Это-то и поднимает его на недосягаемую высоту в уголовном мире. Уверяю вас, Уотсон, что если бы мне удалось победить этого человека, если бы я мог избавить от него общество, это было бы венцом моей деятельности, я считал бы свою карьеру законченной и готов был бы перейти к более спокойным занятиям. Между нами говоря, Уотсон, благодаря последним двум делам, которые позволили мне оказать кое-какие услуги королевскому дому Богемии и республике Франции, я имею возможность вести образ жизни, более соответствующий моим наклонностям, и серьезно заняться химией. Но я еще не могу спокойно сидеть в своем кресле, пока такой человек, как профессор Мориарти, свободно разгуливает по улицам Лондона.

– Что же он сделал?

– О, у него необычная биография! Он происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. Когда ему исполнился двадцать один год, он написал трактат о биноме Ньютона, завоевавший ему

европейскую известность. После этого он получил кафедру математики в одном из наших провинциальных университетов, и, по всей вероятности, его ожидала блестящая будущность. Но в его жилах течет кровь преступника. У него наследственная склонность к жестокости. И его необыкновенный ум не только не умеряет, но даже усиливает эту склонность и делает ее еще более опасной. Темные слухи поползли о нем в том университетском городке, где он преподавал, и в конце концов он был вынужден оставить кафедру и перебраться в Лондон, где стал готовить молодых людей к экзамену на офицерский чин… Вот то, что знают о нем все, а вот что узнал о нем я.

Мне не надо вам говорить, Уотсон, что никто не знает лондонского уголовного мира лучше меня. И вот уже несколько лет, как я чувствую, что за спиною у многих преступников существует неизвестная мне сила – могучая организующая сила, действующая наперекор закону и прикрывающая злодея своим щитом. Сколько раз в самых разнообразных случаях, будь то подлог, ограбление или убийство, я ощущал присутствие этой силы и логическим путем обнаруживал ее следы также и в тех еще не распутанных преступлениях, к расследованию которых я не был непосредственно привлечен. В течение нескольких лет пытался я прорваться сквозь скрывавшую ее завесу, и вот пришло время, когда я нашел конец нити и начал распутывать узел, пока эта нить не привела меня после тысячи хитрых петель к бывшему профессору Мориарти, знаменитому математику.

Он – Наполеон преступного мира, Уотсон. Он – организатор половины всех злодеяний и почти всех нерас-

крытых преступлений в нашем городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них. Сам он действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и великолепно организованы. Если кому-нибудь понадобится выкрасть документ, ограбить дом, убрать с дороги человека, – стоит только довести об этом до сведения профессора, и преступление будет подготовлено, а затем и выполнено. Агент может быть пойман. В таких случаях всегда находятся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но главный руководитель, тот, кто послал этого агента, никогда не попадется: он вне подозрений. Такова организация, Уотсон, существование которой я установил путем логических умозаключений, и всю свою энергию я отдал на то, чтобы обнаружить ее и сломить.

Но профессор хитро замаскирован и так великолепно защищен, что, несмотря на все мои старания, раздобыть улики, достаточные для судебного приговора, невозможно. Вы знаете, на что я способен, милый Уотсон, и все же спустя три месяца я вынужден был признать, что наконец-то встретил достойного противника. Ужас и негодование, которые внушали мне его преступления, почти уступили место восхищению перед его мастерством. Однако в конце концов он сделал промах, маленький, совсем маленький промах, но ему нельзя было допускать и такого, поскольку за ним неотступно следил я. Разумеется, я воспользовался этим промахом и, взяв его за исходную точку,

начал плести вокруг Мориарти свою сеть. Сейчас она почти готова, и через три дня, то есть в ближайший понедельник, все будет кончено, – профессор вместе с главными членами своей шайки окажется в руках правосудия. А потом начнется самый крупный уголовный процесс нашего века. Разъяснится тайна более чем сорока загадочных преступлений, и все виновные понесут наказание. Но стоит поторопиться; сделать один неверный шаг, и они могут ускользнуть от нас даже в самый последний момент.

Все было бы хорошо, если бы я мог действовать так, чтобы профессор Мориарти не знал об этом. Но он слишком коварен. Ему становился известен каждый шаг, который я предпринимал для того, чтобы поймать его в свои сети. Много раз пытался он вырваться из них, но я каждый раз преграждал ему путь. Право же, друг мой, если бы подробное описание этой безмолвной борьбы могло появиться в печати, оно заняло бы свое место среди самых блестящих и волнующих книг в истории детектива. Никогда еще я не поднимался до такой высоты, и никогда еще не приходилось мне так туго от действий противника. Его удары были сильны, но я отражал их с еще большей силой. Сегодня утром я предпринял последние шаги, и мне нужны были еще три дня, только три дня, чтобы завершить дело. Я сидел дома, обдумывая все это, как вдруг дверь отворилась – передо мной стоял профессор Мориарти.

У меня крепкие нервы, Уотсон, но, признаюсь, я не мог не вздрогнуть, увидев, что человек, занимавший все мои мысли, стоит на пороге моей комнаты. Его наружность была хорошо знакома мне и прежде. Он очень тощ и высок. Лоб у него большой, выпуклый и белый. Глубоко запавшие

глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое, – что-то еще осталось в нем от *профессора* Мориарти. Плечи сутулые – должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, а голова выдается вперед и медленно – по-змеиному, раскачивается из стороны в сторону. Его колючие глаза так и впились в меня.

«У вас не так развиты лобные кости, как я ожидал, – сказал он наконец. – Опасная это привычка, мистер Холмс, держать заряженный револьвер в кармане собственного халата».

Действительно, когда он вошел, я сразу понял, какая огромная опасность мне угрожает: ведь единственная возможность спасения заключалась для него в том, чтобы заставить мой язык замолчать навсегда. Поэтому я молниеносно переложил револьвер из ящика стола в карман и в этот момент нащупывал его через сукно. После его замечания я вынул револьвер из кармана и, взведя курок, положил на стол перед собой. Мориарти продолжал улыбаться и щуриться, но что-то в выражении его глаз заставляло меня радоваться близости моего оружия.

«Вы, очевидно, не знаете меня», – сказал он.

«Напротив, – возразил я, – мне кажется, вам нетрудно было понять, что я вас знаю. Присядьте, пожалуйста. Если вам угодно что-нибудь сказать, я могу уделить вам пять минут».

«Все, что я хотел вам сказать, вы уже угадали», – ответил он.

«В таком случае, вы, вероятно, угадали мой ответ».

«Вы твердо стоите на своем?»

«Совершенно твердо».

Он сунул руку в карман, а я взял со стола револьвер. Но он вынул из кармана только записную книжку, где были нацарапаны какие-то даты.

«Вы встали на моем пути четвертого января, – сказал он. – Двадцать третьего вы снова причинили мне беспокойство. В середине февраля вы уже серьезно потревожили меня. В конце марта вы совершенно расстроили мои планы, а сейчас из-за вашей непрерывной слежки я оказался в таком положении, что передо мной стоит реальная опасность потерять свободу. Так продолжаться не может».

«Что вы предлагаете?» – спросил я.

«Бросьте это дело, мистер Холмс, – сказал он, покачивая головой. – Право же, бросьте».

«После понедельника», – ответил я.

«Полноте, мистер Холмс. Вы слишком умны и, конечно, поймете меня: вам необходимо устраниться. Вы сами повели дело так, что другого исхода нет. Я испытал интеллектуальное наслаждение, наблюдая за вашими методами борьбы, и, поверьте, был бы огорчен, если бы вы заставили меня прибегнуть к крайним мерам… Вы улыбаетесь, сэр, но уверяю вас, я говорю искренне».

«Опасность – неизбежный спутник моей профессии», – заметил я.

«Это не опасность, а неминуемое уничтожение, – возразил он. – Вы встали поперек дороги не одному человеку, а огромной организации, всю мощь которой даже вы, при всем вашем уме, не в состоянии постигнуть. Вы должны отойти в сторону, мистер Холмс, или вас растопчут».

«Боюсь, – сказал я, вставая, – что из-за вашей приятной беседы я могу пропустить одно важное дело, призывающее меня в другое место».

Он тоже встал и молча смотрел на меня, с грустью покачивая головой.

«Ну что ж! – сказал он наконец. – Мне очень жаль, но я сделал все, что мог. Я знаю каждый ход вашей игры. До понедельника вы бессильны. Это поединок между нами, мистер Холмс. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых – заявляю вам, что этого никогда не будет. Вы надеетесь победить меня – заявляю вам, что это вам никогда не удастся. Если у вас хватит умения погубить меня, то, уверяю вас, вы и сами погибните вместе со мной».

«Вы наговорили мне столько комплиментов, мистер Мориарти, что я хочу ответить вам тем же и потому скажу, что во имя общественного блага я с радостью согласился бы на второе, не будь я уверен в первом».

«Первого обещать не могу, зато охотно обещаю второе», – отозвался он со злобной усмешкой и, повернувшись ко мне сутулой спиной, вышел, оглядываясь и щурясь.

Такова была моя своеобразная встреча с профессором Мориарти, а, говоря по правде, она оставила во мне неприятное чувство. Его спокойная и точная манера выражаться заставляет вас верить в его искренность, несвойственную заурядным преступникам. Вы, конечно, скажете мне: «Почему же не прибегнуть к помощи полиции?» Но ведь дело в том, что удар будет нанесен не им самим, а его агентами – в этом я убежден. И у меня уже есть веские доказательства.

– Значит, на вас уже было совершено нападение?

– Милый мой Уотсон, профессор Мориарти не из тех, кто любит откладывать дело в долгий ящик. После его ухода, часов около двенадцати, мне понадобилось пойти на

Оксфорд-стрит. Переходя улицу на углу Бентинк-стрит и Уэлбек-стрит, я увидел парный фургон, мчавшийся со страшной быстротой прямо на меня. Я едва успел отскочить на тротуар. Какая-то доля секунды – и я был бы раздавлен насмерть. Фургон завернул за угол и мгновенно исчез. Теперь уж я решил не сходить с тротуара, но на Вир-стрит с крыши одного из домов упал кирпич и рассыпался на мелкие куски у моих ног. Я подозвал полицейского и приказал осмотреть место происшествия. На крыше были сложены кирпичи и шиферные плиты, приготовленные для ремонта, и меня хотели убедить в том, что кирпич сбросило ветром. Разумеется, я лучше знал, в чем дело, но у меня не было доказательств. Я взял кэб и доехал до квартиры моего брата на Пэл-Мэл, где и провел весь день. Оттуда я отправился прямо к вам. По дороге на меня напал какой-то негодяй с дубинкой. Я сбил его с ног, и полиция задержала его, но даю вам слово, что никому не удастся обнаружить связь между джентльменом, о чьи передние зубы я разбил сегодня руку, и тем скромным учителем математики, который, вероятно, решает сейчас задачи на грифельной доске за десять миль отсюда. Теперь вы поймете, Уотсон, почему, придя к вам, я прежде всего закрыл ставни и зачем мне понадобилось просить вашего разрешения уйти из дома не через парадную дверь, а каким-нибудь другим, менее заметным ходом.

Я не раз восхищался смелостью моего друга, но сегодня меня особенно поразило его спокойное перечисление далеко не случайных происшествий этого ужасного дня.

– Надеюсь, вы переночуете у меня? – спросил я.

– Нет, друг мой, я могу оказаться опасным гостем. Я

уже обдумал план действий, и все кончится хорошо. Сейчас дело находится в такой стадии, что арест могут произвести и без меня. Моя помощь понадобится только во время следствия. Таким образом, на те несколько дней, которые еще остаются до решительных действий полиции, мне лучше всего уехать. И я был бы очень рад, если бы вы могли поехать со мной на континент.

– Сейчас у меня мало больных, – сказал я, – а мой коллега, живущий по соседству, охотно согласится заменить меня. Так что я с удовольствием поеду с вами.

– И можете выехать завтра же утром?

– Если это необходимо.

– О да, совершенно необходимо. Теперь выслушайте мои инструкции, и я попрошу вас, Уотсон, следовать им буквально, так как нам предстоит вдвоем вести борьбу против самого талантливого мошенника и самого мощного объединения преступников во всей Европе. Итак, слушайте. Свой багаж, не указывая на нем станции назначения, вы должны сегодня же вечером отослать с надежным человеком на вокзал Виктория. Утром вы пошлете слугу за кэбом, но скажете ему, чтобы он не брал ни первый, ни второй экипаж, которые попадутся ему навстречу. Вы сядете в кэб и поедете на Стрэнд, к Лоусерскому пассажу, причем адрес вы дадите кучеру на листке бумаги и скажите, чтобы он ни в коем случае не выбрасывал его. Расплатитесь с ним заранее и, как только кэб остановится, моментально нырните в пассаж с тем расчетом, чтобы ровно в четверть десятого оказаться на другом его конце. Там, у самого края тротуара, вы увидите небольшой экипаж. Править им будет человек в плотном черном плаще с воротником, обшитым красным

кантом. Вы сядете в этот экипаж и прибудете на вокзал как раз вовремя, чтобы попасть на экспресс, отправляющийся на континент.

– А где я должен встретиться с вами?

– На станции. Нам будет оставлено второе от начала купе первого класса.

– Так, значит, мы встретимся уже в вагоне?

– Да.

Тщетно я упрашивал Холмса остаться у меня ночевать. Мне было ясно, что он боится навлечь неприятности на приютивший его дом и что это единственная причина, которая гонит его прочь. Сделав еще несколько торопливых указаний по поводу наших завтрашних дел, он встал, вышел вместе со мной в сад, перелез через стенку прямо на Мортимер-стрит, свистком подозвал кэб, и я услышал удаляющийся стук колес.

На следующее утро я в точности выполнил указания Холмса. Кэб был взят со всеми необходимыми предосторожностями – он никак не мог оказаться ловушкой, – и сразу после завтрака я поехал в условленное место. Подъехав к Лоусерскому пассажу, я пробежал через него со всей быстротой, на какую был способен, и увидел карету, которая ждала меня, как было условленно. Как только я сел в нее, огромного роста кучер, закутанный в темный плащ, стегнул лошадь и мигом довез меня до вокзала Виктория. Едва я успел сойти, он повернул экипаж и снова умчался, даже не взглянув в мою сторону.

Пока все шло прекрасно. Мой багаж уже ждал меня на вокзале, и я без труда нашел купе, указанное Холмсом, хотя бы потому, что оно было единственное с надписью «заня-

то». Теперь меня тревожило только одно – отсутствие Холмса. Я посмотрел на вокзальные часы: до отхода поезда оставалось всего семь минут. Напрасно искал я в толпе отъезжающих и провожающих худощавую фигуру моего друга – его не было. Несколько минут я убил, помогая почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся на ломаном английском языке объяснить носильщику, что его багаж должен быть отправлен прямо в Париж. Потом я еще раз обошел платформу и вернулся в свое купе, где застал уже знакомого мне дряхлого итальянца. Оказалось, что, хотя у него не было билета в это купе, носильщик все-таки усадил его ко мне. Бесполезно было объяснять моему непрошеному дорожному спутнику, что его вторжение мне неприятно: я владел итальянским еще менее, чем он английским. Поэтому я только пожимал плечами и продолжал тревожно смотреть в окно, ожидая моего друга. Мною начал овладевать страх: а вдруг его отсутствие означало, что за ночь с ним произошло какое-нибудь несчастье! Уже все двери были закрыты, раздался свисток, как вдруг…

– Милый Уотсон, вы даже не соблаговолите поздороваться со мной! – произнес возле меня чей-то голос.

Я оглянулся, пораженный. Пожилой священник стоял теперь ко мне лицом. На секунду его морщины разгладились, нос отодвинулся от подбородка, нижняя губа перестала выдвигаться вперед, а рот – шамкать, тусклые глаза заблистали прежним огоньком, сутулая спина выпрямилась. Но все это длилось одно мгновение, и Холмс исчез также быстро, как появился.

– Боже милостивый! – вскричал я. – Ну и удивили же вы меня!

– Нам все еще необходимо соблюдать максимальную осторожность, – прошептал он. У меня есть основания думать, что они напали на наш след. А, вот и сам Мориарти!

Поезд как раз тронулся, когда Холмс произносил эти слова. Выглянув из окна и посмотрев назад, я увидел высокого человека, который яростно расталкивал толпу и махал рукой, словно желая остановить поезд. Однако было уже поздно: скорость движения все увеличивалась, и очень быстро станция осталась позади.

– Вот видите, – сказал Холмс со смехом, – несмотря на все наши предосторожности, нам еле-еле удалось отделаться от этого человека.

Он встал, снял с себя черную сутану и шляпу – принадлежности своего маскарада – и спрятал их в саквояж.

– Читали вы утренние газеты, Уотсон?

– Нет.

– Значит, вы еще не знаете о том, что случилось на Бейкер-стрит?

– Бейкер-стрит?

– Сегодня ночью они подожгли нашу квартиру, но большого ущерба не причинили.

– Как же быть. Холмс? Это становится невыносимым.

– По-видимому, после того как их агент с дубинкой был арестован, они окончательно потеряли мой след. Иначе они не могли бы предположить, что я вернулся домой. Но потом они, как видно, стали следить за вами – вот что привело Мориарти на вокзал Виктория. Вы не могли сделать какой-нибудь промах по пути к вокзалу?

– Я в точности выполнил все ваши указания.

– Нашли экипаж на месте?

– Да, он ожидал меня.

– А кучера вы узнали?

– Нет.

– Это был мой брат, Майкрофт. В таких делах лучше не посвящать в свои секреты наемного человека. Ну, а теперь мы должны подумать, как нам быть с Мориарти.

– Поскольку мы едем экспрессом, а пароход отойдет, как только придет наш поезд, мне кажется, теперь уже им не за что не угнаться за нами.

– Милый мой Уотсон, ведь я говорил вам, что, когда речь идет об интеллекте, к этому человеку надо подходить точно с той же меркой, что и ко мне. Неужели вы думаете, что если бы на месте преследователя был я, такое ничтожное происшествие могло бы меня остановить? Ну, а если нет, то почему же вы так плохо думаете о нем?

– Но что он может сделать?

– То же, что сделал бы я.

– Тогда скажите мне, как поступили бы вы.

– Заказал бы экстренный поезд.

– Но ведь он все равно опоздает.

– Никоим образом. Наш поезд останавливается в Кентербери, а там всегда приходится по крайней мере четверть часа ждать парохода. Вот там-то он нас и настигнет.

– Можно подумать, что преступники мы, а не он. Прикажите арестовать его, как только он приедет.

– Это уничтожило бы плоды трехмесячной работы. Мы поймали крупную рыбку, а мелкая уплыла бы из сетей в разные стороны. В понедельник все они будут в наших руках. Нет, сейчас арест недопустим.

– Что же нам делать?

– Мы должны выйти в Кентербери.

– А потом?

– А потом нам придется проехать в Ньюхейвен и оттуда – в Дьепп. Мориарти снова сделает тоже, что сделал бы я: он приедет в Париж, пойдет в камеру хранения багажа, определит, какие чемоданы наши, и будет там два дня ждать. Мы же тем временем купим себе пару ковровых дорожных мешков, поощряя таким образом промышленность и торговлю тех мест, по которым будем путешествовать, и спокойно направимся в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком опытный путешественник и потому не позволил себе огорчаться из-за потери багажа, но, признаюсь, мне была неприятна мысль, что мы должны увертываться и прятаться от преступника, на счету которого столько гнусных злодеяний. Однако Холмс, конечно, лучше понимал положение вещей. Поэтому в Кентербери мы вышли. Здесь мы узнали, что поезд в Ньюхейвен отходит только через час.

Я все еще уныло смотрел на исчезавший вдали багажный вагон, быстро уносивший весь мой гардероб, когда Холмс дернул меня за рукав и показал на железнодорожные пути.

– Видите, как быстро! – сказал он.

Вдалеке, среди Кентских лесов, вилась тонкая струйка дыма. Через минуту другой поезд, состоявший из локомотива с одним вагоном, показался на изогнутой линии рельсов, ведущей к станции. Мы едва успели спрятаться за какими-то тюками, как он со стуком и грохотом пронесся мимо нас, дохнув нам в лицо струей горячего пара.

– Проехал! – сказал Холмс, следя взглядом за вагоном, подскакивавшим и слегка покачивавшимся на рельсах. – Как видите, проницательность нашего друга тоже имеет границы. Было бы поистине чудом, если бы он сделал точно те же выводы, какие сделал я, и действовал бы в соответствии с ними.

– А что бы он сделал, если бы догнал нас?

– Без сомнения, попытался бы меня убить. Ну, да ведь и я не стал бы дожидаться его, сложа руки. Теперь вопрос в том, позавтракать ли нам здесь или рискнуть умереть с голоду и подождать до Ньюхейвена.

В ту же ночь мы приехали в Брюссель и провели там два дня, а на третий двинулись в Страсбург. В понедельник утром Холмс послал телеграмму лондонской полиции, и вечером, придя в нашу гостиницу, мы нашли там ответ. Холмс распечатал телеграмму и с проклятием швырнул ее в камин.

– Я должен был это предвидеть! – простонал он. – Бежал!

– Мориарти?

– Они накрыли всю шайку, кроме него! Он один ускользнул! Ну, конечно, я уехал, и этим людям было не справиться с ним. Хотя я был уверен, что дал им в руки все нити. Знаете, Уотсон, вам лучше поскорее вернуться в Англию.

– Почему это?

– Я теперь опасный спутник. Этот человек потерял все. Если он вернется в Лондон, он погиб. Насколько я понимаю его характер, он направит теперь все силы на то, чтобы отомстить мне. Он очень ясно высказался во время нашего

короткого свидания, и я уверен, что это не пустая угроза. Право же, я советую вам вернуться в Лондон, к вашим пациентам.

Но я, старый солдат и старинный друг Холмса, конечно, не счел возможным покинуть его в такую минуту. Более получаса мы спорили об этом, сидя в ресторане страсбургской гостиницы, и в ту же ночь двинулись дальше, в Женеву.

Целую неделю мы с наслаждением бродили по долине Роны, а потом, миновав Лейк, направились через перевал Гемми, еще покрытый глубоким снегом, и дальше – через Интерлакен – к деревушке Мейринген. Это была чудесная прогулка – нежная весенняя зелень внизу и белизна девственных снегов наверху, над нами, – но мне было ясно, что ни на одну минуту Холмс не забывал о нависшей над ним угрозе. В уютных альпийских деревушках, на уединенных горных тропах – всюду я видел по его быстрому, пристальному взгляду, внимательно изучающему лицо каждого встречного путника, что он твердо убежден в неотвратимой опасности, идущей за нами по пятам.

Помню такой случай: мы проходили через Гемми и шли берегом задумчивого Даубена, как вдруг большая каменная глыба сорвалась со скалы, возвышавшейся справа, скатилась вниз и с грохотом погрузилась в озеро позади нас. Холмс вбежал на скалу и, вытянув шею, начал осматриваться по сторонам. Тщетно уверял его проводник, что весною обвалы каменных глыб – самое обычное явление в здешних краях. Холмс ничего не ответил, но улыбнулся мне с видом человека, который давно уже предугадывал эти события.

И все же при всей своей настороженности он не предавался унынию. Напротив, я не помню, чтобы мне когда-либо приходилось видеть его в таком жизнерадостном настроении. Он снова и снова повторял, что, если бы общества было избавлено от профессора Мориарти, он с радостью прекратил бы свою деятельность.

– Мне кажется, я имею право сказать, Уотсон, что не совсем бесполезно прожил свою жизнь, – говорил он, – и даже если бы мой жизненный путь должен был оборваться сегодня, я все-таки мог бы оглянуться на него с чувством душевного удовлетворения. Благодаря мне воздух Лондона стал чище. Я принимал участие в тысяче с лишним дел и убежден, что никогда не злоупотреблял своим влиянием, помогая неправой стороне. В последнее время меня, правда, больше привлекало изучение загадок, поставленных перед нами природой, нежели те поверхностные проблемы, ответственность за которые несет несовершенное устройство нашего общества. В тот день, Уотсон, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого опасного и самого талантливого преступника в Европе, вашим мемуарам придет конец.

Теперь я постараюсь коротко, но точно изложить то немногое, что еще осталось недосказанным. Мне нелегко задерживаться на этих подробностях, но я считаю своим долгом не пропустить ни одной из них.

3 мая мы пришли в местечко Мейринген и остановились в гостинице «Англия», которую в то время содержал Петер Штайлер-старший. Наш хозяин был человек смышленый и превосходно говорил по-английски, так как около трех лет прослужил кельнером в гостинице «Гровнер» в

Лондоне. 4 мая, во второй половине дня, мы по его совету отправились вдвоем в горы с намерением провести ночь в деревушке Розенлау. Хозяин особенно рекомендовал нам осмотреть Рейхенбахский водопад, который находится примерно на половине подъема, но несколько в стороне.

Это – поистине страшное место. Вздувшийся от тающих снегов горный поток низвергается в бездонную пропасть, и брызги взлетают из нее, словно дым из горящего здания. Ущелье, куда устремляется поток, окружено блестящими скалами, черными, как уголь. Внизу, на неизмеримой глубине, оно суживается, превращаясь в пенящийся, кипящий колодец, который все время переполняется и со страшной силой выбрасывает воду обратно, на зубчатые скалы вокруг. Непрерывное движение зеленых струй, с беспрестанным грохотом падающих вниз, плотная, волнующаяся завеса водяной пыли, в безостановочном вихре взлетающей вверх, – все это доводит человека до головокружения и оглушает его своим несмолкаемым ревом.

Мы стояли у края, глядя в пропасть, где блестела вода, разбивавшаяся далеко внизу о черные камни, и слушали доносившееся из бездны бормотание, похожее на человеческие голоса.

Дорожка, по которой мы поднялись, проложена полукругом, чтобы дать туристам возможность лучше видеть водопад, но она кончается обрывом, и путнику приходится возвращаться той же дорогой, какой он пришел. Мы как раз повернули, собираясь уходить, как вдруг увидели мальчика-швейцарца, который бежал к нам навстречу с письмом в руке. На конверте стоял штамп той гостиницы, где мы остановились. Оказалось, это письмо от хозяина и адресовано

мне. Он писал, что буквально через несколько минут после нашего ухода в гостиницу прибыла англичанка, находящаяся в последней стадии чахотки. Она провела зиму в Давосе, а теперь ехала к своим друзьям в Люцерн, но по дороге у нее внезапно пошла горлом кровь. По-видимому, ей осталось жить не более нескольких часов, но для нее было бы большим утешением видеть около себя доктора англичанина, и если бы я приехал, то… и т.д. и т.д. В постскриптуме добряк Штайлер добавлял, что он и сам будет мне крайне обязан, если я соглашусь приехать, так как приезжая дама категорически отказывается от услуг врача-швейцарца, и что на нем лежит огромная ответственность.

Я не мог не откликнуться на это призыв, не мог отказать в просьбе соотечественнице, умиравшей на чужбине. Но вместе с тем я опасался оставить Холмса одного. Однако мы решили, что с ним в качестве проводника и спутника останется юный швейцарец, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался еще немного побыть у водопада, а затем потихоньку отправиться через холмы в Розенлау, где вечером я должен был к нему присоединиться. Отойдя немного, я оглянулся: Холмс стоял, прислонясь к скале, и, скрестив руки, смотрел вниз, на дно стремнины. Я не знал тогда, что больше мне не суждено было видеть моего друга.

Спустившись вниз, я еще раз оглянутся. С этого места водопад уже не был виден, но я разглядел ведущую к нему дорожку, которая вилась вдоль уступа горы. По этой дорожке быстро шагал какой-то человек. Его черный силуэт отчетливо выделялся на зеленом фоне. Я заметил его, заметил необыкновенную быстроту, с какой он поднимался,

но я и сам очень спешил к моей больной, а потому вскоре забыл о нем.

Примерно через час я добрался до нашей гостиницы в Мейрингене. Старик Штайлер стоял на дороге.

– Ну что? – спросил я, подбегая к нему. – Надеюсь, ей не хуже?

На лице у него выразилось удивление, брови поднялись. Сердце у меня так и оборвалось.

– Значит, не вы писали это? – спросил я, вынув из кармана письмо. – В гостинице нет больной англичанки?

– Ну, конечно, нет! – вскричал он. – Но что это? На конверте стоит штамп моей гостиницы?.. А, понимаю! Должно быть, письмо написал высокий англичанин, который приехал вскоре после вашего ухода. Он сказал, что…

Но я не стал ждать дальнейших объяснений хозяина. Охваченный ужасом, я уже бежал по деревенской улице к той самой горной дорожке, с которой только что спустился.

Спуск к гостинице занял у меня час, и, несмотря на то, что я бежал изо всех сил, прошло еще два, прежде чем я снова достиг Рейхенбахского водопада. Альпеншток Холмса все еще стоял у скалы, возле которой я его оставил, но самого Холмса не было, и я тщетно звал его. Единственным ответом было эхо, гулко повторявшее мой голос среди окружавших меня отвесных скал.

При виде этого альпенштока я похолодел. Значит, Холмс не ушел на Розенлау. Он оставался здесь, на этой дорожке шириной в три фута, окаймленной отвесной стеной с одной стороны и заканчивающейся отвесным обрывом с другой. И здесь его настиг враг. Юного швейцарца

тоже не было. По-видимому, он был подкуплен Мориарти и оставил противников с глазу на глаз. А что случилось потом? Кто мог сказать мне, что случилось потом?

Минуты две я стоял неподвижно, скованный ужасом, силясь прийти в себя. Потом я вспомнил о методе самого Холмса и сделал попытку применить его, чтобы объяснить себе разыгравшуюся трагедию. Увы, это было нетрудно! Во время нашего разговора мы с Холмсом не дошли до конца тропинки, и альпеншток указывал на то место, где мы остановились. Черноватая почва не просыхает здесь из-за постоянных брызг потока, так что птица – и та оставила бы на ней свой след. Два ряда шагов четко отпечатывались почти у самого конца тропинки. Они удалялись от меня. Обратных следов не было. За несколько шагов от края земля была вся истоптана и разрыта, а терновник и папоротник вырваны и забрызганы грязью. Я лег лицом вниз и стал всматриваться в несущийся поток. Стемнело, и теперь я мог видеть только блестевшие от сырости черные каменные стены да где-то далеко в глубине сверканье бесчисленных водяных брызг. Я крикнул, но лишь гул водопада, чем-то похожий на человеческие голоса, донесся до моего слуха.

Однако судьбе было угодно, чтобы последний привет моего друга и товарища все-таки дошел до меня. Как я уже сказал, его альпеншток остался прислоненным к невысокой скале, нависшей над тропинкой. И вдруг на верхушке этого выступа что-то блеснуло. Я поднял руку, то был серебряный портсигар, который Холмс всегда носил с собой. Когда я взял его, несколько листочков бумаги, лежавших под ним, рассыпались и упали на землю. Это были три листика,

вырванные из блокнота и адресованные мне. Характерно, что адрес был написан так же четко, почерк был так же уверен и разборчив, как если бы Холмс писал у себя в кабинете.

«*Дорогой мой Уотсон*, – говорилось в записке. - *Я пишу Вам эти строки благодаря любезности мистера Мориарти, который ждет меня для окончательного разрешения вопросов, касающихся нас обоих. Он бегло обрисовал мне способы, с помощью которых ему удалось ускользнуть от английской полиции, и узнать о нашем маршруте. Они только подтверждают мое высокое мнение о его выдающихся способностях. Мне приятно думать, что я могу избавить общество от дальнейших неудобств, связанных с его существованием, но боюсь, что это будет достигнуто ценой, которая огорчит моих друзей, и особенно Вас, дорогой Уотсон. Впрочем, я уже говорил Вам, что мой жизненный путь дошел до своей высшей точки, и я не мог бы желать для себя лучшего конца. Между прочим, если говорить откровенно, я нимало не сомневался в том, что письмо из Мейрингена – западня, и, отпуская Вас, был твердо убежден, что последует нечто в этом роде. Передайте инспектору Петерсону, что бумаги, необходимые для разоблачения шайки, лежат у меня в столе, в ящике под литерой «М» – синий конверт с надписью «Мориарти». Перед отъездом из Англии я сделал все необходимые распоряжения относительно моего имущества и оставил их у моего брата Майкрофта.*

Прошу Вас передать мой сердечный привет миссис Уотсон.

Искренне преданный Вам Шерлок Холмс».

Остальное можно рассказать в двух словах. Осмотр места происшествия, произведенный экспертами, не оставил никаких сомнений в том, что схватка между противниками кончилась так, как она неизбежно должна была кончиться при данных обстоятельствах: видимо, они вместе упали в пропасть, так и не разжав смертельных объятий. Попытки отыскать трупы были тотчас же признаны безнадежными, и там, в глубине этого страшного котла кипящей воды и бурлящей пены, навеки остались лежать тела опаснейшего преступника и искуснейшего поборника правосудия своего времени. Мальчика-швейцарца так и не нашли – разумеется, это был один из многочисленных агентов, находившихся в распоряжении Мориарти. Что касается шайки, то, вероятно, все в Лондоне помнят, с какой полнотой улики, собранные Холмсом, разоблачили всю организацию и обнаружили, в каких железных тисках держал ее покойный Мориарти. На процессе страшная личность ее главы и вдохновителя осталась почти не освещенной, и если мне пришлось раскрыть здесь всю правду о его преступной деятельности, это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые пытались обелить его память нападками на человека, которого я всегда буду считать самым благородным и самым мудрым из всех известных мне людей.

ПУСТОЙ ДОМ

Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством юного графа Рональда Адэра, совершенным при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В свое время широкая публика познакомилась с теми деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьезно, что большую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но интерес этот совершенно бледнел рядом с теми невероятными событиями, которые явились его следствием и которые поразили и потрясли меня больше, чем любой из эпизодов моей столь богатой приключениями жизни.

Даже сейчас, после стольких лет, я все еще ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах одного замечательного человека, простят мне, что я не сразу поделился с ними своим открытием. Я счел бы своим долгом немедленно сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из уст этого самого человека, – запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с

Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после его исчезновения стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчеты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом. Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональда Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным в совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже чем когда бы то ни было осознал, какую тяжелую потерю понесло наше общество в лице Шерлока Холмса. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены или, вернее, предвосхищены благодаря бдительному уму и изощренной наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков. Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвращался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить то, что уже всем известно, я все-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнуса, губернатора одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию – удалить катаракту, – и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на

Парк-лейн, 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько месяцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничье сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был любителем карточной игры, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трех клубов – Болдвин, Кэвендиш и Бэгетель. Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе Бэгетель. Он играл там также и до обеда. Его партнеры – мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран – показали, что игра шла именно в вист и что игроки остались почти при своих. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог его взволновать. Он играл почти ежедневно то в одном клубе, то в другом, но играл осторожно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя в паре с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что стало известно о последних неделях его жизни.

В тот роковой вечер он вернулся из клуба ровно в десять часов. Матери и сестры дома не было, они уехали в гости. На допросе горничная показала, что она слышала, как он вошел в свою комнату. Комната эта, расположенная во втором этаже, выходила окнами на улицу и служила ему гостиной. Перед приходом молодого графа горничная затопила там камин и, так как камин дымил, открыла окно. Ни одного звука не доносилось из комнаты до двадцати минут двенадцатого – в это время вернулись домой леди Мэйнус и ее дочь. Леди Мэйнус хотела зайти к сыну и пожелать ему спокойной ночи, но дверь в его комнату оказалась запертой изнутри, и, несмотря на крики и стук, никто не отзывался. Тогда она подняла тревогу, и дверь пришлось взломать. Несчастный юноша лежал на полу возле стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не оказалось. На столе лежали два кредитных билета по десять фунтов и семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены маленькими столбиками разной величины. Рядом с ними лежал лист бумаги, на котором были написаны цифры, а против них – имена нескольких клубных приятелей Адэра. Из этого можно было заключить, что перед самой смертью молодой человек занимался подсчетом своих карточных выигрышей и проигрышей.

После тщательного расследования всех обстоятельств дело оказалось еще более загадочным. Прежде всего непонятно было, зачем молодой человек заперся изнутри. Правда, дверь мог запереть и убийца, а затем выскочить в окно, но окно находилось по меньшей мере в двадцати

футах от земли, а грядка цветущих крокусов под ним оказалась совершенно нетронутой – не был помят ни один цветок. Никаких следов не осталось также на узкой полосе газона, отделявшего дом от дороги. Итак, видимо, дверь запер сам Рональд Адэр. Но каким образом настигла его смерть? Ведь никто не мог бы влезть в окно, не оставив следов. Если же предположить, что убийца стрелял через окно, то, по-видимому, это был замечательный стрелок, так как убить человека наповал револьверной пулей на таком расстоянии чрезвычайно трудно. Кроме того, Парк-лейн – многолюдная улица, и в каких-нибудь ста ярдах от дома находится стоянка кэбов. Однако выстрела никто не слыхал. А между тем налицо был убитый и налицо была револьверная пуля, которая прошла навылет и, судя по характеру раны, явилась причиной моментальной смерти. Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-лейн – убийства, загадочность которого еще усиливалась из-за полного отсутствия каких-либо видимых мотивов: ведь, как я уже говорил, у молодого Адэра не было как будто никаких врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я перебирал в уме все факты, пытаясь применить к ним какую-нибудь теорию, которая примирила бы их между собой, и найти «точку наименьшего сопротивления», которую мой погибший друг считал отправным пунктом всякого расследования. Должен признаться, что это мне не удалось. Вечером я бродил по парку и около шести часов очутился вдруг на углу Парк-лейн и Оксфорд-стрит. На тротуаре собралась толпа зевак, глазевших на одно и то же окно, и я понял, что это был тот самый дом,

где произошло убийство. Высокий, худой человек в темных очках, по-моему, переодетый сыщик, развивал какую-то теорию по поводу случившегося, остальные слушали, окружив его тесным кольцом. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показались мне до того нелепыми, что с чувством, близким к отвращению, я подался назад, стремясь уйти. При этом я нечаянно толкнул какого-то сгорбленного старика, стоявшего сзади, и он уронил несколько книг, которые держал под мышкой. Помогая ему поднимать их, я заметил заглавие одной книги: «Происхождение культа деревьев» – и подумал, что, по-видимому, это какой-нибудь бедный библиофил, который то ли ради заработка, то ли из любви к искусству собирает редкие издания. Я начал было извиняться перед ним, но, должно быть, эти книги, с которыми я имел несчастье обойтись столь невежливо, были очень дороги их владельцу, ибо он сердито буркнул что-то, презрительно отвернулся и вскоре его сгорбленная спина и седые бакенбарды исчезли в толпе.

Мои наблюдения за домом № 427 по Парк-лейн мало чем помогли мне в разрешении заинтересовавшей меня загадки. Дом отделялся от улицы низенькой стеной с решеткой, причем все это вместе не достигало и пяти футов. Следовательно, каждый мог легко проникнуть в сад. Зато окно было совершенно неприступно: возле не было ни водосточной трубы, ни малейшего выступа, так что взобраться по стене не мог бы даже самый искусный гимнаст. Недоумевая еще больше прежнего, я отправился обратно в Кенсингтон и пришел домой. Но не пробыл я у себя в кабинете и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему удивлению, это

оказался не кто иной, как мой оригинальный старик библиофил. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос; подмышкой он держал не менее дюжины своих драгоценных книг.

– Вы, конечно, удивлены моим приходом, сэр? – спросил он странным, каркающим голосом.

Я подтвердил его догадку.

– Видите ли, сэр, я человек деликатный. Ковыляя сзади по той же дороге, что и вы, я вдруг увидел, как вы вошли в этот дом, и решил про себя, что должен зайти к такому любезному господину и извиниться перед ним. Ведь если я был чуточку груб с вами, сэр, то, право же, не хотел обидеть вас и очень вам благодарен за то, что вы подняли мои книги.

– Не стоит говорить о таких пустяках, – сказал я. – А позвольте спросить, как вы узнали, кто я?

– Осмелюсь сказать, сэр, что я ваш сосед. Моя маленькая книжная лавчонка находится на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь посетите меня. Может быть, вы тоже собираете книги, сэр? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Купите, сэр. Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочил и несколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание – в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то

серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка. Холмс стоял с фляжкой в руке, наклонившись над моим стулом.

– Дорогой мой Уотсон, – сказал хорошо знакомый голос, – приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас.

Я схватил его за руку.

– Холмс! – вскричал я. – Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из той ужасной пропасти?

– Погодите минутку, – ответил он. – Вы уверены, что уже в состоянии вести беседу? Мое чересчур эффектное появление слишком сильно взволновало вас.

– Мне лучше, но, право же, Холмс, я не верю своим глазам. Боже милостивый! Неужели это вы, вы, а не кто иной, стоите в моем кабинете?

Я снова схватил его за рукав и нащупал его тонкую, мускулистую руку.

– Нет, это не дух, это несомненно, – сказал я. – Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас! Садитесь же и рассказывайте, каким образом вам удалось спастись из той страшной бездны.

Холмс сел против меня и знакомым небрежным жестом закурил трубку. На нем был поношенный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого маскарада – кучка седых волос и связка старых книг – лежали на столе. Казалось, он еще более похудел и взгляд его стал еще более пронзителен. Мертвенная бледность его тонкого лица с орлиным носом свидетельствовала, что образ жизни, ко-

торый он вел в последнее время, был не слишком полезен для его здоровья.

– Как приятно вытянуться, Уотсон! – сказал он. – Человеку высокого роста нелегко сделаться короче на целый фут и оставаться в таком положении несколько часов подряд. А теперь, мой дорогой друг, поговорим о серьезных вещах… Дело в том, что я хочу пробить вашей помощи, и если вы согласны, то обоим нам предстоит целая ночь тяжелой и опасной работы. Не лучше ли отложить рассказ о моих приключениях до той минуты, когда эта работа будет позади?

– Но я сгораю от любопытства, Холмс, и предпочел бы выслушать вас сейчас же.

– Вы согласны пойти со мной сегодня ночью?

– Когда и куда вам угодно.

– Совсем как в доброе старое время. Пожалуй, мы еще успеем немного закусить перед уходом… Ну, а теперь насчет этой самой пропасти. Мне было не так уж трудно выбраться из нее по той простой причине, что я никогда в ней не был.

– Не были?!

– Нет, Уотсон, не был. Однако моя записка к вам была написана совершенно искренне. Когда зловещая фигура покойного профессора Мориарти возникла вдруг на узкой тропинке, преграждая мне единственный путь к спасению, я был вполне убежден, что для меня все кончено. В его серых глазах я прочитал неумолимое решение. Мы обменялись с ним несколькими словами, и он любезно позволил мне написать коротенькую записку, которую вы и нашли. Я оставил ее вместе с моим портсигаром и альпенштоком, а

сам пошел по тропинке вперед. Мориарти шел за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился: дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного – отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Я не знаю, известно ли это вам, но я немного знаком с приемами японской борьбы – «баритсу», которые не раз сослужили мне хорошую службу. Я сумел увернуться от него. Он издал вопль и несколько секунд отчаянно балансировал на краю, хватаясь руками за воздух. Но все-таки ему не удалось сохранить равновесие, и он сорвался вниз. Нагнувшись над обрывом, я еще долго следил взглядом за тем, как он летел в пропасть. Потом он ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

С глубоким волнением слушал я Холмса, который, рассказывая, спокойно попыхивал трубкой.

– Но следы! – вскричал я. – Я сам, собственными глазами видел отпечатки двух пар ног, спускавшихся вниз по тропинке, и никаких следов в обратном направлении.

– Это произошло так. В ту секунду, когда профессор исчез в глубине пропасти, я вдруг понял, какую необыкновенную удачу посылает мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным человеком, искавшим моей смерти. Оставались по меньшей мере три его сообщника. Гибель главаря могла только разжечь в их сердцах жажду мести. Все они были чрезвычайно опасные люди. Кому-нибудь из них непременно удалось бы через некоторое время прикончить меня. А если эти люди будут думать, что меня уже нет в живых, они начнут действовать более от-

крыто, легче выдадут себя, и, рано или поздно, мне удастся их уничтожить. Тогда я и объявлю, что я жив! Человеческий мозг работает быстро; профессор Мориарти не успел, должно быть, опуститься на дно Рейхенбахского водопада, как я уже обдумал этот план.

Я встал и осмотрел скалистую стену, возвышавшуюся у меня за спиной. В вашем живописном отчете о моей трагической гибели, который я с большим интересом прочел несколько месяцев спустя, вы утверждаете, будто стена была совершенно отвесной и гладкой. Это не совсем так. В скале есть несколько маленьких выступов, на которые можно было поставить ногу, и, кроме того, по некоторым признакам я понял, что чуть повыше в ней имеется выемка… Утес так высок, что вскарабкаться на самый верх было явно невозможно, и так же невозможно было пройти по сырой тропинке, не оставив следов. Правда, я мог бы надеть сапоги задом наперед, как я не раз поступал в подобных случаях, но три пары отпечатков ног, идущих в одном направлении, неминуемо навели бы на мысль об обмане. Итак, лучше было рискнуть на подъем. Это оказалось не так-то легко, Уотсон. Подо мной ревел водопад. Я не обладаю пылким воображением, но, клянусь вам, мне чудилось, что до меня доносится голос Мориарти, взывающий ко мне из бездны. Малейшая оплошность могла стать роковой. Несколько раз, когда пучки травы оставались у меня в руке или когда нога скользила по влажным уступам скалы, я думал, что все кончено. Но я продолжал карабкаться вверх и наконец дополз до расселины, довольно глубокой и поросшей мягким зеленым мхом. Здесь я мог вытянуться, никем не видимый, и отлично отдохнуть.

И здесь я лежал, в то время, как вы, мой милый Уотсон, и все те, кого вы привели с собой, пытались весьма трогательно, но безрезультатно восстановить картину моей смерти.

Наконец, сделав неизбежные, но тем не менее совершенно ошибочные выводы по поводу случившегося, вы ушли в свою гостиницу, и я остался один. Я воображал, что мое приключение кончено, но одно весьма неожиданное происшествие показало, что меня ждет еще немало сюрпризов. Огромный обломок скалы с грохотом пролетел вдруг совсем около меня, ударился о тропинку и низринулся в пропасть. В первый момент я приписал это простой случайности, но, взглянув вверх, увидел на фоне угасающего неба голову мужчины, и почти в ту же секунду другой камень ударился о край той самой расселины, где я лежал, в нескольких дюймах от моей головы. Я понял, что это означает. Мориарти действовал не один. Его сообщник – и я с первого же взгляда увидел, как опасен был этот сообщник, – стоял на страже, когда на меня напал профессор. Издали, невидимый мною, он стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Выждав некоторое время, он обошел скалу, взобрался на вершину с другой стороны и теперь пытался сделать то, что не удалось Мориарти.

Я недолго размышлял об этом, Уотсон. Выглянув, я снова увидел над скалой свирепое лицо этого субъекта и понял, что оно является предвестником нового камня. Тогда я пополз вниз, к тропинке. Не знаю, сделал ли бы я это в хладнокровном состоянии. Спуск был в тысячу раз труднее, чем подъем. Но мне некогда было размышлять – третий камень прожужжал возле меня, когда я висел, цепляясь

руками за край расселины. На полдороге я сорвался вниз, но все-таки каким-то чудом оказался на тропинке. Весь ободранный и в крови, я побежал со всех ног, в темноте прошел через горы десять миль и неделю спустя очутился во Флоренции, уверенный в том, что никто в мире ничего не знает о моей судьбе.

Я посвятил в свою тайну только одного человека – моего брата Майкрофта. Приношу тысячу извинений, дорогой Уотсон, но мне было крайне важно, чтобы меня считали умершим, а вам никогда не удалось бы написать такое убедительное сообщение о моей трагической смерти, не будь вы сами уверены в том, что это правда. За эти три года я несколько раз порывался написать вам – и всякий раз удерживался, опасаясь, как бы ваша привязанность ко мне не заставила вас совершить какую-нибудь оплошность, которая выдала бы мою тайну. Вот почему я отвернулся от вас сегодня вечером, когда вы рассыпали мои книги. Ситуация была в тот момент очень опасной, и возглас удивления или радости мог бы привлечь ко мне внимание и привести к печальным, даже непоправимым последствиям. Что касается Майкрофта, я поневоле должен был открыться ему, так как мне необходимы были деньги. В Лондоне дела шли не так хорошо, как я того ожидал. После суда над шайкой Мориарти остались на свободе два самых опасных ее члена, оба – мои смертельные враги. Поэтому два года я пропутешествовал по Тибету, посетил из любопытства Лхассу и провел несколько дней у далай-ламы[36].

---

[36] Далай-лама – в то время верховный правитель Тибета (духовный и светский); город Лхасса был местом пребывания далай-ламы.

Вы, вероятно, читали о нашумевших исследованиях норвежца Сигерсона, но, разумеется, вам и в голову не приходило, что-то была весточка от вашего друга. Затем я объехал всю Персию, заглянул в Мекку и побывал с коротким, но интересным визитом у калифа в Хартуме… Отчет об этом визите был затем представлен мною министру иностранных дел.

Вернувшись в Европу, я провел несколько месяцев во Франции, где занимался исследованиями веществ, получаемых из каменноугольной смолы. Это происходило в одной лаборатории на юге Франции, в Монпелье. Успешно закончив опыты и узнав, что теперь в Лондоне остался лишь один из моих заклятых врагов, я подумывал о возвращении домой, когда известие о нашумевшем убийстве на Парк-лейн заставило меня поторопиться с отъездом. Эта загадка заинтересовала меня не только сама по себе, но и потому, что ее раскрытие, по-видимому, могло помочь мне осуществить кое-какие проекты, касающиеся меня лично. Итак, я немедленно приехал в Лондон, явился собственной персоной на Бейкер-стрит, вызвал сильный истерический припадок у миссис Хадсон и убедился в том, что Майкрофт позаботился сохранить мои комнаты и бумаги точно в том же виде, в каком они были прежде. Таким образом, сегодня, в два часа дня, я очутился в своей старой комнате, в своем старом кресле, и единственное, чего мне оставалось желать, это – чтобы мой старый друг Уотсон сидел рядом со мной в другом кресле, которое он так часто украшал своей особой.

Такова была изумительная повесть, рассказанная мне в тот апрельский вечер, повесть, которой я бы ни за что не

поверил, если бы не видел своими глазами высокую, худощавую фигуру и умное, энергичное лицо человека, которого уже никогда не чаял увидеть. Каким-то образом Холмс успел узнать о смерти моей жены, но его сочувствие проявилось скорее в тоне, нежели в словах.

– Работа – лучшее противоядие от горя, дорогой Уотсон, – сказал он, – а нас с вами ждет сегодня ночью такая работа, что человек, которому удастся успешно довести ее до конца, сможет смело сказать, что он недаром прожил свою жизнь.

Тщетно упрашивал я его высказаться яснее.

– Вы достаточно услышите и увидите до наступления утра, – ответил он. – А пока что у нас и без того есть о чем поговорить – ведь мы не виделись три года. Надеюсь, что до половины десятого нам хватит этой темы, а потом мы отправимся в путь, навстречу одному интересному приключению в пустом доме.

И правда, все было как в доброе старое время, когда в назначенный час я очутился в кэбе рядом с Холмсом. В кармане я нащупал револьвер, и сердце мое сильно забилось в ожидании необычайных событий. Холмс был сдержан, угрюм и молчалив. Когда свет уличных фонарей упал на его суровое лицо, я увидел, что брови его нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты: казалось, он был погружен в глубокое раздумье. Я еще не знал, какого хищного зверя нам предстояло выследить в темных джунглях лондонского преступного мира, но все повадки этого искуснейшего охотника сказали мне, что приключение обещает быть одним из самых опасных, а язвительная усмешка, появлявшаяся время от времени на аскетически строгом

лице моего спутника, не предвещала ничего доброго для той дичи, которую мы выслеживали.

Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс приказал кучеру остановиться на углу Кавендиш-сквера. Выйдя из экипажа, он внимательно осмотрелся по сторонам и потом оглядывался на каждом повороте, желая удостовериться, что никто не увязался за нами следом. Мы шли какой-то странной дорогой. Холмс всегда поражал меня знанием лондонских закоулков, и сейчас он уверенно шагал через лабиринт каких-то конюшен и извозчичьих дворов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, и она вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Блэндфорд-стрит. Здесь Холмс быстро свернул в узкий тупичок, прошел через деревянную калитку в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов. Мы вошли, и он тотчас же заперся изнутри.

Было совершенно темно, но я сразу понял, что дом необитаем. Голый пол скрипел и трещал под ногами, а на стене, к которой я нечаянно прикоснулся, висели клочья рваных обоев. Холодные тонкие пальцы Холмса сжали мою руку, и он повел меня по длинному коридору, пока наконец перед нами не обрисовались еле заметные контуры полукруглого окна над дверью. Здесь Холмс внезапно повернул вправо, и мы очутились в большой квадратной пустой комнате, совершенно темной по углам, но слегка освещенной в середине уличными огнями. Впрочем, поблизости от окна фонаря не было, да и стекло было покрыто густым слоем пыли, так что мы с трудом различали друг друга. Мой спутник положил руку мне на плечо и почти коснулся губами моего уха.

– Знаете ли вы, где мы? – шепотом спросил он.

– Кажется, на Бейкер-стрит, – ответил я, глядя через мутное стекло.

– Совершенно верно, мы находимся в доме Кэмдена, как раз напротив нашей прежней квартиры.

– Но зачем мы пришли сюда?

– Затем, что отсюда открывается прекрасный вид на это живописное здание. Могу ли я попросить вас, дорогой Уотсон, подойти чуть ближе к окну? Только будьте осторожны, никто не должен вас видеть. Ну, а теперь взгляните на окна наших прежних комнат, где было положено начало стольким интересным приключениям. Сейчас увидим, совсем ли я потерял способность удивлять вас за три года нашей разлуки.

Я шагнул вперед, посмотрел на знакомое окно, и у меня вырвался возглас изумления. Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине ее, отчетливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица – все это не оставляло никаких сомнений. Голова была видна вполоборота и напоминала те черные силуэты, которые любили рисовать наши бабушки. Это была точна копия Холмса. Я был так поражен, что невольно протянул руку, желая убедиться, действительно ли сам он стоит здесь, рядом со мной. Холмс трясся от беззвучного смеха.

– Ну? – спросил он.

– Это просто невероятно! – прошептал я.

– Кажется, годы не убили мою изобретательность, а привычка не засушила ее, – сказал он, и я уловил в его голосе радость и гордость художника, любующегося своим творением. – А ведь правда похож?

– Я готов был бы поклясться, что это вы.

– Честь выполнения принадлежит господину Менье из Гренобля. Он лепил эту фигуру несколько дней. Она сделана из воска. Все остальное устроил я сам, когда заходил на Бейкер-стрит сегодня утром.

– Но зачем вам понадобилось все это?

– У меня были на то серьезные причины, милый Уотсон. Я хочу, чтобы некоторые люди думали, что я нахожусь там, в то время как в действительности я нахожусь в другом месте.

– Так вы думаете, что за квартирой следят?

– Я знаю, что за ней следят.

– Кто же?

– Мои старые враги, Уотсон. Та очаровательная компания, шеф которой покоится на дне Рейхенбахского водопада. Как вы помните, они – и только они – знали, что я еще жив. Они были уверены, что рано или поздно я вернусь в свою прежнюю квартиру. Они не переставали следить за ней, и вот сегодня утром они увидели, что я возвратился.

– Но как вы догадались об этом?

– Выглянув из окна, я узнал их дозорного. Это довольно безобидный малый, по имени Паркер, по профессии грабитель и убийца и в то же время прекрасный музыкант. Он мало меня интересует. Меня гораздо больше интересует другой – тот страшный человек, который скрывается за ним, ближайший друг Мориарти, тот, кто швырял в меня камнями с вершины скалы, – самый хитрый и самый опасный преступник во всем Лондоне. Именно этот человек охотится за мной сегодня ночью, Уотсон, и не подозревает, что мы охотимся за ним.

Планы моего друга постепенно прояснились для меня. Из нашего удобного убежища мы имели возможность наблюдать за теми, кто стремился наблюдать за нами, и следить за нашими преследователями. Тонкий силуэт в окне служил приманкой, а мы – мы были охотниками. Молча стояли мы рядом в темноте, плечом к плечу, и внимательно вглядывались в фигуры прохожих, сновавших взад и вперед по улице напротив нас. Холмс не говорил мне ни слова и не шевелился, но я чувствовал, что он страшно напряжен и что глаза его не отрываясь следят за людским потоком на тротуаре. Ночь была холодная и ненастная, резкий ветер дул вдоль длинной улицы. Народу было много, почти все прохожие шли торопливой походкой, уткнув носы в воротники или кашне. Мне показалось, что одна и та же фигура несколько раз прошла взад и вперед мимо дома, и особенно подозрительны были мне два человека, которые, словно укрываясь от ветра, долго торчали в одном подъезде невдалеке от нас. Я сделал попытку обратить на них внимание Холмса, но он ответил мне лишь еле слышным возгласом досады и продолжал внимательно смотреть на улицу. Время от времени он переминался с ноги на ногу или нервно барабанил пальцами по стене. Я видел, что ему становится не по себе и что события разворачиваются не совсем так, как он предполагал. Наконец, когда дело подошло к полуночи и улица почти опустела, он зашагал по комнате, уже не скрывая своего волнения. Я хотел было что-то сказать ему, как вдруг взгляд мой упал на освещенное окно, и я снова почувствовал изумление. Схватив Холмса за руку, я показал ему на окно.

– Фигура шевельнулась! – воскликнул я.

И действительно, теперь силуэт был обращен к нам уже не в профиль, а спиной.

Как видно, годы не смягчили резкого характера Холмса, и он был все так же нетерпелив, сталкиваясь с проявлениями ума, менее тонкого, чем его собственный.

– Разумеется, она шевельнулась, – сказал он. – Неужели я такой уж безмозглый болван, Уотсон, чтобы посадить в комнате явное чучело и надеяться с его помощью провести самых хитрых мошенников, какие только существуют в Европе? Мы торчим в этой дыре два часа, и за это время миссис Хадсон меняла положение фигуры восемь раз, то есть каждые четверть часа. Само собой, она подходит к ней так, чтобы ее собственный силуэт не был виден… Ага!

Внезапно он затаил дыхание и замер. В полумраке я увидел, как он стоит, вытянув шею, в позе напряженного ожидания. Улица была теперь совершенно пустынна. Возможно, что те двое все еще стояли, притаившись, в подъезде, но я уже не мог их видеть. Вокруг нас царили безмолвие и мрак. И во мраке отчетливо выделялся желтый экран ярко освещенного окна с контурами черной фигуры в центре.

В полном безмолвии я слышал свистящее дыхание Холмса, выдававшее сильное, с трудом сдерживаемое волнение. Внезапно он толкнул меня в глубь комнаты, в самый темный ее угол, и зажал мне на минуту рот рукой, требуя тем самым полного молчания. В эту минуту я ощутил, как дрожат его пальцы. Никогда еще я не видел его в таком возбуждении, а между тем темная улица казалась все такой же пустынной и безмолвной.

И вдруг я услышал то, что уже уловил более тонкий

слух моего друга. Какой-то тихий, приглушенный звук донесся до меня, но не со стороны Бейкер-стрит, а из глубины того самого дома, где мы прятались. Вот открылась и закрылась входная дверь. Через секунду чьи-то крадущиеся шаги послышались в коридоре – шаги, которые, очевидно, стремились быть тихими, но гулко отдавались в пустом доме. Холмс прижался к стене; я сделал то же, крепко стиснув револьвер. Вглядываясь в темноту, я различил неясный мужской силуэт, черный силуэт чуть темнее черного прямоугольника открытой двери. Минуту он постоял там, затем пригнулся и, крадучись, двинулся вперед. Во всех его движениях таилась угроза. Эта зловещая фигура была в трех шагах от нас, и я уже напряг мускулы, готовясь встретить нападение пришельца, как вдруг до моего сознания дошло, что он и не подозревает о нашем присутствии. Едва не коснувшись нас, он прошел мимо, прокрался к окну и очень осторожно, совершенно бесшумно, поднял раму почти на полфута. Когда он нагнулся до уровня образовавшегося отверстия, свет с улицы, уже не заслоненный грязным стеклом, упал на его лицо. Это лицо выдавало крайнюю степень возбуждения. Глаза лихорадочно горели, черты были страшно искажены. Незнакомец был уже немолодой человек с тонким ястребиным носом, высоким лысеющим лбом и длинными седыми усами. Цилиндр его был сдвинут на затылок, пальто распахнулось и открывало белоснежную грудь фрачной манишки. Смуглое мрачное лицо было испещрено глубокими морщинами. В руке он держал нечто вроде трости, но, когда он положил ее на пол, она издала металлический лязг. Затем он вынул из кармана пальто какой-то предмет довольно

больших размеров и несколько минут возился с ним, пока не щелкнула какая-то пружина или задвижка. Стоя на коленях, он нагнулся вперед и всей своей тяжестью налег на какой-то рычаг, в результате чего мы услышали длинный, скрежещущий, резкий звук. Тогда он выпрямился, и я увидел, что в руке у него было нечто вроде ружья с каким-то странным, неуклюжим прикладом. Он открыл затвор, вложил что-то внутрь и снова защелкнул его. Потом, сев на корточки, положил конец ствола на подоконник, и его длинные усы повисли над стволом, а глаза сверкнули, вглядываясь в точку прицела. Наконец он приложил ружье к плечу и с облегчением вздохнул: мишень была перед ним – изумительная мишень, черный силуэт, четко выделявшийся на светлом фоне. На мгновение он застыл, потом его палец нажал на собачку, и раздалось странное жужжание, а вслед за ним серебристый звон разбитого стекла. В тот же миг Холмс, как тигр, прыгнул на спину стрелка и повалил его на пол. Но через секунду тот вскочил на ноги и с невероятной силой схватил Холмса за горло. Тогда рукояткой моего револьвера я ударил злодея по голове, и он снова упал. Я навалился на него, и в ту же минуту Холмс дал резкий свисток. С улицы послышался топот бегущих людей, и вскоре два полисмена в форме, а с ними сыщик в штатском платье ворвались в комнату через парадную дверь.

– Это вы, Лестрейд? – спросил Холмс.

– Да, мистер Холмс. Я решил сам заняться этим делом. Рад видеть вас снова в Лондоне, сэр.

– Мне казалось, что вам не помешает наша скромная неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за

один год – многовато, Лестрейд. Но дело о тайне Молей вы вели не так уж… то есть я хотел сказать, что вы провели его недурно…

Все мы уже стояли на ногах. Наш пленник тяжело дышал в руках двух дюжих констеблей, крепко державших его с двух сторон. На улице начала собираться толпа зевак. Холмс подошел к окну, закрыл его и опустил штору. Лестрейд зажег две принесенные им свечи, а полицейские открыли свои потайные фонарики. Наконец-то я мог рассмотреть нашего пленника.

У него было необычайно мужественное и в то же время отталкивающее лицо. Лоб философа и челюсть сластолюбца говорили о том, что в этом человеке была заложена способность как к добру, так и ко злу. Но жестокие, стального оттенка глаза с нависшими веками и циничным взглядом, хищный, ястребиный нос и глубокие морщины, избороздившие лоб, указывали, что сама природа позаботилась наделить его признаками, свидетельствовавшими об опасности этого субъекта для общества. Ни на кого из нас он не обращал ни малейшего внимания; взгляд его был прикован к лицу Холмса, на которого он глядел с изумлением и ненавистью.

– Дьявол! – шептал он. – Хитрый дьявол!

– Итак, полковник, – сказал Холмс, поправляя свой измятый воротник, – все пути ведут к свиданью, как поется в старинной песенке. Кажутся, я еще не имел удовольствия видеть вас после того, как вы удостоили меня своим благосклонным вниманием, – помните, когда я лежал в той расселине над Рейхенбахским водопадом.

Полковник, словно загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от моего друга.

– Дьявол, сущий дьявол! – снова и снова повторял он.

– Я еще не представил вас, – сказал Холмс. – Джентльмены, это полковник Себастьян Моран, бывший офицер Индийской армии ее величества и лучший охотник на крупного зверя, какой когда-либо существовал в наших восточных владениях. Думаю, что не ошибусь, полковник, если скажу, что по числу убитых вами тигров вы все еще остаетесь на первом месте?

Пленник с трудом сдерживал ярость, но продолжал молчать. Он и сам был похож на тигра, глаза у него злобно сверкали, усы ощетинились.

– Меня удивляет, что моя несложная выдумка могла обмануть такого опытного охотника, – продолжал Холмс. – Для вас она не должна быть новинкой. Разве вам не приходилось привязывать под деревом козленка и, притаившись в ветвях с карабином, ждать, пока тигр не придет на приманку? Этот пустой дом – мое дерево, а вы – мой тигр. Думаю, что иногда вам случалось иметь в резерве других стрелков на случай, если бы вдруг явилось несколько тигров, или же на тот маловероятный случай, если бы вы промахнулись. Эти господа, – он показал на нас, – мои запасные стрелки. Мое сравнение точно, не так ли?

Внезапно полковник Моран с яростным воплем рванулся вперед, но констебли оттащили его. Лицо его выражало такую ненависть, что страшно было смотреть.

– Признаюсь, вы устроили мне небольшой сюрприз, – продолжал Холмс. – Я не предполагал, что вы сами захотите воспользоваться этим пустым домом и этим окном, действительно очень удобным. Мне представлялось, что вы будете действовать с улицы, где вас ждал мой друг Ле-

стрейд со своими помощниками. За исключением этой детали, все произошло так, как я ожидал.

Полковник Моран обратился к Лестрейду.

– Независимо от того, есть у вас основания для моего ареста или у вас их нет, – сказал он, – я не желаю переносить издевательства этого господина. Если я в руках закона, пусть все идет законным порядком.

– Это, пожалуй, справедливо, – заметил Лестрейд. – Вы имеете еще что-нибудь сказать, перед тем как мы уйдем отсюда, мистер Холмс?

Холмс поднял с пола громадное духовое ружье и стал рассматривать его механизм.

– Превосходное и единственное в своем роде оружие! – сказал он. – Стреляет бесшумно и действует с сокрушительной силой. Я знал немца фон Хердера, слепого механика, который сконструировал его по заказу покойного профессора Мориарти. Вот уже много лет, как мне было известно о существовании этого ружья, но никогда еще не приходилось держать его в руках. Я особенно рекомендую его вашему вниманию, Лестрейд, а также и пули к нему.

– Не беспокойтесь, мистер Холмс, мы займемся им, – сказал Лестрейд, когда все присутствовавшие двинулись к дверям.

– Это все?

– Все. Впрочем, я хотел бы спросить, какое обвинение вы собираетесь предъявить преступнику?

– Как какое обвинение, сэр? Ну, разумеется, в покушении на убийство мистера Шерлока Холмса.

– О нет, Лестрейд, я не имею никакого желания фигурировать в этом деле. Вам, и только вам, принадлежит

честь замечательного ареста, который вы произвели. Поздравляю вас, Лестрейд! Благодаря сочетанию свойственной вам проницательности и смелости вы наконец поймали этого человека.

– Этого человека? Но кто же он такой, мистер Холмс?

– Тот, кого безуспешно искала вся полиция, – полковник Себастьян Моран, который тридцатого числа прошлого месяца застрелил сэра Рональда Адэра выстрелом из духового ружья, произведенным через окно второго этажа дома № 427 по Парк-лейн. Вот каково должно быть обвинение, Лестрейд… А теперь, Уотсон, если вы не боитесь сквозного ветра из разбитого окна, давайте посидим полчаса у меня в кабинете и выкурим по сигаре – надеюсь, что это немного развлечет вас.

Благодаря наблюдению Майкрофта Холмса и непосредственным заботам миссис Хадсон в нашей прежней квартире ничего не изменилось. Правда, когда я вошел, меня удивила ее непривычная опрятность, но все знакомые предметы стояли на своих местах. На месте был «уголок химии», в котором по-прежнему стоял сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот. На полке по-прежнему были выстроены в ряд огромные альбомы газетных вырезок и справочники, которые так охотно швырнули бы в огонь многие из наших сограждан! Диаграммы, футляр со скрипкой, полочка со множеством трубок, даже персидская туфля с табаком – все было вновь перед моими глазами, когда я осмотрелся по сторонам. В комнате находились двое: во-первых, миссис Хадсон, встретившая нас радостной улыбкой, а во-вторых, странный манекен, сыгравший такую важную роль в событиях сегодняшней ночи. Это был

раскрашенный восковой бюст моего друга, сделанный с необыкновенным мастерством и поразительно похожий на оригинал. Он стоял на высокой подставке и был так искусно задрапирован старым халатом Холмса, что, если смотреть с улицы, иллюзия получалась полная.

– Надо полагать, вы выполнили все мои указания, миссис Хадсон? – спросил Холмс.

– Я подползала к нему на коленях, сэр, как вы приказали.

– Отлично. Вы проделали все это как нельзя лучше. Заметили вы, куда попала пуля?

– Да, сэр. Боюсь, что она испортила вашу красивую статую – прошла через голову и сплющилась о стену. Я подняла ее с ковра. Вот она.

Холмс протянул ее мне.

– Мягкая револьверная пуля, посмотрите, Уотсон. Ведь это просто гениально! Ну кто бы подумал, что такая штука может быть пущена из духового ружья? Прекрасно, миссис Хадсон, благодарю вас за помощь… А теперь, Уотсон, садитесь, как бывало, на свое старое место. Мне хочется побеседовать с вами кое о чем.

Он сбросил поношенный сюртук, накинул старый халат, сняв его предварительно со своего двойника, и передо мной снова был прежний Холмс.

– Нервы у старого охотника все так же крепки, а глаз так же верен, – сказал он со смехом, разглядывая продырявленный лоб восковой фигуры. – Попал в самую середину затылка и пробил мозг. Это был искуснейший стрелок Индии. Думаю, что и в Лондоне у него найдется не так уж много соперников. Вы когда-нибудь слышали прежде его имя?

– Нет, никогда.

– Да, вот она, слава! Впрочем, вы ведь, насколько я помню, еще недавно сознавались, что не слышали даже имени профессора Джеймса Мориарти, а это был один из величайших умов нашего века. Кстати, снимите, пожалуйста, с полки биографический указатель…

Удобно расположившись в кресле и попыхивая сигарой, Холмс лениво переворачивал страницы.

– У меня отличная коллекция на «М», – сказал он. – Одного Мориарти было бы достаточно, чтобы прославить любую букву, а тут еще Морган – отравитель, и Мерридью, оставивший по себе жуткую память, и Мэтьюз – тот самый, который выбил мне левый клык в зале ожидания на Черинг-кросском вокзале. А вот наконец и наш сегодняшний друг.

Он протянул мне книгу, и я прочитал: «Моран Себастьян, полковник в отставке. Служил в первом саперном бангалурском полку. Родился в Лондоне в 1843 году. Сын сэра Огастеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего британского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет. Участвовал в кампаниях Джовакской, Афганской, Чарасиабской (дипломатическим курьером), Шерпурской и Кабульской. Автор книг: „Охота на крупного зверя в Западных Гималаях“ (1881) и „Три месяца в джунглях“ (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: Англо-индийский, Тэнкервильский и карточный клуб Бэгетель».

На полях четким почерком Холмса было написано: «Самый опасный человек в Лондоне после Мориарти».

– Странно, – сказал я, возвращая Холмсу книгу. – Казалось бы, его путь – это путь честного солдата.

– Вы правы, – ответил Холмс. – До известного момента он не делал ничего дурного. Это был человек с железными нервами, и в Индии до сих пор ходят легенды о том, как он прополз по высохшему руслу реки и спас человека, вырвав его из когтей раненого тигра. Есть такие деревья, Уотсон, которые растут нормально до определенной высоты, а потом вдруг обнаруживают в своем развитии какое-нибудь уродливое отклонение от нормы. Это часто случается и с людьми. Согласно моей теории, каждый индивидуум повторяет в своем развитии историю развития всех своих предков, и я считаю, что каждый неожиданный поворот в сторону добра или зла объясняется каким-нибудь сильным влиянием, источник которого надо искать в родословной человека. И следовательно, его биография является как бы отражением в миниатюре биографии всей семьи.

– Ну, знаете, эта теория несколько фантастична.

– Что ж, не буду на ней настаивать. Каковы бы ни были причины, но полковник Моран вступил на дурной путь. Никакого открытого скандала не было, но он до такой степени восстановил против себя кое-кого в Индии, что ему уже невозможно было оставаться там. Он вышел в отставку, приехал в Лондон и здесь тоже приобрел дурную славу. Вот тогда-то его и открыл профессор Мориарти, у которого он некоторое время был правой рукой. Мориарти щедро снабжал его деньгами, но к помощи его прибегал очень редко – лишь в двух или трех особо трудных случаях, которые были не под силу заурядному преступнику. Вы, может быть, помните странную смерть миссис Стюард из Лаудера в 1877 году? Нет? Я уверен, что тут не обошлось без Морана, хотя против него и не было никаких явных

улик. Полковник умел так искусно прятать концы в воду, что даже после того, как разогнали всю шайку Мориарти, нам все-таки не удалось притянуть его к суду. Помните, Уотсон, тот вечер, когда я пришел к вам и закрыл ставни, опасаясь выстрела из духового ружья? Тогда вам показалось это странным, но я знал что делал, ибо мне было уже известно о существовании этого замечательного ружья, и, кроме того, я знал, что оно находится в руках у одного из искуснейших стрелков. Когда мы с вами поехали в Швейцарию, Моран погнался за нами вместе с Мориарти, и именно из-за него я пережил несколько весьма неприятных минут, лежа в расселине скалы над Рейхенбахским водопадом.

Можете себе представить, с каким вниманием читал я английские газеты, когда был во Франции: я надеялся найти хоть какой-нибудь шанс посадить его за решетку. Ведь пока он разгуливал в Лондоне на свободе, я не мог и думать о возвращении. Днем и ночью эта угроза омрачала бы мою жизнь, и так или иначе он нашел бы случай убить меня. Что же мне было делать? Застрелить его при встрече я не мог: ведь я и сам очутился бы тогда на скамье подсудимых. Обращаться в суд тоже была бесполезно: суд не имеет права возбуждать дело на основании одних только недоказанных подозрений, а доказательств у меня не было. Так что я был бессилен что-либо предпринять. Но я неустанно следил за хроникой преступлений, так как был твердо уверен, что рано или поздно мне удастся его изловить. И вот произошло это убийство Рональда Адэра. Наконец-то мой час настал! Зная то, что я знал, мог ли я сомневаться, что его убил именно полковник Моран? Он

играл с юношей в карты, он пошел за ним следом после клуба, он застрелил его через открытое окно. Да, сомнений быть не могло. Одна пуля могла стать достаточной уликой, чтобы отправить полковника Морана на виселицу. Я тотчас приехал в Лондон. Дозорный полковника увидел меня и, разумеется, сообщил ему об этом. Тот не мог не связать мой внезапный приезд со своим преступлением и, конечно, сильно встревожился. Я был убежден, что он сделает попытку немедленно устранить меня и для этого прибегнет к своему смертоносному оружию. Поэтому я приготовил ему в окне моего кабинета безукоризненную мишень, предупредил полицию, что мне может понадобиться ее помощь (кстати, Уотсон, вы своим зорким взглядом сразу разглядели двух полисменов в том подъезде), и занял пост, показавшийся мне удобным для наблюдения, хотя, уверяю вас, мне и не снилось, что мой противник выберет для нападения то же самое место. Вот и все, милый Уотсон. Теперь, я думаю, вам все ясно?

– Нет, – ответил я. – Вы еще не объясняли мне, зачем понадобилось полковнику Морану убивать сэра Рональда Адэра.

– Ну, друг мой, здесь уж мы вступаем в область догадок, а в этой области одной логики мало. Каждый может на основании имеющихся фактов создать свою собственную гипотезу, и ваша имеет столько же шансов быть правильной, как и моя.

– Стало быть, ваша гипотеза уже создана?

– Что ж, по-моему, объяснить существующие факты не так уж трудно. Следствием было установлено, что незадолго до убийства полковник Моран и молодой Адэр, бу-

дучи партнерами, выиграли порядочную сумму денег. Но Моран, без сомнения, играл нечисто – я давно знал, что он шулер. По всей вероятности, в день убийства Адэр заметил, что Моран плутует. Он поговорил с полковником с глазу на глаз и пригрозил разоблачить его, если он добровольно не выйдет из членов клуба и не даст слово навсегда бросить игру. Едва ли такой юнец, как Адэр, сразу решился бы публично бросить это скандальное обвинение человеку, который значительно старше его и притом занимает видное положение в обществе. Скорее всего он поговорил с полковником наедине, без свидетелей. Но для Морана, который существовал только на те деньги, которые ему удавалось добывать своими шулерскими приемами, исключение из клуба было равносильно разорению. Поэтому он и убил Адэра, убил в тот самый момент, когда молодой человек, не желая пользоваться результатами нечестной игры своего партнера, подсчитывал, какова была его доля выигрыша и сколько денег он должен был возвратить проигравшим. А чтобы мать и сестра не застали его за этим подсчетом и не начали расспрашивать, что означают все эти имена на бумаге и столбики монет на столе, он заперся на ключ… Ну что, правдоподобно, по-вашему, мое объяснение?

– Не сомневаюсь, что вы попали в точку.

– Следствие покажет, прав я или нет. Так или иначе, полковник Моран больше не будет беспокоить нас, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит коллекцию музея Скотланд-Ярда, и отныне никто не помешает мистеру Шерлоку Холмсу заниматься разгадкой тех интересных маленьких загадок, которыми так богата сложная лондонская жизнь.

ЧЕРНЫЙ ПИТЕР

Никогда я не видел моего друга в таком расцвете духовных и физических сил, как в 1895 году. Известность его все росла, практика все расширялась. Из уважения к чужим тайнам я не позволяю себе даже намекнуть на имена тех знаменитых людей, которым случалось переступать порог нашего скромного жилища на Бейкер-стрит. Надо сказать, что Холмс, как все великие художники, работал только из любви к искусству. Я не слышал (кроме единственного случая с герцогом Холдернесским), чтобы он требовал крупного вознаграждения за свои неоценимые услуги. Он был настолько бескорыстен – или настолько независим, – что нередко отказывал в своей помощи богатым и знатным людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка, если это дело было настолько загадочным и волнующим, что могло, зажечь его воображение и давало ему возможность применить свое мастерство.

В этом памятном 1895 году Холмс произвел целый ряд любопытных и разнообразных исследований, начиная с выяснения причин внезапной смерти кардинала Тоски (по настоятельному желанию Ватикана) и кончая арестом преступника Уилсона; этот знаменитый тренер канареек был вместе с тем истинной язвой лондонского Ист-Энда. Вслед за этими громкими делами возникла трагедия в Вудменс-Ли: капитан Питер Кери погиб при самых страшных и таинственных обстоятельствах. В моих записках о деятельности Шерлока Холмса был бы большой

пробел, если бы в них отсутствовал рассказ об этом необычайном происшествии.

В течение первой недели июля мой друг так часто и так надолго уходил из дому, что я понял: он чем-то занят. За эти дни несколько раз к нам заходили какие-то люди сурового и грубого вида. Они спрашивали капитана Бэзила. Это убедило меня, что Холмс, скрывая под одной из своих многочисленных масок и под вымышленной фамилией свое собственное грозное имя, ведет какое-то новое расследование. В различных районах Лондона у него было по меньшей мере пять укромных местечек, где он мог изменять свой облик. Холмс ничего не рассказывал мне об этом новом деле, и не в моем обычае было вызывать его на откровенность. О том, в каком направлении он работает, Холмс впервые дал мне понять довольно необычным образом.

Как-то раз он ушел из дому еще перед завтраком; я только что сел за стол, как вдруг он входит в комнату, не снимая шляпы и держа, словно зонтик, под мышкой громадный гарпун.

– Черт возьми, Холмс! – вскричал я. – Неужели вы хотите сказать, что гуляли по Лондону с этакой штукой?

– Нет, я только съездил к мяснику.

– К мяснику?

– И вот возвращаюсь домой с прекрасным аппетитом. Знаете, как полезны физические упражнения перед завтраком? Но, держу пари, вам ни за что не угадать, какие именно упражнения я проделывал.

– И не собираюсь угадывать.

Холмс, посмеиваясь, налил себе кофе.

– Заглянули бы вы в заднюю комнату лавки Аллардайса, так увидели бы: с потолка свисает свиная туша, а какой-то джентльмен, сняв сюртук, яростно старается проткнуть ее вот этим орудием. Джентльмен этот – я. И, увы, оказалось, что мне с одного удара ее не проткнуть. Не хотите ли попробовать сами?

– Ни за что на свете. Но для чего вы этим занимались?

– Мне кажется, что это имеет косвенное отношение к загадочной истории в Вудменс-Ли… А, Хопкинс, я получил вашу телеграмму вчера вечером и ждал вас. Входите, сейчас будем завтракать.

К нам вошел худощавый подвижный человек лет тридцати. На нем был скромный шерстяной костюм, но его выправка свидетельствовала о том, что он привык носить военный мундир. Я сразу узнал Стэнли Хопкинса, молодого инспектора полиции, который, по мнению Холмса, подавал большие надежды. Хопкинс, в свою очередь, считал себя учеником знаменитого сыщика и восхищался его научными методами.

Лицо Хопкинса было хмуро; он опустился в кресло с видом глубокого уныния.

– Нет, благодарю вас, сэр, я уже позавтракал. Я ночевал в городе, потому что приехал сюда для доклада.

– И о чем же вам пришлось докладывать?

– О неудаче, сэр, о полной неудаче.

– Вы не сдвинулись с места?

– Нет.

– Неужели? Видно, придется заняться этим делом мне.

– Ради бога, прошу вас, мистер Холмс! Мне в первый раз поручили важное дело, а я не в силах выполнить его. Умоляю, помогите!

– Ладно, ладно. Я как раз внимательно ознакомился со всеми данными следствия. Кстати, что вы думаете по поводу табачного кисета, найденного на месте преступления? Не в нем ли ключ к этому делу?

Хопкинс, казалось, удивился:

– Кисет принадлежал убитому, сэр. Там внутри его инициалы. И сделан он из тюленьей кожи, а ведь покойный много лет охотился на тюленей.

– Но при нем не оказалось трубки.

– Да, сэр, трубки мы не нашли – он действительно курил мало. Впрочем, мог же он держать табак для приятелей.

– Безусловно. Я лишь потому заговорил об этом, что если бы я сам расследовал этот случай, то сделал бы именно кисет отправным пунктом моих поисков. Однако мой друг, доктор Уотсон, не знает этой истории, и я тоже не прочь еще раз послушать ее. Расскажите нам в двух словах самое существенное.

Стэнли Хопкинс извлек из кармана узкую полоску бумаги:

– В моем распоряжении есть некоторые данные о жизни покойного капитана Питера Кери. Он родился в 1845 году – значит, ему было пятьдесят лет. Он считался одним из самых отважных и удачливых охотников на тюленей и китов. В 1883 году командовал паровым охотничьим судном «Морской единорог» из Данди. В том же году он совершил ряд удачных рейсов, а в следующем вышел в отставку. Затем несколько лет путешествовал и, наконец, купил себе небольшую усадьбу «Вудменс-Ли» возле Форест-Роу, в Суссексе. Там он прожил шесть лет и там же умер ровно неделю назад.

Он отличался большими странностями. В повседневном быту этот молчаливый и мрачный человек был строгим пуританином[37]. Семья его состояла из жены и двадцатилетней дочери. Дом обслуживали две девушки. Служанки часто менялись, ибо жить там было нелегко, а временами становилось просто невыносимо. Кери часто пил, и, когда у него наступал запой, он становился сущим дьяволом. Случалось, что он среди ночи выталкивал из дому жену и дочь и с кулаками гонялся за ними по всему парку. И они, бывало, так кричали, что в соседней деревне жители просыпались от их крика.

Однажды он был привлечен к суду за то, что избил старого священника, который пытался образумить его. Короче, мистер Холмс, трудно сыскать человека более опасного, чем Питер Кери. Я слышал, что таков он был и в те времена, когда командовал судном. В среде моряков его прозвали Черный Питер – не только за смуглое лицо и огромную черную бороду, но и за его бешеный нрав, который наводил ужас на окружающих. Нечего говорить, что все соседи ненавидели и избегали его; я не слышал ни единого слова сожаления по поводу его ужасного конца.

Вы, мистер Холмс, несомненно, читали в протоколе следствия о «каюте» этого человека, но ваш друг, возможно, ничего не слышал о ней. Неподалеку от дома капитан выстроил себе деревянный флигелек, который всегда называл «каютой»; там проводил он каждую ночь. Это была маленькая, однокомнатная хибарка размером шест-

---

[37] Пуритане – религиозная секта, проповедовавшая строгую нравственность и простоту жизни.

надцать футов на десять; ключ от нее он держал у себя в кармане, сам стелил себе постель, сам убирал комнату и никому не позволял переступать ее порог. В двух стенах этого домика прорублено по небольшому окну. Оба окна были всегда занавешены и никогда не раскрывались, одно из них выходит на проселочную дорогу. Случалось, в домике целую ночь горел свет, и прохожие с недоумением спрашивали, что же там делает Черный Питер? Именно это окно, мистер Холмс, позволило нам установить во время следствия некоторые любопытные подробности.

Вы помните, что каменщик, по имени Слэтер, который шел из Форест-Роу около часа ночи за двое суток до убийства, остановился у владений капитана и посмотрел на квадрат света, видневшийся сквозь деревья. Он клянется, что на занавеске ясно обозначалась тень мужского профиля, но это был не Питер Кери, которого он хорошо знал. Это был тоже бородатый мужчина, но борода у него была короткая и торчала она иначе, чем у капитана. Так утверждает каменщик. Впрочем, нужно сказать, что перед этим он провел два часа в трактире, да и расстояние от дороги до окна порядочное. Кроме того, его показания относятся к понедельнику, а убийство совершено в среду.

Во вторник Питер Кери находился в самом ужасном состоянии. Он был совершенно пьян и, как дикий зверь, свиреп и опасен. Он бродил вокруг дома, и женщины, заслышав его голос, закрылись в доме. Поздно вечером он отправился к себе в хижину. Его дочь спала с открытым окном. Около двух часов ночи страшный крик донесся со стороны «каюты». Девушка не придала этому значения, ибо капитан в пьяном виде часто кричал и ругался. Под-

нявшись в семь часов утра, одна из служанок заметила, что дверь хижины открыта настежь, но человек этот внушал такой страх, что до самого полудня домашние не отваживались заглянуть к нему. Посмотрев в открытую дверь, они увидели ужасное зрелище и, бледные от страха, пустились бежать в деревню. Через час я был на месте и приступил к следствию.

Нервы у меня крепкие, вы это знаете, мистер Холмс, но даю вам слово – меня затрясло, когда я заглянул в этот домишко. Он весь гудел, как фисгармония, от налетевших тучами мясных мух, а пол и стены его напоминали бойню. Капитан называл свое помещение каютой, и вправду оно вроде каюты: войдешь туда, и кажется – ты на борту корабля. В одном конце комнаты – койка, рядом – корабельный сундук, на стенах – морские карты, фотоснимок с «Морского единорога», кипа судовых журналов на полке – все в точности, как полагается в капитанской каюте. И посреди всего этого сам капитан – лицо искаженное, как у грешника, терзаемого муками ада, а большая черно-седая борода стала дыбом во время предсмертной агонии. Широкая грудь пробита стальным гарпуном. Гарпун прошел насквозь и глубоко вонзился в деревянную стену. Капитан был приколот к стене, словно жук, прикрепленный булавкой к картону. Конечно, мертв он был с той самой минуты, как испустил вопль.

Я знаком с вашими методами, сэр, и тотчас же стал применять их. Не позволив что-либо трогать с места, я очень тщательно осмотрел землю снаружи и пол в комнате. Но следов не было.

– Вы хотите сказать, что вы не заметили их?

– Уверяю вас, сэр, там не было никаких следов.

– Дорогой мой Хопкинс, я расследовал много преступлений, но ни разу не встречал еще преступника с крыльями. Раз преступник стоит на ногах, он непременно оставит какой-нибудь след, что-нибудь заденет или сдвинет. И человек, владеющий научными методами розыска, непременно обнаружит самую незначительную перемену в расположении окружающих вещей. Нельзя поверить, чтоб в этой залитой кровью комнате не осталось следов, которые могли бы помочь нам отыскать преступника… Впрочем, из протокола следствия я вижу, что на некоторые вещи вы даже не потрудились обратить внимания.

Молодой инспектор насупился; язвительное замечание Холмса задело его за живое.

– Глупо я сделал, мистер Холмс, что не пригласил вас тотчас же, – сказал он. – Однако теперь уж ничем не поможешь. Да, в комнате было несколько предметов, заслуживавших особого внимания. Начать с того гарпуна, которым убит капитан. Кто-то снял этот гарпун со стены. Два гарпуна висят на своих крюках, а третий крюк пустует. На ручке имеется надпись: «Пароход „Морской единорог“, Данди». Это, по-видимому, свидетельствует о том, что преступление было совершено в припадке ярости и что убийца схватил первое орудие, какое попалось под руку. А то, что Кери был вполне одет, хотя убийство произошло в два часа ночи, наводит на мысль, что у него было свидание с убийцей. Об этом говорит и то, что на столе оказалась бутылка рома и два грязных стакана.

– Да, – сказал Холмс, – пожалуй, оба ваши вывода можно принять. А что, в комнате нашлись и другие спиртные напитки?

– Да, на сундуке был поднос; там стояли графины с коньяком и виски. Но это не имеет значения. Ведь графины были полны, значит, к ним не притрагивались.

– Все равно их присутствие имеет некоторое значение, – сказал Холмс. – Какие же еще предметы, по-вашему, имеют отношение к делу?

– На столе лежал тот табачный кисет.

– Где именно?

– На самой средине стола. Он сделан из грубой и жесткой тюленьей кожи и завязан кожаным ремешком. Внутри него буквы «П. К.». В кисете было примерно с пол-унции крепкого табака, какой курят моряки.

– Прекрасно. А еще?

Стэнли Хопкинс вытащил из кармана записную книжку в желтовато-сером переплете. Переплет ее был шероховат и потрепан, а странички пожелтели и выцвели. На первой странице значились инициалы «Д. Х. Н.» и дата «1883».

Холмс положил книжку на стол и начал разглядывать ее со свойственной ему тщательностью, в то время как Хопкинс и я смотрели из-за его плеча. На второй странице мы увидели буквы «К. Т. Ж.», дальше на двух-трех страничках – сплошные цифры. На иных страничках были слова: «Аргентина», «Коста-Рика», «Сан-Пауло», и снова столбцы цифр и каких-то значков.

– Что вы думаете об этих записях? – спросил Холмс.

– По-видимому, это опись биржевых акций. Я считаю, что «Д. Х. Н.» – инициалы маклера, а «К. Т. Ж.», возможно, его клиент.

– Или «Канадская Тихоокеанская железная дорога», – сказал Холмс.

Стэнли Хопкинс пробормотал проклятье и стукнул себя кулаком по ноге.

– Какой я дурак! – вскричал он. – Конечно, вы совершенно правы. Теперь нам остается расшифровать значение букв «Д. Х. Н.». Я уже просмотрел старые биржевые реестры за 1883 год и не нашел ни одного биржевого маклера с такими инициалами. И все же я на верном пути. Ведь правда же, мистер Холмс, вполне возможно, что это инициалы того человека, который приходил ночью к капитану, то есть иными словами, убийцы? А эта книжечка, в которой перечислено так много ценных бумаг, может быть, раскроет нам мотивы преступления.

По лицу Холмса было видно, что он захвачен врасплох этим новым открытием.

– Я должен признать справедливость ваших выводов, – сказал он. – Пожалуй, эта книжка, о которой ничего не сказано в протоколе следствия, несколько меняет мои предположения. В обоснованной версии этого преступления для нее нет места. А вы пытались разыскать владельцев ценных бумаг, упомянутых здесь?

– Да. Я обратился в разные конторы с запросами, но ведь это акции южноамериканских предприятий. Боюсь, что получу ответ лишь через несколько недель.

Холмс продолжал рассматривать переплет книжки в увеличительное стекло.

– Тут, несомненно, пятно, – сказал он.

– Да, сэр, это следы крови. Я ведь сказал, что поднял книжку с пола.

– Кровавое пятно было сверху или снизу?

– На стороне, прилегавшей к полу.

– Значит, книжка упала на пол уже после убийства.

– Правильно, мистер Холмс. Я думаю, что убийца уронил ее при поспешном бегстве. Она лежала у самой двери.

– Вероятно, ни одной из этих ценных бумаг не было найдено среди имущества покойного?

– Нет, сэр.

– Есть у вас основания предполагать ограбление?

– Нет, сэр. По-видимому, ничего не было похищено.

– Черт возьми, какой интересный случай! Там был еще нож, не так ли?

– Нож остался в ножнах, его не успели вынуть. Он лежал у ног убитого. Миссис Кери говорит, что это нож ее мужа.

Холмс задумался.

– Ладно, – сказал он. – Полагаю, мне придется съездить туда и посмотреть.

Стэнли Хопкинс вскрикнул от радости:

– Благодарю вас, сэр! Это снимет с меня тяжкое бремя.

Холмс погрозил пальцем инспектору.

– Все было бы гораздо проще неделю назад, – сказал он. – Но даже и сейчас моя поездка может принести пользу. Уотсон, если вы ничем не заняты, я был бы очень рад съездить вместе с вами. Вызовите карету, Хопкинс, мы отправимся в Форест-Роу через четверть часа.

Сойдя с поезда на маленькой станции, мы ехали еще несколько миль по перелескам, уцелевшим от того огромного дремучего бора, который некогда сдерживал вторжение саксов; этот неприступный край в течение шестидесяти лет служил бастионом Британии. Обширные уча-

стки его были вырублены, потому что здесь возникли первые в стране чугуноплавильные заводы, а для плавки руды понадобился лес. Теперь промышленность переместилась в более богатые районы Севера, и только эти поредевшие рощи и огромные борозды на земле напоминали о прошлом. В прогалине на зеленом склоне холма стоял длинный дом из необтесанного камня; к дому вела извилистая дорожка, мелькавшая среди полей. Ближе к дороге, окруженный с трех сторон кустами, находился маленький флигель, обращенный к нам окном и дверью. Здесь-то и произошло убийство.

Стэнли Хопкинс сначала повел нас в дом, где представил угрюмой седой женщине – вдове убитого. Изможденное лицо, глубокие морщины и полный ужаса взгляд запавших глаз с покрасневшими веками говорили о том, что она перенесла годы страданий и горьких обид. Ее дочь, бледная белокурая девушка, вызывающе сверкая глазами, заявила, что она радуется смерти отца и благословляет руку, нанесшую ему смертельный удар.

Питер Кери создал в доме страшную, удручающую обстановку, и нам стало легче, когда мы снова очутились на солнечном свете и пошли по тропинке, протоптанной через поле покойным капитаном.

Флигель оказался простейшей деревянной постройкой с легкой кровлей и двумя окнами: одно находилось подле двери, а другое в противоположной стене. Стэнли Хопкинс вынул ключ из кармана и нагнулся к замку: вдруг он остановился, и на его лице отразилось напряженное внимание и удивление.

– Замок хотели взломать, – сказал он.

В этом не приходилось сомневаться. Дверь была поцарапана, и белые царапины отчетливо выделялись на краске, как будто их только что нанесли. Холмс осмотрел окно.

– И окно кто-то пробовал открыть, но не смог. Видно, неопытный взломщик.

– Это очень странно, – сказал инспектор. – Могу поклясться, что вчера вечером этих царапин не было.

– Может, приходил из деревни какой-нибудь любопытный простак? – предположил я.

– Нет, не похоже. Мало кто решится ступить на двор усадьбы, а уж взломать «каюту» – таких смельчаков нет. А вы что думаете, мистер Холмс?

– Я думаю, что нам повезло.

– Вы полагаете, этот человек придет снова?

– Очень возможно. Он попробовал открыть дверь крохотным перочинным ножом. Это не удалось. Что ему остается теперь?

– Вернуться следующей ночью с более подходящим инструментом.

– Правильно. Глупо будет, если мы не подкараулим его. А пока разрешите мне осмотреть «каюту» внутри.

Следы трагедии были уже уничтожены, но мебель в маленькой комнате все еще стояла так же, как и в ночь убийства. В течение двух часов Холмс с огромным вниманием осматривал поочередно каждый предмет, но по его лицу было видно, что поиски безуспешны. Только раз он прервал свое кропотливое исследование:

– Вы брали что-нибудь с этой полки, Хопкинс?

– Нет, я не трогал ничего.

– Здесь что-то взято: в этом углу полки пыли меньше. Возможно, тут лежала книга, а может быть, коробка… Пожалуй, больше мне здесь делать нечего. Пойдемте погуляем в этих чудесных рощах, Уотсон, полюбуемся на птиц и на цветы. Мы встретимся с вами здесь попозже, Хопкинс: не удастся ли нам поближе познакомиться с джентльменом, который заходил сюда нынче ночью.

В двенадцатом часу ночи мы устроили засаду. Хопкинс хотел оставить дверь хижины открытой, но Холмс побоялся, что это спугнет незнакомца. Замок был настолько несложен, что его можно было открыть любым достаточно крепким ножом. Холмс предложил также, чтобы мы засели не внутри хижины, а снаружи, в кустах, которые росли под вторым окном. Таким образом нам удалось бы проследить за этим человеком, если он зажжет свет, и разузнать цель его прихода.

Наступило долгое мучительное ожидание; нервная дрожь охватила нас. Так дрожит охотник, подстерегая у водопоя томимого жаждой зверя. Какой хищник подкрадется сюда из темноты? Лютый тигр, которого можно одолеть только в тяжкой борьбе с его сверкающими клыками и когтями, или трусливый шакал, опасный лишь для слабых и беззащитных?

В полном молчании мы притаились в кустах. Сначала до нас доносились шаги запоздалых прохожих и голоса из деревни, но мало-помалу эти звуки замерли. Наконец наступила полная тишина. Только бой часов на далекой церкви извещал нас о том, что время идет, да мелкий дождь шуршал и шептал в той листве, которая служила нам кровом.

Пробило половину третьего: наступил самый темный предрассветный час. Внезапно мы вздрогнули, услышав тихий, но отчетливый скрип калитки. По дорожке кто-то шел. Потом снова наступила долгая тишина. Я уже подумал, что это ложная тревога, как вдруг позади, за хижиной, послышались осторожные шаги, а через мгновение – лязг и шум металла. Человек пытался взломать замок! На этот раз он действовал более умело или инструмент у него был получше – вскоре послышался треск, и дверные петли заскрипели. Затем чиркнула спичка, и в следующее мгновение ровный свет свечи озарил внутренность хижины. Сквозь тонкие занавески мы увидели все, что происходило внутри.

Ночной посетитель был худощавый, болезненного вида молодой человек. Черные усики оттеняли мертвенную бледность его лица. Ему, наверно, было немногим больше двадцати лет. Я еще ни разу не видел человека, находившегося в таком жалком состоянии: зубы у него стучали от страха, он дрожал всем телом. Он был одет как джентльмен: норфолкская куртка, короткие спортивные штаны, на голове суконное кепи. Мы видели, как он испуганно озирался по сторонам. Затем он поставил свечу на стол и исчез в одном из углов. Оттуда он возвратился с большой книгой – с одним из тех судовых журналов, целая кипа которых стояла на полке. Наклонившись над столом, он быстро перелистывал страницы, пока не наткнулся на запись, которую искал. Тогда он гневно ударил кулаком по журналу, поставил его на место и потушил свет.

Не успел он повернуться к выходу, как Хопкинс схватил его за воротник. Я услышал громкий крик ужаса:

взломщик понял, что его поймали. Свечу снова зажгли. Несчастный пленник дрожал и корчился в объятиях сыщика.

– Ну, милейший, – сказал Стэнли Хопкинс, – кто же вы такой и что вам здесь нужно?

Юноша овладел собой и старался казаться спокойным.

– Вы, наверно, сыщик? – спросил он. – И думаете, что я имею отношение к смерти капитана Питера Кери? Уверяю вас, я к этому непричастен.

– Это будет видно, – сказал Хопкинс. – Прежде всего, как вас зовут?

– Джон Холпи Нелиган.

Я заметил, как Холмс и Хопкинс обменялись взглядом.

– Что вы тут делаете?

– Могу я надеяться, что вы не выдадите моей тайны?

– Непременно выдадим. Еще бы!

– В таком случае, какой же мне резон говорить?

– Если вы не скажете, вам плохо придется на суде.

Юноша содрогнулся.

– Ну что же, скажу, – промолвил он. – Почему бы и не сказать? Но как мне отвратительна мысль, что это старое позорное дело снова всплывет на поверхность! Вы когда-нибудь слышали о Даусоне и Нелигане?

По лицу Хопкинса я понял, что ему ничего не известно об этом, но Холмс встрепенулся и сказал:

– Вы имеете в виду владельцев Западного банка? Они обанкротились на миллион, разорили половину Корнуэльского графства, и Нелиган исчез.

– Совершенно верно. Нелиган – мой отец.

Наконец-то вскрылось нечто определенное. Но все же

целая пропасть лежала между сбежавшим банкиром и капитаном Питером Кери, которого пригвоздил к стене его же собственный гарпун. И мы внимательно продолжали слушать рассказ молодого человека.

– Банкротство фактически коснулось только моего отца. Даусон удалился от дел раньше. Мне в то время исполнилось всего десять лет, но я был достаточно взрослый и чувствовал весь позор и ужас того, что случилось. Люди говорили, будто мой отец украл все ценные бумаги и сбежал. Это неправда. Отец твердо верил, что если ему дадут время реализовать их, все обойдется и он полностью расплатится со всеми вкладчиками. Он отплыл в Норвегию на маленькой яхте, как раз перед тем, как был отдан приказ об его аресте. Я помню последнюю ночь, когда он прощался с моей матерью. Он оставил нам опись тех ценных бумаг, которые взял с собой. Он клялся, что восстановит свое доброе имя и что ни один из его доверителей не пострадает. С тех пор мы больше не слыхали о нем. И яхта и он исчезли. Мы с матерью были убеждены, что он покоится на дне морском. Есть у нас один верный друг, человек с деловыми связями, вот он-то недавно и узнал, что некоторые ценные бумаги, бывшие у отца, снова появились на Лондонском рынке. Можете себе представить наше изумление! Я потратил несколько месяцев на то, чтобы проследить их путь, испытал множество неудач и наконец установил, что продавал их капитан Питер Кери, владелец этой лачуги.

Естественно, я стал наводить справки о нем. Я узнал, что он командовал китобойным судном, которое возвращалось из полярных морей как раз в то время, когда мой отец следовал в Норвегию. Осень тогда была ненастная, на

море бушевали штормы. Отцовскую яхту, вероятно, отнесло на север, где ее и встретил корабль капитана Питера Кери. Если это так, то куда же исчез мой отец? Во всяком случае, если бы Питер Кери помог мне выяснить, как эти ценные бумаги попали на рынок, я доказал бы, что мой отец не продавал их и что он взял их с собой без всякой корыстной цели.

Я приехал в Суссекс, чтобы повидать капитана, но как раз в это время он погиб страшной смертью. В протоколе следствия я прочитал описание его «каюты». Упоминалось, между прочим, что там старые судовые журналы его корабля. Мне пришло в голову, что если бы мне посчастливилось прочитать в одном из этих журналов, что происходило в августе 1883 года на борту «Морского единорога», я узнал бы загадочную судьбу моего отца. Прошлой ночью я попытался добраться до этих журналов, но не мог открыть дверь. Сегодня моя попытка была успешнее, но обнаружилось, что страницы, относящиеся к этому месяцу, вырваны. Тут-то вы меня и схватили.

– Это все? – спросил Хопкинс.

– Да, все. – Глаза юноши забегали при этих словах.

– Вам больше нечего сказать?

Он колебался:

– Нечего.

– Вы здесь не были до вчерашней ночи?

– Нет.

– А как же вы объясните вот это? – вскричал Хопкинс, протягивая ему злосчастную записную книжку с инициалами нашего пленника на первой странице и кровавым пятном на переплете.

Несчастный пал духом. Он закрыл лицо руками и вновь задрожал.

– Откуда же вы взяли ее? – простонал он. – А я и не знал… Я думал, что потерял ее в отеле.

– Довольно! – сурово произнес Хопкинс. – Если вам есть еще что сказать, вы скажете на суде. А теперь вы пойдете со мной в полицию… Ну, мистер Холмс, я весьма признателен вам и вашему другу за то, что вы пришли сюда помочь мне. Как выяснилось, в вашем присутствии не было надобности. Я довел бы дело до конца и без вас, но тем не менее я вам очень благодарен. Для вас оставлены комнаты в отеле «Брэмблтай», и мы можем идти в деревню вместе.

– Ну, Уотсон, каково же ваше мнение обо всем этом? – спросил Холмс, когда на следующее утро мы ехали обратно.

– Я вижу, что вы не удовлетворены.

– О нет, мой дорогой Уотсон, я совершенно удовлетворен. Но в то же время не могу похвалить Стэнли Хопкинса. Его методы никуда не годятся. Я разочаровался в нем. Я ожидал от него большего. Всегда возможно второе решение задачи, и надо искать его. Это первое правило уголовного следствия.

– Какое же здесь возможно второе решение?

– То, которое лежит в основе моего собственного расследования. Может статься, оно ничего и не даст, не могу сказать, но пройду этот путь до конца.

На Бейкер-стрит Холмса ожидало несколько писем. Он схватил одно из них, вскрыл и торжествующе рассмеялся.

– Чудесно, Уотсон! Второе решение назревает. У вас

есть телеграфные бланки? Напишите для меня парочку телеграмм: «Самнеру, пароходному агенту, Рэтклифф-хайвей. Пришлите трех человек, отправка завтра десять утра. Бэзил». Это мое имя в тех кругах. Вторая: «Инспектору Стэнли Хопкинсу. Лорд-стрит, 46, Брикстон. Приезжайте завтра девять тридцать завтракать. Важно. Телеграфируйте, если не можете приехать. Шерлок Холмс»… Так вот, Уотсон, эта чертовщина преследовала меня целых десять дней, теперь я хочу развязаться с ней. Завтра, надеюсь, мы покончим с этим делом – и уже навсегда.

Точно в указанный час появился инспектор Стэнли Хопкинс, и мы все уселись за великолепный завтрак, который приготовила миссис Хадсон. Молодой сыщик был в восторге от своей удачи.

– Так вы в самом деле уверены, что ваше объяснение правильно? – обратился к нему Холмс.

– Еще бы! Случай совершенно ясный.

– А по-моему, это дело еще не закончено.

– Вы удивляете меня, мистер Холмс! Чего же еще можно требовать?

– Разве ваше объяснение охватывает все стороны дела?

– Несомненно. Я узнал, что молодой Нелиган прибыл в отель «Брэмблтай» в день, когда было совершено преступление. Он приехал якобы для игры в гольф. Его комната находилась на первом этаже, и он мог уйти, когда ему вздумается. В ту самую ночь он пошел в Вудменс-Ли, встретился в хижине с Питером Кери, повздорил с ним и убил его гарпуном. Затем, ужаснувшись делом рук своих, он убежал из хижины и обронил записную книжку. Принес

он ее потому, что хотел расспросить Питера Кери насчет этих ценных бумаг. Вы, наверно, заметили, что некоторые из них в списке отмечены крестиками? Это те, что проданы на Лондонском рынке. Но большинство их, очевидно, находилось еще у Кери. Молодой Нелиган, по его признанию, мечтал овладеть ими, чтобы выплатить долги отца. Некоторое время после убийства он не отваживался подходить к хижине, но наконец решился, чтобы раздобыть нужные ему сведения. Просто и ясно, не правда ли?

Холмс улыбнулся и покачал головой.

– Я вижу в вашей версии один недостаток, Хопкинс: она абсолютно неправдоподобна. Вы пробовали проткнуть гарпуном тело? Нет? Так вот, дорогой сэр, вам придется обратить особое внимание на эту деталь. Мой друг Уотсон мог бы рассказать вам, как я упражнялся в этом целое утро. Это не так-то легко, тут нужна сильная и натренированная рука. А удар капитану был нанесен с такой силой, что гарпун глубоко вонзился в стену, пройдя его тело насквозь. Можно ли предположить, что этот хилый юноша способен нанести такой страшный удар? И что это именно он – тот человек, который глубокой ночью пил ром с Черным Питером? И что это именно его профиль видели на занавеске за два дня до того? Нет, нет, Хопкинс, придется нам поискать кое-кого пострашнее.

Во время речи Холмса лицо сыщика все больше и больше вытягивалось. Его расчеты и надежды рушились, но он не сдавался без борьбы.

– Вы не можете отрицать, мистер Холмс, что Нелиган был там в ту ночь. Явное доказательство этого – книжка. По-моему, для суда этих данных достаточно, пусть даже в

них и есть, по-вашему, слабое место. А самое главное, мистер Холмс, что мой преступник уже задержан. А вашего «человека пострашнее» я что-то не вижу.

– Я склонен думать, что он сейчас поднимается по нашей лестнице, – спокойно ответил Холмс. – Мне кажется, Уотсон, вам лучше держать этот револьвер под рукой. – Холмс встал и положил исписанный лист бумаги на столик, стоявший поблизости.

– Теперь мы готовы, – добавил он.

Послышались грубые голоса, а затем миссис Хадсон открыла дверь и сказала, что трое мужчин спрашивают капитана Бэзила.

– Впустите их по одному, – сказал Холмс.

Первым вошел маленький, круглый человечек с румяными щеками и пышными седыми бакенбардами. Холмс вытащил из кармана письмо.

– Ваше имя? – спросил он.

– Джеймс Ланкастер.

– Мне очень жаль, Ланкастер, но место уже занято. Вот вам полсоверена за беспокойство. Пройдите в ту комнату и подождите несколько минут.

Второй был высокий высохший человек с гладкими волосами и болезненным цветом лица. Его звали Хью Пэттино. Он также получил отказ, полсоверена и приказание ждать.

У третьего посетителя была примечательная внешность. Его свирепое, бульдожье лицо обросло взъерошенными волосами и бородой, а из-под жестких, густо нависших бровей сверкали смелые темные глаза. Он поздоровался и стоял в позе моряка, теребя в руках свою кепку.

– Ваше имя? – спросил Холмс.

– Патрик Кэрнс.

– Гарпунщик?

– Да, сэр. Двадцать шесть рейсов.

– Из Данди, кажется?

– Да, сэр.

– Согласны пойти с экспедиционным судном?

– Да, сэр. Жалованье?

– Восемь фунтов в месяц. Могли бы отправиться немедленно?

– Как только получу снаряжение.

– Бумаги при вас?

– Да, сэр.

Он вытащил из кармана связку потрепанных и засаленных документов. Холмс просмотрел их и возвратил ему.

– Как раз такой человек мне и нужен, – сказал он. – Вот контракт на этом столе. Подпишите его, и дело с. концом.

Моряк вразвалку прошел по комнате и взялся за перо.

– Здесь подписать? – спросил он, нагнувшись к столу.

Холмс склонился над его плечом и протянул руки поверх его шеи.

– Теперь все в порядке, – сказал он.

Я услышал лязг стали и рев разъяренного быка. В ту же минуту Холмс и моряк, сцепившись, покатились по полу. Моряк обладал гигантской силой: даже в наручниках, которые Холмс так ловко надел ему на руки, он мог бы одолеть моего друга. Но мы с Хопкинсом бросились на помощь. И только когда холодное дуло револьвера прижалась к его виску, он наконец понял, что сопротивление бесполезно. Мы связали ему ноги веревкой и подняли с полу, задыхаясь от борьбы.

– Я должен извиниться перед вами, Хопкинс, – сказал Шерлок Холмс, – яйца всмятку, боюсь, уже холодные. Но, я думаю, такой успешный конец следствия придаст вам аппетит?

Стэнли Хопкинс онемел от изумления.

– Что тут скажешь, мистер Холмс! – наконец выпалил он, мучительно покраснев. – Видно, я с самого начала свалял дурака. Нельзя было ни на минуту забывать, что вы учитель, а я – всего лишь ученик. Даже теперь, видя вашу работу, я все-таки не пойму, как вы это проделали и что это значит.

– Ладно, ладно, – добродушно сказал Холмс, – мы все учимся на своих ошибках. Вот теперь вы уже твердо запомните, что нельзя упускать из виду второе решение. Вы были так поглощены молодым Нелиганом, что даже не вспомнили о Патрике Кэрнсе. А ведь он-то и есть убийца Питера Кери.

Хриплый голос моряка перебил его:

– Послушайте, мистер! Я не жалуюсь, что вы так грубо обошлись со мной, но надо все-таки называть вещи своими именами. Вы говорите: «убийца Питера Кери». А вот я заявляю, что был вынужден убить его. Это далеко не одно и то же. Может, вы не поверите? Может, вы думаете, я плету небылицы?

– Совсем нет, – ответил Холмс. – Мы охотно выслушаем все, что вы хотите сказать.

– Я буду говорить недолго, и, клянусь богом, каждое мое слово – правда. Я знал Черного Питера, и когда он взялся за нож, я схватил гарпун, потому что понимал, что только одному из нас быть в живых. Вот так он и умер.

Может, это и называется убийством. Мне все равно, как умирать, только мне больше нравится испустить дух с веревкой на шее, чем с ножом Черного Питера в сердце.

– Как вы очутились в его доме? – спросил Холмс.

– Я расскажу все по порядку. Только дайте я сяду, так легче будет говорить. Эта история началась в августе 1883 года. Питер Кери был хозяином «Морского единорога», а я у него – запасным гарпунщиком. Мы выбрались из торосистых льдов и шли домой. Встречный ветер трепал нас, а шторм не унимался целую неделю. Вдруг натыкаемся на маленькое суденышко: оно дрейфует на север. Всего экипажа один человек, да и тот не моряк. Остальные, бывшие в этом суденышке, решили, что оно пойдет ко дну, уселись в шлюпку и пошли к норвежскому берегу. И должно быть, все до одного потонули. Так вот, мы этого человека взяли к себе на судно. Они с капитаном долго толковали в каюте. Весь его багаж, принятый к нам на борт, состоял из одной жестяной коробки. Насколько мне известно, имени этого человека ни разу никто не назвал. На вторую же ночь он исчез, будто его и вовсе не бывало. Болтали, будто он или сам бросился в воду, или упал за борт – в ту ночь разыгралась сильная буря. Только один человек знал, что с ним случилось, – это был я. Потому что в глухую темную ночь, за два дня до того, как мы миновали маяки Шотландских островов, я собственными глазами видел, как капитан схватил его за ноги и сбросил в море.

Я никому не сболтнул ни слова. Думаю – посмотрю, что будет дальше. Пришли мы в Шотландию. Дела этого никто не поминал, да никто ни о чем и не спрашивал. Погиб человек случайно, и никому это не интересно. Вскоре Питер

Кери вышел в отставку, и только спустя много лет мне удалось узнать, где он поселился. Я сообразил, что он взял грех на душу ради той жестяной коробки. Ну, думаю, теперь он мне заплатит как следует, чтобы я держал язык за зубами, От одного моряка, который встретил его в Лондоне, я узнал, что он живет здесь, и приехал, чтобы выжать из него кое-что. В первую ночь он держался благоразумно: пообещал мне такую сумму, что я на всю жизнь был бы избавлен от моря. Окончательно договориться мы должны были через две ночи. Я пришел – вижу, он уже пьян и настроение у него самое гнусное. Мы сели, выпили, поговорили о старых временах. Чем больше он пил, тем меньше мне нравилось выражение его лица. Я заметил гарпун на стене: пожалуй, думаю, он мне понадобится. А того наконец прорвало: ухватил он большой складной нож и полез на меня, изрыгая слюну и ругань. Я по всему видел, что он готов на убийство. Но не успел он раскрыть нож, как я пригвоздил его гарпуном к стене. Боже, как он заревел! Его лицо до сих пор не дает мне уснуть… Кровь лилась ручьем, а я стоял и ждал. Но кругом было тихо, и я успокоился. Огляделся – вижу: на полке жестяная коробка. У меня на нее такое же право, как у Питера Кери, поэтому я взял ее и вышел из хижины. И сдуру забыл на столе свой кисет.

А теперь я расскажу вам самую диковинную часть этой истории. Только я выбрался на воздух, как вдруг слышу чьи-то шаги. Я засел в кустах. Смотрю, к хижине пробирается человек. Вошел в нее, закричал, как полоумный, и пустился бежать со всех ног, пока не пропал из виду. А я всех перехитрил: прошагал десять миль пешком, в Танбридж-Уэллсе сел на поезд и приехал в Лондон.

Когда я раскрыл коробку, оказалось, что в ней ни гроша. Ничего там не было, кроме бумаг, которые я не решился продать. Я потерял власть над Черным Питером и очутился на мели в Лондоне без единого шиллинга. У меня оставалось только мое ремесло. Я увидел эти объявления о гарпунщиках и большом жалованье и отправился к морским агентам, а они послали меня сюда. Вот все, что мне известно. И хоть я прикончил Черного Питера, но правосудие должно благодарить меня – я сэкономил правительству расход на пеньковую веревку.

– Весьма убедительные показания, – сказал Холмс, вставая и закуривая трубку. – Я думаю, Хопкинс, вам следует, не теряя времени, препроводить арестованного в более надежное место. Эта комната не совсем пригодна под камеру, мистер Патрик Кэрнс занимает слишком много места на нашем ковре.

– Не знаю, как и благодарить вас, мистер Холмс, – сказал Хопкинс. – До сих пор я не понимаю, как вы достигли такого успеха.

– Просто я с самого начала ухватился за верную нить. Знай я раньше о записной книжке, она, может быть, так же сбила бы меня с толку, как и вас. Но все, что я слышал об этом деле, вело только в одном направления. Огромная силища, уменье пользоваться гарпуном, бутылка рома, кисет из тюленьей кожи с крепким табаком – все это указывало на моряка, причем на китобоя. Я был убежден, что инициалы «П. К.» – простое совпадение. Кисет не принадлежал Питеру Кери, потому что тот редко курил и в его «каюте» не нашли трубки. Вы помните, я спрашивал, были

ли в «каюте» виски и коньяк. Вы ответили, что были. Но кто, кроме моряка, станет пить ром, когда под рукой есть коньяк или виски? Да, я был уверен, что это моряк.

– А как вы отыскали его?

– Мой дорогой сэр, ведь это же очень просто. Моряк мог быть только из числа тех, кто плавал вместе с Кери на «Морском единороге». Насколько мне было известно, капитан на другом судне не плавал. Я затратил три дня на телеграммы в Данди, чтобы установить имена команды «Морского единорога» в 1883 году. Когда я узнал, что в числе гарпунщиков был Патрик Кэрнс, мои расследования почти закончились. Я считал, что этот человек находится, вероятно, в Лондоне и не прочь на некоторое время покинуть Англию. Поэтому я провел несколько дней в Ист-Энде, выдумал арктическую экспедицию, предложил заманчивые условия для гарпунщиков, которые будут служить под командой капитана Бэзила, – и вот результат.

– Замечательно! – воскликнул Хопкинс. – Просто замечательно!

– Вы должны как можно скорее добиться освобождения молодого Нелигана, – сказал Холмс. – Думаю, вам следует извиниться перед ним. Жестяную коробку надо ему возвратить, но, конечно, те ценные бумаги, что проданы Питером Кери, уже пропали навсегда… Вот и кэб, Хопкинс, вы можете увезти этого человека. Если мое присутствие понадобится на суде, дайте нам знать в Норвегию. Точный адрес я сообщу вам позже.

УБИЙСТВО В ЭББИ-ГРЕЙНДЖ

В холодное, морозное утро зимы 1897 года я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Холмс. Свеча в его руке озаряла взволнованное лицо моего друга, и я сразу же понял: случилось что-то неладное.

– Вставайте, Уотсон, вставайте! – говорил он. – Игра началась. Ни слова. Одевайтесь, и едем!

Через десять минут мы оба сидели в кэбе и мчались с грохотом по тихим улицам к вокзалу Черинг-кросс. Едва забрезжил робкий зимний рассвет, и в молочном лондонском тумане смутно виднелись редкие фигуры спешивших на работу мастеровых. Холмс, укутавшись в свое теплое пальто, молчал, и я последовал его примеру, потому что было очень холодно, а мы оба выехали натощак. И только выпив на вокзале горячего чаю и усевшись в кентский поезд, мы настолько оттаяли, что он мог говорить, а я слушать. Холмс вынул из кармана записку и прочитал ее вслух:

«Эбби-Грейндж, Маршем, Кент, 3.30 утра.

Мой дорогой м-р Холмс! Буду очень рад, если Вы немедленно окажете мне содействие в деле, которое обещает быть весьма замечательным. Это нечто в Вашем вкусе. Леди придется выпустить, все остальное постараюсь сохранить в первоначальном виде. Но, прошу вас, не теряйте ни минуты, потому что трудно будет оставить здесь сэра Юстаса.

Преданный вам Стэнли Хопкинс»

– Хопкинс вызывал меня семь раз, и во всех случаях его

приглашение оправдывалось, – сказал Холмс. – Если не ошибаюсь, все эти дела вошли в вашу коллекцию, а я должен признать, Уотсон, что у вас есть умение отбирать самое интересное. Это в значительной степени искупает то, что мне так не нравится в ваших сочинениях. Ваша несчастная привычка подходить ко всему с точки зрения писателя, а не ученого, погубила многое, что могло стать классическим образцом научного расследования. Вы только слегка касаетесь самой тонкой и деликатной части моей работы, останавливаясь на сенсационных деталях, которые могут увлечь читателя, но ничему не научат.

– А почему бы вам самому не писать эти рассказы? – сказал я с некоторой запальчивостью.

– И буду писать, мой дорогой Уотсон, непременно буду. Сейчас, как видите, я очень занят, а на склоне лет я собираюсь написать руководство, в котором сосредоточится все искусство раскрытия преступлений. Хопкинс, по-моему, нас вызвал сегодня по поводу убийства.

– Вы думаете, стало быть, что этот сэр Юстас мертв?

– Да. По записке видно, что Хопкинс сильно взволнован, а он не тот человек, которого легко взволновать. Да, я думаю, что это убийство и тело оставлено, чтобы мы могли его осмотреть. Из-за обыкновенного самоубийства Хопкинс не послал бы за мной. Слова «леди придется выпустить» означают, вероятно, что, пока разыгрывалась трагедия, она была где-то заперта. Мы переносимся в высший свет, Уотсон. Дорогая, хрустящая бумага, монограмма «Ю. Б.», герб, пышный титул. Полагаю, что наш друг Хопкинс оправдает свою репутацию и сегодня утром мы не будем скучать. Преступление было совершено до полуночи.

– Из чего вы это могли заключить?

– Из расписания поездов и из подсчета времени. Надо было вызвать местную полицию, она снеслась со Скотланд-Ярдом. Хопкинс должен был туда приехать и, в свою очередь, послать за мной. Этого хватает как раз на целую ночь. Впрочем, вот уже и Чизилхерст, и скоро все наши сомнения разъяснятся.

Проехав несколько миль по узким деревенским дорогам, мы добрались до ворот парка, которые распахнул перед нами старый привратник; его мрачное лицо говорило о недавно пережитом большом потрясении. Через великолепный парк между двумя рядами старых вязов шла аллея, заканчиваясь у невысокого, вытянутого в длину дома с колоннами в стиле Палладио по фасаду. Центральная часть здания была, несомненно, очень древней постройки и вся увита плющом; но большие широкие окна говорили о том, что ее коснулись современные усовершенствования, а одно крыло было по всем признакам совсем новое. У входа в открытых дверях мы увидели стройную молодую фигуру инспектора Стэнли Хопкинса и его возбужденное, встревоженное лицо.

– Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс. И вы тоже, доктор Уотсон. Но, право, если бы я мог начать все сначала, я бы не стал беспокоить вас. Как только леди пришла в себя, она дала такие ясные показания, что теперь уже дело за немногим. Помните луишемскую банду взломщиков?

– Троих Рэндолов?

– Именно. Отец и два сына. Это их работа. У меня нет сомнений на этот счет. Две недели назад они поработали в

Сайденхэме, их там видели, и у нас теперь есть описание их наружности. Какая дерзость? Двух недель не прошло – и вот вам новое преступление. И в одном районе. Но это они, никакого сомнения, они. На этот раз от виселицы им не уйти.

– Сэр Юстас, значит, мертв?

– Да. Они проломили ему голову кочергой от его же собственного камина.

– Сэр Юстас Брэкенстолл, как сообщил нам кучер?

– Да, он. Один из самых богатых людей в Кенте. Леди Брэкенстолл сейчас в гостиной. Бедная, что ей пришлось пережить! Она была почти мертва, когда я впервые увидел ее. Вам лучше всего, я думаю, пойти к ней и послушать рассказ обо всем этом из ее собственных уст. Потом мы вместе осмотрим столовую.

Леди Брэкенстолл оказалась женщиной необыкновенной. Редко приходилось мне видеть такую изящную фигуру, такие женственные манеры и такое прекрасное лицо. Она была блондинка с золотистыми волосами, голубыми глазами и, должно быть, восхитительным цветом лица, которое от недавних переживаний было сейчас очень бледным и измученным. На ее долю выпали не только моральные страдания, но и физическое: над одним глазом у нее набух большой багровый кровоподтек, который ее горничная – высокая строгая женщина – усердно смачивала водой с уксусом. Леди лежала на кушетке в полном изнеможении, но ее быстрый, внимательный взгляд и настороженное выражение прекрасного лица показали, что страшное испытание не повлияло ни на ее разум, ни на ее самообладание. На ней был свободный, голубой с серебром

халат, но здесь же, на кушетке, позади нее, лежало черное, отделанное блестками нарядное платье.

– Я уже рассказала вам все, что произошло, мистер Хопкинс, – сказала она устало. – Не могли бы вы сами повторить мой рассказ? Впрочем, если вы считаете, что это необходимо, я расскажу сама. Они уже были в столовой?

– Я считал, что сначала им надо выслушать ваш рассказ.

– Я вздохну свободно только тогда, когда с этим ужасом будет покончено. Мне страшно подумать, что он все еще лежит там.

Она вздрогнула и на секунду закрыла лицо руками. Широкие рукава ее халата упали, обнажив руки до локтя.

– У вас есть еще ушибы, мадам? Что это? – воскликнул Холмс.

Два ярко-красных пятна проступали на белой гладкой коже руки. Она поспешила прикрыть их.

– Это ничего. Это не имеет отношения к страшным событиям минувшей ночи. Если вы и ваш друг присядете, я расскажу вам все, что знаю. Я жена сэра Юстаса Брэкенстолла. Мы поженились около года тому назад. Думаю, ни к чему скрывать, что наш брак был не из счастливых. Так скажут вам, надо думать, все соседи, даже если бы я и попыталась это отрицать. Возможно, что вина отчасти моя. Я выросла в более свободной, не скованной такими условностями обстановке Южной Австралии, и эта английская жизнь с ее строгими приличиями и чопорностью мне не по душе. Но главное в том – и это знают все, – что сэр Юстас сильно пил. Нелегко было даже час провести с таким человеком. Вообразите, что значит для чуткой и пыл-

кой молодой женщины быть с ним вместе и днем и ночью! Это святотатство, это преступление, это подлость – считать, что такой брак нерушим. Я убеждена, что эти ваши чудовищные законы навлекут проклятие на вашу страну. Небо не позволит, чтобы несправедливость торжествовала вечно.

Она на минуту привстала, щеки у нее вспыхнули, глаза заблестели. Багровый кровоподтек показался мне еще страшнее. Сильная и нежная рука ее суровой горничной опустила ее голову на подушку, и неистовая вспышка гнева разрешилась бурными рыданиями.

Наконец она заговорила опять:

– Я расскажу вам теперь о минувшей ночи. Вы уже, возможно, заметили, что все наши слуги спят в новом крыле. В центральной части дома жилые комнаты, за ними кухня и наши спальни наверху. Горничная моя Тереза спит над моей комнатой. Больше здесь нет никого, и ни один звук не доносится до тех, кто живет в пристройке. Судя по тому, как вели себя грабители, это им было известно.

Сэр Юстас удалился к себе около половины одиннадцатого. Слуги уже легли спать. Не легла только моя горничная, она ждала у себя наверху, когда я позову ее. Я сидела в этой комнате и читала. В двенадцатом часу, перед тем как подняться наверх, я пошла посмотреть, все ли в порядке. Это моя обязанность, как я уже объяснила вам, на сэра Юстаса не всегда можно было положиться. Я зашла в кухню, в буфетную к дворецкому, в оружейную, в бильярдную, в гостиную и, наконец, в столовую. Когда я подошла к дверям, задернутым плотными портьерами, я вдруг почувствовала сквозняк и поняли, что дверь открыта

настежь. Я отдернула портьеру и оказалась лицом к лицу с пожилым широкоплечим мужчиной, который только что вошел в комнату. Дверь, большая, стеклянная, так называемое французское окно, выходит на лужайку перед домом. У меня в руке была зажженная свеча, и я увидела за этим мужчиной еще двоих, которые как раз входили в дом. Я отступила, но мужчина набросился на меня, схватил сперва за руку, потом за горло. Я хотела крикнуть, но он кулаком нанес мне страшный удар по голове и свалил наземь. Вероятно, я потеряла сознание, потому что, когда через несколько минут я пришла в себя, оказалось, что они оторвали от звонка веревку и крепко привязали меня к дубовому креслу, которое стоит во главе обеденного стола. Я не могла ни крикнуть, ни шевельнуться – так крепко я была привязана, и рот у меня был завязан платком. В эту минуту в комнату вошел мой несчастный супруг. Он, должно быть, услышал какой-то подозрительный шум и ожидал увидеть нечто подобное тому, что представилось его глазам. Он был в ночной сорочке и брюках, но в руке держал свою любимую дубинку. Он бросился к одному из грабителей, но тот, которого я увидели первым, схватил из-за каминной решетки кочергу и ударил его со страшной силой по голове. Мой муж упал, даже не вскрикнув. Он был мертв. Сознание опять покинуло меня, но через несколько минут я очнулась. Открыв глаза, я увидела, что воры взяли из буфета все серебро и достали оттуда же бутылку с вином. У каждого в руке был бокал. Я уже говорила вам, что один из них был постарше, с бородой, два других – молодые парни. Возможно, это были отец и сыновья. Поговорив шепотом о чем-то, они ко мне подошли, чтобы проверить,

крепко ли я привязана. Потом они ушли, затворив за собой дверь. Мне удалось освободить рот только через четверть часа. Я закричала, крики услыхала горничная и сбежала вниз. Проснулись и другие слуги, и мы послали за полицией. Полиция немедленно связалась с Лондоном. Вот все, что я могу сказать вам, джентльмены, и надеюсь, что мне не придется еще раз повторять эту столь горестную для меня историю.

– Вы хотели бы что-то спросить, мистер Холмс? – сказал Хопкинс.

– Нет, я не хочу больше испытывать терпение леди Брэкенстолл и злоупотреблять ее временем, – сказал Холмс. – Но прежде чем пойти осматривать столовую, я был бы рад послушать ваш рассказ, – обратился он к горничной.

– Я видела этих людей еще до того, как они вошли в дом, – сказала она. – Я сидела у окна своей комнаты и вдруг увидела у сторожки привратника трех мужчин. Ночь-то была лунная. Но ничего плохого я тогда не подумала. А через час я услышала стоны моей хозяйки, бросилась вниз и нашла ее, голубушку, привязанной в этом кресле, точь-в-точь как она вам рассказывала. Хозяин лежал на полу, а комната была забрызгана мозгами и кровью. И даже у нее на платье была кровь. От этого кто угодно в обморок упадет. Но она всегда была мужественной, мисс Мэри Фрейзер из Аделаиды. И она ни капельки не изменилась, став леди Брэкенстолл из Эбби-Грейндж. Вы очень долго расспрашивали ее, джентльмены. Видите, как она устала. Старая верная Тереза отведет ее в спальню. Ей надо отдохнуть.

Эта худая, суровая женщина с материнской нежностью обняла за талию свою хозяйку и увела ее из комнаты.

– Она прожила с ней всю жизнь, – сказал Хопкинс. – Нянчила ее, когда та была маленькой. Полтора года назад они покинули Австралию и вместе приехали в Англию. Ее зовут Тереза Райт, и таких слуг вы теперь не найдете. Вот так, мистер Холмс!

Выразительное лицо Холмса стало безучастным. Я знал, для него вместе с тайной исчезает и вся привлекательность дела. Правда, оставалось еще найти и арестовать преступников. Но дело было такое заурядное, что Холмсу не стоило тратить время. Он чувствовал примерно то же, что чувствует крупный специалист, светило в медицинском мире, когда его приглашают к постели ребенка лечить корь. Но, войдя в столовую и воочию увидев картину преступления, Холмс оживился и снова почувствовал интерес к этому делу.

Столовая была большой высокой комнатой с потолком из резного дуба, с дубовыми панелями и отличным собранием оленьих рогов и старого оружия на стенах. Напротив входа в дальнем конце комнаты находилась та самая стеклянная дверь, о которой говорила леди Брэкенстолл. Справа три окна, наполнявшие комнату холодным светом зимнего солнца. По левую сторону зияла пасть большого, глубокого камина под массивной дубовой полкой. У камина стояло тяжелое дубовое кресло с подлокотниками и резьбой внизу спинки. Сквозь отверстия резьбы был продет красный шнур, концы которого были привязаны к нижней перекладине. Когда леди освободили от пут, шнур соскочил, но узлы так и остались не развязаны.

Эти детали мы заметили позже, потому что теперь все наше внимание было приковано к телу, распростертому на тигровой шкуре перед камином.

Это был высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он лежал на спине, с запрокинутым лицом и торчащей вверх короткой черной бородкой, скаля в усмешке белые зубы. Над головой были занесены стиснутые кулаки, а поверх рук лежала накрест его тяжелая дубинка. Его красивое, смуглое, орлиное лицо исказила гримаса мстительной ненависти и неистовой злобы. Он, видимо, был уже в постели, когда поднялась тревога, потому что на нем была щегольская, вышитая ночная сорочка, а из брюк торчали босые ноги. Голова была размозжена, и все в комнате говорило о дикой жестокости, с которой был нанесен удар. Рядом с ним валялась тяжелая кочерга, согнувшаяся от удара в дугу. Холмс внимательно осмотрел кочергу и нанесенную ею рану на голове.

– Видимо, этот старший Рэндол – могучий мужчина, – заметил он.

– Да, – сказал Хопкинс. – У меня есть о нем кое-какие данные. Опасный преступник.

– Вам будет нетрудно его взять.

– Конечно. Мы давно за ним следим. Ходили слухи, что он подался в Америку. А он, оказывается, здесь. Ну, теперь ему от нас не уйти. Мы уже сообщили его приметы во все морские порты, и еще до вечера будет объявлена денежная премия за поимку. Я одного не могу понять: как они решились на такое отчаянное дело, зная, что леди опишет их нам, а мы по описанию непременно их опознаем.

– В самом деле, почему им было не прикончить и леди Брэкенстолл?

– Наверное, думали, – высказал я предположение, – что она не скоро придет в себя.

– Возможно. Они видели, что она без сознания, вот и пощадили ее. А что вы можете рассказать, Хопкинс, об этом несчастном? Я как будто слышал о нем что-то не очень лестное.

– Трезвым он был неплохой человек. Но когда напивался, становился настоящим чудовищем. Точно сам дьявол вселялся в него. В такие минуты он бывал способен на все. Несмотря на титул и на богатство, он уже дважды чуть не попал к нам. Как-то облил керосином собаку и поджег ее, а собака принадлежала самой леди. Скандал едва замяли. В другой раз он бросил в горничную графин. В эту самую Терезу Райт. И с этим делом сколько было хлопот! Вообще говоря, только это между нами, без него в доме станет легче дышать… Что вы делаете. Холмс?

Холмс опустился на колени и с величайшим вниманием рассматривал узлы на красном шнуре, которым леди привязали к креслу. Затем он так же тщательно осмотрел оборванный конец шнура, который был сильно обтрепан.

– Когда за этот шнур дернули, то в кухне, надо думать, громко зазвонил звонок, – заметил он.

– Да, но услышать его никто не мог. Кухня – направо, в противоположной стороне здания.

– Откуда грабитель мог знать, что звонка не услышат? Как он решился столь неосмотрительно дернуть шнур?

– Верно, мистер Холмс, верно. Вы задаете тот же вопрос, который и я много раз задавал себе. Нет сомнения, что грабители должны были хорошо знать и самый дом и его порядки. Прежде всего они должны были знать, что все

слуги в этот сравнительно ранний час уже в постели и что ни один из них не услышит звонка. Стало быть, кто-то из слуг был их союзником. Но в доме восемь слуг, и у всех отличные рекомендации.

– При прочих равных условиях, – сказал Холмс, – можно было бы заподозрить служанку, в которую хозяин бросил графин. Но это означало бы предательство по отношению к хозяйке, а Тереза Райт безгранично предана ей. Но это – второстепенное обстоятельство. Арестовав Рэндола, вы без особого труда установите и его сообщников. Рассказ леди полностью подтверждается – если требуются подтверждения – всем тем, что мы здесь видим.

Он подошел к стеклянной двери и отворил ее.

– Никаких следов, да их и не может быть: земля твердая, как железо. Между прочим, свечи на камине горели ночью!

– Да. Именно эти свечи и свеча в спальне леди послужили грабителям ориентиром.

– Что грабители унесли?

– Совсем немного. Только полдюжины серебряных приборов из буфета. Леди Брэкенстолл думает, что, убив сэра Юстаса, они испугались и не стали дочиста грабить дом, как это было наверняка задумано.

– Пожалуй, что так. Странно только, что у них хватило духу задержаться и выпить вина.

– Нервы, видно, хотели успокоить.

– Пожалуй. К этим бокалам никто не притрагивался сегодня?

– Никто, и бутылка как стояла, так и стоит на буфете.

– Сейчас посмотрим. А это что такое?

Три бокала стояли в ряд, все со следами вина. В одном на дне темнел осадок, какой дает старое, выдержанное вино. Тут же стояла бутылка, наполненная на две трети, а рядом лежала длинная, вся пропитанная вином пробка. Эта пробка и пыль на бутылке говорили о том, что убийцы лакомились не простым вином.

Холмс вдруг на глазах переменился. Куда девалась его апатия! Взгляд стал живым и внимательным. Он взял в руки пробку и стал ее рассматривать.

– Как они вытащили ее? – спросил он.

Хопкинс кивнул на выдвинутый наполовину ящик буфета. В нем лежало несколько столовых скатертей и большой пробочник.

– Леди Брэкенстолл упоминала этот пробочник?

– Нет. Но ведь она была без сознания, когда они открывали бутылку.

– Да, действительно. Между прочим, бутылку открывали штопором из складного ножа с набором инструментов. Он был длиной не более полутора дюймов. Если присмотреться к головке пробки, то видно, что штопор ввинчивался трижды, прежде чем пробка была извлечена. И штопор ни разу не прошел насквозь. Этот длинный пробочник насквозь бы пробуравил пробку и вытащил ее с первого раза. Когда вы поймаете субъекта, непременно поищите у него складной перочинный нож с многочисленными инструментами.

– Великолепно! – воскликнул Хопкинс.

– Но эти бокалы, признаюсь, ставят меня в тупик. Леди Брэкенстолл в самом деле видела, как все трое пили вино?

– Да, видела.

– Ну, тогда не о чем говорить! А все-таки вы должны признать, Хопкинс, что эти бокалы весьма примечательны. Что? Вы ничего не замечаете? Ну хорошо, пусть. Возможно, что, когда человек развил в себе некоторые способности, вроде моих, и углубленно занимался наукой дедукции, он склонен искать сложные объяснения там, где обычно напрашиваются более простые. Эти бокалы, вероятно, ничего не значат. Всего хорошего, Хопкинс. Не вижу, чем я могу быть полезен вам. Дело как будто ясное. Сообщите мне, когда Рэндол будет арестован, и вообще о всех дальнейших событиях. Надеюсь, что скоро смогу поздравить вас с успешным завершением дела. Идемте, Уотсон. Думаю, что дома мы с большей пользой проведем время.

На обратном пути я по лицу Холмса видел, что ему не дает покоя какая-то мысль. Усилием воли он старался избавиться от ощущения какой-то несообразности и старался вести разговор так, будто все для него ясно. Но сомнения снова и снова одолевали его. Нахмуренные брови, невидящие глаза говорили о том, что его мысли опять устремились к той большой столовой в Эбби-Грейндж, где разыгралась эта полночная трагедия. И в конце концов на какой-то пригородной станции, когда поезд уже тронулся. Холмс, побежденный сомнениями, выскочил на платформу и потянул меня за собой.

– Извините меня, дорогой друг, – сказал он, когда задние вагоны нашего поезда скрылись за поворотом, – мне совестно делать вас жертвой своей прихоти, как это может показаться. Но, клянусь жизнью, я просто не могу оставить дело в таком положении. Мой опыт, моя интуиция восстают против этого. Все неправильно, готов поклясться,

что все неправильно. А между тем рассказ леди точен и ясен, в показаниях горничной нет никаких противоречий, все подробности сходятся. Что я могу противопоставить этому? Три пустых бокала, вот и все. Но если бы я подошел к делу без предвзятого мнения, если бы стал расследовать его с той тщательностью, которой требует дело de novo[38], если бы не было готовой версии, которая сразу увела нас в сторону, – неужели я не нашел бы ничего более определенного, чем эти бокалы? Конечно, нашел бы. Садитесь на эту скамью, Уотсон, подождем чизилхерстский поезд. А пока послушайте мои рассуждения. Только прошу вас – это очень важно, – пусть показания хозяйки и горничной не будут для вас непреложной истиной. Личное обаяние леди Брэкенстолл не должно мешать нашим выводам.

В ее рассказе, если к нему отнестись беспристрастно, несомненно, есть подозрительные детали. Эти взломщики совершили дерзкий налет в Сайденхэме всего две недели назад. В газетах сообщались о них кое-какие сведения, давались их приметы. И если бы кто-нибудь решил сочинить версию об ограблении, он мог бы воспользоваться этим. Подумайте, разве взломщики, только что совершившие удачный налет, пойдут на новое опасное дело, вместо того чтобы мирно радоваться удаче где-нибудь в недосягаемом месте? Далее, разве принято у грабителей действовать в столь ранний час или бить женщину, чтобы она молчала, хотя это самый верный способ заставить ее закричать? Не будут они и убивать человека, если их достаточно, чтобы справиться с ним без кровопролития. Не

[38] Здесь – дело, начатое с самого начала, новое дело.

упустят они добычи и не ограничатся пустяками, если добыча сама идет в руки. Оставить бутылку вина недопитой тоже не в правилах этих людей. Не удивляют ли вас все эти несообразности, Уотсон?

– Все вместе они производят впечатление, хотя каждая в отдельности не такая уж невозможная вещь. Самое странное в этом деле, мне кажется, то, что леди привязали к креслу.

– Мне это не кажется странным, Уотсон. Они должны были или убить ее, или сделать так, чтобы она не подняла тревоги сразу же после их ухода. Но все равно, Уотсон, разве я не убедил вас, что в рассказе леди Брэкенстолл не все заслуживает доверия? А хуже всего эти бокалы.

– Почему?

– Вы можете представить себе их?

– Могу.

– Леди Брэкенстолл говорит, что из них пили трое. Не вызывает это у вас сомнения?

– Нет. Ведь вино осталось в каждом бокале.

– Но почему-то в одном есть осадок, а в других нет… Вы, наверное, это заметили? Как вы можете объяснить это?

– Бокал, в котором осадок, был, наверное, налит последним?

– Ничего подобного. Бутылка была полная, осадок в ней на дне, так что в третьем бокале вино должно быть точно такое, как и в первых двух. Возможны только два объяснения. Первое: после того, как наполнили второй бокал, бутылку сильно взболтали, так что весь отстой оказался в третьем бокале. Но это маловероятно. Да, да, я уверен, что я прав.

– Как же вы объясняете этот осадок?

– Я думаю, что пили только из двух бокалов, а в третий слили остатки, поэтому в одном бокале есть осадок, а в двух других нет. Да, именно так и было. Но тогда ночью в столовой было два человека, а не три, и дело сразу из весьма заурядного превращается в нечто в высшей степени интересное. Выходит, что леди Брэкенстолл и ее горничная сознательно нам лгали, что нельзя верить ни одному их слову и что, видимо, у них были очень веские причины скрыть настоящего преступника. Так что нам придется восстановить обстоятельства дела самим, не рассчитывая на их помощь. Вот что нам предстоит сделать, Уотсон. А вот и чизилхерстский поезд.

Наше возвращение очень удивило всех обитателей Эбби-Грейндж. Узнав, что Стэнли Хопкинс уехал докладывать своему начальству, Шерлок Холмс завладел столовой, запер изнутри двери и два часа занимался самым подробным и тщательным изучением места преступления, чтобы на собранных фактах возвести блестящее здание неопровержимых выводов. Усевшись в углу, я, как прилежный студент на демонстрации опыта у профессора, не отрываясь следил, как подвигается это замечательное исследование. Окно, портьеры, ковер, кресло, веревка – все было внимательно изучено и о каждом предмете сделано заключение. Тело несчастного баронета уже убрали, а все остальное оставалось на своих местах. К моему удивлению. Холмс влез на дубовую каминную полку. Высоко над его головой висел обрывок красного шнура, все еще привязанный к звонку. Холмс долго смотрел вверх, потом, чтобы приблизиться к шнуру, оперся коленом на карниз стены и

протянул руку. До шнура оставалось всего несколько дюймов. Но тут его внимание привлек карниз. Осмотрев его, он, очень довольный, спрыгнул на пол.

– Все в порядке, Уотсон. Дело раскрыто. Это будет одно из самых замечательных дел в вашей коллекции. Однако, мой дорогой, до чего я был недогадлив – ведь я чуть было не совершил самой большой ошибки в моей жизни! Теперь остается восстановить только несколько недостающих звеньев. И вся цепь событий будет ясна.

– Вы уже знаете, кто эти люди?

– Это один человек, Уотсон, один! Один, но поистине грозная фигура. Силен, как лев, – вспомните удар, который погнул кочергу. Рост – шесть футов. Проворен, как белка. Очень ловкие пальцы. Умен и изобретателен. Ведь все это представление придумано им. Да, Уотсон, мы столкнулись с замечательной личностью. Но все-таки и он оставил следы. Этот шнур от звонка – ключ к решению всего дела.

– Не понимаю.

– Послушайте, Уотсон: если бы вам понадобился этот шнур и вы бы его с силой дернули, как по-вашему, где бы он оборвался? Конечно, там, где он привязан к проволоке. Почему же он оборвался гораздо ниже?

– Потому что он в этом месте протерся.

– Вот именно. И оборванный конец действительно потерт. У этого человека хватило ума подделать потертость ножом. Но другой конец наверху целый. Отсюда не видно. Но если встать на каминную полку, в этом легко убедиться. Он очень чисто срезан, и никаких потертостей там нет. Теперь уже можно восстановить ход событий. Неизвестный не стал обрывать шнур, боясь поднять тревогу. Чтобы

обрезать его, он влез на каминную полку, но этого ему показалось мало. Тогда он оперся коленом на карниз, оставив на его пыльной поверхности след, протянул руку и обрезал шнур ножом. Я не дотянулся: еще оставалось три дюйма до шнура. Из этого я заключаю, что он по крайней мере на три дюйма выше меня. А теперь взгляните на сиденье кресла. Что это?

– Кровь.

– Кровь, вне всякого сомнения. Это одно доказывает, что рассказ леди Брэкенстолл – вымысел от начала до конца. Если она сидела в этом кресле, когда совершалось преступление, откуда взялись на нем пятна крови? Нет, нет, ее посадили в кресло после того, как супруг ее был убит. Бьюсь об заклад, что и на черном платье леди есть такое же пятно. Это еще не Ватерлоо, Уотсон, но это уже Маренго. Начали с поражения, кончаем победой. А сейчас я хотел бы поговорить с этой няней Терезой. Но чтобы получить необходимые сведения, надо проявить большой такт.

Эта суровая австралийская няня оказалась очень интересной особой. Молчаливая, подозрительная, нелюбезная, она не скоро смягчилась, побежденная обходительностью Холмса и его добродушной готовностью выслушать все, что она скажет. Тереза и не пыталась скрыть свою ненависть к покойному хозяину.

– Да, сэр, это правда, что он бросил в меня графин. Он при мне выругал госпожу гадким словом, и я сказала ему, что, будь здесь ее брат, он не посмел бы так говорить. Тогда он и швырнул в меня графин. Да пусть бы он каждый день бросался графинами, лишь бы не обижал мою славную птичку. Как он терзал ее! А она была очень горда и никогда

не жаловалась. Она и мне рассказывала не все. Вы видели на ее руках ссадины? Она не говорила мне, откуда они. Но я-то знаю, что это он проткнул ей руку длинной шпилькой от шляпы. Сущий дьявол он был, а не человек, – да простит меня бог, что я так говорю о покойнике. Когда мы встретили его в первый раз полтора года назад, он прикинулся таким ласковым, ну чисто мед! А теперь нам эти полтора года кажутся вечностью. Она, моя голубушка, только что приехала в Лондон. Первый раз оторвалась от дома. Он вскружил ей голову титулом, деньгами, обманчивым лондонским блеском. Если она и совершила ошибку, то заплатила за нее слишком дорогой ценой. В каком месяце мы с ним познакомились? Вскоре после того, как приехали. Приехали мы в июне, познакомились в июле. А поженились они в январе, в прошлом году. Да, она сейчас в своей гостиной. Конечно, она поговорит с вами. Но не мучайте ее расспросами – ведь ей столько пришлось натерпеться…

Леди Брэкенстолл полулежала на той же кушетке, но вид у нее был теперь гораздо лучше. Горничная вошла вместе с нами и сразу же стала менять примочку на лбу.

– Надеюсь, – сказала леди Брэкенстолл, – вы пришли не за тем, чтобы опять меня допрашивать.

– Нет, – сказал Холмс очень мягко. – Я не причиню вам лишнего беспокойства. У меня есть одно желание – помочь вам, ибо я знаю, сколько вам пришлось выстрадать. Отнеситесь ко мне, как к другу, доверьтесь мне, и вы не раскаетесь.

– Что я должна сделать?

– Сказать мне всю правду.

– Мистер Холмс?!

– Нет, нет, леди Брэкенстолл, это бесполезно. Вы, возможно, слышали когда-нибудь мое имя. Так вот, ставлю на карту свое имя и свою репутацию, что ваш рассказ – от первого слова до последнего – вымысел.

– Какая наглость! – воскликнула Тереза. – Вы хотите сказать, что моя госпожа солгала?

Холмс встал со стула.

– Итак, вам нечего мне сказать?

– Я все сказала.

– Подумайте еще раз, леди Брэкенстолл. Не лучше ли искренне рассказать все?

Сомнение изобразилось на ее прекрасном лице. И в ту же секунду оно снова стало непроницаемо, как маска. Видно, леди Брэкенстолл приняла какое-то решение.

– Я больше ничего не знаю.

– Очень жаль. – Холмс пожал плечами и взял шляпу.

Не сказав больше ни слова, мы оба вышли из комнаты и покинули дом.

В парке был пруд. Мой друг направился к нему. Пруд весь замерз. Но в нем была полынья, оставленная для зимовавшего здесь одинокого лебедя.

Холмс взглянул на полынью, и мы пошли к сторожке привратника. Там Холмс написал короткую записку для Стэнли Хопкинса и оставил ее у привратника.

– Попали мы в цель или промахнулись, но Хопкинс должен это знать. Иначе что он подумает о нашем повторном визите? – сказал Холмс. – Но во все подробности его еще рано посвящать. Теперь нашим местом действия будет пароходная контора линии Аделаида – Саутгемптон, которая находится, если память не изменяет мне, в конце

Пэлл-Мэлл. Есть еще и вторая линия, связывающая Южную Австралию с Англией, но начнем сперва с более крупной.

Визитная карточка Холмса, посланная управляющему конторой, оказала магическое действие. Очень скоро Холмс имел все интересующие его сведения.

В июне 1895 года только одно судно этой фирмы, «Рок оф Гибралтар», прибыло в отечественный порт. Это было самое большое и лучшее их судно. В списке пассажиров значилось имя мисс Фрейзер из Аделаиды и ее горничной. Сейчас этот пароход был на пути в Австралию, где-то к югу от Суэцкого канала. Команда та же, что и в 1895 году, за одним исключением. Старший помощник, мистер Джек Кроукер, назначен капитаном на судно «Бас Рок», которое выходит из Саутгемптона через два дня. Кроукер живет в Сайденхэме, но сегодня утром должен прийти за инструкциями. Его можно подождать.

Нет, мистер Холмс не хочет его видеть, но был бы рад взглянуть на его послужной список и узнать, что он за человек. Это была поистине блестящая карьера. Во всем флоте не было офицера, которого можно было бы сравнить с капитаном Кроукером. Что до его личных качеств, то на работе он исполнителен и точен, но вне службы иногда проявляется его необузданная, горячая натура. Человек вспыльчивый, даже безрассудный, но при всем том очень добр, честен и верен долгу.

Вот что узнал Холмс в пароходной конторе линии Аделаида – Саутгемптон.

Оттуда мы отправились в Скотланд-Ярд. Но, подъехав к полицейскому управлению, Холмс не вышел из кэба, а

продолжал сидеть, нахмурив брови и глубоко задумавшись. Очнувшись от размышлений, он приказал ехать на телеграф в Черинг-кросс; там отправил какую-то телеграмму. И только тогда мы вернулись на Бейкер-стрит.

– Нет, я не мог этого сделать, Уотсон, – сказал мне Холмс. – Если будет выписан ордер на арест, ничто на свете уже не сможет спасти его. В первый или во второй раз за всю мою карьеру я чувствую, что, раскрыв преступника, я причиню больший вред, чем преступник своим преступлением. Я научился быть осторожным, и уж лучше я согрешу против законов Англии, чем против моей совести. Прежде чем начать действовать, нам надо разузнать еще кое-что.

Под вечер к нам пришел инспектор Стэнли Хопкинс. Дела у него шли не очень хорошо.

– Вы ясновидящий, мистер Холмс. Право, я иногда думаю, что вы наделены сверхъестественными способностями. В самом деле, каким чудом вы могли узнать, что украденное столовое серебро на дне пруда?

– А я этого не знал.

– Но вы посоветовали мне осмотреть пруд.

– И вы нашли серебро?

– Нашел.

– Очень рад, что помог вам.

– Но вы не помогли мне! Вы только осложнили дело. Что это за взломщики, которые крадут серебро, а затем бросают его в ближайший пруд?

– Что и говорить, довольно странные взломщики. Я исходил из той мысли, что если серебро похитили люди, которые взяли его для отвода глаз, то они, конечно, постараются как можно скорее избавиться от него.

– Но как вам могла прийти в голову эта мысль?

– Я просто допустил такую возможность. Когда грабители вышли из дома, у них перед носом оказался пруд с этой соблазнительной прорубью во льду. Можно ли придумать лучшее место, чтобы спрятать серебро?

– Именно спрятать! В этом все дело! – воскликнул Хопкинс. – Да, да, теперь мне все ясно! В полночь на дорогах еще людно. Преступники побоялись, что их увидят с серебром, и бросили добычу в пруд, чтобы вернуться за ней, когда их никто не увидит. Блестяще, мистер Холмс! Это лучше, чем ваша идея похищения серебра для отвода глаз.

– Пожалуй, вы правы. Отличная версия. Мои рассуждения, конечно, абсурдны. Но вы должны признать, что именно они помогли обнаружить похищенное серебро.

– Да, сэр, да. Это ваша заслуга. Но это еще не все. Меня постигло горькое разочарование.

– Разочарование?

– Да, мистер Холмс. Сегодня утром в Нью-Йорке арестована банда Рэндола.

– Это ужасно, Хопкинс. Ваша версия лопнула. Если их арестовали в Нью-Йорке, они не могли минувшей ночью совершить убийство в Кенте.

– Для меня это страшный удар, мистер Холмс. Правда, есть еще банды из трех человек. А может, тут действовала шайка, неизвестная полиции?

– Да, конечно, вполне возможно. Что же вы теперь собираетесь делать?

– Буду продолжать поиски, мистер Холмс. Может, вы подскажете мне что-нибудь?

– Я вам уже подсказал.

– Что именно?

– Помните, для отвода глаз?

– Но мотивы, мистер Холмс, мотивы?

– Да, это, конечно, самое главное. Я вам дал идею, подумайте над ней. Возможно, она и приведет к чему-нибудь. Не останетесь ли отобедать с нами? Нет? До свидания, Хопкинс. Держите нас в курсе дела.

Только после обеда, когда со стола было убрано, Холмс снова заговорил об убийстве в Эбби-Грейндж. Он закурил трубку и протянул ноги в домашних туфлях поближе к веселому огоньку камина. Потом вдруг взглянул на часы.

– Жду событий, Уотсон.

– Когда?

– Сейчас, в ближайшие минуты. Держу пари, вы считаете, что я нехорошо поступил со Стэнли Хопкинсом.

– Я верю вашему здравому смыслу. Холмс.

– Очень любезно с вашей стороны, Уотсон. Вы вот как должны смотреть на это: я лицо неофициальное; Хопкинс – лицо официальное. Я имею право действовать по личному усмотрению, он – нет. Он должен давать ход всему, что знает, иначе он изменит служебному долгу. В сомнительном случае я не могу ставить его в такое трудное положение. Поэтому подождем, пока дело прояснится.

– А когда оно прояснится?

– Очень скоро. Сейчас вы увидите последнее действие этой маленькой, но поистине замечательной драмы.

На лестнице послышались быстрые шаги, дверь нашей комнаты распахнулась, и мы увидели перед собой молодого моряка, поразившего нас своей мужественной красотой.

Вошедший был очень высокий молодой человек, голубоглазый, с усами золотистого цвета, с кожей, опаленной тропическим солнцем; его легкая, пружинящая походка говорила о том, что он так же быстр, как и силен.

Он закрыл за собой дверь и остановился, стиснув кулаки и тяжело дыша от волнения.

– Садитесь, капитан Кроукер. Вы получили мою телеграмму?

Наш гость сел в кресло и вопросительно посмотрел сначала на Холмса, потом на меня.

– Я получил вашу телеграмму и пришел точно в назначенный час. Я знаю, вы были у нас в конторе. И я вижу – мне деваться некуда, я готов услышать самое худшее. Что вы собираетесь предпринять? Арестовать меня? Говорите, сударь! Нечего играть со мной в кошки-мышки!

– Предложите капитану сигару, Уотсон, – сказал Холмс. – Закуривайте, капитан Кроукер, и не нервничайте. Можете не сомневаться, мы бы не сидели здесь с вами и не курили бы сигары, если бы я считал вас обыкновенным преступником. Будете со мной откровенны, я, возможно, помогу вам. Нет – пеняйте на себя.

– Что вы хотите от меня узнать?

– Расскажите нам, ничего не утаивая, что произошло этой ночью в Эбби-Грейндж. Ничего не утаивая, заметьте, и ничего не скрывая. Я знаю уже так много, что если вы хоть на дюйм уклонитесь от истины, я свистну из моего окна в этот полицейский свисток, и дело из моих рук уйдет в руки полиции.

Моряк на минуту задумался. Потом хлопнул себя по колену своей большой загорелой рукой.

– Рискну! – воскликнул он. – Не сомневаюсь, что вы человек слова и джентльмен, и я расскажу вам все. Но сперва два слова о самом важном. Что касается меня, то я ни о чем не жалею и ничего не боюсь. Доведись мне начать сначала, я бы сделал то же и гордился этим. Будь он проклят, этот зверь! Имей он десять жизней, он всеми десятью заплатил бы за свои бесчинства! Но Мэри, Мэри Фрейзер – я не могу назвать ее тем дьявольским именем… Когда я думаю, что навлек на нее беду – а ведь я готов жизнь отдать за одну ее улыбку, – душа моя начинает дрожать от страха. Но что мне оставалось делать? Вы сейчас все узнаете и тогда скажете, можно ли было поступить на моем месте иначе.

Мне придется вернуться немного назад. Вы, как видно, знаете все. И вы знаете, конечно, что мы познакомились с Мэри на пароходе «Рок оф Гибралтар», где я был старшим помощником во время ее путешествия в Англию. С первого взгляда она стала для меня единственной женщиной на свете. С каждым днем я любил ее все сильнее и сильнее. Сколько раз во время ночной вахты я опускался на колени и в темноте целовал палубу корабля, потому что по ней ступали ее милые ножки. Она не обещала мне стать моей женой, не обманывала меня. Я ни на что не могу пожаловаться. Я любил ее, а она питала ко мне только дружеские чувства. Когда мы расстались, она была свободной женщиной. Я же потерял свою свободу навсегда.

Когда я вернулся из плавания в следующий раз, я узнал, что она вышла замуж. В самом деле, почему ей было не выйти замуж, если она встретила человека, который понравился ей? Титул и деньги – кому они подойдут больше,

чем ей? Она рождена для всего изящного и прекрасного. Меня не обидело это замужество. Я не эгоист. Я даже радовался ее счастью. Я говорил себе: хорошо, что она не связала своей судьбы с нищим моряком. Как я любил Мэри Фрейзер! Я уже не думал, что увижу ее еще раз. В последнее плавание я получил повышение, но мое новое судно еще не было спущено на воду, и мне пришлось ждать месяца два. Жил я у своих в Сайденхэме. Однажды, гуляя по проселку, я встретил Терезу Райт, ее старую горничную. Она рассказала мне о ней, о нем, об их жизни. Услыхав рассказ Терезы, я чуть рассудка не лишился. Как он смел, пьяное чудовище, поднять на нее руку! Да он недостоин лизать ей подошвы! Я встретился с Терезой еще раз. А потом мы встретились с Мэри. Мы виделись с ней два раза. Больше она не захотела меня видеть. На днях я узнал, что через неделю выхожу в море. И я решил во что бы то ни стало повидать Мэри еще раз. Тереза всегда была мне другом, потому что любила Мэри и ненавидела этого негодяя почти так же, как я. От нее я и узнал привычки обитателей этого дома. Мэри обычно засиживалась с какой-нибудь книжкой в своей маленькой: гостиной на первом этаже. Я пробрался ночью к ее окну и стал осторожно царапать стекло. Она не хотела мне открывать, но я знал, что она полюбила меня и не захочет, чтобы я мерз под окном. Она шепнула мне, чтобы я подошел к двери в столовую. Дверь была открыта, и я вошел в дом. Я опять услыхал из ее уст такие вещи, от которых во мне закипела кровь. Этот дикий зверь безжалостно мучил и терзал женщину, которую я любил больше жизни. Мы стояли с ней в столовой у самой двери и – небо свидетель – вели

самый невинный разговор, когда он, как безумный, ворвался в комнату, гнусно обругал ее и ударил по лицу палкой. Тогда я схватил из камина кочергу. Бой был честный. Видите, у меня на руке след его первого удара. Мой удар был вторым. Я расплющил его голову, как гнилую тыкву. Вы думаете, джентльмены, что я жалею об этом? Ничуть. На карту были поставлены две жизни: его и моя, вернее, его и ее. Потому что, останься он в живых, он бы убил ее. Разве я не прав? А что бы сделали вы на моем месте?

Когда он ударил ее, она закричала. На крик прибежала Тереза. Но с ним все уже было кончено. На буфете стояла бутылка вина, я откупорил ее и влил несколько капель в рот Мэри, потому что она была в беспамятстве. Я тоже выпил немного. Одна Тереза сохраняла ледяное спокойствие. Весь дальнейший план действий принадлежал в равной мере ей и мне. Мы решили инсценировать нападение грабителей. Пока я лазил отрезать шнур от звонка, Тереза несколько раз повторила Мэри наш план. Затем я привязал ее крепко-накрепко к креслу, потер ножом конец шнура, чтобы выглядело естественно и никто не удивлялся, как это вор мог залезть так высоко. Оставалось только взять несколько серебряных приборов, чтобы не было сомнений, что здесь были грабители. Перед уходом я наказал им поднять тревогу не раньше чем через четверть часа. Бросив серебро в пруд, я вернулся в Сайденхэм, первый раз в жизни чувствуя себя настоящим преступником. Все, что я рассказал вам, мистер Холмс, – истинная правда, хотя бы мне пришлось поплатиться за нее головой…

Некоторое время Холмс молча курил. Затем он встал,

прошелся по комнате из угла в угол, так же молча пожал нашему гостю руку.

– Вот что, – сказал он затем. – Я знаю, что каждое ваше слово – правда. Вы не рассказали мне почти ничего нового. Только акробат или моряк мог дотянуться с карниза до шнура, и только моряк мог завязать такие узлы, какими Мэри Фрейзер была привязана к креслу. Но она только один раз в своей жизни сталкивалась с моряками, когда ехала в Англию. Кроме того, этот моряк принадлежал, бесспорно, к ее кругу, раз она так стойко защищала его. Из этого следует, между прочим, что она полюбила этого моряка. Так что мне не трудно было найти вас.

– Я думал, что полиция никогда не разгадает нашу хитрость.

– Хопкинс и не разгадал ее. И не разгадает, сколько бы ни бился. Теперь вот что, капитан Кроукер, дело это очень серьезное, хотя я охотно признаю, что вы действовали под давлением исключительных обстоятельств. Я не могу сказать, превысили вы меру необходимой обороны или нет. Это решит английский суд присяжных. Но если вы сумеете исчезнуть в ближайшие двадцать четыре часа, обещаю вам, вы сделаете это беспрепятственно.

– А потом вы поставите в известность полицию?

– Конечно.

Лицо моряка вспыхнуло от гнева.

– Как вы могли предложить мне это? Я знаю законы и понимаю, что Мэри будет признана сообщницей. И вы думаете, я позволю, чтобы она одна прошла через этот ад? Ну нет, сэр! Пусть мне грозит самое худшее, я никуда не уеду. Прошу вас об одном, подумайте, как спасти Мэри от суда.

Холмс еще раз протянул моряку руку.

– Не волнуйтесь, это я проверял вас. Ни одной фальшивой ноты! Я беру на себя большую ответственность. Но я дал Хопкинсу нить, и, если он не сумеет за нее ухватиться, не моя вина. Знаете, что мы сейчас сделаем? Мы будем судить вас, как того требует закон. Вы, капитан Кроукер, – подсудимый. Вы, Уотсон, – английский суд присяжных, – я не знаю человека, который был бы более достоин этой роли. Я судья. Итак, джентльмены, вы слышали показания? Признаете ли вы подсудимого виновным?

– Невиновен, господин судья! – сказал я.

– Vox populi – vox dei[39]. Вы оправданы, капитан Кроукер. И пока правосудие не найдет другого виновника, вы свободны. Возвращайтесь через год к своей избраннице, и пусть ваша жизнь докажет справедливость вынесенного сегодня приговора.

«МЕДНЫЕ БУКИ»

– Человек, который любит искусство ради искусства, – заговорил Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону страницу с объявлениями из «Дейли телеграф», – самое большое удовольствие зачастую черпает из наименее значительных и ярких его проявлений. Отрадно заметить, что вы, Уотсон, хорошо усвоили эту истину при изложении наших скромных подвигов, которые по доброте своей вы решились увековечить и, вынужден констатировать, порой пы-

[39] Vox póputi vox Dei – латинская поговорка, эквивалент русской пословицы: «глас народа – глас божий».

таетесь приукрашивать, уделяете внимание не столько громким делам и сенсационным процессам, в коих я имел честь принимать участие, сколько случаям самим по себе незначительным, но зато предоставляющим большие возможности для дедуктивных методов мышления и логического синтеза, что особенно меня интересует.

– Тем не менее, – улыбнулся я, – не смею утверждать, что в моих записках вовсе отсутствует стремление к сенсационности.

– Возможно, вы и ошибаетесь, – продолжал он, подхватив щипцами тлеющий уголек и раскуривая длинную трубку вишневого дерева, которая заменяла глиняную в те дни, когда он был настроен скорее спорить, нежели размышлять, – возможно, вы и ошибаетесь, стараясь приукрасить и оживить ваши записки вместо того, чтобы ограничиться сухим анализом причин и следствий, который единственно может вызывать интерес в том или ином деле.

– Мне кажется, в своих записках я отдаю вам должное, – несколько холодно возразил я, ибо меня раздражало самомнение моего друга, которое, как я неоднократно убеждался, было весьма приметной чертой в его своеобразном характере.

– Нет, это не эгоизм и не тщеславие, – сказал он, отвечая по привычке скорее моим мыслям, чем моим словам. – Если я прошу отдать должное моему искусству, то это не имеет никакого отношения ко мне лично, оно – вне меня. Преступление – вещь повседневная. Логика – редкая. Именно на логике, а не преступлении вам и следовало бы сосредоточиться. А у вас курс серьезных лекций превратился в сборник занимательных рассказов.

Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели возле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми, расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде – со стола еще не убирали. Все утро Шерлок Холмс молчал, сосредоточенно просматривая газетные объявления, пока наконец, по-видимому, отказавшись от поисков и пребывая не в лучшем из настроений, не принялся читать мне нравоучения по поводу моих литературных занятий.

– В то же время, – после паузы продолжал он, попыхивая своей длинной трубкой и задумчиво глядя в огонь, – вас вряд ли можно обвинить в стремлении к сенсационности, ибо большинство тех случаев, к которым вы столь любезно проявили интерес, вовсе не представляет собой преступления. Незначительное происшествие с королем Богемии, когда я пытался оказать ему помощь, странный случай с Мэри Сазерлэнд, история человека с рассеченной губой и случай со знатными холостяком – все это не может стать предметом судебного разбирательства. Боюсь, однако, что, избегая сенсационности, вы оказались в плену тривиальности.

– Может, в конце концов так и случилось, – ответил я, – но методы, о которых я рассказываю, своеобразны и не лишены новизны.

– Мой дорогой, какое дело публике, великой, но лишенной наблюдательности публике, едва ли способной по зубам узнать ткача или по большому пальцу левой руки – наборщика, до тончайших оттенков анализа и дедукции? И

тем не менее, даже если вы банальны, я вас не виню, ибо дни великих дел сочтены. Человек, или по крайней мере преступник, утратил предприимчивость и самобытность. Что же касается моей скромной практики, то я, похоже, превращаюсь в агента по розыску утерянных карандашей и наставника молодых леди из пансиона для благородных девиц. Наконец-то я разобрался, на что гожусь. А полученное мною утром письмо означает, что мне пора приступить к новой деятельности. Прочтите его. – И он протянул мне помятый листок.

Письмо было отправлено из Монтегю-плейс накануне вечером.

«Дорогой мистер Холмс!

Мне очень хочется посоветоваться с вами по поводу предложения занять место гувернантки. Если разрешите, я зайду к вам завтра в половине одиннадцатого.

С уважением Вайолет Хантер».

– Вы знаете эту молодую леди? – спросил я.

– Нет.

– Сейчас половина одиннадцатого.

– Да, а вот, не сомневаюсь, она звонит.

– Это дело может оказаться более интересным, нежели вы предполагаете. Вспомните случай с голубым карбункулом, который сначала вы сочли просто недоразумением, а потом он потребовал серьезного расследования. Так может получиться и на этот раз.

– Что ж, будем надеяться! Наши сомнения очень скоро рассеются, ибо вот и особа, о которой идет речь.

Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая женщина. Она была просто, но аккуратно одета, лицо у нее было смышленое, живое, все в веснушках, как яичко ржанки, а энергичность, которая чувствовалась в ее движениях, свидетельствовала о том, что ей самой приходится пробивать себе дорогу в жизни.

– Ради Бога извините за беспокойство, – сказала она, когда мой друг поднялся ей навстречу, – но со мной произошло нечто настолько необычное, что я решила просить у вас совета. У меня нет ни родителей, ни родственников, к которым я могла бы обратиться.

– Прошу садиться, мисс Хантер. Буду счастлив помочь вам, чем могу.

Я понял, что речь и манеры клиентки произвели на Холмса благоприятное впечатление: Он испытующе оглядел ее с ног до головы, а затем, прикрыв глаза и сложив вместе кончики пальцев, приготовился слушать.

– В течение пяти лет я была гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, но два месяца назад полковник получил назначение в Канаду и забрал с собой в Галифакс и детей. Я осталась без работы. Я давала объявления, сама ходила по объявлениям, но все безуспешно. Наконец та небольшая сумма денег, что мне удалось скопить, начала иссякать, и я просто ума не приложу, что делать.

В Вест-Энде есть агентство по найму «Вестэуэй» – его все знают, – и я взяла за правило заходить туда раз в неделю в поисках чего-либо подходящего. Вестэуэй – фамилия владельца этого агентства, в действительности же все дела вершит некая мисс Стопер. Она сидит у себя в кабинете, женщины, которые ищут работу, ожидают в

приемной; их поочередно вызывают в кабинет, и она заглядывая в свой гроссбух, предлагает им те или иные вакансии.

По обыкновению и меня пригласили в кабинет, когда я зашла туда на прошлой неделе, но на этот раз мисс Стопер была не одна. Рядом с ней сидел толстый-претолстый человек с улыбчивым лицом и большим подбородком, тяжелыми складками спускавшимся на грудь, и сквозь очки внимательно разглядывал просительниц. Стоило лишь мне войти, как он подскочил на месте и обернулся к мисс Стопер.

– Подходит, – воскликнул он. – Лучшего и желать нельзя. Грандиозно! Грандиозно!

Он, по-видимому, был в восторге и от удовольствия потирал руки. На него приятно было смотреть: таким добродушным он казался.

– Ищете место, мисс? – спросил он.

– Да, сэр.

– Гувернантки?

– Да, сэр.

– А сколько вы хотите получать?

– Полковник Спенс Манроу, у которого я служила, платил мне четыре фунта в месяц.

– Вот это да! Самая что ни на есть настоящая эксплуатация! – вскричал он, яростно размахивая пухлыми кулаками. – Разве можно предлагать столь ничтожную сумму леди, наделенной такой внешностью и такими достоинствами?

– Мои достоинства, сэр, могут оказаться менее привлекательными, нежели вы полагаете, – сказала я. – Не-

много французский, немного немецкий, музыка и рисование…

– Вот это да! – снова вскричал он. – Значит и говорить не о чем. Кратко, в двух словах, вопрос вот в чем: обладаете ли вы манерами настоящей леди? Если нет, то вы нам не подходите, ибо речь идет о воспитании ребенка, который в один прекрасный день может сыграть значительную роль в истории Англии. Если да, то разве имеет джентльмен право предложить вам сумму, выраженную менее, чем трехзначной цифрой? У меня, сударыня, вы будете получать для начала сто фунтов в год.

Вы, конечно, представляете, мистер Холмс, что подобное предложение показалось мне просто невероятным – я ведь осталась совсем без средств. Однако джентльмен, прочитав недоверие на моем лице, вынул бумажник и достал оттуда деньги.

– В моих обычаях также ссужать юным леди половину жалованья вперед, – сказал он, улыбаясь на самый приятный манер, так что глаза его превратились в две сияющие щелочки среди белых складок лица, – дабы они могли оплатить мелкие расходы во время путешествия и приобрести нужный гардероб.

«Никогда еще я не встречала более очаровательного и внимательного человека», – подумалось мне. Ведь у меня уже появились кое-какие долги, аванс был очень кстати, и все-таки было что-то странное в этом деле, и, прежде чем дать согласие, я попыталась разузнать об этом человеке побольше.

– А где вы живете, сэр? – спросила я.

– В Хемпшире. Чудная сельская местность. «Медные

буки», в пяти милях от Уинчестера. Место прекрасное, моя дорогая юная леди, и дом восхитительный – старинный загородный дом.

– А мои обязанности, сэр? Хотелось бы знать, в чем они состоят.

– Один ребенок, очаровательный маленький проказник, ему только что исполнилось шесть лет. Если бы вы видели, как он бьет комнатной туфлей тараканов! Шлеп! Шлеп! Шлеп! Не успеешь и глазом моргнуть, а трех как не бывало.

Расхохотавшись, он откинулся на спинку стула, и глаза его снова превратились в щелочки.

Меня несколько удивил характер детских забав, но отец смеялся – я решила, что он шутит.

– Значит, мои обязанности – присматривать за ребенком? – спросила я.

– Нет-нет, не только присматривать, не только, моя дорогая юная леди! – вскричал он. – Вам придется также – я уверен, вы и протестовать не будете, – выполнять кое-какие поручения моей жены при условии, разумеется, если эти поручения не будут унижать вашего достоинства. Немного, не правда ли?

– Буду рада оказаться вам полезной.

– Вот именно. Ну, например, речь пойдет о платье. Мы, знаете ли, люди чудаковатые, но сердце у нас доброе. Если мы попросим вас надеть платье, которое мы дадим, вы ведь не будете возражать против нашей маленькой прихоти, а?

– Нет, – ответила я в крайнем удивлении.

– Или сесть там, где нам захочется? Это ведь не покажется вам обидным?

– Да нет…

– Или остричь волосы перед приездом к нам?

Я едва поверила своим ушам. Вы видите, мистер Холмс, у меня густые волосы с особым каштановым отливом. Их считают красивыми. Зачем мне ни с того ни с сего жертвовать ими?

– Нет, это невозможно, – ответила я.

Он жадно глядел на меня своими глазками, и я заметила, что лицо у него помрачнело.

– Но это – обязательное условие, – сказал он. – Маленькая прихоть моей жены, а дамским капризам, как вам известно, сударыня, следует потакать. Значит, вам не угодно остричь волосы?

– Нет, сэр, не могу, – твердо ответила я.

– Что ж… Значит вопрос решен. Жаль, жаль, во всех остальных отношениях вы нам вполне подходите. Мисс Стопер, в таком случае мне придется познакомиться с другими юными леди.

Заведующая агентством все это время сидела, просматривая свои бумаги и не проронив ни слова, но теперь она глянула на меня с таким раздражением, что я поняла: из-за меня она потеряла немалое комиссионное вознаграждение.

– Вы хотите остаться в наши списках? – спросила она.

– Если можно, мисс Стопер.

– Мне это представляется бесполезным, поскольку вы отказались от очень интересного предложения, – резко заметила она. – Не будем же мы из кожи лезть вон, чтобы подобрать для вас такое место. Всего хорошего, мисс Хантер.

Она позвонила в колокольчик, и мальчик проводил меня обратно в приемную.

Вернувшись домой – в буфете у меня было пусто, а на столе – лишь новые счета, – я спросила себя, не поступила ли я неосмотрительно. Что из того, что у этих людей есть какие-то причуды и они хотят, чтобы исполнялись самые неожиданные их капризы? Они ведь готовы платить за это. Много ли в Англии гувернанток, получающих сотню в год? Кроме того, какой прок от моих волос? Некоторым даже идет короткая стрижка, может, пойдет и мне? На следующий день я подумала, что совершила ошибку, а еще через день перестала в этом сомневаться. Я уже собиралась, подавив чувство гордости, пойти снова в агентство, чтобы узнать, не занято ли еще это место, как вдруг получаю письмо от этого самого джентльмена. Вот оно, мистер Холмс, я прочту его.

«Медные буки», близ Винчестера.

Дорогая мисс Хантер!

Мисс Стопер любезно согласилась дать мне ваш адрес, и я пишу вам из дома, желая осведомиться, не переменили ли вы свое решение. Моя жена очень хочет, чтобы вы приехали к нам, – я описал ей вас, и вы ей страшно понравились. Мы готовы платить вам десять фунтов в месяц, то есть сто двадцать в год в качестве компенсации за те неудобства, которые могут причинить наши требования. Да они не так уж и суровы. Моя жена очень любит цвет электрик, и ей хотелось бы, чтобы вы надевали платье такого цвета по утрам. Вам совершенно незачем тратиться на подобную вещь, поскольку у нас есть платье моей дорогой дочери Алисы (ныне пребывающей в Филадельфии), думаю, оно будет вам впору. Полагаю, что и

просьбу занять определенное место в комнате или выполнить какое-либо иное поручение вы не сочтете чересчур обременительной. Что же касается ваших волос, то их действительно очень жаль: даже во время нашей краткой беседы я успел заметить, как они хороши, но тем не менее я вынужден настаивать на этом условии. Надеюсь, что прибавка к жалованью вознаградит вас за эту жертву. Обязанности в отношении ребенка весьма несложны. Пожалуйста, приезжайте, я встречу вас в Винчестере. Сообщите каким поездом вы прибудете.

Искренне ваш Джефри Рукасл».

Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение. Однако, прежде чем сделать окончательный шаг, мне хотелось бы услышать ваше мнение.

– Что ж, мисс Хантер, коли вы решились, значит, дело сделано, – улыбнулся Холмс.

– А вы не советуете?

– Признаюсь, место это не из тех, что я пожелал бы для своей сестры.

– А что все-таки под этим кроется, мистер Холмс?

– Не знаю. Может, у вас есть какие-либо соображения?

– Я думаю, что мистер Рукасл – добрый, мягкосердечный человек. А его жена, наверное, немного сумасшедшая. Вот он и старается держать это в тайне, опасаясь, как бы ее не забрали в дом для умалишенных, и потворствует ее причудам, чтобы с ней не случился припадок.

– Может быть, может быть. На сегодняшний день это самое вероятное предположение. Тем не менее место это вовсе не для молодой леди.

– Но деньги, мистер Холмс, деньги!

– Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это меня и тревожит. Почему они дают сто двадцать фунтов, когда легко найти человека и за сорок? Значит, есть какая-то веская причина.

– Вот я и подумала, что, если расскажу вам все обстоятельства дела, вы позволите мне в случае необходимости обратиться к вам за помощью. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у меня есть заступник.

– Можете вполне на меня рассчитывать. Уверяю вас, ваша маленькая проблема обещает оказаться наиболее интересной за последние месяцы. В деталях определенно есть нечто оригинальное. Если у вас появятся какие-либо подозрения или возникнет опасность…

– Опасность? Какая опасность?

– Если бы опасность можно было предвидеть, то ее не нужно было бы страшиться, – с самым серьезным видом пояснил Холмс. – Во всяком случае, в любое время дня и ночи шлите телеграмму, и я приду вам на помощь.

– Тогда все в порядке. – Выражение озабоченности исчезло с ее лица, она проворно поднялась. – Сейчас же напишу мистеру Рукаслу, вечером остригу мои бедные волосы и завтра отправлюсь в Винчестер.

Скупо поблагодарив Холмса и попрощавшись, она поспешно ушла.

– Во всяком случае, – сказал я, прислушиваясь к ее быстрым, твердым шагам на лестнице, – она производит впечатление человека, умеющего за себя постоять.

– Ей придется это сделать, – мрачно заметил Холмс. – Не сомневаюсь, через несколько дней мы получим от нее известие.

Предсказание моего друга, как всегда, сбылось. Прошла неделя, в течение которой я неоднократно возвращался мыслями к нашей посетительнице, задумываясь над тем, в какие дебри человеческих отношений может завести жизнь эту одинокую женщину. Большое жалованье, странные условия, легкие обязанности – во всем этом было что-то неестественное, хотя я абсолютно был не в состоянии решить, причуда это или какой-то замысел, филантроп этот человек или негодяй. Что касается Холмса, то он подолгу сидел, нахмурив лоб и рассеянно глядя вдаль, но когда я принимался его расспрашивать, он лишь махал в ответ рукой.

– Ничего не знаю, ничего! – раздраженно восклицал он. – Когда под рукой нет глины, из чего лепить кирпичи?

Телеграмма, которую мы получили, прибыла поздно вечером, когда я уже собирался лечь спать, а Холмс приступил к опытам, за которыми частенько проводил ночи напролет. Когда я уходил к себе, он стоял, наклонившись над ретортой и пробирками; утром, спустившись к завтраку, я застал его в том же положении. Он открыл желтый конверт и, пробежав взглядом листок, передал его мне.

– Посмотрите расписание поездов, – сказал он и повернулся к своим колбам.

Текст телеграммы был кратким и настойчивым:

«Прошу быть гостинице „Черный лебедь“ Винчестере завтра полдень. Приезжайте! Не знаю, что делать.

Хантер».

– Поедете со мной? – спросил Холмс, на секунду отрываясь от своих колб.

– С удовольствием.

– Тогда посмотрите расписание.

– Есть поезд в половине десятого, – сказал я, изучая справочник. – Он прибывает в Винчестер в одиннадцать тридцать.

– Прекрасно. Тогда, пожалуй, я отложу анализ ацетона, завтра утром нам может понадобиться максимум энергии.

В одиннадцать утра на следующий день мы уже были на пути к древней столице Англии. Холмс всю дорогу не отрывался от газет, но после того как мы переехали границу Хампшира, он отбросил их принялся смотреть в окно. Стоял прекрасный весенний день, бледно-голубое небо было испещрено маленькими кудрявыми облаками, которые плыли с запада на восток. Солнце светило ярко, и в воздухе царило веселье и бодрость. На протяжении всего пути, вплоть до холмов Олдершота, среди яркой весенней листвы проглядывали красные и серые крыши ферм.

– До чего приятно на них смотреть! – воскликнул я с энтузиазмом человека, вырвавшегося из туманов Бейкер-стрит.

Но Холмс мрачно покачал головой.

– Знаете, Уотсон, – сказал он, – беда такого мышления, как у меня, в том, что я воспринимаю окружающее очень субъективно. Вот вы смотрите на эти рассеянные вдоль дороги дома и восхищаетесь их красотой. А я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

– О Господи! – воскликнул я. – Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

– Они внушают мне страх. Я уверен, Уотсон, – и уверенность эта проистекает из опыта, – что в самых отвратительных трущобах Лондона не свершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

– Вас прямо страшно слушать.

– И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых – всего один шаг, А теперь взгляните на эти уединенные дома – каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественным бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год. Если бы эта дама, что обратилась к нам за помощью, поселилась в Винчестере, я не боялся бы за нее. Расстояние в пять миль от города – вот где опасность! И все-таки ясно, что опасность угрожает не ей лично.

– Понятно. Если она может приехать в Винчестер встретить нас, значит, она в состоянии вообще уехать.

– Совершенно справедливо. Ее свобода передвижения не ограничена.

– В чем же тогда дело? Вы нашли какое-нибудь объяснение?

– Я придумал семь разных версий, и каждая из них

опирается на известные нам факты. Но какая из них правильная, покажут новые сведения, которые, не сомневаюсь, нас ждут. А вот и купол собора, скоро мы узнаем, что же хочет сообщить нам мисс Хантер.

«Черный лебедь» оказался уважаемой в городе гостиницей на Хайд-стрит, совсем близко от станции, там мы и нашли молодую женщину. Она сидела в гостиной, на столе нас ждал завтрак.

– Я рада, что вы приехали, – серьезно сказала она. – Большое спасибо. Я в самом деле не знаю, что делать. Мне страшно нужен ваш совет.

– Расскажите же, что случилось.

– Сейчас расскажу, я должна спешить, потому что обещала мистеру Рукаслу вернуться к трем. Он разрешил мне съездить в город нынче утром, хотя ему, конечно, неведомо зачем.

– Изложите все по порядку. – Холмс вытянул свои длинные ноги в сторону камина и приготовился слушать.

– Прежде всего должна сказать, что, в общем, мистер и миссис Рукасл встретили меня довольно приветливо. Ради справедливости об этом следует упомянуть. Но понять их я не могу, и это не дает мне покоя.

– Что именно?

– Их поведение. Однако все по порядку. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня на станции и повез в своем экипаже в «Медные буки». Поместье, как он и говорил, чудесно расположено, но вовсе не отличается красотой: большой квадратный дом, побеленный известкой, весь в пятнах и подтеках от дождя и сырости. С трех сторон его окружает лес, а с фасада – луг, который опускается к

дороге на Саутгемптон, что проходит примерно ярдах в ста от парадного крыльца. Участок перед домом принадлежит мистеру Рукаслу, а леса вокруг – собственность лорда Саутертона. Прямо перед домом растет несколько медных буков, отсюда и название усадьбы.

Мой хозяин, сама любезность, встретил меня на станции и в тот же вечер познакомил со своей женой и сыном. Наша с вами догадка, мистер Холмс, оказалась неверной: миссис Рукасл не сумасшедшая. Молчаливая бледная женщина, она намного моложе своего мужа, на вид ей не больше тридцати, в то время как ему дашь все сорок пять. Из разговоров я поняла, что они женаты лет семь, что он остался вдовцом и что от первой жены у него одна дочь – та самая, которая в Филадельфии. Мистер Рукасл по секрету сообщил мне, что уехала она из-за того, что испытывала какую-то непонятную антипатию к мачехе. Поскольку дочери никак не менее двадцати лет, то я вполне представляю, как неловко она чувствовала себя рядом с молодой женой отца.

Миссис Рукасл показалась мне внутренне столь же бесцветным существом, сколь и внешне. Она не произвела на меня никакого впечатления. Пустое место. И сразу заметна ее страстная преданность мужу и сыну. Светло-серые глаза постоянно блуждают от одного к другому, подмечая их малейшее желание и по возможности предупреждая его. Мистер Рукасл тоже в присущей ему грубовато-добродушной манере неплохо к ней относится, и в целом они производят впечатление благополучной пары. Но у женщины есть какая-то тайна. Она часто погружается в глубокую задумчивость, и лицо ее становится печальным.

Не раз я заставала ее в слезах. Порой мне кажется, что причиной этому – ребенок, ибо мне еще ни разу не доводилось видеть такое испорченное и злобное маленькое существо. Для своего возраста он мал, зато у него несоразмерно большая голова. Он то подвержен припадкам дикой ярости, то пребывает в состоянии мрачной угрюмости. Причинять боль любому слабому созданию – вот единственное его развлечение, и он выказывает недюжинный талант в ловле мышей, птиц и насекомых. Но о нем незачем распространяться, мистер Холмс, он не имеет отношения к нашей истории.

– Мне нужны все подробности, – сказал Холмс, – представляются они вам относящимися к делу или нет.

– Постараюсь ничего не пропустить. Что мне сразу не понравилось в этом доме, так это внешность и поведение слуг. Их всего двое, муж и жена. Толлер, так зовут слугу, – грубый, неотесанный человек с серой гривой и седыми бакенбардами, от него постоянно несет спиртным. Я дважды видела его совершенно пьяным, но мистер Рукасл, по-моему, не обращает на это внимания. Жена Толлера – высокая сильная женщина с сердитым лицом, она так же молчалива, как миссис Рукасл, но гораздо менее любезна. Удивительно неприятная пара! К счастью, большую часть времени я провожу в детской и в моей собственной комнате, они расположены рядом.

В первые дни после моего приезда в «Медные буки» все шло спокойно. На третий день сразу после завтрака миссис Рукасл что-то шепнула своему мужу.

– Мы очень обязаны вам, мисс Хантер, – поворачиваясь ко мне, сказал он, – за снисходительность к нашим капри-

зам, вы ведь даже остригли волосы. Право же, это ничуть не испортило вашу внешность. А теперь посмотрим, как вам идет цвет электрик. У себя на кровати вы найдете платье, и мы будем очень благодарны, если вы согласитесь его надеть.

Платье, которое лежало у меня в комнате, весьма своеобразного оттенка синего цвета, сшито было из хорошей шерсти, но, сразу заметно, уже ношенное. Сидело оно безукоризненно, как будто его шили специально для меня. Когда я вошла, мистер и миссис Рукасл выразили восхищение, но мне их восторг показался несколько наигранным. Мы находились в гостиной, которая тянется по всему фасаду дома, с тремя огромными окнами, доходящими до самого пола. Возле среднего окна спинкой к нему стоял стул. Меня усадили на этот стул, а мистер Рукасл принялся ходить взад и вперед по комнате и рассказывать смешные истории. Вы представить себе не можете, как комично он рассказывал, и я хохотала до изнеможения. Миссис Рукасл чувство юмора, очевидно, чуждо, она сидела, сложив на коленях руки, с грустным и озабоченным выражением на лице, так ни разу и не улыбнувшись. Примерно через час мистер Рукасл вдруг объявил, что пора приступать к повседневным обязанностям и что я могу переодеться и пойти в детскую к маленькому Эдуарду.

Два дня спустя при совершенно таких же обстоятельствах вся эта сцена повторилась. Снова я должна была переодеться, сесть у окна и хохотать над теми забавными историями, неисчислимым запасом которых обладал мой хозяин. И рассказчиком он был неподражаемым. Затем он дал мне какой-то роман в желтой обложке и, подвинув мой

стул так, чтобы моя тень не падала на страницу, попросил почитать ему вслух. Я читала минут десять, начав где-то в середине главы, а потом он вдруг перебил меня, не дав закончить фразы, и велел пойти переодеться.

Вы, конечно, понимаете, мистер Холмс, как меня удивил этот спектакль. Я заметила, что они настойчиво усаживали меня, чтобы я оказалась спиной к окну, поэтому я решила во что бы то ни стало узнать, что происходит на улице. Сначала это не представлялось возможным, но потом мне пришла в голову счастливая мысль: у меня был осколок ручного зеркальца, и я спрятала его в носовой платок. В следующий раз, в самый разгар веселья, я приложила носовой платок к глазам и, чуть-чуть приспособившись, сумела рассмотреть все, что находилось позади. Признаться, я была разочарована. Там не было ничего.

По крайней мере так было на первый взгляд. Но, присмотревшись, я заметила на Саутгемптонской дороге невысокого бородатого человека в сером костюме. Он смотрел в нашу сторону. Дорога эта очень оживленная, на ней всегда полно народу. Но этот человек стоял, опершись на ограду, и пристально вглядывался в дом. Я опустила платок и увидела, что миссис Рукасл испытующе смотрит на меня. Она ничего не сказала, но, я уверена, поняла, что у меня зеркало и я видела, кто стоит перед домом. Она тотчас же поднялась.

– Джефри, – сказал она, – на дороге стоит какой-то мужчина и самым непозволительным образом разглядывает мисс Хантер.

– Может быть, ваш знакомый, мисс Хантер? – спросил он.

– Нет. Я никого здесь не знаю.

– Подумайте, какая наглость! Пожалуйста, повернитесь и помашите ему, чтобы он ушел.

– А не лучше ли просто не обращать внимания?

– Нет, нет, не то он все время будет здесь слоняться. Пожалуйста, повернитесь и помашите ему.

Я сделала, как меня просили, и в ту же секунду миссис Рукасл опустила занавеску. Это произошло неделю назад, с тех пор я не сидела у окна, не надевала синего платья и человека на дороге тоже не видела.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Холмс. – Все это очень интересно.

– Боюсь, мой рассказ довольно бессвязен. Не знаю, много ли общего между всеми этими событиями. Так вот, в первый же день моего приезда в «Медные буки» мистер Рукасл подвел меня к маленькому флигелю позади дома. Когда мы приблизились, я услышала звяканье цепи: внутри находилось какое-то большое животное.

– Загляните-ка сюда, – сказал мистер Рукасл, указывая на щель между досками. – Ну, разве это не красавец?

Я заглянула и увидела два горящих во тьме глаза и смутное очертание какого-то животного. Я вздрогнула.

– Не бойтесь, – засмеялся мой хозяин. – Это мой дог Карло. Я называю его моим, но в действительности только старик Толлер осмеливается подойти к нему, чтобы опустить с цепи на ночь, и да поможет Бог тому, в кого он вонзит свои клыки. Ни под каким видом не переступайте порога дома ночью, ибо тогда вам суждено распроститься с жизнью.

Предупредил он меня не зря. На третью ночь я случайно

выглянула из окна спальни примерно часа в два. Стояла прекрасная лунная ночь, и лужайка перед домом вся сверкала серебром. Я стояла, захваченная мирной красотой пейзажа, как вдруг заметила, что в тени буков кто-то движется. Таинственное существо вышло на лужайку, и я увидела огромного, величиной с теленка, дога рыжевато-коричневой масти, с отвислым подгрудком, черной мордой и могучими мослами. Он медленно пересек лужайку и исчез в темноте на противоположной стороне. При виде этого страшного немого стража сердце у меня замерло так, как никогда не случалось при появлении грабителя.

А вот еще одно происшествие, о котором мне тоже хочется вам рассказать. Вы знаете, что я остригла волосы еще до отъезда из Лондона и отрезанную косу спрятала на дно чемодана. Однажды вечером, уложив мальчика спать, я принялась раскладывать свои вещи. В комнате стоит старый комод, два верхних ящика его открыты, и там ничего не было, но нижний заперт. Я положила свое белье в верхние ящики, места не хватило, и я, естественно, была недовольна тем, что нижний ящик заперт. Я решила, что его заперли по недоразумению, поэтому, достав ключи, я попыталась его открыть. Подошел первый же ключ, ящик открылся. Там лежала только одна вещь. И как вы думаете, что именно? Моя коса!

Я взяла ее и как следует рассмотрела. Такой же особый цвет, как у меня, такие же густые волосы. Но затем я сообразила, что это не мои волосы. Как они могли очутиться в запертом ящике комода? Дрожащими руками я раскрыла свой чемодан, выбросила из него вещи и на дне его увидела свою косу. Я положила две косы рядом, уверяю вас, они

были совершенно одинаковыми. Ну, разве это не удивительно? Я была в полнейшем недоумении. Я положила чужую косу обратно в ящик и ничего не сказала об этом Рукаслам: я поступила дурно, чувствовала я, открыв запертый ящик.

Вы, мистер Холмс, наверное, заметили, что я наблюдательна, поэтому мне не составило труда освоиться с расположением комнат и коридоров в доме. Одно крыло его, по-видимому, было нежилым. Дверь, которая вела туда, находилась напротив комнат Толлеров, но была заперта. Однажды, поднимаясь по лестнице, я увидела, как оттуда с ключами в руках выходил мистер Рукасл. Лицо его в этот момент было совсем не таким, как всегда. Щеки его горели, лоб морщинился от гнева, а на висках набухли вены. Не взглянув на меня и не сказав ни слова, он запер дверь и поспешил вниз.

Это событие пробудило мое любопытство. Отправившись на прогулку с ребенком, я пошла туда, откуда хорошо видны окна той части дома. Окон было четыре, все они выходили на одну сторону, три просто грязные, а четвертое еще и загорожено ставнями. Там, по-видимому, никто не жил. Пока я ходила взад и вперед по саду, ко мне вышел снова веселый и жизнерадостный мистер Рукасл.

– Не сочтите за грубость, моя дорогая юная леди, – обратился ко мне он, – что я прошел мимо вас, не сказав ни слова привета. Я был очень озабочен своими делами.

Я уверила его, что ничуть не обиделась.

– Между прочим, – сказала я, – у вас наверху, по-видимому, никто не живет, потому что одно окно даже загорожено ставнями.

– Я увлекаюсь фотографией, – ответил он, – и устроил там темную комнату. Но до чего вы наблюдательны, моя дорогая юная леди! Кто бы мог подумать!

Так вот, мистер Холмс, как только я поняла, что от меня что-то скрывают, я загорелась желанием проникнуть в эти комнаты. Это было не просто любопытство, хоть и оно мне не чуждо. Это было чувство долга и уверенности, что если я туда проникну, я совершу добрый поступок. Говорят, что у женщин есть какое-то особое чутье. Быть может, именно оно поддерживало эту уверенность. Во всяком случае, я настойчиво искала возможность проникнуть за запретную дверь.

Возможность эта представилась только вчера. Должна сказать вам, что кроме мистера Рукасла в пустые комнаты зачем-то входили Толлер и его жена, а один раз я даже видела, как Толлер вынес оттуда большой черный мешок. Последние дни он много пьет и вчера вечером был совсем пьян. Поднявшись наверх, я заметила, что ключ от двери торчит в замке. Мистер и миссис Рукасл находились внизу, ребенок был с ними, поэтому я решила воспользоваться предоставившейся мне возможностью. Тихо повернув ключ, я отворила дверь и проскользнула внутрь.

Передо мной был небольшой коридор с голыми стенами и пол, не застланный ковром. В конце коридор сворачивал налево. За углом шли подряд три двери, первая и третья отворены и вели в пустые комнаты, запыленные и мрачные. В первой комнате было два окна, а во второй – одно, такое грязное, что сквозь него еле-еле проникал вечерний свет. Средняя дверь была закрыта и заложена снаружи широкой перекладиной от железной кровати; один

конец перекладины был продет во вделанное в стену кольцо, а другой привязан толстой веревкой. Ключа в двери не оказалось. Эта забаррикадированная дверь вполне соответствовала закрытому ставнями окну, но по свету, что пробивался из-под нее, я поняла, что в комнате не совсем темно. По-видимому, свет проникал туда из люка, ведущего на чердак. Я стояла в коридоре, глядя на страшную дверь и раздумывая, что может таиться за нею, как вдруг услышала внутри шаги и увидела, как на узкую полоску тусклого света, проникающего из-под двери, то надвигалась какая-то тень, то удалялась от нее. Безумный страх охватил меня, мистер Холмс. Напряженные нервы не выдержали, я повернулась и бросилась бежать – так, будто сзади меня хватала какая-то страшная рука. Я промчалась по коридору, выбежала на площадку и очутилась прямо в объятиях мистера Рукасла.

– Значит, – улыбаясь, сказал он, – это были вы. Я так и подумал, когда увидел, что дверь открыта.

– Ох, как я перепугалась! – пролепетала я.

– Моя дорогая юная леди! Что же так напугало вас, моя дорогая юная леди?

Вы и представить себе не можете, как ласково и успокаивающе он это говорил.

Но голос его был чересчур добрым. Он переигрывал. Я снова была начеку.

– По глупости я забрела в нежилое крыло, – объяснила я. – Но там так пусто и такой мрак, что я испугалась и убежала. Ох, как там страшно!

– И это все? – спросил он, зорко вглядываясь в меня.

– Что же еще? – воскликнула я.

– Как вы думаете, почему я запер эту дверь?

– Откуда же мне знать?

– Чтобы посторонние не совали туда свой нос. Понятно?

Он продолжал улыбаться самой любезной улыбкой.

– Уверяю вас, если бы я знала…

– Что ж, теперь знайте. И если вы хоть раз снова переступите этот порог… – при этих словах улыбка его превратилась в гневную гримасу, словно дьявол глянул на меня своим свирепым оком, – я отдам вас на растерзание моему псу.

Я была так напугана, что не помню, как поступила в ту минуту. Наверное, я метнулась мимо него в свою комнату. Очнулась я, дрожа всем телом, уже у себя на постели. И тогда я подумала про вас, мистер Холмс. Я больше не могла там находиться, мне нужно было посоветоваться с вами. Этот дом, этот человек, его жена, его слуги, даже ребенок – все внушало мне страх. Если бы только вызвать вас сюда, тогда все было бы в порядке. Конечно, я могла бы бежать оттуда, но меня терзало любопытство, не менее сильное, чем страх. И я решила послать вам телеграмму. Я надела пальто и шляпу, сходила на почту, что в полумиле от нас, и затем, испытывая некоторое облегчение, пошла назад. У самого дома мне пришла в голову мысль, не спустили ли они собаку, но тут же я вспомнила, что Толлер напился до бесчувствия, а без него никто не сумеет спустить с цепи эту злобную тварь. Я благополучно проскользнула внутрь и полночи не спала, радуясь, что увижу вас. Сегодня утром я без труда получила разрешение съездить в Винчестер. Правда, мне нужно вернуться к трем часам, так как мистер

и миссис Рукасл едут к кому-то в гости, поэтому я весь вечер должна быть с ребенком. Теперь вам известны, мистер Холмс, все мои приключения, и я была бы очень рада, если бы вы объяснили мне, что все это значит, и прежде всего научили, как я должна поступить.

Холмс и я, затаив дыхание, слушали этот удивительный рассказ. Мой друг встал и, засунув руки в карманы, принялся ходить взад и вперед по комнате. Лицо его было чрезвычайно серьезным.

– Толлер все еще пьян? – спросил он.

– Да. Его жена утром говорила миссис Рукасл, что ничего не может с ним сделать.

– Хорошо. Так вы говорите, что Рукаслов нынче весь вечер не будет дома?

– Да.

– В доме есть какой-нибудь погреб, который закрывается на хороший, крепкий замок?

– Да, винный погреб.

– Мисс Хантер, вы вели себя очень отважно и разумно. Сумеете ли вы совершить еще один смелый поступок? Я бы не обратился с подобной просьбой, если бы не считал вас женщиной незаурядной.

– Попробую. А что я должна сделать?

– Мы, мой друг и я, приедем в «Медные буки» в семь часов. К этому времени Рукаслы уедут, а Толлер, надеюсь не проспится. Остается мисс Толлер. Если вы сумеете под каким-нибудь предлогом послать ее в погреб, а потом запереть там, вы облегчите нашу задачу.

– Я это сделаю.

– Прекрасно! Тогда нам удастся поподробнее рассле-

довать эту историю, у которой только одно объяснение. Вас пригласили туда сыграть роль некоей молодой особы, которую они заточили в комнате наверху. Тут нет никаких сомнений. Кто она? Я уверен, что дочь мистера Рукасла, Алиса, которая, если я не запамятовал, уехала в Америку. Выбор пал на вас, вы похожи на нее ростом, фигурой и цветом волос. Во время болезни ей, наверное, остригли волосы, поэтому пришлось принести в жертву и ваши. Вы случайно нашли ее косу. Человек на дороге – это ее друг или жених, а так как вы похожи на нее – на вас было ее платье, – то видя, что вы смеетесь и даже машете, чтобы он ушел, он решил, что мисс Рукасл счастлива и более в нем не нуждается. Собаку спускали по ночам для того, чтобы помешать его попыткам увидеться с Алисой. Все это совершенно ясно. Самое существенное в этом деле – это ребенок.

– Он-то какое отношение имеет ко всей этой истории? – воскликнул я.

– Мой дорогой Уотсон, вы врач и должны знать, что поступки ребенка можно понять, изучив нрав его родителей. И наоборот. Я часто определял характер родителей, изучив нрав их детей. Этот ребенок аномален в своей жестокости, он наслаждается ею, и унаследовал ли он ее от своего улыбчивого отца или от матери, эта черта одинаково опасна для той девушки, что находится в их власти.

– Вы совершенно правы, мистер Холмс! – вскричала наша клиентка. – Мне приходят на память тысячи мелочей, которые свидетельствуют о том, как вы правы. О, давайте не будем терять ни минуты, поможем этой бедняжке.

– Надо быть осторожными, потому что мы имеем дело с

очень хитрым человеком. До вечера мы ничего не можем предпринять. В семь мы будем у вас и сумеем разгадать эту тайну.

Мы сдержали слово и ровно в семь, оставив нашу двуколку у придорожного трактира, явились в «Медные буки». Даже если бы мисс Хантер с улыбкой на лице и не ждала нас на пороге, мы все равно узнали бы дом, увидев деревья с темными листьями, сверкающими, как начищенная медь, в лучах заходящего солнца.

– Удалось? – только и спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился глухой стук.

– Это миссис Толлер в погребе, – объяснила мисс Хантер. – А ее муж храпит в кухне на полу. Вот ключи, кажется такие же, как у мистера Рукасла.

– Умница! – восхищенно вскричал Холмс. – А теперь ведите нас, через несколько минут преступление будет раскрыто.

Мы поднялись по лестнице, отперли дверь, прошли по коридору и очутились перед дверью, о которой рассказывала нам мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял перекладину. Затем он хотел отпереть дверь, но ни один ключ не подходил к замку. Изнутри не доносилось ни звука, и Холмс нахмурился.

– Надеюсь, мы не опоздали, – сказал он. – Мне кажется, мисс Хантер, нам лучше войти туда без вас. Ну-ка, Уотсон, нажмите на дверь плечем, не удастся ли нам открыть ее силой.

Старая, обшарпанная дверь тотчас же уступила нашим объединенным усилиям, и мы ворвались в комнату. Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой же-

сткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

– Здесь что-то произошло, – сказал Холмс. – Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

– Но каким образом?

– Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал. – Он влез на стол. – Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к карнизу. Вот как он это сделал.

– Но это невозможно, – возразила мисс Хантер. – Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

– Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если услышу на лестнице его шаги. Уотсон, вам лучше приготовить свой пистолет.

Едва он произнес эти слова, как на пороге появился очень полный, крупный мужчина с толстой палкой в руках. Мисс Хантер вскрикнула и прижалась к стене, но Шерлок Холмс решительно встал между ними.

– Негодяй! – сказал он. – Куда вы дели свою дочь?

Толстяк обежал глазами комнату и затем бросил взгляд на люк.

– Это я у вас должен спросить! – закричал он. – Воры! Шпионы и воры! Я поймал вас! Вы в моей власти! Я вам покажу! – Он повернулся и бросился вниз по лестнице.

– Он пошел за собакой! – воскликнула мисс Хантер.

– У меня есть пистолет, – сказал я.

– Надо закрыть парадную дверь, – распорядился Холмс, и мы втроем побежали вниз.

Едва мы спустились, как раздался собачий лай, а затем

ужасный вопль, сопровождаемый жутким рычанием. Из соседней двери, спотыкаясь, выскочил пожилой мужчина с красным лицом и дрожащими руками.

– Боже мой! – вскричал он. – Кто-то спустил собаку. Ее не кормили целых два дня. Быстрее, не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали из дома и вслед за Толлером завернули за угол. Огромный зверь с черной мордой терзал за горло Рукасла, а тот корчился на земле и кричал. Подбежав к собаке, я выстрелил; она упала, но белые ее клыки так и остались в жирных складках шеи. С большим трудом мы оторвали собаку от Рукасла и понесли его, еще живого, но жестоко искалеченного, в дом. Мы положили его на диван в гостиной, послали протрезвевшего Толлера за его женой, а я попытался по мере сил и возможностей облегчить положение раненого. Мы все стояли вокруг него, когда дверь отворилась и в комнату вошла высокая худая женщина.

– Миссис Толлер! – воскликнула мисс Хантер.

– Да, мисс, это я. Мистер Рукасл отпер погреб, когда вернулся, а потом уж пошел наверх к вам. Как жаль, мисс, что вы не рассказали мне о своих намерениях. Я бы убедила вас, что вы стараетесь напрасно.

– Так! – воскликнул Холмс, пристально глядя на нее. – Значит, мисс Толлер известно об этом деле больше, чем кому-либо другому.

– Да, сэр, и я готова рассказать, что знаю.

– Тогда, пожалуйста, садитесь, и мы послушаем, некоторые детали, признаюсь, я еще не совсем уяснил.

– Постараюсь прояснить их, – сказала она. – Я бы сделала это и раньше, если бы сумела выбраться из погреба.

Коли вмешается полиция, прошу вас помнить, что я была на вашей стороне и помогла мисс Алисе.

У мисс Алисы не было счастья с тех пор, как ее отец женился вторично. На нее не обращали внимания, с ней не считались. Но совсем плохо стало, когда у своей подруги она познакомилась с молодым мистером Фаулером. Насколько мне известно, у мисс Алисы по завещанию были собственные деньги, но уж такой робкой и терпеливой она была, что и словом не заикнулась про них, а просто передала все в руки мистера Рукасла. Он знал, что в отношении денег ему беспокоиться не о чем. Однако перспектива замужества, когда супруг может потребовать все, что принадлежит ему по закону, заставила его призадуматься и решить, что пора действовать. Он хотел, чтобы она подписала бумагу о том, что он имеет право распоряжаться деньгами, независимо от того, выйдет она замуж или нет. Она отказалась это сделать, но он не отставал до тех пор, пока у нее не сделалось воспаление мозга, и шесть недель она находилась между жизнью и смертью. Потом она поправилась, но стала как тень, а ее прекрасные волосы пришлось остричь. Правда, молодого человека это ничуть не смутило – он по-прежнему оставался ей предан, как и полагается порядочному человеку.

– Ваш рассказ значительно прояснил дело, – заметил Холмс. – Остальное я, пожалуй, в состоянии домыслить сам. Значит, мистер Рукасл применил систему насильственной изоляции?

– Да, сэр.

– И привез миссис Хантер из Лондона, чтобы избавиться от настойчивости мистера Фаулера?

– Именно так, сэр.

– Но мистер Фаулер, будучи человеком упрямым, как и подобает настоящему моряку, осадил дом, а встретившись с вами, сумел звоном монет и другими способами убедить вас, что у вас с ним общие интересы.

– Мистер Фаулер умеет уговаривать, человек он щедрый, – безмятежно отозвалась миссис Толлер.

– Ему удалось сделать так, что ваш почтенный супруг не испытывал недостатка в спиртном и чтобы на тот случай, когда ваш хозяин уедет из дома, лестница была наготове.

– Именно так, сэр, все и произошло.

– Премного вам обязан, миссис Толлер, за то, что вы разъяснили нам кое-какие непонятные вещи, – сказал Холмс. – А вот и здешний доктор и с ним миссис Рукасл! Мне думается, Уотсон, нам пора взять мисс Хантер с собой в Винчестер, так как наше locus standi[40] представляется сейчас довольно сомнительным.

Так была раскрыта тайна страшного дома с медными буками у парадного крыльца. Мистер Рукасл остался жив, но превратился в полного инвалида, и существование его теперь целиком зависит от забот преданной жены. Они по-прежнему живут вместе со старыми слугами, которым, наверное, так много известно из прошлой жизни мистера Рукасла, что у него нет сил с ними расстаться.

Мистер Фаулер и мисс Рукасл обвенчались в Саутгемптоне на следующий же день после побега, и сейчас он правительственный чиновник на острове святого Маврикия.

---

[40] Положение (лат.)

Что же касается мисс Вайолет Хантер, то мой друг Холмс, к крайнему моему неудовольствию, больше не проявлял к ней никакого интереса, поскольку она перестала быть центром занимающей его проблемы, и сейчас она трудится на посту директора частной школы в Уолсоле, делая это, не сомневаюсь, весьма успешно.